

A night landscape featuring a full moon in a dark sky, a dense forest of trees, and a river in the foreground. The moon is positioned on the left side of the frame, and its light reflects on the water. The forest is silhouetted against the dark sky, and the river flows from the bottom left towards the right. The overall scene is serene and atmospheric.

Джиллиан

Агни

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Последняя тайна дома Агни, которую Аня попытается разгадать.

Глава 1

Лесть — это сильное оружие. Аня слышала о том и раньше. Но сегодня эта мысль подтвердилась практически. Итак...

В начале здешнего ноября в доме — холодрыга. А что будет далее? Откладывать работу — точнее, ремонт — больше ну никак!

Никас погрузил лопатку мастерка в густой раствор. Аня, сидевшая рядом на корточках, затаила дыхание и приготовилась: он явно собирался зачерпнуть слишком много. От сосредоточенности сжав губы в напряжённую полоску, Никас и в самом деле прихватил излишний кус пластичной массы и быстро, наверное, боясь уронить всё по дороге, ударил шпукатурным инструментом по дыре под подоконником... По предложению Ани, в эту трещину предварительно засунули достаточно крепкие дощечки, которые должны были гарантировать, что засыхающий раствор не поднимет сам подоконник. Правда, Аня эти дощечки объяснила Никасу иначе: зачем запихивать в трещину прорву такого дорогого (угадайте, кто покупал!) раствора? Можно же сэкономить! Идея брату понравилась.

Переноса набранную на мастерок глину, неумелая рука, как и ожидала Аня, дрогнула. И она еле успела поймать на свой мастерок солидный кус драгоценной строительной глины, как здесь обзывали раствор.

Что этот шмат мог шлёпнуться на пол и запачкать его — Аня не боялась: на месте мелкого ремонта лежала невесть где (скорей всего — в подвале) найденная Никасом то ли рогожа, то ли дерюга, дырявая от старости. Обляпай раствором — выбросить не жалко. Жаль самой строительной глины.

Быстро смахнув пойманный шматок глины со своего мастерка в старинную лохань с раствором, Аня вновь приготовилась сторожить следующее движение Никаса. И он «оправдал» её ожидания: ткнул-то мастерком по трещине так неловко, что раствор в основном попал не в цель, а поехал по стене, решительно собираясь сползти по ней, оставляя мрачный серый след... Забывшись, Аня легко перехватила новый промах Никаса, шаркнув по стене краем своего инструмента, а затем резко отправив пойманный раствор в трещину.

— Кажется, я поняла, — деловито сказала она, на заочечневших ногах с трудом вставая с корточек. — Дай теперь мне попробовать. Я тоже хочу, как ты.

— Как я... — проворчал Никас и выпрямился. — Как будто у меня получилось.

— Ты самокритичен, — заявила Аня, меняясь с ним местами. — А для меня то, что ты сделал, — показательный урок, как именно надо заделывать дыры. Так что посмотрим, усвоила ли я его.

Встав на её место, Никас проследил, как она набрала на мастерок треть от того, что набирал он, и принялась конопатить впечатляющую дыру под подоконником.

Выдохнув: давние навыки не забылись! — Аня закончила заделывать трещину и присмотрелась к ней. Оценив, удовлетворённо улыбнулась. Эх, ещё бы выровнять...

— Ну вот! Хорошо, что ты мне всё показал сегодня, в воскресенье! Завтра ты с мальчиками уедешь в город, Кристал будет на уроке с дайной учительницей, а Онора засядет в библиотеке. А у меня будет время, никому не мешая, забить раствором побольше трещин под окнами в гостиной. Никас, спасибо, что показал, как это делается.

Брату приятна её благодарность — невооружённым глазом видно. Но Никас всегда

отличался тягой к справедливости, а потому он со смиренным вздохом признал:

— Как бы там ни было, но у тебя получилось... ювелирно.

— Спасибо, Никас! Но учти. С улицы трещины будете закрывать ты и мальчики. Пока ноябрь вроде как сухой, надо сделать всё. До морозов.

Никас с сомнением взглянул на бывшую трещину, которая смотрелась уже не чёрной, а тёмно-серой от влажного раствора, потом пожал плечами.

— Ну... Научусь, наверное.

— Как только все трещины в доме залепим, можно будет вешать шторы, — помечтала Аня. — Представляешь, как у нас будет красиво!

— И представлять не надо! — проворчал Никас, а потом невольно улыбнулся. — Мне Кристал уже все уши прожужжала, какая красота должна здесь получиться.

Тренировку продолжили в других комнатах, упрямо решив, что потратят весь раствор, оставшийся на дне лохани, не давая ему застыть, и лишь потом отступятся от дела и дадут себе продыху. Конопатили щели, всё так же действуя вдвоём. И Аня не сразу, но заметила: уступая ей следующую щель под подоконником, брат внимательно следил за её движениями, затем стараясь повторить их.

Когда лохань с раствором опустела, Аня с трудом сдерживала рвущуюся с губ радостную улыбку: теперь она не боялась за наружные работы! Несмотря на обычную беспечность и даже пофигизм, Никас приноровился-таки работать достаточно аккуратно!

Впрочем, вставая из очередного полусогнутого положения перед окном (не без помощи брата), она утомлённо усмехнулась, взглянув на прямоугольный циферблат напольных часов: ноющая спина у обоих за два-то часа тренировок — это неудивительно!

— Что-то у нас дома тихо, — прислушавшись, устало удивился Никас.

Аня глянула на брата и до боли прикусила губу — обидится, услышав её смех: так вот почему он постоянно посматривал на входную дверь! Он так устал, что ждал хотя бы чьего-то появления, хотя бы какого-нибудь шума, лишь бы бросить мастерок и удрать с работы! Беспочинно уходить от сестры, старавшейся утеплить дом, не позволяла совесть.

Она стояла рядом, утомлённо, как и он, опустив руки.

— Кристал готовится к завтрашнему уроку. Онора на кухне — досматривает поставленный на плиту ужин, а мальчики — в прачечной, осваивают стиральный агрегат.

— А Лисса?

— Пока ты ездил с мальчиками к мастеру за отремонтированным стиральным агрегатом (хоть убей, но назвать эту жутко тяжёлую махину стиральной машиной Аня не могла!), приехали Партхланы. Обцеловали Лиссу, облили слезами, что давно не виделись, осыпали подарками и забрали её домой. Объяснили, что соскучились по доченьке. Не знаю, надолго ли их опять-таки хватит, но думаю, что уже завтра они вернут её нам.

— А... Понятно. — Брат всё ещё стоял, кажется не в силах сделать даже шаг. Показалось — из-за побледневшего от усталости лица волосы стали ещё темней. Вяло повёл плечами. — Ну ладно. Мы утеплили комнаты мальчиков и Кристал. Завтра, после обеда, сделаем ремонт в комнатах Лиссы и Оноры. Агни, неужели ты не боишься той работы, которая тебя завтра ждёт? Ведь ты ещё будешь затыкать трещины в гостиной!

— Только в первой половине дня, — заметила Аня. — Во второй я буду отдыхать, дошивая кукольные наряды. А ты будешь показывать мальчикам, как залеплять дыры. И вроде как Кристал тоже интересовалась нашей работой. Так что те две комнаты... Честно — я надеюсь, что мы до морозов успеем закончить с ремонтом во всех жилых комнатах,

включая те, в которых живут наши старушки. Плюс гостиная. А вот для отопительных печей, кажется, придётся вызвать-таки мастера — помнится, я тебе говорила.

Никас еле заметно покачал головой, улыбаясь.

— Ты настроена решительно.

— Тебя это удивляет? В последние ночи я сплю под тремя одеялами, как в норе. Но не высыпаюсь, потому что, пока нет Таегана, Лисса в начале ночи бежит ко мне, в мою норку, а я боюсь во сне её придавить. Для меня лично выгодно отремонтировать побыстрее всё, что необходимо... Всё. Хватит болтать. Пора снимать эти страшные фартуки и счищать с них глину, а то назавтра эти фартуки, боюсь, превратятся в доски. Когда глина засохнет.

Никас согласился, что сестра права. Но поднять руки, чтобы развязать тесёмки длинного фартука на затылке, ему было сложно — с непривычки устал больше, чем он думал. Так что Аня помогла ему стащить перемазанный, а потому постепенно затвердевающий фартук, а затем кусала губы — лишь бы не расхохотаться: с видом мученика брат осторожно согнул колени и перекосялся на сторону, чтобы не потревожить спину и только за край поднять опустевшую лохань для раствора.

Они спустились в гостиную так, словно пришли из долгого похода: ныли руки и ноги, поясицы. Аня ещё с сочувствием подумала, каково завтра будет Никасу. Ведь после неожиданной физической работы боль в мышцах наваливается в большей степени на следующий день. С другой стороны, тот же Никас уже завтра будет спать в тёплой комнате, не кутаясь в несколько одеял, как они все. Хм. Может, когда братья с утра уедут, всё-таки в первую очередь заняться его комнатой?

— Никас, Никас! — выскочила из учебной комнатки Кристал. И остановилась, огорчённая: — Вы уже закончили! А может, ещё? И я с вами буду учиться запихивать глину в дыры! Ну, давайте, а?!

Аня с невольным смешком покосилась на старшего брата: у него не осталось сил даже закатить глаза, чтобы выразить протест против возможного нового этапа работы! Только занюнил, с ужасом и надеждой глядя на неё, на Аню. Поэтому она улыбнулась Кристал вместо него и кивнула:

— Иди-иди к себе, Никас. Кристал, если хочешь, мы можем после ужина потренироваться на комнате Никаса. Я покажу тебе, как...

— Не надо! — в самой настоящей панике воскликнул тот. — На сегодняшний день я просто не перенесу этот холодный запах глины!

И удрал побыстрее — умываться и переодеваться.

Аня же рационально решила: всё, комнату Никаса завтра утепляем первой!

— Что это с ним? — удивилась Кристал, принимая из рук Ани рабочие фартуки, в то время как старшая сестра прихватила забытую всеми лохань из-под раствора.

— Идём в кладовую! — скомандовала Аня сестрёнке и объяснила: — Никас с непривычки очень сильно устал. Ничего. Отдохнёт, поест — придёт в себя. Но сегодня больше работать не будем. Очень уж тяжело в первый раз.

В кладовой Кристал принялась оттирать от рабочих фартуков размазанные по ним следы строительной глины, так что Аня быстро очистила лохань краем той самой дерюги и оба мастерка, с удовлетворением подумав, что завтра останется только смешать по магазинной (ой, лавочной!) инструкции раствор — и вперёд, на работу. Оставлять на будущее грязные рабочие инструменты она никогда не любила.

— А почему ты не устала? — задумчиво спросила Кристал.

— Работала меньше, — легко нашлась с ответом Аня. — И не забудь, что я обычно по дому много бегаю, а у Никаса работа сидячая, так что мне чуть-чуть, но легче. А ещё это я только сейчас так выгляжу — меньше уставшей. На деле я тоже устала, но я помню, что на мне ещё готовка к ужину, пусть за ней и следит Онора. А потому стараюсь не расслабляться. Кстати, как там наши мальчики? Закончили проверять стиральный агрегат?

— А посмотрим вместе? — предложила Кристал. — Фартук я уже очистила. Тебе помочь? С этими лопаточками?

— Нет, спасибо. Я тоже всё сделала. Оставим эти вещи здесь.

И они быстро вышли из кладовой, чтобы направиться к бельевой — узнавать, не нужна ли помощь братьям со стиркой, а то до ужина времени осталось совсем чуток. Хотя, честно говоря, Аня побаивалась, что братья с энтузиазмом взялись за стирку только на первые разы. Если они сейчас устанут, если им надоест, они наверняка в следующий раз под любым предлогом откажутся стирать далее.

Дойти до двери в бельевую не успели — та распахнулась, и из неё, хохоча до слёз, вывалились оба мальчика. Кристал оторопела, а потом бросилась к ним с воплем:

— Вы что?! Что у вас случилось?! А я?! А мне?! Я тоже хочу!! Что у вас?!

Но от мальчиков сумели добиться лишь нечленораздельных попыток объяснения. Первым успокоился Греди. Вытирая мокрые от смешливых слёз глаза, он выговорил:

— Как она плясала!

И оба опять разразились громовым смехом!

— Кто?! — обозлилась Кристал, а потом, не дождавшись ответа, махнула рукой на тяжело вздыхающих после неудержимого хохота братьев и вбежала в бельевую.

А Аня про себя хмыкнула: «Хм. Не знаю, что за смешинка им в рот попала, но, кажется, они и в следующий раз не откажутся от стирки! Что ж, у меня есть постоянные помощники в этом деле?.. Ура?»

Из бельевой высунулась Кристал и разочарованно спросила:

— Так и не поняла, что тут у вас такое! Почему вы эту машину запустили без меня?!

— Найди ещё какое-нибудь бельё, — посоветовал Кеган, вытирая мокрый лоб и ероша вспотевшие до черноты русые волосы. — Сунем в машину — увидишь, почему мы...

И снова расхохотался, а глядя на него — и Греди затрясся.

В конце концов, Аня еле поймала рванувшую за тряпками (всё равно — какими, лишь бы были!) на второй этаж девочку и всё же разговорила братьев. Они и рассказали, что агрегат, едва они его запустили, задрожал, а потом постепенно начал передвигаться по неровному каменному полу бельевой — и чем дальше, тем быстрее, что выглядело весьма комично. И много ли для подростков нужно, чтобы увидеть в этом странном передвижении забаву?

Кристал выслушала их с горящими глазами и выдохнула:

— Хочу!

Что скрывалось за этим страстно выдохнутым словом — спрашивать никому не надо было, и так понятно. Пришлось так скептически, чтобы Кристал услышала этот скептицизм, спросить у неё:

— Так чем же ты хотела бы заняться? Спрятать нас от морозов, затыкая дыры глиной? Или полюбоваться на скачущую по каморке машину с бельём?

От последних слов братья взвыли от смеха. А Кристал уже спокойно взглянула на них, сумела даже улыбнуться. И заявила:

— Вы всё равно завтра уйдёте на весь день! Так что и с глиной поиграю, и с машиной!
Вот!

— Э! Э! — немедленно посерьёзнул Кеган. — С глиной мы тоже хотим поиграть! Вы без нас тут всё подряд не залепляйте!

Тут уж и Аня не сумела удержаться от смеха.

— Да вы сами слышите, что вы говорите? — смеясь, спросила она. — Вы же знаете, что мы с Никасом сейчас несколько часов сидели, чтобы залепить трещины в стенах только трёх комнат! Так что не беспокойтесь. Даже с вашей помощью мы будем чинить дыры — ладно, если только одну неделю!

Братья шумно одобрили эту неделю и даже снисходительно взглянули на Кристал, которая сверху вниз на них хмыкнула.

Потом подростки втроём вошли в бельевую, чтобы там же развесить выстиранные вещи на натянутых вдоль стен верёвках, а Аня, вздохнув, проследовала на кухню — узнать, как там Онора справляется с ужином. Шла и тихонько радовалась: «Ишь, нашли развлечение! Мне-то на руку. Пусть поиграют. Для них это игра, а не работа — и пусть такой останется. Зато им интересно, и я не так загружена буду...»

Только открыла дверь в кухню, как замерла на пороге, вслушиваясь: ну и ну, старая Бридин поучает Онору, как без пробы узнавать, готово ли мясо!.. Аня бесшумно закрыла дверь и на цыпочках удалилась, вспоминая, что, вообще-то, Кристал собиралась идти вместе с ней на кухню. Хорошо, что не пошла. Старые служанки, кажется, наконец, привыкли к положению Оноры — не бедной сиротинки, но кого-то близкого к семье. Или члена самой семьи.

Хозяйство в этом доме работало как налаженные раз и навсегда часы — бодро и систематично. В доме так дружно все помогали друг другу, что Аня порой боялась, как бы однажды нечто плохое не нарушило эту странную гармонию в семье.

Оставалось, правда, одно тёмное пятно, но о нём Аня сейчас не хотела думать. Потому как остальные тёмные пятна, помельче, преследовали семью каждый день, но были, вообще-то, поправимы.

Медленно подошла к двери в мастерскую и, открыв её и так и оставив, добралась до кресла с незаконченной куклой. Если Аня кому-то понадобится, открытая дверь будет сигналом, где её искать. Села в кресло, взяла со столика рядом свободные иглы и начала вдевать нити в них, чтобы потом не прерывать работу.

Темновато уже. Но за неспешным шитьём так хорошо думается...

От мысли о том, что немного страшновато от того семейного счастья, которое словно обрушилось на неё, она перешла к размышлениям об ином. Да, счастье. Пусть не хватает денег. Пусть дом надо ремонтировать, готовя его к зимним холодам. Пусть у младших членов семьи пока нет полноценной одежды и обуви к этой зиме. Пусть она сама скучает во временной разлуке с Таеганом, который уехал в очередную командировку на границы здешнего государства...

Все мысли о счастье и боязни его разлетелись в пух и прах при одном только имени Таегана! Воспоминания о его приездах она всегда перебирала с жадностью мелочного коллекционера, разыскивая в них такие эпизоды, что самой порой становилось смешно: как он смотрел на неё, как смотрел на других членов её семейства; что сказал — и как она это поняла, и как поняли другие.

Нравилось перебирать и отдельные моменты. Например, во второй свой приезд Таеган

и Никас всё-таки решились отремонтировать ландо, для чего уединились в конюшне, строго-настрого велев мальчикам не подходить к ним, чтобы не мешать, что опять-таки напомнило Ане, как в её мире мужчины заседали в гаражах. Правда, её мужчины всё же не думали уединяться, чтобы напиться и делиться байками. Они скрупулёзно разобрали ландо на части, после чего неожиданно поняли, что не имеют понятия, как его собрать обратно. Побаваясь расписаться в собственном бессилии перед Аней, Таеган, пока Никас не пускал младших к конюшне, обежал озеро и умолил дядю помочь в таком важном деле. Для чего дин Вилей и прислал своих работников. Главный из конюшенных работников дина Вилея, только раз глянув опытным глазом на детали, пожал плечами и сказал, что легче купить новое ландо, чем восстанавливать старое. А потом, проходя мимо стойла с лошадьё, вздохнув, проговорил чуть не виновато, поскольку сказанное могло обидеть хозяев:

— Ну и лошадь бы прикупить помоложе.

Аня, уже стоявшая в дверях конюшни и слышавшая его слова, переглянулась со своими расстроенными мужчинами, и только прикусила губу: вот они — мелкие тёмные пятна, а именно — снова проблема с деньгами! Только она думала, что деньги появились в семье в достаточной мере, как вновь возникали расходы!

Ландо сложили-таки из тех же частей, на которые его разобрали. Почти. Разве что прикупив новые — не очень много, а только самые необходимые, чтобы не так уж сильно ломать бюджет многолюдной семьи. Аня улыбнулась. Всё это — благодаря дину Вилею, который не поверил своим работникам, что нельзя обойтись экономно. Жмотом он не был, но и не любил пускать деньги на ветер, тем более зная положение семьи, в которой очутился племянник. Плотники дина Вилея совершили чудо — и из материалов из его конюшни перевоссоздали старенькое ландо так, что теперь можно было надеяться: оно прокатается ещё долгое время, пока не наберётся сумма на новое транспортное средство. А лошадь... Просто стали выезжать пораньше, если надо было на работу и на занятия, лишь бы не гнать её — и таким образом протянуть время до покупки более молодой.

Аня тихонько прыснула, снова переживая мгновения ошарашенности, когда узнала, что ландо разобрано, но неизвестно, как его собрать заново!.. А утром Никасу на работу, а мальчикам — учиться! А Таегану — ехать на вокзал, откуда поезд увезёт его в следующую командировку!

... Додумать не успела: в гостиной послышались быстрые шаги, которые превратились в бег, закончившийся возле двери в мастерскую. В помещение влетела запыхавшаяся Кристал и свалилась в соседнее кресло.

— Ух, устала! Мокрое постельное бельё такое тяжёлое! — покачала она головой.

— Не надо было тебе его поднимать, — забеспокоилась Аня, вспоминая, что все комплекты не просто двуспальные, а чуть больше. — Пусть бы мальчики доделали всё, что начали. А ты...

— Ой, Агни! — перебила её девочка, плюхаясь в соседнее кресло. — Им и так досталось! Они сначала вешали, а потом... там, снизу, бельё снова стало очень тяжёлым, и они стали его выжимать! Ух, как это ужасно! Я попробовала — у меня все ладошки до сих пор горят! — И тут же скомандовала: — Ты шей, а я в остальные иголки нитки вдену!

Поглядывая на взбудораженную девочку, Аня прятала улыбку.

Спустя минуты в мастерскую вошли мальчики. На этот раз они не смеялись, а словно подражая Кристал, без сил свалились на кушетку рядом с сёстрами. Посидев немного, поглядывая на них, бессильно опустивших руки, Аня спросила:

— Устали?

Братья переглянулись и вздохнули. Греди осипшим голосом выговорил:

— Я раньше думал, что это легко... Ну, вообще-то, легко, конечно, пока не вытащить и не выжимать, а потом ещё и вешать...

Со смешком и сопереживая, Аня выслушала жалобный рассказ Греди, пока до неё не дошла нехитрая истина.

— Сто-оп! — решительно сказала она, подняв руку, и удивлённый (вообще-то, у старшей сестры нет привычки перебивать младших) Греди послушно умолк. — Вы жалуетесь на то, что всем вам трудно было выжимать бельё, а потом вешать не до конца выжатым. Но почему вы это делаете руками? Разве нам вместе с этим агрегатом не привезли из ремонта ту громоздкую деталь, которую надо привинчивать к основному корпусу агрегата, чтобы потом пропускать через неё бельё?

Мальчишки уставились на неё, а потом, переглянувшись, сорвались с места и выбежали из комнаты.

— Там была штука, которая выжимает бельё? — медленно уточнила Кристал, тараща глаза вслед братьям.

— Да. Надо было всего лишь прикрутить её к агрегату после стирки, а потом только крутить ручку. Крутить, конечно, всё равно с усилием придётся, но в любом случае это гораздо лучше, чем выжимать бельё вручную.

Кристал с негодованием взглянула на свои ладони, а потом — снова на дверь, не закрытую братьями.

— Ну... Ну!.. — кажется, слов, чтобы отругать братьев, она не нашла.

— Ничего! — утешила её Аня. — В первый раз не всегда всё бывает идеально.

Но расстроенную девочку успокоить оказалось трудно по одной причине: она злилась не на братьев!

— Это я виновата! — сделала она неожиданный вывод. — Помнишь, мы тебе рассказывали? Когда ты вышла замуж за дина Хармона, у нас было мало денег. И мы бегали к соседям — они разрешали нам пользоваться такой же машиной. Это я должна была вспомнить про выжималку! Это из-за меня Кеган и Греди так сильно устали! Я должна была им подсказать! Напомнить!

— Воспринимай сегодняшнюю стирку как урок, — предложила Аня. — И не только для себя, но и для братьев. Зато они теперь твёрдо усвоили, что стирать можно не только быстро, но и легко.

А себе взяла на заметку да намотала на ус: после ужина надо бы сходить в бельевую и осмотреть агрегат, вымыт ли стиральный бак после стирки. Заодно посмотреть, как мальчики и Кристал развесили бельё. Если что — ругать их не будет. И замечаний не последует. Мелкие недочёты можно легко устранить самой. Главное, чтобы мальчики основную работу продолжали выполнять. А уж потом и сами разберутся, как стирать с комфортом и (Аня усмехнулась) играючи.

Она встала с кресла и подошла к тому окну, что пряталось в дальнем от свечей углу мастерской, а потому здесь можно выглянуть на улицу... За окном едва виднелись седые от инея деревья сада. Свет фонаря от подъездной дороги к дому чуть-чуть дотягивался до этого участка сада — и появлялось впечатление, что на деревья накинута прозрачно-жёлтая вуаль. Но Аня всматривалась дальше — туда, куда не добирался ни фонарный свет, ни от домашних окон. И там царила смутная тьма, которая вновь вернула её к чувству тревоги, недавно уже

испытанному.

Говорят, человек может чувствовать безотчётную тревогу, связанную с другим человеком, близким или родным.

Машинально ведя пальцем по раме, Аня думала: «Мне бояться плохих известий с Таегане? Но по приезде на место он прислал весточку, что доехал хорошо. Или меня вспоминает Лисса, которая устала от своих родителей и хочет сюда, к нам? Вроде больше не о ком беспокоиться... Вся моя семья дома. Или что-то плохое случится позже? Завтра, например? А может... Лучше не думать о плохом? Тоже говорят — так можно и беду притянуть...»

Но вечером, когда все разбрелись по своим комнатам готовиться ко сну и можно было быть уверенной, что больше никто не выйдет в коридор, Аня накинула на плечи вязаный палантин, обулась в любимые меховые тапочки-калошки и почти бесшумно спустилась в гостиную первого этажа.

Зная все закоулки дома, что называется, наизусть, свечу она не взяла. Тем более от инея в окна мягко светлело, и Аня бродила везде едва освещённой тенью. Сначала проверила, закрыт ли засов входной двери в дом. Затем по узкому коридору добрела до потайной дверцы, выводящей в сад. Тоже надёжно закрыта. Обошла гостиную, чувствуя себя психом-шизофреником, но всё равно проверила все щеколды на окнах. Поколебавшись немного, посетила кухню, где, фыркая на себя, явно одержимую навязчивой идеей, проверила плиту: не оставили ли здесь гореть огонь?

Снова очутившись в гостиной, Аня нерешительно подошла к большому напольному зеркалу, увидела в стекле свою расплывчатую тень. И покрутила пальцем у виска. Потом ещё и указательным пальцем твёрдо постучала себя по лбу, чтобы убедительней было, и прошептала:

— Усадьбу окружает защита, выполненная лучшими магами города! А ты — проверяешь запоры! А ну марш спать!

И, щепотью прихватив слишком длинный подол ночного платья, которое использовала здесь вместо пижамы, помчалась к лестнице на второй этаж.

Утро понедельника выдалось, как всегда, упорядоченно-суматошным. Разве чуть спокойней, ведь не было главной неспесы — Лиссы.

Но и кое-чем другим утро чуть-чуть отличалось от предыдущих: Никас, смеясь и негодуя, постанывал из-за натруженной поясницы, пока садился за стол, а мальчишки вообще охали-ахали, стараясь не шевелить руками-плечами слишком резко. Кристал и Онора испуганно и с сочувствием смотрели на них, а безжалостная Аня за столом чуть не зловещим тоном напомнила:

— А ведь я вас предупреждала! Не поверили, да?

За столом же братья договорились выехать из поместья пораньше, чтобы успеть забежать в первую попавшуюся аптечную лавку и купить противовоспалительную микстуру, избавляющую от боли в мышцах.

— Ничего! Это мы переживём! — оптимистично пресекала Аня все попытки своих мужчин поплакаться. — Зато эту зиму мы будем жить в тепле! Представьте: за окном мороз, метель, а мы будем открывать окна, чтобы подышать свежим воздухом! Замечательно же! Никас, ты говорил, что печника вызвал на завтрашний день?

— Да, так и есть. Только вот... Ох, чуть не забыл! — аж испугался старший брат. — Агни, у нас ещё остались деньги? Я купил два воза отличного угля — надолго хватит, а до жалованья мне жить ещё неделю. Прости, Агни, на оплату печника я дал только аванс, а на всё остальное...

И он беспомощно развёл руками.

— А когда привезут уголь? — поинтересовался Кеган. — Мы будем снова разгружать его сами, как это было в прошлом году?

Умоляюще глядя на Аню, Никас виновато признался:

— Я заплатил и за разгрузку.

— Лучше бы сами, — проворчал Греди. — Перемазались бы, зато с деньгами были бы.

— Неделя до жалованья? — переспросила Аня. И вздохнула. — Никас, тебе придётся половину жалованья отдать мне. Чтобы у тебя не было соблазна тратить деньги на всё, что хочется. Пока мы себе такое позволить не можем. Хотя с платой за разгрузку я согласна: отмываться от угля потом — никакого запасённого мыла не хватит. А на оплату услуг печника пойдут деньги из жалованья Таегана. Он оставил мне часть, которая ему в дороге не понадобится. Кукольные деньги я трогать не буду. Ты же помнишь, что на них мы собираемся купить лошадь. Никас, пожалуйста! Будь бережливей! Мальчишки, прошу вас! Присмотрите за братом, чтобы он в лавки не заглядывал!

Деловая беседа за столом закончилась шутливо-жалобными воплями Никаса на свою несчастную долю и напоминанием Греди, что сегодня вечером к ним приедет Конгали, которая в их доме появляется два раза в неделю, чтобы вспомнить те свои летние дни, что она провела здесь, будучи призраком.

— Агни, ты испечёшь к чаю сладкие печенья-фигурки? — взволнованно спросил Греди, а Кеган усмехнулся, глядя на брата, а у Кристал глаза разгорелись, когда она взглянула на Аню. — Ей они так нравятся!

«Как нравится она тебе?.. Ещё один сладкоежка, кроме Кристал!» — с трудом удержалась Аня от доброй насмешки. И успокоила его:

— Испеку, конечно! — и скомандовала: — Мальчики, бегом на выход! Времени маловато, если вы хотите успеть в аптечную лавку!

Проводили мужчин и разделились. Кристал отправилась в учебную комнату ждать дайну Сарейд, учившую её общей магии, и повторять домашнюю работу. Аня с Онорой — в кухню. До появления учительницы Кристал они собирались испечь то самое печенье. Работу обычно делили так: Аня готовила песочное тесто и резала его пополам, а там уже обе раскатывали свои части до тонкого пласта, из которых затем нарезали фигурки. Металлические формочки для фигурного печенья купили недавно, во время очередного похода по городским лавкам. Затем будущее печенье они разложили по противням, втиснули в него изюм, изображая глазки, и сунули противни на полку плиты, уже раскалённой до необходимой температуры.

— Что дальше? — спросила Онора, трогая свои горячие, румяные от жара щёки. — Я тебе ещё нужна?

— Нет, скорей всего, — раздумывая о дальнейшем расписании и предполагая, что девушка хочет побыстрее сбежать в библиотеку, ответила Аня. — Я хочу попробовать замазать дыры под подоконником в комнате Никаса. Думала, что он сделает это вчера, но он сказал, что не хочет спать в помещении, где пахнет глиной. А если сегодня замазать — как раз до его приезда всё высохнет.

— Ой! — обрадовалась Онора. — Ты мне покажи, как это делается, я сама буду замазывать в его комнате! Я научусь! Я тоже хочу помогать по дому!

Нетрудно догадаться, что влюблённой девушке любая работа в комнате Никаса будет приятной. Аня мысленно пожала плечами: ага, Никас думал, что сегодня будут только две комнаты готовы! И, улыбаясь, повела Онору в подвал, чтобы показать, как смешивать сухую глину с водой до нужной консистенции. А потом показала, как впихивать заранее наломанные Никасом деревяшки в пустотелые дыры в стенах, а уж потом залеплять их строительной глиной. Счастье, что в комнате Никаса трещин мало и все неглубокие... Постояла немного рядом, наблюдая, как Онора старательно мажет глиной трещины, похвасталась немного, как здорово вчера работал Никас и как быстро научил её шпукатурить. И — втайне полюбовалась, как сияет Онора, слушая славословия своему жениху.

Только выпрямилась, удостоверившись, что девушка поняла, а тут и знакомый сигнал от ворот запел. Приехала дайна Сарейд, преподаватель Кристал. Аня встретила её на крыльце привычно почтительно и тут же отвела в учебную комнату. А затем помчалась в подвал, где быстро сотворила и себе ведёрко раствора, прихватила ведро с деревяшками и немедленно побежала на второй этаж — подремонтировать все оставшиеся комнаты, в том числе и пустующие, чтобы потом от них холод не шёл в отогретые. Кристал будет заниматься два с половиной часа, как и Онора, которая, будучи новичком в шпукатурном деле, скорей всего довольно долго провозится с комнатой Никаса. Так что Аня успеет заляпать-закрыть все дыры на втором этаже, а потом — сделать всё необходимое в гостиной. А когда пройдёт обед, надо будет заняться ремонтом в комнатухе старушек-служанок и в кухне. Столовая потерпит: в последнее время там хоть и прохладней всего, но зато все семейные обеды не обходятся без горячих блюд. А наружные работы будут в выходные. Если погода позволит.

Прежние навыки вернулись, и Аня поняла, что память о них не зависит от того, в чьём теле. Самой Агни, конечно, трудновато, но так было бы и Ане — без тренировок. Она усмехнулась, с трудом разгибаясь из-под последнего ошпукатуренного окна в последней

пустующей комнате. И спохватилась: который час? Не опоздала ли она для торжественных проводов дайны Сарейд?

Стремительно скинула с себя фартук и чуть не скатилась по лестнице в гостиную. Фу... Ещё полчаса! Что-то она слишком медленно работает, неужели всё-таки потеряла умение шваркать мастерком на скорости? — снова усмехнулась себе.

И тут же малодушно захныкала про себя: «Да ну его нафиг! Я тоже устала! Никасу — хорошо-о! Он приехал в свой суд, свалился на свой мягкий стул и сидит там, пишет свои бумажки!.. Отдыхает! А я?!» Она машинально, как делала всегда, заглянула в ведёрко с раствором. Там лежал ещё довольно толстый слой, хоть и видно было, что ещё на одно помещение глины не хватит, разве что отыскать такое, в котором только одно окно. Но и эти остатки не хотелось зря выбрасывать впоследствии засохшими. Но и работать... Сколько раз она бегала в подвал за новым раствором!.. Сколько трещин замазала!..

— Ну и ладно, — мрачно сказала она. — Ну и чёрт с ним...

Окна в гостиной довольно широкие. Может, не думать о работе под определённым подоконником? Может, использовать глину только на одну-две трещины?

Но ведь полчаса!..

Аня вдруг подняла бровь: знаю, куда можно использовать остатки!

И, на всякий случай сняв фартук и перекинув его на руку, взяв оба ведёрка (оставалась не только глина, но и деревяшки), вихрем слетела с лестницы в гостиную, на цыпочках прокралась мимо учебной комнаты, откуда доносилось уверенное контральто дайны Сарейд, и быстро шмыгнула в коридор, ведущий в кухонное царство. Нетерпеливо стукнула в первую же дверь, предупреждая о своём приходе.

Измученные и даже несколько напуганные Бридин и Сайл только глазами хлопали, когда узнали, с чем пришла к ним хозяйка дома. А та без лишних разговоров ринулась к единственному окну их комнатки, которое было гораздо меньше, чем в жилых комнатах второго этажа. Расчёты оказались верными. Паре коротких и неглубоких трещин хватило как раз того количества строительной глины, что тяжелела на дне её ведёрка. Притихшие от потрясения, старушки только и глазели на стремительно летающий и скрежещущий по стене мастерок.

Закончив ремонт под подоконником, Аня утомлённо выпрямилась. Что хорошо с этой комнатой: она ничего и никому не скажет о том, что здесь уже не дует. Как не скажут старушки, если их только не спросят. А кто будет спрашивать?.. Аня, устало улыбаясь, провела ладонью там, где несколько минут назад в пальцы ощутимо веяло холодком. И снова спохватилась: вот-вот из учебной комнаты выйдет дайна Сарейд!

Перед тем как убежать от Бридин и Сайл, Аня велела им:

— Обогреватель зажгите! Не перед сном, а прямо сейчас. Если угля не хватит, возьмите из растопки на кухне!

Старушки покивали, кажется готовые выполнить любой приказ, лишь бы взъерошенная хозяйка дома побыстрее ушла из комнатушки, которой они стеснялись из-за скудного убранства. Обогреватель стоял в углу комнаты — пустотелая металлическая «солонка» с толстыми стенками, внутрь которой закладывают топливо. Удобная вещь для холодных дней, особенно если комната находится вне досягаемости печной системы дома.

На прощанье улыбнувшись старушкам, Аня выскочила в коридор и бросилась к кухне, где оставила замызганный фартук и рабочие инструменты.

Проводы дайны Сарейд прошли, как всегда, на высшем уровне. Величавая дама выплыла

из дома на крыльцо, а затем и в карету, подобно устрашающему, но благородному военному кораблю.

Когда её карета пропала за поворотом, Аня наконец перестала улыбаться и вернулась в гостиную, где пока ещё было пустынно. Входная дверь мягко хлопнула за спиной. До обеда — полтора часа. Осмотревшись, Аня подошла к креслу, со спинки которого свисал вязаный палантин. Постояла немного, чувствуя, что не может поднять рук, которые словно налились той же цементной тяжестью. Снова посмотрела на палантин. Мягкий. Тёплый. Уютный. Укутавшись в него и забравшись с ногами в кресло, хозяйка мгновенно уснула.

... Последние «кадры» сна: вокруг неё бегают толпа народу, все всплещивают руками и кричат: «Ах ты, батюшки!» А она испуганно смотрит на мелькающие лица, взваливает на плечо мешок со строительной глиной, на другое плечо — ещё один мешок, а потом пытается взять третий — под мышку и виновато, тоненьким, умоляющим голосом убеждает всех, кого слышит: «Да я донесу! Честно-честно! Мне легко! Я привыкла!»

И — распахнула глаза в явь.

Спросонья показалось, что вокруг неё и в самом деле столпилось множество народа, выпрыгнувшего в гостиную из её сновидений.

Но, полностью придя в себя, увидела лишь склонившихся над нею старушек-служанок да Онору с Кристал.

— Агни, ты проснулась?! — с каким-то ужасом спросила Кристал, заглядывая ей в глаза. Стояла она на коленях на краешке её кресла.

— Агни, давай мы отведём тебя на второй этаж? — дрожащим голосом предложила почему-то бледная Онора. — В твои комнаты?

— Почему вы так со мной? — начала Аня и мгновенно заглохла: такой сиплый голос, что она даже напугалась. А секундой позже взглянула в сторону и почувствовала это движение глаз знакомо болезненным.

«Я простыла?» — поразились она.

И, проверяя, постаралась спокойно и даже деловито, как всегда, встать с кресла. Кажется, всё в норме. Тогда отчего же всполошились дамы, включая старушек?

Словно услышав незаданный вопрос, Кристал горячо объявила:

— Ты! Так! Спала! Мы тебя столько времени будили, а ты никак не проснёшься!

Аня непроизвольно улыбнулась, сообразив, в чём дело.

Нет, не заболела. В своём мире с нею частенько такое бывало, что после долгого и тяжёлого рабочего дня дрыхла она порой чуть ли не мёртвым сном. Странно, вообще-то. Тело-то Агни. Почему же такая же реакция на работу? Да и работы было... Хотя нет, всё правильно. Несмотря на каждодневную работу по дому, тело среагировало так, потому что ещё меньше привыкло к физическим нагрузкам... Собразив всё это, Аня выдохнула с облегчением и сумела улыбнуться всем.

— Девочки, я столько работала, что неудивительно — мой сон был глубок.

— А я думала... — чуть не шёпотом откликнулась на высказывание Онора и замкнулась, слегка отойдя в сторону от кресла.

Не испугалась ли Онора, что этот странный для всех сон Ани напомнил ей то недавнее прошлое, когда хозяйка дома относилась к ней хуже, чем к последней служанке?

Но загомонили старушки-служанки, рассказывая, как энергично хозяйка работала в их комнатке. Бледно улыбнулась и Онора, вспомнив, что Аня говорила ей о втором этаже. Кристал встала на ноги и вздохнула.

— Ты всё равно меня напугала, — пробормотала она. — Это в самом деле так тяжело — замазывать глиной дыры?

— Не попробуешь — не узнаешь, — усмехнулась Аня. — Так, девочки, который час? Не пора ли нам обедать?

Бридин и Сайл немедленно зашаркали на кухню, а Аня подошла к Оноре, дотронулась до её плеча.

— Не надо бояться, — вполголоса сказала она. — Теперь у тебя есть Никас.

— Как ты поняла? — прошептала девушка.

— Не была уверена, что догадалась правильно, — призналась Аня. — Но у тебя вид был такой, что... Пора забыть о том времени, Онора.

— О каком? — с любопытством спросила Кристал. — Вы говорите будто на чужом языке. Вроде все слова я знаю, но почему-то не соображу, про что у вас разговор.

Аня незаметно для девочки переглянулась с Онорой.

— Мы говорим, что Онора вспомнила время, когда я магически болела.

Девочка серьёзно кивнула, а потом снова вздохнула. Погладила подол тёплого платья, купленного специально к холодам.

— Потому что ты спала, как в магическую болезнь? Тогда я тоже испугалась. Хотя во сне ты выглядела... такой... спокойной.

— Да? — изумилась Аня. — А какой я выглядела тогда?

— Умиряющей, — легко ответила Кристал.

Так легко, что Аня и Онора переглянулись. Да, для девочки, кажется, то время прошло безвозвратно и оставило след чего-то плохого, что, возможно, никогда не вернётся. Оттого и ответила сразу. Наверное, Кристал в глубине души предполагала, что её прямой ответ не может обидеть...

Пообедали, болтая каждая о своём: Кристал рассказывала, что было на уроке дайны Сарейд, Онора — со смехом повествовала, как с трудом приноравливалась к замазыванию дыр, о том, как из одной трещине пришлось вытаскивать глину назад, потому что забыла всунуть в пространство деревяшки, а Аня смеялась, вспоминая глаза старушек-служанок, когда она решительно ворвалась в их комнатушку. Одновременно она мысленно замечала, что тогдашнее её желание не рассказывать домочадцам про эту комнату сейчас почему-то изменилось — из-за того, слишком напугавшего всех сна?

Дружно убрали посуду, и Онора приготовилась мыть её, а Кристал — сушить полотенцем, как вдруг от ворот раздался странный сигнал. Все звуки, которые издавали ворота, в доме знали наперечёт, поэтому все три дамы удивлённо вздёрнули брови.

— Похоже, дайна Мадэйлеин? — удивлённо спросила Аня.

— Только какая-то суматошная? — уточнила Кристал и захихикала: — Наверное, к ней Партхланы приехали — и она не знает, как от них избавиться, пока у неё всё не съели!

На это насмешливое предположение невольно засмеялись и старшие дамы.

Оставив посуду до лучших времён, все три заторопились на крыльцо. Одеваться плотней не стали — похватили оставленные в гостиной палантины, на ходу кутаясь в них, отчего Кристал не преминула напроситься на похвалу:

— А правда — это здорово, что я научилась вязать, да?

— Ты молодец! — серьёзно отозвалась Аня, а Онора добавила:

— В твоих палантинах холода совсем не замечаешь!

И Кристал расцвела от приятных слов.

Они выбежали на крыльцо, дожидаясь, пока карета дайны Мадэйлеин приблизится к ступеням: ворота, настроенные на дружелюбных знакомцев, пропускали и родственников Лиссы. Кроме её родителей. Пока ждали, Кристал вдруг расшалилась и попрыгала на одной ножке по мелким лужицам на крыльце, хрупая ледком.

Пока лошади мчались к крыльцу, у Ани сложилось впечатление, что они не растрёпаны — имеется в виду их гривы, а встрёпаны — по душевному состоянию, подобно своей хозяйке. И чем ближе подъезжала карета, тем больше Аня подозревала, что именно привело в их дом дайну Мадэйлеин. Она даже сжала руки от предчувствия:

— Только не Лисса!

Возглас расслышала не только встрепенувшаяся Онора, но и скакавшая по плитам чуть в стороне Кристал. Девочка немедленно подбежала к Ане и встревоженно спросила:

— Думаешь — с Лиссой что-то произошло?

— Начинаю думать о том, — ответила Аня.

Не успела она испугаться собственного предположения, а карета уже замерла возле крыльца. Что больше всего поразило дам семейства, так это следующее: дайна Мадэйлеин распахнула дверь салона, пока лошади ещё мчались к крыльцу. Встали бы лошади резко — точно вывалилась бы! Мало того — она не стала дожидаться, пока кучер добежит подать ей руку, чтобы вывести её из кареты. Следующее её движение ещё больше напугало Аню: дайна Мадэйлеин, прихватив полы длинного плаща и юбки, лихо спрыгнула с верхней ступеньки кареты. Чуть не по-мальчишески!

По старой привычке, обрётённой после многочисленных приездов в гости семьи дайны Мадэйлеин, Аня ждала, что следом за дайной из кареты с писклявыми воплями и визгом посыплется её дети и нянюшка. Страх вырос глубже, когда стало ясно: дайна Мадэйлеин приехала в одиночку!

Тронувшись с места, Аня чуть не сбила с ног взволнованную женщину, которая, словно спортсменка, стремительно взбежала по ступеням на крыльцо. А взволнована дайна Мадэйлеин порядочно: никто в этом доме и никогда не видел, чтобы эта элегантная и аристократичная женщина была настолько неряшлива. Даже пряди обычно гладко убранных волос сейчас всклокоченно торчали из-под еле нахлобученной на голову шляпки. Поэтому хозяйка дома не стала тратить время на приветствия, а сразу выпалила:

— Что случилось, дайна Мадэйлеин?

— Лисса пропала! — выкрикнула дайна, перед тем бесцеремонно заглянув за спины всех встречающих её дам и обшарив совершенно дикими глазами пространство за ними, будто надеясь, что малышка, заигравшись, прячется там.

— Опять? — пробормотала Кристал.

— Сегодня утром приехала моя сестра с вопросом, не у нас ли малышка! Мы заверили её, что Лисса у нас не появлялась! Да и как ей к нам появиться, если она и была-то у нас (за всё то время, что нашла в прошлый раз) всего три раза! И то — с родителями! Она ведь даже дороги к нам не знает!

Промелькнуло соображение, что, по требованиям этикета, надо бы пригласить дайну Мадэйлеин в дом. Но в такой ситуации — какое уж соблюдение светских правил! Додумать Аня не додумала, потому как эти глупые мысли перебила дайна Мадэйлеин, с безнадежностью озвучив вопрос:

— Значит, Лиссы у вас нет?

— Нет, — твёрдо ответила Аня. — А когда Партхланы узнали, что дочери нет дома?

Дайна Мадэйлеин внезапно расплакалась. Сквозь слезливые восклицания: «Она же совсем ребёнок! Как они могли!.. Она ведь младше моих девочек! Совсем беспомощная! Как они могли позволить себе такое?!» удалось выудить информацию: привезя домой дочь, Партхланы немедленно разослали слуг (наёмных — не личных) к своим друзьям, и вскоре в их до сих пор не благоустроенном доме кипела развесёлая вечеринка с танцами под наёмный оркестрик!

Оправдываясь потом перед старшей сестрой, дайна Партхлан заявила, что вечеринка была устроена в честь приезда домой Лиссы. Но, судя по её дальнейшим словам, легко сложить картинку: с первыми же гостями Партхланы забыли о привезённой домой «любимой дочке». И дайна Мадэйлеин сделала правильный вывод: пропажу дочери Партхланы заметили только утром.

Дайна Мадэйлеин лихорадочно всплёскивала руками, заикаясь и не контролируя себя, рыдая — громко втягивала воздух, с ужасом оглядываясь на дорогу, ведущую к воротам. Аня хорошо понимала женщину, которая оказалась раннее своей младшей сестры, а потому ближе к сердцу приняла пропажу своей маленькой племянницы. Не выдержав, Аня шагнула к дайне Мадэйлеин и крепко обняла её, судорожно вздрагивающую, прижала к себе. От неожиданности женщина, продолжая вздрагивать, застыла жёстким солдатиком, безвольно сопротивляясь этому объятию, а потом — сама обняла Аню и, уже невмочь сдерживать своё горе, зарыдала на её плече.

Кучер удрал к карете, едва только в голосе дайны зазвучали надрывные нотки. Кристал тоже сбежала — правда, в дом. Онора в полной растерянности мыкалась рядом, и Аня, поймав её взгляд через плечо дайны Мадэйлеин, повела бровью, указывая на входную дверь в дом.

Когда дайна Мадэйлеин обмякла и затихла, только длинно вздыхая, Аня осторожно отстранила её от себя и уверенно сказала:

— Сейчас вы войдёте в дом, умоетесь, приведёте себя в порядок, чтобы у себя дома не напугать своим состоянием ваших девочек. Выпьете чаю и поедете. Дайна Партхлан говорила о том, что собирается заявлять в полицию о пропаже дочери?

— Нет, не говорила, — ответила дайна Мадэйлеин, послушно шагая в гостиную за хозяйкой дома, будучи прихвачена ею под локоток.

— В таком случае мы едем в вашей карете до города, — заявила Аня. — До первого попавшегося полицейского участка, где и подаём заявление о потерявшейся девочке.

Кажется, слова о конкретном действии приободрили дайну Мадэйлеин: она зашагала уверенней. Ещё на входе в гостиную Аня решила, куда заведёт дайну, чтобы она могла и успокоиться, и выпить чаю. В учебную комнату Кристал. В столовую нельзя — там холодно. В мастерскую — ни в коем случае: пять готовых кукол немедленно напомнят женщине о пропавшей Лиссе.

Пока Аня вела дайну Мадэйлеин, пересекая гостиную, кивнула испуганным Оноре и Кристал на коридор в кухню и губами изобразила: «Чай!» Обе опрометью бросились в тот самый коридор.

А в учебной комнате Аня усадила дайну Мадэйлеин на мягкий стул, рядом со столом, за которым обычно сидели дайна Сарейд и Кристал. И тут же пододвинула к ней круглое настольное зеркальце на узорной металлической ножке и велела приводить себя в порядок. Сама сбежала в свои апартаменты, к стратегическому запасу будущих подарков на дни рождения своих «девочек», и вернулась со всем необходимым, для того чтобы поплакавшая

могла быстро уничтожить следы своей слабости.

— Дайна Мадэйлеин! Вот расчёска и коробочка пудры. Видите — они новые, ещё в упаковке, так что можно пользоваться ими без предубеждения. А я выйду, пока вы чистите свои «пёрышки», — улыбнулась хозяйка дома. — Чтобы не смущать вас. Когда закончите — просто выгляните из комнаты, и мы принесём вам чай.

Через пятнадцать минут ухода за собой, а затем торопливого поглощения сладкого чая дайна Мадэйлеин почти пришла в себя. Состояние на грани нервных слёз и истерики было утихомирено до такой степени, что тётя Лиссы отважилась на заявление:

— Теперь я достаточно спокойна, чтобы самостоятельно заехать в полицейский участок и подать прошение о розыске моей бедной племянницы.

Аня ещё переспросила её, так ли это. На что дайна Мадэйлеин решительно допила ещё одну порцию чая и кивнула. Но уже на крыльце, когда суматошно прощались, уверяя друг друга, что Лисса вот-вот найдётся, и уговаривались обязательно предупредить друг друга, если она вдруг появится, дайна Мадэйлеин вдруг замолчала, совсем не аристократично прикусывая губу, а потом тихонько выпалила, чтобы слышала лишь Аня:

— Как бы я была спокойна, если бы Лисса постоянно жила у вас, дайна Таеган!

И побежала по лестнице к карете.

Ошеломлённо глядя ей вслед, Аня вздохнула и прошептала:

— А уж как бы мне спокойно было!

Казалось бы, не только ужасное известие об исчезновении Лиссы, но и вынужденное совместное чаепитие с дайной Мадэйлеин должны были перебить аппетит. Но Аня, напротив, чувствовала себя страшно оголодавшей. Вероятно, сказался стресс. Пospешив в кухню, она обнаружила съёжившихся за рабочим столом Онору и Кристал, пытавшихся начать мытьё посуды. И скомандовала:

— Берём подносы с чайником и чашками и идём в мастерскую. Там теплей.

Как её «девочки» живенько задвигались, хватая блюда и чашки!

В мастерской, несмотря на дневное время, оплывали три свечи в канделябре и было ощутимо теплей, чем где-либо. Когда занесли последние подносы, Онора торопливо закрыла дверь, и Аня одобрительно улыбнулась ей.

— Ну что ж... — задумчиво сказала хозяйка дома. — У нас на сегодня визит Конгали, ужин для братьев (и мы с ними присядем) и ожидание вестей о Лиссе. Вроде больше ничего особенного не ждём...

«Девочки» только вздохнули.

Стараясь замять тревогу, болтали обо всё, лишь не касаться темы со странным исчезновением Лиссы. Хотя Аня и подумывала съездить-таки, например, на рынок, где однажды малышку нашла Агни... Но прикидывала шансы найти девочку и только качала головой: вряд ли...

И лишь час спустя выяснилось, что озвученные за чаепитием прогнозы Ани на будущее слишком оптимистичны.

Глава 3

Только условились, что до приезда братьев с работы и учёбы три дамы начнут шпатлевать мелкие трещины и замазывать самые страшные дыры в столовой, только приступили к работе, как прозвенел сигнал от ворот. Разогнулись от лоханки с готовой для работы глиной и с удивлением переглянулись. Первые-то звуки обрадовали: а если Лисса нашлась?! Однако, прислушавшись, насторожились: сигнал вроде знакомый, но... Полузнакомый? Нет, что-то такое в нём было, но опять-таки... Непонятно.

Снова переглянулись.

— Пускаем? — неуверенно спросила Аня. — Или выйдем? Кто-нибудь узнаёт этот сигнал? Или я только думаю, что он знаком нам?

Онора только пожала плечами. А Кристал скептически сказала:

— Подозрительный сигнал, потому что неясный. Надо сходить к воротам. Агни, ты иди, а мы начнём мазать, ладно?

— Онора? — с сомнением взглянула на девушку Аня.

— Иди-иди, — подтвердила девушка. — Разузнай, а мы за это время закончим с уже приготовленной глиной, чтобы она не успела застыть.

— Иди-иди! — сказала Кристал, жадно присматриваясь к рабочим инструментам.

Кажется, девочка задумала следующее: пока Ани не будет, Онора успеет показать ей, как надо замазывать дыры, и тогда Кристал ни перед кем в грязь лицом не ударит своей работой на благо дома. Да и перед братьями потом можно будет похвастать, как она здорово научилась работать.

Терять времени Аня не стала. Раз большинством голосов решили отправить хозяйку дома встречать гостей к воротам (она подозревала — из-за слишком глухого сна её решили ненадолго отстранить от работы), то она решительно снова взяла с кресла палантин, ошастливив тем обрадованную Кристал. Переобувшись, чтобы не мёрзнуть, заторопилась по дороге перед домом, огибая его, чтобы приблизиться к воротам. Идти было удобно: если вчера дорогу покрыла льдистая корочка, то выпавший сегодня снег смягчил скользкий лёд... Чем ближе становилась карета, возле которой стоял какой-то мужчина, тем больше Аня удивлялась: внезапный гость оказался незнакомым. Высокий, с тёмной бородкой, внешность какая-то... непримечательная. Тогда почему же ворота пели сигнал так, словно он здесь когда-то бывал?

Наконец она открыла калитку, ещё летом вписанную в ворота, но не вышла к гостю, оставшись на собственной территории. Защита здесь действовала, не мешая разговаривать с вновь прибывшим.

— Здравствуйте, дайна Агни, — раскланялся перед ней мужчина.

Хм. Если он и знаком — пусть и шапочно, то знал её ещё до замужества. Но кого именно? Аню в теле Агни? Или саму Агни до появления Ани?

И Аня насторожилась. Благосклонно, на первый взгляд, кивнув гостю, она чинно, как подобает почтенной дайне, поправила его:

— Дайна Таеган. Здравствуйте. Чем обязана вашему визиту? И не представитесь ли? Мне кажется, я вас должна знать.

— Отнюдь, — заспешил мужчина. — Отнюдь не знаете, дайна Таеган! Вы меня, возможно, мельком видели на балу у дина Вилея, но нас не познакомили лично.

— Вы по делу? — недоумевающая, спросила Аня: не кукол же покупать он приехал! И одновременно радуясь: он не знал настоящей Агни!

— По делу! — возликовал мужчина, который так спешил, что не представился, хотя его напрямую попросили о том. — От дина Вилея мы слышали, что среди ваших домашних есть девица, умеющая снимать проклятия. Мы бы хотели, чтобы она провела обряд, приличествующий её специальности, над человеком, попавшим в ловушку давнего проклятия. Мы слышали — девица практикует и даже получила на то официальное дозволение, а значит — для неё не составит труда выполнить некие... — он развёл руками, демонстрируя странные пассы. — Что и поможет несчастному избавиться от проклятия. Итак, дайна Таеган, что вы скажете на наше предложение?

«Деньги! — вот что первое промелькнуло в голове. — Дому нужен ремонт, всем нашим детям и Никасу нужны солидные вещи на предстоящую зиму! Но... соглашаться или нет? Без Оноры не решишь...» И тут она внимательно посмотрела на гостя.

— Вы так и не назвали своё имя, — спокойно заметила она.

— О! Простите! — вскричал незнакомец. — Моё имя вам ничего не скажет, однако вы правы, дайна Таеган... Меня зовут дин Каликс, дайна Таеган! Так что там по нашему делу, дайна Таеган?

«Лопочет одно и то же, — мысленно буркнула Аня. — Дайна Таеган, дайна Таеган... Почему мне не нравится моё имя в его устах? Потому что я заранее предвзята к нему? Из-за того, что в сигнале ворот послышались неприятно знакомые интонации?»

— Хорошо, — наконец сказала она. — Называйте адрес, по которому должна будет приехать дайна Онора, и мы приедем чуть позже.

— Как позже? — заволновался дин Каликс и даже руками всплеснул. — Как позже?! Мы наняли эту карету, чтобы привезти к бедному человеку девицу, снимающую проклятия, прямо сейчас, дайна Таеган! И почему вы говорите «мы приедем»? Мы ждём только мага, снимающего проклятия!

— Дайна Онора несовершеннолетняя, — уже сухо ответила Аня. — И я в ответе за всё, что с нею происходит, перед её женихом — перед моим братом.

— Она... она... — Незнакомец вдруг начал заикаться, слегка тараща глаза в откровенном изумлении. — Жених?..

— Да, девушка помолвлена, — подтвердила Аня, чувствуя, что стоять на ноябрьском ветру становится довольно сложно: руки, сжимающие концы палантина, замерзли. И что уж она выскочила так легкомысленно, не одевшись более добротной? И ответила сама себе: не подумала, что встреча у ворот может затянуться.

А ещё её начал раздражать этот настырный и слегка странно ведущий себя дин Каликс. Так серьёзные дела не ведутся! Откуда он узнал, что Оноре выдано разрешение на практику? От дина Вилея — говорит? Но дин Вилей, насколько она его узнала, не болтун и с чужими не любит говорить — в частности, о тех людях, которые ему доверились. А уж тем более о родственниках, каковыми теперь стали обитатели соседнего с ним поместья. А уж тем более на балах.

Очнувшись от размышлений о том, откуда странный дин Каликс вообще узнал об Оноре, Аня вновь внимательно посмотрела на него, втолковывавшего ей что-то с огромным убеждением. Вслушавшись, Аня сосредоточилась на главном — на том, что вызвало просто ошеломление: её уговаривали отпустить Онору в незнакомый дом с незнакомым, но, по уверениям, надёжным сопровождением!.. Они её вообще, что ли, за дуру держат?! И, улучив

паузу, холодно сказала:

— Вы говорите, что я должна отпустить дайну Онору с незнакомым мужчиной неизвестно куда? А как же её репутация? По-моему, дайна Эннис совсем (она успела захлопнуть рот на грубом и ещё неизвестно как здесь могущем отозваться слове)... потеряла представление о правилах этикета!

— Какая дайна Эннис? — сбился дин Каликс.

Он выглядел искренне растерянным, и насторожённая Аня, пристально всмотревшись, не нашла в нём притворства. Нет, он и в самом деле не знал, о какой такой дайне Эннис она говорит. Чтобы развеять все сомнения, она предложила ему новую «тему» для разговора, уже начиная ёжиться от пробирающего её холода:

— Вы говорите, что дайна Онора должна ехать с вами для снятия проклятия?

— Именно, — всё ещё вежливо, но с заметным раздражением («Непонятливая какая попалась!») ответил дин Каликс.

— Вы пропустили важный аспект, приглашая на дом такого мага, как она, — мрачно сказала Аня. — Вы понимаете, что за её услуги придётся платить? Хватит ли у вас средств оплатить не только то дело, из-за которого вы приехали сюда, но и поездку дайны Оноры? Ведь она берёт и за время, которое потратит на дорогу.

— Вы правы, — с облегчением («Наконец-то хозяйка дома пришла в себя и начала говорить о деле!») сказал дин Каликс. — Это очень важный аспект. Так во сколько дайна Онора ценит своё магическое время?

— Её час стоит...

Аня не хотела делать драматическую паузу, но так получилось, пока она мысленно высчитывала, какую сумму назвать. Деньги за собственную работу мага образов? Расценки-то она не знала здешних, только и могла, что судить по нескольким личным встречам с нуждающимися в её помощи. Но понимала, что маг образов — редкая птица. С другой стороны, ей уже не раз говорили, что в городе мало магов, умеющих снимать проклятия... Так что решила озвучить цену одной из кукол тильда.

И добавила, напоминая:

— Это за один час. А ведь время уходит и на дорогу в обе стороны.

— Меня... — дин Каликс отчётливо задохнулся, услышав сумму. — Меня не уполномочили вести переговоры о... таких деньгах.

«Неужели всё-таки дайна Эннис?» — сумрачно подумала Аня, плотней кутаясь в палантин, и уже бесстрастно сказала:

— А почему бы вам не привезти сюда... — Она чуть не лягнула: «Вашу больную», но вовремя спохватилась: — ... вашего беднягу, который нуждается в помощи? Тогда не надо будет платить за дорогу в оба конца. Или же... Возвращайтесь к тем, кто вас послал, и пусть они обдумают своё предложение как с финансовой, так и с этической стороны.

Как ни странно, он обрадовался и, быстро поклонившись, пробормотал:

— Вы правы! Вы абсолютно правы!

Прощальный поклон у него вышел таким суетливым, что Аня невольно подумала: «Оказывается, тамошний больной не так уж и помирает!»

А когда карета скрылась за привычным поворотом дороги, она быстро развернулась и помчалась домой, стуча зубами и мечтая только о том, как добежит до кухни, где в чайнике ещё оставался горячий чай. Это она помнила очень хорошо!.. И как хорошо, что в доме довольно-таки прохладно, а потому она ходит в тёплых вещах!..

Добегаая до крыльца и хватаясь за ручку входной двери, внезапно подумала: «Я сказала ему — возвращаться к тем, кто его послал. И он совсем не возражал против моей фразы, а даже мгновенно удрал. Странно... Так кто же, такой наглый, его послал к нам в надежде, что мы здесь все до дурости наивные? Да и сам бы должен соображать! Кто бы в своём уме и памяти отправил с незнакомцем девушку из... благородного дома? Жаль, Таегана дома нет. Он бы по-своему разобрался с этими странностями!.. Но, несмотря на всё это, сигнал ворот был такой, словно маскировал приезд дайны Эннис...»

Очутившись на кухне, Аня облепила озябшими ладонями остывающий чайник — и тут же отдернула руки, смеясь: оставленный на всякий случай на плите, чайник всё ещё горячий! Так что она тут же схватила чашку из сушилки и налила себе чаю, добавив остатки заварки из заварочного чайничка. Минуты — и она уже спокойно села на табуретку, чтобы пить, не обжигаясь... Уф, начала согреваться! Как хорошо!

Когда полностью пришла в себя, вымыла опустевшую чашку и пошла в столовую, немного жалея, что не предложила начать с гостинкой: там гораздо теплей. Но, переступая порог, сообразила: сейчас начнёт работать — и быстро согреется.

— Агни! Мы уже четыре окна сделали! — радостно завопила Кристал и охнула, разгибаясь и массируя бок. — Нам не тяжело, просто долго сидеть вот так приходится! А кто там был? Это не из-за Лиссы?

На ходу придумалось то, что не напугает Онору, которая, насколько теперь узнала её Аня, была очень впечатлительной.

— Нет, не из-за Лиссы! Неправильно повернули! — громко объяснила Аня, про себя надеясь, что знакомые нотки в сигнале ворот заметила только она. — Пришлось рассказывать, как ехать назад!

— Ты долго, — заметила Онора, тоже охая и хватаясь за поясницу. — Мы ждали, ждали. Ещё пожалели, что ты вышла без верхней одежды.

— Я сама пожалела, — сердито призналась она. — Ладно, хоть сообразила палантин прихватить. А у вас, смотрю, неплохо получается, — удивилась она, разглядывая пятнистые стены. — Может, хватит на сегодня?

— Ты что?! — возмутилась Кристал. — Два окна осталось!

— Агни, если ты устала, — добавила Онора, озабоченно смотревшая на неё, — то мы и сами доделаем, правда, Кристал?

— Правда! — обрадовалась девочка. — Только жаль, что работаем не в гостиной. Я бы хотела первой узнать, если найдётся Лисса.!

— Главное — узнать, что она жива, — вздохнула Аня и кивнула: — Я смотрю, у вас таз с глиной опустел. Идём в подвал?

По дороге Кристал с огромным любопытством и с такой же надеждой спросила:

— Агни, а в столовой, когда все дыры заделаем, можно будет завтра уже повесить шторы? Давай повесим, а? Я так мечтала, чтобы наш дом стал красивым! Но ведь уже завтра можно! Агни, хотя бы в столовой! Пожалуйста!

— Мне жаль, Кристал, но в первую очередь надо заделать все трещины.

— А потом — шторы?

Улыбаясь, Аня подумала: «Да у Кристал уже какой-то бзик на этих шторах!»

— Увы, Кристал, для начала надо будет вымыть окна, а уж потом вешать шторы.

Когда вошли в подвал, девочка, размышлявшая, поджав губы, со вздохом сказала:

— А может, заставить братьев залепить последние дыры? Они и так меньше нас

работали. А мы вымоем окна и повесим шторы. Агни!

— Поговорим с ними за ужином, — пообещала Аня, уловив гримаску недовольства на выразительном лице Оноры: девушка, судя по всему, не хотела, чтобы свободное время после ужина Никас уделял работе по дому. И Аня коварно усмехнулась: «Берегись, Онора! Ведь тебя можно будет поставить в пару к Никасу, чтобы вы работали в своё удовольствие!»

Строительной смеси и на этот раз оказалось слишком много, и уже сама Кристал предложила перейти в гостиную. Они работали и болтали, порой что-то вспоминали — чаще всего удивительное лето, хохотали, напоминая друг другу некоторые случаи с Лиссой. И не слышали, что ворота запели новую песню.

Когда все три дамы дома от души смеялись, расписывая друг другу детали последнего купания в озере, Онора первой дёрнулась на звук открывшейся входной двери и ахнула от неожиданности: в гостиную вошёл дин Вилей. Он оторопел, завидев чумазые фигурки трёх дайн, которые, впрочем, радостно приветствовали его, потрясая над головами мастерками. А уж когда он понял, чем они занимаются, Ане пришлось отдать ему свой мастерок и бежать на кухню, чтобы поставить чайник со свежей водой для полдничного чаепития, к которому ещё и Конгали ожидалась. Для ужина-то у неё всё было готово...

Выйдя из кухни, она прикусила губу, чтобы не рассмеяться: Кристал с жаром объясняла соседу и некровному родственнику, какими она видит окна и вообще интерьер гостиной и других помещений дома, а дин Вилей весьма серьёзно отнёсся к её рассказу и уже всю советовавал, как всё можно сделать так, чтобы дом выглядел и богато, и экономно. Аня заметила, что Онора под предлогом того, что приходится работать нос к носу со стеной, тоже с трудом удерживалась от смеха.

Но глина закончилась, о чём объявили дину Вилею и пригласили его на чаепитие. Оказалось, сосед соскучился по соседским дайнам и весьма благодарен им за такое развлечение, за которым так быстро прошло обычно нудное ноябрьское время. Аня едва удержалась от насмешливого желания пригласить его и на следующие работы по ремонту дома, раз он сам сознался, что ему скучно.

Пока работники чистились — и отдельно дайны переодевались в домашнее платье, Аня уже сочинила письмо Таегану, в котором с юморком рассказывала о домашних развлечениях, в которые вовлекли даже его дядю... К полднику все уже превратились из азартных работников в обычное общество дина и дайн. Правда, это не помешало за столом болтать легко и снова пуститься в воспоминания о пролетевшем лете. Оживившийся дин Вилей предложил подумать над каким-нибудь вечером в честь чего-нибудь, лишь бы устроить, например, небольшой бал с приглашением только «своих» гостей. Аня увидела мечтательные глаза Оноры и хмыкнула:

— Предлагаю долго не думать. Как только наш дом будет отремонтирован к холодам, можно будет отметить это событие домашним балом. Как вам это предложение?

Вопрос Ани вылился в бурное обсуждение того, как может пройти такой бал.

Даже появление Конгали не прервало ну очень любопытную тему.

Конгали приехала, как всегда, поначалу очень чопорная. Появление в известном ей доме почти незнакомого (она видела дина Вилея всего пару раз) дина заставило её вообще напрячься и замкнуться, но любопытная тема будущего праздника захватила и её. И Аня с улыбкой помечтала, как на том домашнем празднике Греди будет танцевать с Конгали, которая ему очень нравится. Да и сама девочка вроде неровно дышит к нему. «Я рассуждаю по-бабьи? — спросила она себя. — И что? Плохо ли? Посмотрим!»

Дин Вилей долго не сидел. Он тоже привык к определённой распорядку в собственном доме, так что вскоре раскланялся с симпатичными ему дайнами и удалился. Дайны расслабились. Онора засела в библиотеке. Кристал устроила догонялки с Конгали, которая и сегодня привела с собой беленького Коана: собачонок всегда был не прочь побегать. А потом девочки, набегавшись до усталости, засели на одном из диванов, секретничая, а потому прижавшись друг к дружке. Кажется, Кристал рассказала Конгали о пропавшей Лиссе, и теперь обе шёпотом обсуждали, что могло с малышкой случиться.

Аня побежала на кухню проверить, всё ли готово к приезду братьев. Она знала, что через полчаса девочки присоединятся к ней, чтобы помочь расставить тарелки и чашки. И шутливо гадала только об одном: будет ли Кристал с жаром рассказывать и Конгали о том, какие шторы они собираются повесить в столовой и в гостиной. Экскурсию вдоль стен с окнами, под которыми заделывали трещины и дыры, Кристал для новой подружки уже провела.

Уже через несколько минут Онора появилась на кухне. И Аня не выдержала:

— Онора, а ты не знаешь, в каком доме живёт дайна Эннис? Он очень бедный? Старенький? Мы никогда не говорили об этом, но меня вдруг обуяло любопытство.

— А почему ты решила, что он старенький? — удивилась Онора. — Забыла? Пока дин Хармон был жив, ты несколько раз сопровождала его в его поездках к сестре.

— Ты сама забыла, что некоторое время я болела магически, — напомнила Аня свою любимую отмазку. — И кое-что забыла из прошлого. Это во-первых. Во-вторых, за то время, пока я болела, дайна Эннис могла и переехать. Так почему её так интересовал наш дом? Только из-за библиотеки?

— При дине Хармоне она никогда не говорила о книгах из его библиотеки, — задумчиво сказала девушка, протирая приготовленные для стола тарелки.

— То есть её всегда интересовал только дом?

— Ну, я не скажу, что всегда, — медленней произнесла Онора, раздумывая. — Когда она сюда приезжала, она много ссорилась с братом, но и тогда о доме речи, кажется, не шло. Но точно я не могу сказать. Отец не любил говорить с сестрой при мне. Как и при любом другом, включая тебя, Агни.

— Вот как, — проговорила Аня. Тема постепенно захватывала её, а вопросов становилось всё больше. — Онора, я правильно поняла, что они ссорились всегда. Но не разругались ли они всерьёз перед смертью дина Хармона?

Онора ответила не сразу. Нахмурившись, она задумалась до такой степени, что забылась и прекратила протирать тарелки.

— Не то чтобы они разругались, — наконец сказала она не совсем уверенно. — Но они, как всегда, очень сильно кричали друг на друга, и дайна Эннис упрекала его, что они делает многое для чужих, а для неё не хочет сделать даже маленького шага, когда она просит брата о мало-мальской помощи. А он в ответ кричал, что эти чужие — его заработок, поэтому она должна понимать, что эти дела он выполнять должен в первую очередь. Они кричали в гостиной, а у меня дверь в комнату всегда плохо закрывалась, и я всё слышала, — чуть виновато объяснила Онора. — Да, эта последняя ссора была очень громкой, но в конце дин Хармон как-то утихомирился даже без увещаний дайны Эннис и пообещал ей помочь в чём-то, как только освободится от текущего дела с проклятием. Мне кажется теперь, что это как раз было делом бедняжки Конгали. Вот и всё, что я помню. А потом, когда дин Хармон умер, дайна Эннис и пыталась выгнать вас из его дома. И, если бы не завещание...

— Но ведь он оставил ей денег, — тоже задумавшись, припомнила Аня. — И, судя по всему, очень много. Получается, она что-то хотела, на что у неё не хватало денег? И дин Хармон пообещал ей восполнить нужную сумму? Но не успел...

— А почему ты интересуешься этим? — тихо спросила Онора, заметно испуганная. — Что-то случилось, о чём я не знаю, Агни?

Аня некоторое время прикидывала, стоит ли рассказывать ей правду о том, что было у ворот. Но ведь она так и не уверена, что приезжали от дайны Эннис! Так что не стоит тревожить в очередной раз пугливую девушку, которая и так в своей жизни натерпелась из-за своего происхождения. Поэтому безмятежно сказала:

— Я начала вспоминать жизнь, которая была до моей болезни. И возникают вопросы по некоторым подробностям. Поэтому не удивляйся, Онора, если я иногда буду спрашивать тебя о чём-то неожиданном. Ты мне всегда здорово помогала. И я снова надеюсь на твою помощь, поскольку пытаюсь понять степень заинтересованности дайны Эннис в нашем доме.

«Ну и сказанула! — посмеялась про себя Аня. И хмыкнула, исподтишка поглядывая на Онору, которая успокоилась и вновь занялась посудой. — Зато Онора больше не будет думать о подоплёке моих вопросов и волноваться из-за них!.. Таеган, милый, так много событий в нашем доме проходит мимо тебя! Быстрее бы ты вернулся!»

Вечер прошёл спокойно. Приехали братья, почти следом за ними — дин Валентайн за дочерью. Конгали тут же сообщила отцу об исчезновении Лиссы. И дин Валентайн пообещал семейству Агни заехать по дороге домой в полицейский участок, чтобы справиться: оставляла ли дайна Мадэйлеин заявление о пропаже девочки и, если оставляла, что было предпринято, чтобы найти Лиссу. А ещё уговорились, что дин Валентайн в любом случае пришлёт кого-нибудь с сообщением, было ли заявление (чтобы, если что, написать своё и сразу отправить в участок) и нашлась ли малышка.

За ужином обсудили происшествие с Лиссой, но как-то несерьёзно. Создавалось впечатление: никто не верил, что с Лиссой может произойти нечто страшное. Наверное, из-за того что не хватало информации. Поэтому тема как-то быстро заглохла, и начали обсуждать ремонт дома. Но Аня-то видела, что на всякий незначительный звук вне столовой все сидящие за столом немедленно затихали, прислушиваясь: ждали посланца от дина Валентайна с известиями. Или тех, с кем может приехать Лисса. И говорить начинали не сразу. Из-за разочарования. В конце концов, когда начали вставать из-за стола, Кеган не выдержал:

— Может, съездить на рынок? В прошлый раз она оказалась именно там!

— Её новый дом на этот раз слишком далеко от рынка, — ответил Никас. — Вряд ли она могла добраться до него. Да и взгляни на улицу — уже темно. Рынок наверняка закрыт, и нас просто-напросто на его территорию не пустят.

Впустую ещё немного порассуждали, могла ли малышка сбежать именно на рынок, но без фактов много ли наговоришь? Ужин закончился, дайны остались вымыть посуду и затем только вышли в гостиную. Только Никас кивнул Оноре, как Аня спокойно сказала:

— Никас, я хочу с тобой поговорить насчёт строительной глины.

И брат, и его девушка скисли на глазах. Даже младшие заметили это и придушенно захихикали, так что Аня, как будто ничего не произошло, уточнила:

— На пару минут.

Лица парочки просветлели, а Аня иронично подумала: «И стоило расстраиваться? Сейчас гулять вам всё равно негде!» И тут же устыдилась, вспомнив, как ловила мгновения с Таеганом, не спала ночей, если знала, что он будет на озере... Вздохнула.

— Вернёмся в столовую, — попросила она брата.

Он пожал плечами, но, видимо не желая тянуть драгоценное для него время, быстро пошёл впереди сестры.

— Что случилось? — закрыв дверь за Аней, сразу и недовольно спросил он.

— Ситуация такая, — сказала Аня и кратко пересказала эпизод у ворот, когда наглые неизвестные изо всех сил старались убедить её отпустить с ними Онору. И под конец добавила: — В сигнале ворот мне почудились неровные нотки присутствия дайны Эннис. Но поручиться, что это именно так, не могу. Никас, не пора ли нам решить это дело с тётей Оноры? Сколько можно беспокоиться из-за неё? Надо бы узнать, чего она вообще добивается, и сделать так, чтобы она забыла о нас!

— Согласен, — быстро сказал встревоженный Никас и даже оглянулся на входную дверь в столовую, словно боясь, как бы Онора не услышала их разговор. Отчего далее и заговорил вполголоса: — Давай так, Агни. Как только закончим с ремонтом дома, сразу

займёмся дайной Эннис. Просто-напросто съездим к ней и в лоб спросим. Надеюсь, если что — дин Валентайн нам поможет. Он ведь нам очень благодарен за Конгали.

— Я тоже надеюсь, — вздохнула Аня.

Они вышли в гостиную, и Аня гордо улыбнулась. Нет, не зря они спины гнули, замазывая и залепляя трещины и дыры!.. Даже здесь, в громадном помещении рядом с входной дверью в дом, теперь чувствовалось, что сквозняки стали меньше, а температура воздуха гораздо выше, чем прежде. И тут же поёжилась, думая о пропавшей Лиссе. Если малышка потерялась, не замёрзла бы: морозец ночами появился уже достаточно чувствительный... Неужели Лисса решила сбежать от родителей сюда, в дом, где ей всегда рады и где она чувствует себя, как минимум, на месте? И заблудилась...

В гостиной Онора с Кристал важно объясняли мальчикам, сколько они всего сделали, и показывали результаты своей работы. Экскурсия в полном разгаре!

— Греди, Кеган, как вы себя чувствуете? — спросила Аня. — После вчерашнего? Спины-руки не болят? Не мешало вам это на уроках?

— Ничего страшного, — успокоил её Никас. — Прямо в аптеке мы сумели выпить те противовоспалительные отвары, которые присоветовал аптекарь. Так что утренней боли никто из нас больше не почувствовал. Я спрашивал мальчиков по дороге назад.

И мальчики закивали, подтверждая.

Вечер был продолжен. Мальчиков, воодушевлённых рассказом Оноры и Кристал, а также наглядным показом проделанной работы, уговорили всё же подождать до выходных: вечерняя темнота в ноябре наступает слишком рано, и портить глаза, подсвечивая в трудных местах ремонта, да ещё на улице, тоже не дело.

Аня думала: смирившись с уговорами, младшие братья уйдут в свою комнату. Они и правда ушли, но ненадолго. Вернулись с рисовальными принадлежностями. Аня сначала удивилась. Но одновременно и Кристал вынесла из мастерской в гостиную две корзины — одну с вязанием для себя, другую — для Ани, с кукольными деталями. Девочка уселась рядом с братьями — здесь свет, естественно, ярче. А мальчики обрадовались, что у них появилась натурщица, и занялись карандашными набросками, время от времени заглядывая в прихваченную книгу — учебник для начинающих художников. Книга здорово походила на альбом и очень нравилась Кристал, которая перелистывала её, едва та попадала ей в руки. Аня всё втихомолку надеялась, что девочка вот-вот тоже начнёт серьёзно рисовать. Однако пока Кристал больше интересовалась вязанием. И вот сейчас юная натурщица старалась сидеть в одной позе и только поблёскивала любопытными глазами на художников, насупившихся от старания.

Даже Никас с Онорой остались в гостиной, разве что уселись подальше ото всех — так, чтобы их негромкая беседа не была слышна остальным. Хотя Аня ожидала, что они, как у них это бывало с началом холодов, привычно уйдут в опустевшую столовую залу, где будут сидеть у окна, без зажжённой свечи, только при свете полной сегодня луны. Но, присев неподалёку от Кристал, забывшей про художников и полностью углубившейся в вязание, Аня сообразила, почему никто не хочет покидать гостиной: все ждали посланца дина Валентайна из полиции.

Полицейский появился за полчаса до времени, когда в доме обычно уже лежали в постелях, натягивая на себя одеяла. И — увы. С неутешительными вестями: да, дайна Мадэйлеин написала заявление о пропаже племянницы; нет, девочку всё ещё ищут.

После отъезда полицейского все молча разошлись по своим комнатам.

Аня, как всегда, обошла дом посмотреть, нет ли где непотушенной свечи, и затем тоже удалилась к себе. Лёжа под тремя одеялами и смутно мечтая о времени, когда в доме, несмотря на морозы за стенами, будет жарко, она то и дело соскакивала с этих мыслей на Лиссу. Неудивительно. Пока согреешься под этими одеялами, не раз вспомнишь, как малышка прибежала среди ночи, когда дома не было Таегана... Аня сонно улыбнулась. Когда рядом ложился Таеган, о трёх одеялах можно было напрочь забыть. Обычно он буквально пылал жаром, объясняя своё состояние возвращённой магией. Но, когда он засыпал далеко за полночь после любовных игр, Ане было всё равно, почему от него пышет жаром, как от раскалённой печи. В холодной ночи она, бывало, пыталась иной раз отстраниться от него, чуть не обжигаящего...

И сейчас, даже только вспоминая, как он, глубоко спящий, недовольный во сне, что она порой лежит, не прикасаясь к нему, мягко, бережно брался за её плечо или протягивал руку под её головой, берясь за её плечо, и подтаскивал к себе, она будто зажигалась от него, далёкого, но такого чувственного.

И мгновенно стало жарко — настолько, что она была вынуждена сбросить на пол («Завтра уберу!») лишние одеяла и спать спокойно дальше... «Спасибо, Таеган... Ты помогаешь мне даже издали...»

И, может, оттого что лежать под одним одеялом легче, уплывая в сон, она придумала: «А если попросить мальчиков нарисовать Лиссу? Вдруг у них получится увидеть её в определённом месте, как Греди увидел Конгали? Набросков нашей малышки у мальчиков много. Не забыть бы про эту идею завтра, если Лиссу не найдём...»

... Как она пожалела о своей минутной слабости — сбросила одеяла на пол да там их и оставила! Трудно было встать и убрать их хотя бы с пути от кровати до двери?! То же минутное дело!.. А вот не захотелось выбираться из пригретого местечка — так получи...

Но грянули в уши гром и звон — и ошеломлённая Аня выпрыгнула из-под одеяла на себе, не понимая спросонок, что происходит, а потом уже — чисто машинально — бросилась к двери, всего несколько шагов! Но на первом же шаге ноги сунулись в ловушки небрежно скомканных одеял, свалившихся на пол. Едва не падая, будто от подножек, махая руками, чтобы не свалиться, запутавшись ногами и не понимая, что её задерживает, Аня добралась-таки до двери. Благо на холодную ночь не раздевалась, разве что обувь сняла да любимый жилет повесила на спинку стула, придвинутого к кровати, — так и выбежала в коридор.

Сначала увидела спину брата, пропадающего, пока он быстро спускался по лестнице в гостиную. Обернувшись на неясное движение за собственной спиной, обнаружила опасно выглядывающую из своей комнаты Онору. Младшие, наверное, успели заснуть глубоким сном, если их не разбудил сигнал ворот — странная смесь из ворчливо-грубоватого и строгого ритма, внутри которого тоненько звенела знакомая до боли высокая нотка, обозначающая Лиссу!

Оноре она махнула рукой:

— Запрись у себя! Сами всё выясним!

Всё так же босиком (впрочем — в носках) Аня скатилась по лестнице следом за Никасом. Тот стоял у входной двери в дом, одной рукой вцепившись в дверную ручку, другую держа на небольшом расстоянии от артефакта связи с воротами. Впустить того, кто за воротами, не решался, поскольку не всегда умел различать сигнальные интонации.

Аня бросилась к нему с едва ли не воинственным воплем:

— Открывай! Там Лисса!

Оглянувшийся на её шаги брат немедленно шлёпнул по рычажку артефакта. Добежавшая до него Аня, держась за стену, сунула ноги в уличную обувь. Та разместилась на обувной полке в два «этажа», совместными усилиями сколоченной Никасом и Таеганом, после того как Аня твёрдо сказала: «Слуг в доме нет! Будьте добры при входе в дом менять обувь с уличной на домашнюю!»

Никас тем временем сдёрнул с вешалки, стоявшей рядом же, свой плащ. Пока Аня бегала за палантином, забытым на диване, он открыл входную дверь и первым вышел на крыльцо. Прекрасно зная, что здешнее средство передвижения не сразу доберётся до парадного входа, Аня уже спокойней укуталась в палантин, стороной думая о том, что неплохо бы не только иметь вешалку при входе, но и устроить небольшой закуток здесь же — для верхней одежды, чем хранить её в своих комнатах.

Выскочила на крыльцо и с волнением взгляделась в дорогу. Странно. Ожидаемого средства передвижения всё нет. А ведь Аня надеялась, что к моменту её выхода на улицу оно будет подъезжать к лестнице. Прижалась к брату, обняв его руку, чтобы сохранить тепло. Он немедленно распахнул плащ и укрыл её краем, успевшим согреться.

— Замёрзла? — торопливо спросил он.

— Пока нет, но скоро начну замерзать, — скороговоркой ответила она. — Почему их так долго нет?

— Знать бы... — пробормотал Никас.

Оба замерли, прислушиваясь к ночной ноябрьской тишине и присматриваясь к углу дома: именно его и должно обогнуть то средство передвижения, которому они разрешили въехать на территорию поместья. А его до сих пор нет... Жаль, на единственном столбе возле дома не горит факел, а в гостиной они не догадались зажечь тот самый канделябр на пять свечей, под пламенем которых рисовали мальчишки...

Никас, как будто услышав её мысли, поднял руку — и на пальцах разгорелись огоньки, осветившие ближайшее пространство.

Аня зябко сжала локоть брата. А если... Если им только показалось, что ворота сигнализировали?.. Глупости. Одновременно слышали то, чего нет?

Но вот в тишине зародился странный шумок, который постепенно перерос в погромыхивание. Аня и Никас переглянулись и вновь устали на угол дома.

Пока погромыхивание росло, Аня даже сделала движение, нет, скорей — порыв отцепиться от руки Никаса и побежать вперёд — от нетерпения и тревоги.

— Не надо, — суховато сказал Никас. — Мы не знаем, что там. Лучше, если ты останешься со мной.

Она удивлённо выглянула из-за края его плаща. Кажется, она настроила его довольно серьёзно своим сообщением о сегодняшних наглецах, требовавших отпустить с собой девушку-мага, снимающую проклятия. Непроизвольно оглядевшись, Аня округлила глаза на толстую трость, прислонённую к дверному косяку, в шаге от брата. Ничего себе. Когда это он успел...

То, что показалось из-за угла дома, заставило обоих застыть на месте. Ждали что-то вроде кареты или брички. А тут... Несчастливая худая лошадь вывезла на их обозрение телегу, на которой сидели несколько человек, пока ещё плохо видных в ноябрьской ночи. А справа от телеги шагала ещё одна лошадь с всадником, одетым в знакомую форму. О! Как раз в такой приезжал вечером присланный из полиции дином Валентайном! Полицейский! Вот

почему грубоватый тон сигнала — телега. Вот почему упорядоченный — полицейский. Но почему... что происходит...

Не выдержав, Аня вывернулась из плаща Никаса и побежала навстречу телеге, стараясь разглядеть сидящих в ней. Встретились в пяти шагах от лестницы в дом. Причём, как только Аня побежала навстречу телеге, с неё спрыгнул какой-то человек и, вместе с замедлением хода этой телеги, начал что-то выгружать с неё. Что?!

Поначалу показалось — мешок?.. Но мешок довольно активный, потому как забрыкался в его руках. И мужчина (разглядела-таки Аня) поставил брыкающийся мешок на землю. Если это Лисса, почему она не бежит к Ане? Ведь видела же, что именно она спешила к ней! Что... Что происходит?!

Когда телега была дотащена заморённой лошадьёю до крыльца, к Ане подбежал и Никас. Спешился полицейский и тоже зажёл магические огоньки на пальцах, пока Аня уже медленно, приглядываясь, шла к активному мешку. Точно — Лисса! Но почему она не спешит к ней, к Ане? И во что такое странное она одета? Точней — укутана?

Наконец, когда Аня оказалась в двух шагах от малышки, та развернулась.

— Агни!

Аня, вообще-то ожидала, что малышка бросится к ней, раскрыв объятия, но Лисса почему-то шагнула к ней, пряча руки под той, кажется, шальёю, в которую её закутали. Несмотря ни на что, Аня подскочила к ней и, склонившись, обняла её.

— Лисса, милая! Нашлась!

Пока она тормозила малышку, не понимая, отчего та упрямо и хмуро супится на неё, над их головами загомонили. Полицейский чуть не допрашивал Никаса, проверяя, точно ли потерянная малышка является родственницей здешним хозяевам, как Лисса им, мужчинам-грузчикам и полицейскому, объявила, и почему они так легкомысленно отнеслись к потере ребёнка. Никас, сам изумлённый и потрясённый до глубины души, в ответ невежливо спросил сам:

— Разве вы не знали, что в участке лежит заявление о пропаже ребёнка?

Пока мужчины выясняли, в чём дело и его подробности, пока грузчики из лавки углежогов рассказывали, как наткнулись на девочку из богатого дома, до Ани дошло, что Лисса что-то прячет под грубой шальёю. Потому и спросила:

— Лисса, что у тебя там?

— Это моя! — внезапно и пронзительно завизжала малышка, так что Аня отпрянула и в ужасе оглянулась на дом: вдруг этот вопль разбудит всех?! — Моя! Никому не отдам! И там тоже моя!

И так же внезапно полезла снова на телегу, причём помогая себе только одной рукой, а вторую продолжая прятать под шальёю.

На визг Лиссы оглянулись все мужчины. А Никас невольно шагнул к Лиссе. Но только один из грузчиков абсолютно спокойно подошёл к суматошно подпрыгивающей, чтобы залезть на телегу, Лиссе и легко приподнял её, усадил на край. После чего, как ни в чём не бывало, вернулся к разговору с остальными. Аня, в полном недоумении, шагнула ближе к телеге. Лисса грозно взглянула на неё. А потом размотала часть шали, и наружу высунулся блестящий в свете нескольких магических огоньков нос.

— Это кто? — только и сумела выговорить Аня.

— Это моя собачка! — заявила малышка и тут же спрятала любопытный нос под шаль. — Не отдам!

— Хорошо, — пробормотала Аня, — не отдавай.

И тут она вспомнила, что она, вообще-то, хозяйка дома, в который вернули то ли потерявшегося, то ли сбежавшего ребёнка. И вернули люди, которые в эту ночь пожертвовали своим транспортом, своим сном, своим отдыхом и свободным временем.

Развернувшись, она со всех ног припустила в дом — Никас всё равно остался, так что... Влетев в гостиную, не стала дожидаться, пока закроется входная дверь, и сразу же ринулась на второй этаж. В своей комнате она вспомнила, что грузчиков трое, а ещё некоторое время лихорадочно размышляла, стоит ли давать вознаграждение полицейскому, припомнив по словам неожиданных гостей, что это он обнаружил странную телегу во время патрулирования по улицам.

Сообразив, что можно и на месте решить проблему, Аня бросилась назад.

— Я думала, ты убежала от меня, — растерянно сказала Лисса.

— Честно — очень хотелось, — сообщила ей Аня и посмотрела на мужчин. — Большое спасибо за то, что вернули девочку. Пожалуйста, примите это в знак благодарности.

И раздала всем троим углежогам-грузчикам (а что это именно углежог — было ясно при одном взгляде на их одежду и лица) по несколько монет. Вопросительно взглянула на полицейского, но тот лишь улыбнулся и пошёл к своей лошади. Аня сначала пошла за ним — напомнить, что в участке лежит заявление, а значит, по указанным там адресам надо бы утром предупредить, что девочка нашлась, а затем, напомнив, вновь вернулась к телеге.

— Ну что, Лисса? Идём домой?

— На, — деловито сунула ей щенка девочка, а потом вцепилась обеими руками в то, что в первые мгновения показалось Ане кучей тряпья.

В первые секунды, увидев щенка на руках малышки, Ане почудилось, что щенок домашний — такой толстенький и пушистый, несмотря на явную дворянскую породу. Но, когда она взяла его в руки, почувствовала, как мурашки пробежались по спине: да у него кожа да кости, спрятанные под пушистой шерстью!

От потрясения Аню отвлекло странное поскуливание. Подошедший Никас заглянул в телегу, где копошилась с чем-то Лисса, хмыкнул и предложил:

— Лисса, давай-ка я сам её вытащу!

И первым делом за подмышки спустил на землю девочку. Лисса немедленно ухватилась за край палантина, свисающий возле руки Ани, а Никас чуть не всем телом склонился над телегой и легко поднял с неё что-то мешковатое, после чего опустил возле колеса жуткую собаку, мгновенно, едва не придушив, перехватив за верёвку животное, съжившееся, собираясь сбежать.

Полицейский, приподняв над головой подобие шлема, попрощался со слегка обалдевшими хозяевами и первым двинулся к воротам. Затем закричала телега следом за понукаемой понурой лошадью, а с неё трое благодетельствованных грузчиков радостно помахали руками и хозяевам, и Лиссе.

Щенок на руках Ани вздохнул. И его едва слышный вздох наконец заставил её действовать.

— Никас, ты сумеешь затащить собаку в гостиную?

— Если только не за верёвку — придушу, — с сомнением ответил брат. — Ладно, возьму её за загривок — доведу. Она не настолько сильна — очень уж оголодала.

Аня бросила взгляд на собаку. Лисса уже не командовала и не требовала, а со страхом всматривалась в лица взрослых.

— Идём, — решила Аня. — Лисса, не бойся — собачек оставим при себе.

Хотя в душе ужасалась: целая ночь будет потрачена на то, чтобы отмыть этих вероятных приبلуд. Всех троих. Грязными она не собиралась оставлять их до утра — особенно Лиссу. Да и собаки... А вдруг они заразные? И уж точно на них полно всякой мелкой живности, которая может перескочить на детей!.. Но она обещала однажды Лиссе, что у неё будет собачка! Аня искоса посмотрела на «собачку», которую вёл к дверям Никас. Мда... Представлялось нечто вроде аристократичного белого облачка, как Коан у Конгали. А тут... Собака почуяла взгляд со стороны, затравленно взглянула на Аню и тихонько взвыла.

— Ничего, ничего, всё будет замечательно, — вздохнула та, одной рукой держа щенка и думая, не семью ли собачью она берёт в дом.

А ведь, если не полностью вымыть, так ещё хотя бы надо умыть Лиссу! Судя по замызганному, чумазому личику малышки, она наверняка долгое время сегодня пряталась в угольных кучах. Да как она вообще туда попала?! Ну, Партхланы!

В гостиной они остановились. Никас прикрутил верёвку к ножке тяжёлого стула и пошёл закрыть входную дверь. Немного растерянная Аня решала, с чего начать внедрение Лиссы в её комнату и адаптацию животин к жизни в доме.

— С чего начнём? — тоже спросил вернувшийся Никас, с сожалением глядя на грязную компанию, среди которой только щенок уже бессовестно дрых, видимо, потому что попал в тёплое место. Собака же жалобно посматривала на хозяев дома, которые всё никак не могли определиться, что делать дальше. Наконец Аня пришла к решению.

— Никас, мы все закрёмся в ванной комнате. Ты иди спать, а мы отмоемся, и я отведу всех по местам.

И тут же неуверенно взглянула на собачье семейство: Лиссу-то понятно — куда отвести. А собак где оставить? Запереть в одной из пустых комнат? Но вдруг завоют? Оставить в таком месте, где им можно предложить поесть и...

И вот тут Аня спохватилась.

— Лисса, ты голодная?

— Меня эти дяденьки накормили, — зевая, сказала малышка. — Я спать пойду.

— Куда! — успел поймать её за руку Никас. — Сначала умываться!

— Я не хочу умываться! Я спать хочу!

— Не обсуждается, — железным тоном проговорила Аня. — После твоего сна постель будет не отстирать. Так что идём все в ванную комнату! Никас, ты провожаешь нас и уходишь спать! Тебе завтра на работу!

Брат беспрекословно выполнил пожелание Ани. Он усадил собаку близко к ванне, а сам вышел принести из кухни бак с водой. Аня подложила щенка к собаке и оказалась права: тот немедленно приник к животу псины, которая забилась в угол. Успокоившись, что ей дадут спокойно вымыть сонную Лиссу, Аня быстро поставила перед собой орудия труда: мыло, мочалку и полотенца. Потрогала бак с водой — тот ещё тёплый, после того как его грели на мытьё посуды.

В дверь тихонько постучали.

— Кто там? — спросила удивлённая Аня.

— Это я — Онора. Пусти меня, пожалуйста!

Ох, как обрадовалась Аня, услышав Онору! Прислал ли её Никас, или она сама прибежала на помощь, услышав от Никаса о свалившихся на них проблемах, но Аня была почти счастлива!

Вскоре они в четыре руки усадили Лиссу в самый большой таз и с трудом отдраили её от чёрных угольных пятен. Вынутая из последнего полоскания, Лисса уже спала, так что её обернули в большое полотенце и передали Никасу, который, как оказалось, терпеливо ожидал за дверью, чтобы отнести девочку наверх. Одновременно ему опять-таки приказали идти спать, после того как он завершит перемещение Лиссы сначала в её комнату, а потом и в постель.

— Одежду её стирать сейчас не будем, — заявила Аня Оноре. — Я уже не в состоянии, честно говоря. Но вот с этими хвостиками что делать? Их ведь тоже надо отмыть хотя бы от основной грязи! Или оставить их где-нибудь? А вымыть завтра?

— Вдвоём мы отмоем их быстро, — нерешительно сказала Онора, глядя на свалившегося возле матери щенка. — А где ты хочешь их оставить на ночь?

— Не придумала ещё, — призналась Аня.

— Тогда давай их мыть и думать, — предложила девушка, забирая щенка и глядя его по взъерошенной щёрстке. И поёжилась: — Такой тощий!

— Вот-вот. Их ещё и накормить надо.

Делать нечего. Чем стоять и впустую думать, надо взяться за дело. И взялись.

Собака в ванне — не в тазу (так легче) — выла и скулила, но первая грязная вода чёрного, того же угольного цвета сошла с неё. Псина оказалась коричневато-жёлтого цвета. Больше мылить не стали — только споласкивали, тратя остатки тёплой воды. Уже и сами в процессе поняли, что на щенка сил уже не хватит. Затем долго, найдя все имеющиеся в наличии старые тряпки (полотенца и постельное бельё, которое обычно бросали под ноги, выходя из ванны), вытирали обалдевшую собаку, чтобы хоть чуть-чуть подсушить её.

От нового робкого стука в дверь чуть не подпрыгнули, а собака перестала скулить и насторожила уши. Аня умученно шмыгнула носом: перед глазами уже всё плыло — так спать хотелось! И охрипло спросила:

— Кто там?

— Дайна Таеган! — едва слышно позвали за дверью, и Аня узнала старую Бридин. — Почему вы не спите? Случилось ли что?

— Держи собаку! — скомандовала Аня Оноре, тоже мокрой и вконец уставшей, как и она сама. — Бридин, я сейчас открою дверь, только вы заходите быстро, ладно?

Она выпрямилась полностью и чуть не застонала, тут же хмыкнув — вспомнив утренние стоны и болезненные вопли наработавшихся братьев. И открыла дверь.

Глаза Бридин при виде собаки надо было видеть! Старушке быстро объяснили, что появилась Лисса с собачьим семейством, а старушка в ответ... Онора чуть не заплакала, услышав, что Бридин предложила оставить собак в их с Сайл комнате! После мелкого ремонта, который проделала у них внезапно нагрянувшая к ним хозяйка, старые служанки и в самом деле сумели хорошенько прогреть комнату. Так что собаке там будет обеспечено нормальное просыхание шерсти.

Оставив Онору умываться в ванной комнате, Аня положила в корзину для белья щенка и за ту же верёвку повела собаку в комнату служанок, по дороге полуобморочно думая о том, что собакам надо ещё экипировку прикупить — ошейник, поводок, например. Интересно, водят ли здесь собак с намордниками?.. Выйдя из комнаты Бридин и Сайл (те чуть не вытолкали хозяйку спать, сказав, что дальше сами), она прислонилась к стене и постояла с закрытыми глазами, пока кто-то не взял её за руку. В ванной она умылась сама, а потом Онора повела её наверх.

Войдя в свою комнату, Аня взглянула на кровать. На эмоции сил не осталось: в её постели сладко посапывала Лисса. Видимо, прибежала по старой памяти, замёрзнув, а под одеялом, специально и машинально оставленным Аней так, чтобы тепло долго не пропадало, и в самом деле оказалось тепло. На подламывающихся ногах Аня добралась до кровати и грубовато перекатила спящую малышку ближе к стене. Ничего, не проснулась.

Ощущение, что рухнула на постель. Но на деле легла, да ещё осторожничая, чтобы не придавить Лиссу, которая что-то забормотала, не открывая глаз, и снова потянулась к середине постели.

И, когда стремительно летела в пропасти глубочайшего сна, почему-то перед глазами возникла дайна Мадэйлеин, которая сказала что-то важное о Лиссе. Но что...

Как ни странно, проснулась Аня легко и даже как обычно — за пять минут до нужного времени. Разметавшаяся во сне Лисса отбросила от себя одеяло и лежала носом к стене. Аня сначала улыбнулась её едва слышному сопению, но потом обеспокоилась: а вдруг она простудилась из-за вчерашних приключений? Мягко опустила ладонь на лоб малышки. Кажется, температура в норме... Аня осторожно вылезла из-под одеяла, осторожно подоткнула его вокруг Лиссы. Та едва слышно вздохнула и повернулась так, чтобы вновь скатиться в тёплую середину постели. Пришлось перетыкать заново.

Присев на край кровати и глядя на спокойное лицо девочки, Аня раздумывала о глупом и ненужном: спала-то мало и с перерывами, но выпалась. Почему? Пришла к выводу, что сон был глубокий, да ещё повезло днём поспать. Вот и выпалась.

Уже внизу, готовя на кухне завтрак, Аня всё вспоминала и не могла толком припомнить: кем являлась молодая героиня пушкинской повести «Пиковая дама» для старухи? Кажется, воспитанницей из обедневшей родни? Интересно, в этом мире есть такая возможность — забрать Лиссу из её семьи и воспитывать, как дочь, до её совершеннолетия? Что-то Аня была очень уверена: беспечные родители Лиссы будут только рады этому положению. Как и дайна Мадэйлеин, между прочим...

Только вот как это сделать? По договорённости между семьями? Или есть возможность официального опекуна над малышкой? Честно говоря, Ане хотелось бы официального статуса опекуна. А то с родителями Лиссы всякое может быть. Возьмут ещё — да снова начнут наезжать каждый день на обеды-ужины. Насколько поняла их Аня, Партхланы готовы видеть во всех своих мало-мальски знакомых близких друзей. А в качестве опекуна она может оградить Лиссу от лицемерия родительского легкомыслия.

Вопрос в другом: сумеет ли она воспитать девочку, как полагается?

— Дайна Таеган? — заглянула в кухню Сайл, умильно улыбаясь. — Хотите посмотреть, как у нас тут ваши собачки?

Понимая, что Сайл хочет поделиться какой-то любопытной, как считала старушка, картинкой в своей и Бридин комнате, Аня кивнула и быстро вытерла руки кухонным полотенцем. Пара шагов по коридору — и вот комната старушек. Сайл распахнула дверь, и Аня усмехнулась: вымытая псина валялась на полу, на обрывке наверняка старинного покрывала, чуть не обнимаясь с обогревателем-«солонкой», а щенок спал прямо на своей матери, тоже, таким образом, тесно прислонясь к обогревателю. Бридин сидела на своей кровати, не сразу заметив, что Сайл вернулась с хозяйкой дома. Поэтому Аня, улыбнувшись, снова кивнула Сайл и тихонько ушла от порога.

С собаками она разберётся потом, когда время будет посвободней. А вот чего до сих пор терпеть не могла, так это страха служанок при виде неё: они всё норовили вытянуться перед ней, словно солдаты перед начальством. Заметь её Бридин — вскочила бы с кровати. И испортила бы всё умиление от картинки с пригревшимися псинами.

Стоя у кухонного стола, она взглянула на кастрюли и сковороду: сегодня на завтрак — каша с мясом. Ну и чай. Но собакам чай не предложишь. Так что в отдельную миску надо бы отложить каши, а потом хорошенько крошить туда мяса — и только для взрослой собаки. Щенку, насколько поняла Аня, пока хватит и материнского молока. И во всей своей красе встал новый вопрос: где кормить собак. На кухне? Аня машинально обвела ищущим

взглядом помещение. Да, довольно свободное. Ага, вот и уголок довольно удобный: нет шкафчиков и другой мебели — один только высоченный шкаф, отделявший уголок от основного помещения кухни. Миску поставить сюда, сюда же и какую-нибудь тарелку с водой...

А вот любопытно: что скажет Таеган, когда в его следующий отпуск будет встречать на крыльце не только счастливая толпа народа, но и гавканье собак?

Радостный вопль из коридора — и изумлённая Аня выскочила из кухни, побежала к гостиной. Что у них там?

Там у них оказалось — собака и щенок в комнате Бридин и Сайл! Аня как-то подзабыла, что и для подростков собака в доме — это событие космического масштаба!

Мальчики и Кристал, наверное, шедшие в столовую залу и, приглашённые Бридин или Сайл, набились в комнату служанок, уселись на пол и... Кристал, чуть не плача от восторга, гладила удивлённого щенка, мелко махавшего куцым хвостиком и норовившего облизать её руки, а двойняшки деловито разглядывали и сестру с щенком на руках, и псину, чуть ли не профессионально прицениваясь к обеим, как к элементам композиции в своих рисунках и портретах. Служанки затаились, стоя у окна, и хлопали глазами, кажется не зная, как реагировать на это радостное вторжение, которое сами же спровоцировали.

— Доброе утро! Не опоздаете? — напомнила Аня, не заходя за порог комнаты. — Мальчики, умылись? Кристал, на кухню — тарелки собирать и нести в столовую залу!

— Агни! — обрадовалась девочка. — Нам сказали — ночью привезли Лиссу? А где она?

— Спит, — объяснила Аня. — Привезли её очень поздно, и лучше её пока не будить.

— А Бридин сказала, что эти собаки Лиссины, — вмешался Кеган. — Это правда?

— Правда. Хотя ещё надо бы разобраться, где она их нашла. А то вдруг у них свои хозяйка есть.

— У таких тощих хозяев нет! — категорично сказал Греди. — Хозяйка кормили бы! Это бездомные, да и беспородные они!

Краем глаза Аня заметила, что Сайл сделала шаг вперёд, как будто хотела возразить мальчику, но вернулась на место, к окну, сосредоточенно поджав губы.

Аня забыла об этом, сообразив, что с появлением собак у неё возникла ещё одна небольшая проблема: одна ночь в комнате старушек — это, конечно хорошо. Но старым людям обычно не нравится вторжение в их личную жизнь — точнее, в границы их обитания. Не оставлять же собак в этой комнате, куда дети будут постоянно бегать, тревожа престарелых служанок! Но куда деть этих хвостатых приبلуд? В мастерскую? Нет. Тогда в мастерскую нельзя будет ввести покупателей кукол. Мало ли кто из них и как относится к собакам. Не всем нравятся псины — особенно дворянского пошиба. В учебную комнату? Наверняка будет возражать дайна Сарейд.

Хмыкнув про себя, Аня решила подумать над этой проблемой позже, когда мальчики уйдут в школу. А пока... А пока на пороге появился Никас, с запавшими от недосыпа и беспокойной ночи глазами. И спросил:

— Агни, ты нашла для собак что-нибудь позавтракать?

Аня чуть не хихикнула: так велеречиво высказался!

— На кухне, в уголке, я поставила для них миску с кашей.

А договорив, сообразила, где надо устроить специализированное собачье место — у входной двери в дом! Хотя бы временно. Сшить для псины с щенком такую штуку, которую видела в журналах, — что-то вроде круглой и плоской подушки с бортами. Или заставить

мужчин сколотить такую аристократичную будку для домашнего пользования. Впоследствии собака со щенком будут свободно гулять по всему дому, но будут знать и собственное место.

— Тогда я отведу её туда, куда ты скажешь, — прервал её мысли Никас, склоняясь над ужаснувшейся псиной, чтобы ухватить её за шкуру.

И вся толпа, возбуждённо переговариваясь, вслед за старшим братом покинула комнату старушек, чему те — обернувшись, улыбнулась Аня, — были несказанно рады.

После того как Никасу был показан найденный уголок, он, предварительно оглядевшись, нашёл-таки, за что можно зацепить верёвку-поводок, чтобы собака не сбежала и не стала гулять по всему дому несколько не вовремя. У высокого шкафа внизу нашлись какие-то шишечки, к которым брат и привязал верёвку. Собака не обращала внимания на человеческие дела, хотя они её касались в первую очередь. Дотянувшись до миски, она принялась за предложенный завтрак. Удивлённо наблюдая, как псина аккуратно ест, не брезгуя и кашей, с жалостью следя за движением под кожей с гладкой шерстью отчётливых рёбер, Аня вдруг вспомнила, как шагнула вперёд Сайл, когда Греди сказал, что собака беспородная.

Надо бы чуть позже выпросить у Сайл, не знает ли та случайно что-то об этих бездомных, возможно, старушка знает что-то о породе, а пока...

— Коану мы разрешали сидеть в столовой, — заметила Кристал. — Почему оставляем эту собаку здесь?

— Мы не знаем, насколько она... — Аня поискала слово и нашла: — ... приучена к порядку и дисциплине. Так что выждем время, прежде чем приглашать её в столовую.

Уходили — всё оглядывались на собаку и щенка, который тоже совался носом в миску, но, кажется, был накормлен матерью ранее, а потому вскоре просто бегал вокруг неё. Только Кристал проворчала, что нос у него весь в каше и надо бы протереть его.

Прежде чем сесть за стол, Аня кое-что загадала — то, что произойдёт вот-вот. Её предположение оправдалось. Никас, усевшись за стол, задумчиво сказал:

— Если собаку оставим, придётся купить ей ошейник и поводок.

Тихонько фыркнув, Аня спокойно, в тон ему сказала:

— Никаких покупок! В конюшне я видела старую упряжь, так что будьте добры, мальчики, подумать о том, чтобы из старых ремней соорудить всё, что нужно для собаки.

Никас бросил ложку и расхохотался, закрыв лицо. Мальчики и Кристал, да и Онора с изумлением взглянули на него, не понимая причины его веселья.

Отсмеявшись, Никас взглянул на абсолютно спокойную Аню и кивнул:

— Ты права. Нечего тратить деньги там, где можно обойтись своим материалом.

Сначала сообразила, в чём дело, Онора. Она с улыбкой посмотрела на Никаса и покачала головой. Потом догадались мальчики, и Кеган со вздохом сказал, защищая старшего брата-транжиру:

— Но ведь купленное — лучше!

— Вот закончим ремонт, тогда подумаем, хватит ли денег, — пообещала Аня. — Хотя... Никас, когда ты сможешь поговорить на рынке с перекупщиками, которым можно будет отдавать наших кукол для магазинов?

— Как только поедем за мясом и другими продуктами, — уверенно сказал брат.

— Мы напомним ему, Агни, — сказал Греди. — А заодно посмотрим, что есть для таких собак, как эта.

— Вы так говорите, будто уверены, что собака останется у нас, — заметила Аня.

— А кому она ещё нужна? — удивился Кеган. — Только Лиссе.

«То-то вы набились в комнатушку Бридин и Сайл, — насмешливо подумала Аня, — видимо, именно потому, что собака никому больше не нужна!» И напонила:

— У нас сегодня самая деятельная первая половина дня. Сначала привезут уголь. Онора, поскольку Кристал будет занята на уроках, тебе вменяется в обязанность показать грузчикам место в конюшне для выгрузки, которое подготовили ещё позавчера. Почему ты? Потому что, возможно, я буду занята с печником, если он появится одновременно с грузчиками. Никас, он ведь тоже приедет сегодня до обеда?

— Тоже, — подтвердил брат и оглянулся на часы. — Мальчики, нам пора.

Провожая братьев на работу и на уроки, Аня вздохнула: а ещё наверняка примчится дайна Мадэйлеин и будут крутые разборки с Партхланами. Ну, если они, конечно, осмелятся приехать за дочкой. Хотя деликатное слово «осмелятся» — это не к ним. А сейчас пора выгулять взрослую псину и проследить за пробуждением Лиссы.

Эх... Пропадают три часа свободного времени, пока Кристал на уроках. А ведь можно было бы... Аня улыбнулась сама себе с грустной насмешкой. Не слишком ли много она берёт на себя? Да, ремонт хочется выполнить побыстрее, но... А ещё шитьё, а ещё вязание — у мальчиков нет тёплых вещей, а Аня собиралась навязать им для школы так называемые мужские клубные джемпера. А ещё куклы, которые таки остаются постоянным, хоть и не всегда регулируемым заработком... Или оставить рукоделие и выждать неделю до полного ремонта мелких трещин на стенах дома?

— Агни, мы помоем посуду! — заявила Кристал, таща смеющуюся Онору за руку на кухню, как будто та сопротивлялась. — А ты посмотри, не проснулась ли там Лисса!

— Хорошо, — с шутливой послушностью ответила Аня, понимая, что ещё немного — и начнёт хохотать в полный голос: смотреть, проснулась ли Лисса?! Да её пробуждение будет оглашено в полный голос — ой, простите, в полный вопль! — Но сначала я выведу собаку! — предупредила она, поворачивая следом за «девочками» к кухне.

— Лисса не сказала, как её зовут? — закричала Кристал и внезапно ахнула: — О-ой!

— Что случилось? — испугалась Аня и помчалась догонять мойщиц посуды, добравшихся до кухонного помещения.

На месте она только и могла, что развести руками и хмыкнуть. Щенок решил, что уголок с опустевшей миской — неплохое местечко и для справления своих нужд. И надул.

— Я уберу, — торопливо сказала Онора, беря щенка на руки, чтобы оттащить его от махонькой лужицы, которую он с интересом обнюхивал.

Собака с ужасом смотрела на людей, вжимаясь задом в угол между стеной и шкафом. Аня покачала головой — уже серьёзная: кажется, псине доставалось за инстинктивные действия щенка — там, где она недавно жила.

— Ничего, — подбадривая её, сказала Аня. — Мы сейчас с тобой погуляем, а потом снова вернёшься в тепло. Не бойся — научим твоё чадо всему, чему надо.

Пока Кристал держала щенка на весу, Онора начала протирать пол, а Кристал усадила щенка в старую круглую коробку из-под шляп. Он немного покружился в странном гнёздышке, устраиваясь удобней. И уснул. А Аня повела слегка упирающуюся собаку к тайной дверце, выводящей в сад, а ниже — к озеру. Вела и побаивалась, как бы та рывком не выдернула из её рук ненадёжный поводок — всё ту же верёвку. Как ни странно, собака поняла, чего от неё ждут, и сделала свои дела, отойдя от плиток заднего крыльца всего лишь

к ближайшим кустам. При свете позднего солнечного утра собака оказалась гладкошёрстной, крепкого рыжего цвета с коричневыми подпалинами и невысокой. Аня в псинах не разбиралась, но решила, что та неплохо выглядит для домашней собаки. Когда ярко-чайные глаза вопросительно взглянули сначала на неё, а потом на потайную дверь, Аня сказала:

— Учти, это только сегодня ты выходишь в это время. С завтрашнего дня тебя будут выгуливать раньше.

И вернулась уже с послушной собакой в дом.

Мытьё посуды было в самом разгаре, щенок вовсю дрых, поэтому Аня, оставив в кухне псину, поспешила наверх — посмотреть, как там Лисса. Пришла вовремя: девочка сидела, закутавшись в одеяло, и недоверчиво осматривалась, как будто не понимая, как она очутилась в этой комнате. При виде Ани, малышка скривила рот, собираясь реветь. Так что Аня чуть не прыгнула к ней, чтобы сесть рядом и утешить:

— Ну, что ты, Лисса! Ты дома, а значит — всё замечательно! Или ты себя чувствуешь плохо? Ничего не болит, Лисса? — Приложила снова ладонь ко лбу малышки — вроде опять-таки температура обычная. — Пойдём в твою комнату, оденемся, расчешемся, умоемся и спустимся вниз. Кристал и Онора тебя заждались. Поешь, заодно расскажешь нам, что же с тобой вчера случилось.

— А собачки? — требовательно спросила малышка.

— Собачки дома, — успокоила её Аня.

Пока Онора с Кристал бегали, готовя прибор для Лиссы, занятой беседой со «своими собачками», Аня заварила травяной чай для девочек. Сушила она травы с лета, едва только разобралась с самыми известными здесь — спасибо Бридин и Сайл, подсказавшими их своей хозяйке. И не только травы. Успела даже шиповника набрать и яблочной падалицы нарезать и засушить. Яблок в эту осень уродилось маловато, но упорная хозяйка дома всё же сумела собрать их в пару ящиков, в которых яблоки прятались в опилках. И предвкушала чудные яблочные запахи к зимним праздникам. А травы... Уж где — где, а в саду можно было набрать много таких, которые не только просто в чай для вкуса, но даже и с некоторыми полезными особенностями, как сегодня — противовоспалительный для возможно простывшей Лиссы. Поэтому Аня лишь глянула на полку с банками, в которых хранила засушенные травы, и усмехнулась: ещё одна положительная сторона собранных трав — в семье больше не пили слабенький (из экономии) покупной чай, а с удовольствием наслаждались тем душистым, что всякий раз в другой смеси заваривала Аня.

Через пять минут сидели в столовой зале, за столом, слушая Лиссу, которая жадно ела поставленный перед ней завтрак и одновременно пыталась рассказать свои вчерашние приключения в подробностях. До приезда дайны Сарейд — полчаса. Аня считала: они все успеют до её появления войти в привычное русло домашнего расписания, включив в него Лиссу и собак.

Рассказ Лиссы, несмотря на то что он изобиловал ненужными подробностями, был короток. Пока родители везли её домой, болтая в карете между собой, но никак не с любимой дочкой, от нечего делать малышка смотрела в окно. И увидела, когда карета замедлила ход, проезжая не самое хорошее дорожное покрытие: у дома — точнее в его открытом дворе, напротив которого карета оказалась, какой-то плохой дядя пинал собаку, заставляя её выскочить на улицу, а собака всё не уходила, и Лисса испугалась за неё. А потом выяснилась причина, почему собака не уходила: мужчина размахнулся и выбросил на

улицу щенка. Причём Лисса сначала не сразу поняла, что это щенок: показалось, мужчина кинул, метя ближе к дороге, какой-то комок. Но собака бросилась к этому комку и схватила его, чтобы унести подальше от ног безжалостного мужчины.

Лисса плакала, а родители, которые не подозревали о трагедии за стенами кареты, продолжали сидеть и болтать, как ни в чём не бывало... Аня так поняла: скажи им Лисса, что она плачет — и из-за чего плачет, Партхланы остановили бы карету и забрали бы, как минимум, щенка. Хотя бы потому, что это... забавно — поиграть с животинкой. В этом она была уверена... Но Лисса в своих родителей не верила. А впечатление беспомощного положения зверушек врезалось в маленькую душу.

И, когда в разгар веселья в родительском доме Лисса поняла, что о ней забыли, она решительно оделась для прогулок и сбежала. Как она вообще нашла ту улицу — чудо из чудес. И бродила по той улице, где видела тот дом, где-то почти до самой ночи, пока не наткнулась на бедолаг. Поскуливание щенка её заставило бежать изо всех сил к высокому забору, за которым и размещалась угольная лавка. Там Лисса уснула, причём собака вынужденно грела теперь и её, потому что на руках девочки лежал щенок. Лисса проснулась утром и растерялась вконец, сообразив, что не знает, как идти к дому родителей или к дому Агни.

В тупичке заборов она пряталась весь следующий день до позднего вечера. А потом приткнувшись к забору, гревшую щенка малышку обнаружили грузчики, работавшие на хозяина той самой угольной лавки. Слово за слово — выяснили, что девочка из богатеньких, и правильно поняли, что она потерялась. Поскольку дело происходило в микрорайоне поместья Ани — в микрорайоне, который грузчики знали отлично, то Лисса как смогла, так и рассказала им, где находится её дом и кто его хозяйка. Определив основные приметные точки дороги и дома, грузчики сообразили, куда надо доставить потеряшку. Они в самом деле накормили малышку тем, что у них оставалось из незатейливого обеда, взятого на работу. Обходились с Лиссой бережно и вежливо, как умели. Насколько поняла Аня — именно что в расчёте на вознаграждение. А может, и впрямь пожалели строптивую малышку. Ну а по дороге к ним подъехал конный полицейский, который недавно заступил на дежурство и не знал о заявлении дайны Мадэйлеин. Узнав, в чём дело, сопроводил грузчиков до известного им дома, чтобы убедиться, что потерявшаяся девочка из благородного семейства попадёт куда надо.

— Почему моя собака не в столовой? — насупилась Лисса, едва закончив свою историю. — Я хочу, чтобы она была рядом!

— Сначала её надо научить всяким командам, чтобы она тебя слушалась, — рассеянно сказала Аня: она размышляла о том, что сегодня будний день. Не выходной, к сожалению. Будь иначе, семья помогла бы с разными делами, которые ожидалась сегодня в немерянном количестве. И почему она решила, что уголь должны привезти именно сегодня, когда должен прийти печник? И как ей совместить приход дайны Мадэйлеин и присмотр за выполнением всего, что заказано? Ладно — Онора приглядит за грузчиками, но остальное... А тут ещё... Аня подняла глаза взглянуть на часы.

— Девочки! — чуть не в панике напомнила она. — Через пять минут приедет дайна Сарейд! Кристал — быстро приводи себя в порядок! Посмотри, всё ли в твоей учебной комнате готово к работе!

— А мои собачки-и? — заныла Лисса.

— Мы отведём их в твою комнату! — твёрдо решила Аня. — Не выпускай их, пока я не

приду. Поняла?

— Поняла! — завопила малышка и прыгнула со стула, уронив подушечку, на которой обычно сидела, чтобы дотянуться до блюд.

Словно вихрь обвеял все помещения дома, и до приезда дайны Сарейд успели затолкать собаку с щенком в комнату Лиссы, одновременно вручив малышке лоскутки, которые надо раскрошить для набивки кукол, что Лисса приняла безропотно. Ане даже показалось, девочка обрадовалась привычной работе, потому что та вернула её к привычному ритму жизни, заставляя забыть те недолгие, но впечатляющие события, которые с ней произошли.

День начался.

Дайна Сарейд была торжественно встречена и препровождена в учебную комнату.

Грузчики приехали первыми, и Аня вместе с Онорой проводила их в конюшню, показав, куда надо будет выгружать привезённый уголь. Всё. Здесь не надо никого и ничего контролировать. Только заплатить в конце работы.

Приехал печник — суровый старик, чья отличительная особенность внешности — густые седые брови, нависшие над глазами, — делала его похожим на деда Мороза. И выяснилось, что сопровождать его не надо: он и сам знал этот дом, в котором проводил осмотр отопительно-печной системы почти каждую осень. Но явно обрадовался, когда к нему на всякий случай хозяйка дома приставила Онору. Это только в конце оказалось, что старик был поразительным болтуном, который весьма любил вываливать бесконечные истории из своей долгой жизни на любого слушателя. А слушатель из Оноры всегда был очень внимательный.

На организацию всяческих дел ушло около часа. Наконец, убедившись, что деловой день покатился по рельсам и не собирается прерываться, Аня сбегала проверить, как там — у Лиссы. Нашла её вновь спящей в обнимку с щенком — собака сторожила обоих, спрятавшись под кроватью. И со спокойной душой хозяйка дома вернулась на первый этаж, чтобы ждать остальных посетителей. Перед тем, чтобы не бездельничать, она вынесла из мастерской корзину с тряпьем, из которого собираласьшить платья, и уселась не привычно у большого стола, за которым вчера сидели, а устроившись у того окна, где посветлей. Всё-таки ноябрь. И каким бы ни был солнечным день, для рукоделия света, в отличие от летнего, не хватало.

Она так увлеклась, что не сразу сообразила, что сигнал от ворот идёт не тот, с которым обычно приезжала дайна Мадэйлеин. Точней, Аня даже не вслушалась в сигнал, а накинула палантин и выбежала на крыльцо. И только здесь поняла, что действует инстинктивно: ведь для въезда дайны Мадэйлеин на территорию поместья достаточно нажать на рычажок артефакта, о чём, правда, хозяйка дома иной раз забывает. А здесь она накинула палантин и собралась идти... Идти мимо открывающего артефакта. Но не потому, что забылась.

С шутливой угрозой Аня изобразила оквадраченные глаза.

Приехала дайна Эннис?!

Собственной персоной?!

Обалдеть и не встать. Чего это она? Поскандалить захотелось?

Как-то не вовремя... А если чуть позже явится дайна Мадэйлеин?

Что тогда?

Ладно, придётся разруливать все ситуации по мере их поступления.

Хотя что это она, Аня? Выгнать дайну Эннис не составит труда. Ещё не хватало ругаться с ней в период цейтнота!

С такими думами Аня дошла до ворот и остановилась в шаге от них, с удивлением разглядывая бричку и человека возле неё. Нет, лекаря дайны Эннис она узнала. Но... Нет, тут явно что-то странное. Если её не разыгрывают.

Лекарь сидел на боковой подножке брички, ссутулившись и обхватив голову руками — в отчаянии? Или он... играет на публику? То есть на неё — на Аню?

Кажется, он так погрузился то ли в горе, то ли в свою игру, что не услышал, как подходит к воротам та, которую он вызвал.

— Добрый день! — объявила Аня о своём присутствии.

Лекарь быстро поднял голову и сорвался с места, подбежал к воротам. Именно к воротам — к калитке подходить не стал. Он вцепился в дубовые листья на решётках ворот так порывисто и в то же время с какой-то безнадегой, что даже на сердце Ани что-то дрогнуло — что-то вроде сочувствия, а потом... С каким-то даже испугом Аня увидела, что его лицо, всегда заинтересованно благодушное, сейчас отчётливо похудело, что подчеркнула ещё и давняя щетина на впавших щеках, а под глазами темнеют такие мешки, что... Он что — не спал несколько дней? Что случилось?

— Я понял, что никакие хитрости с вами не пройдут, — торопливо заговорил он, вперившись с какой-то сумасшедшей надеждой в её глаза. — Поймите, всё, что мы ни делали... Всё было направлено на спасение дайны Эннис! Помогите, дайна Агни! В конце концов, дайна Эннис — сестра вашего мужа!

Аня всё пыталась определить, играет ли он, или искренен?

Стараясь выглядеть бесстрастной, она спросила:

— Что стряслось?

— Дайна Эннис умирает! И только вы можете помочь ей! — Выпалив эти слова и заметив, как Аня скептически скривилась, он вновь приник к решёткам ворот. — Я понимаю, что вы не можете нам доверять, но, тем не менее, дайна Агни! Хотя бы послушайте меня! Пожалуйста! Мне нужно полчаса, чтобы рассказать вам всё! И я готов рассказывать вам, даже не заходя в дом! Прямо здесь!

И вновь Аня мысленно обозлилась: ну почему сегодня не выходной! Тогда бы было гораздо проще!.. С минутой-другую она вспоминала, кто и где в поместье находится. Успокоилась, сочтя, что народу в доме полно. И, открыв ворота, велела:

— Заезжайте!

Она разглядела даже сквозь щетину вспыхнувший румянец на лице лекаря — и поверила ему, этому румянцу: такое сыграть нельзя. Значит... Дело и впрямь какое-то трудное и не терпит отлагательств? Вспомнилось, какой она в последний раз видела дайну Эннис — одряхлевшей и суматошной старухой. И, не оглядываясь на лошадь, везущую бричку (лекарь шёл рядом с ней), пошла к дому.

Личный лекарь дайны Эннис как-то так закрепил поводья, что лошадь, подошедшая близко к крыльцу и послушно вставшая на месте, вообще замерла. Ане даже пришлось приглядеться к её бокам, чтобы увериться, что она ещё живая.

Затем лекарь заторопился за Аней и успел обойти её, чтобы учтиво открыть перед ней дверь. Аня не то кивнула, не то просто склонила голову — сама не поняла, но, кажется, жест получился достаточно аристократичным, чтобы этот лекарь выдал из себя «приличествующую» светскую улыбку.

В гостиной раздавалось постукивание: печник проверял отопительную систему дома, и глуховато из-за двери учебной комнаты доносилось мощное контральто дайны Сарейд. Впрочем, гостиная тоже оказалась в движении: Бридин вытирала пыль со всех предметов мебели, куда только могла дотянуться... Аня предложила лекарю:

— Можете оставить свой плащ на той вешалке. — И попросила старушку: — Бридин, принесите нам чаю, пожалуйста.

Старушки любили, когда к ним обращались с просьбой сделать что-то лёгкое, по их силам. Особенно сейчас, когда обе щеголяли в новых, пошитых Аней тёплых платьях и фартучках, а по дому шастали в прикупленных «калошках», таких же, как у хозяйки, но не кожаных, а шерстяных. Так что Бридин на слова Ани аж расцвела улыбкой и тут же засемила в коридор, ведущий в кухню.

Аня же пригласила гостя сесть в любимые кресла Никаса и Оноры, стоявшие рядом с небольшим столиком, на котором обычно оставляли газеты и журналы. Выбрала же она это место по двум причинам: поняла, что не боится своего необычного (если вспомнить, кто он) гостя, а ещё поняла, что он и впрямь готов к откровенному разговору.

Ко всему прочему, Аня сообразила, что дайну Мадэйлеин не стоит ждать рано: пока до неё доедут с сообщением (а это будет очень поздно, если учесть представление полицейских о том, во сколько встают богатые и родовитые дайны) из полицейского участка, пока она рванёт к Партхланам, чтобы устроить им крутые разборки и жёсткую выволочку, пока под конец этой самой выволочки присмиревшие Партхланы начнут её умолять съездить к дайне Агни и решить вопрос (знать бы ещё, какой!) с Лиссой, пройдёт точно не меньше часа.

Заметив, что насторожённый гость время от времени скашивается посмотреть на дверь, из-за которой доносятся два женских голоса — звонкий девчоночий алыт и глубокое контральто, Аня успокоила его:

— Там учебная комната моей младшей сестры. С муниципальной учительницей она занимается по общей магии. Им сидеть ещё два часа, так что нашей беседе не помешают.

С её последними словами в гостиную вплыла Бридин и поставила поднос с чаем на столик, заблаговременно очищенный Аней от газет и журналов.

— Спасибо, Бридин.

Старая служанка сдержанно присела почти в книксене и, прихватив тряпочку для вытирания пыли, удалилась. Кажется, старушка решила не мелькать на глазах хозяйки, которая вздумала принять гостя в гостиной, а не в кабинете, например. «Ещё бы я его в кабинет запустила!» — хмуро подумала Аня, разливая травяной отвар из заварочного чайничка по чашкам, а затем откидывая крышку на пружинке с металлической вазочки, полной домашнего печенья.

— Прошу вас, — пригласила она гостя к чаепитию и, как надеялась, к обещанному разговору.

Лекарь с некоторым подозрением («Хм — в стане врага же!» — невольно усмехнулась Аня) отнёсся к предложенному напитку. Но вид пригубившей чай хозяйки дома успокоил его. Отпив же из чашки, он уже с удовольствием поднял брови:

— Я узнал, по крайней мере, три травы. Увлекаетесь сборами, дайна Агни?

— Увлекаюсь, дин... — Она намеренно сделала паузу, вопросительно глядя на него.

Лекарь не просто спохватился, но даже смутился, что Ане понравилось.

— Дин Лугус! — вскочил он с кресла, чтобы поклониться хозяйке дома. — Дайна Агни, простите мне мою оплошность!

— Садитесь-садитесь, — улыбнулась Аня. — Ещё чаю?

— Да, благодарю вас! И простите за то, что тяну время. Если быть откровенным, я не знаю, с чего начать, — вздохнул дин Лугус.

— Вам придётся говорить подробно о своём деле, — предупредила Аня. — Особенно, если оно тянется с момента моей магической болезни, насланной дайной Эннис. Несколько месяцев назад я с трудом оправилась от её отравы. Но так и не оправилась от побочного эффекта отравления: я многого не помню из того, что было до болезни.

«Странно, кстати, — вдруг подумалось Ане. — А почему он лекарь, а не маг-целитель, как тот аптекарь, к которому вчера утром заезжали братья? Не забыть бы спросить у Никаса». Но следующая же фраза дина Лугуса заставила её чуть не подпрыгнуть, а потом невежливо прервать его, потому что он сказал невероятное:

— Мы с дайной Эннис обручились полтора года назад и...

— Что-о?!

Дин Лугус озадаченно замолк. А она снова взглянула в лицо этого измученного, но довольно молодого ещё, лет под тридцать, мужчины и вспомнила, какой видела в августе в последний раз сестру «своего» мужа. Что ж... Та безалаберная старуха, выглядевшая ближе к семидесяти, неплохо так проводила время и была настолько богата, что могла позволить себе захомутать наверняка бедного в средствах мужчину в лице довольно симпатичного (надо признать) дина Лугуса.

А потом Аня зажмурилась. Стоп! Полтора года назад дайна Эннис ещё не получала от покойного... ой, живого ещё брата весьма жирный, по воспоминаниям Никаса, кусок его наследства в денежном варианте! И была отнюдь не богатой. Так почему же... Аня с сомнением взглянула на дина Лугуса, который терпеливо ожидал её вопроса, остановленный на полуслове. Может, он из тех, кто западает на пожилых дайн? Но дайна Эннис настолько страшенькая... Или Аня ничего не понимает, а сестра мужа хорошенькая, несмотря на возраст? Ну, хотя бы в глазах влюблённого мужчины? А дин Лугус должен был здорово влюбиться в неё, если не обратил внимания на... Стоп опять-таки. А если дайна Эннис и ранее была богатой? Она ведь тоже маг! И наверняка практикующий!

Впрочем, что это она, Аня? Вот же сидит перед ней человек, который может разрешить все её сомнения, ответив на все вопросы. Ну, предположительно, на все.

И она сухо (исходя из соображений, что он остался с дайной Эннис по причине её части наследования) сказала:

— Итак, вы обручились. И это весьма похвально, что остались с дайной Эннис в пору её... бедственного положения. — Это она успела придумать, что деньги её брата они оба могли уже потратить.

Но дин Лугус всё ещё выглядел каким-то озадаченным её реакцией на его первое сообщение. Он немного помялся, а потом сам осторожно спросил:

— Дайна Агни, а что смутило вас в начале нашей беседы? Почему-то мне кажется это важным. Если уж мы решились высказать вслух какие-то тайны, почему бы и вам не быть откровенной? Если вас удивило, что я до сих пор с дайной Эннис, так, несмотря ни на что, я люблю её!

— Я буду грубой, — предупредила Аня и уже спокойно высказала: — Я не понимаю, почему вы, молодой дин, продолжаете оставаться рядом с... дайной Эннис.

Дин Лугус нахмурился так, что лоб сморщился от его желания понять хозяйку дома. Аня же поморщилась, оттого что не сумела чётко выразить свою мысль: почему он продолжает оставаться с дайной Эннис — со старухой?! Признание, что он её любит, как-то не впечатлило её... Дин Лугус внезапно сказал:

— Мы с вами, дайна Агни, пытаемся сейчас быть откровенными, но... Но, кажется, я начинаю понимать, в чём дело. Вы не помните дайну Эннис до болезни, насланной ею, не правда ли, дайна Агни? Вы знаете, что она есть, но не помните, какой она была?

— Предположим, — помедлив, осторожно ответила Аня, настроенная настолько скептически, что была уверена: он сейчас начнёт вешать ей лапшу на уши о своей великой любви к этой жуткой старухе.

— Дайна Эннис на полгода старше вас, дайна Агни, — печально сказал дин Лугус.

Аня чуть не подавилась кусочком печенья.

Повторно вопить: «Что-о?!» она всё же не стала. Поймала себя на открытом рте — и закрыла его. Посидела, собираясь с мыслями. Пока существовал единственный ответ на все вопросы, которые колыхнулись в ней: «Это магический мир! Прекрати подходить к нему с лекалами мира собственного!»

Но одно дело — понять принцип. Другое дело — поверить ему на практике.

Дайна Эннис — почти ровесница ей?!

Чтобы неловкая пауза перестала быть неловкой, она призналась:

— Мне... надо принять это, дин Лугус.

Сказала — и сообразила, что высказалась довольно странно.

Но гость только покивал понимающе и с грустью.

И оба замолчали. Гость сидел, отставив опустевшую чашку от себя, и печально смотрел на стол, а Аня всё пыталась собраться с мыслями. Собралась и догадалась, что без тех самых подробностей, о которых она сама предупреждала гостя, не обойтись. Поэтому промолчала, рассеянно вслушиваясь в домашние звуки: совсем рядом размеренно раскачивали маятник напольные часы, прямо сейчас слышен был невнятный диалог между Кристал и дайной Сарейд; деловитое постукивание печника теперь доносилось очень издалека — кажется, мастер и Онора ушли в дальние уголки дома...

— Хорошо, — наконец сказала Аня, потому что видела, что дин Лугус ждёт именно её слова. — Вы обручились с дайной Эннис полтора года назад. Что... дальше? Простите, если мой вопрос снова прозвучит грубоватым, но я всё ещё... потрясена.

— После обручения мы везде появлялись вместе и планировали свадьбу, — со вздохом продолжил дин Лугус. — Мы решили провести её, как можно дольше оттянув время. Будучи довольно рациональными, мы оба понимали, что надо лучше узнать друг друга и только затем соединяться навсегда. Ошибок в таком союзе мы не хотели. Выяснилось, что в нашей паре я очень мягкий и... — он устало улыбнулся, — несколько дипломатичный, потому что

все споры старался не только первым примирить, но и предотвратить их появление. Выяснилось также, что дайна Эннис может быть вспыльчивой, но быстро отходчивой...

Аня вспомнила все встречи с дайной Эннис и легонько покачала головой. В этом она была согласна с дином Лугусом: вспыльчивости дайне Эннис точно не занимать!

— Первые признаки того, что дайна Эннис подвержена чему-то со стороны тёмной магии, появились, когда пришла весть о смерти её брата... Нет, ещё раньше. За несколько дней до его гибели она начала ездить к нему и ругаться с ним. Пару раз я был с нею и слышал, как она ругается с братом, потому что он не хочет помочь ей, в то время как помогает другим. В ответ он логично заявил сестре, что помогать другим — это его работа. Но в последний наш приезд, видимо, какое-то предчувствие кольнуло его. Дин Хармон пообещал сестре помочь ей. И погиб. Наши разговоры о свадьбе прекратились. И не потому, дайна Агни, что моя невеста переживала из-за его смерти. Нет, она, конечно, переживала. Но тот ужас, который появлялся на её лице... Я понял, что он никак не связан с его смертью. Точней — он связан, но... — Дин Лугус развёл руками. — Она проклинала его смерть, его самого в смерти... А потом она потребовала, чтобы я забыл о ней. Велела слугам не принимать меня, не впускать к ней. Как-то я не видел её целый месяц, а потом... прорвался к ней — пришёл с тростью и бил всех тех, кто пытался меня к ней не впустить... То, что я увидел... — Он судорожно вздохнул и закрыл лицо руками.

Аня молча налила остатки травяного чая, пусть и остывшего, в его чашку. Заслышав звон воды, он отнял руки от лица и горестно проследил за струйкой, после чего решительно взял чашку и одним глотком выпил её содержимое. Теперь Аня уже с сочувствием смотрела на него.

— У неё были чудные косы, которые она сплетала в удивительные причёски, — медленно сказал дин Лугус, глядя в пустоту. — Чудные волосы тёмно-каштанового цвета. А я вошёл к ней в спальню и увидел собранные в пучок седые власы, поредевшие, как у старухи... Мне так нравилось покупать маленькие подарки для её роскошных волос — красивые шпильки, изысканные гребни... Теперь она в них не нуждалась, дайна Агни... Так я узнал, что над нею и братом висело родовое проклятие. Оно переходило от старших к младшим членам семьи. Именно потому дин Хармон начал изучать науку проклятий. И их устранение. Он каким-то образом сумел (или решил, что сумел) избавиться от этого проклятия. Но дайна Эннис считает, что оно настигло его, когда он так легкомысленно (как думают все) начал работать с очередным заказом...

Он снова замолчал. Видимо, время страшных перемен с дайной Эннис было тяжёлым и для него лично.

А Аня размышляла о тех встречах с дайной Эннис, из которых у неё и сложилось мнение о сестре дина Хармона, как о вздорной и жадной старухе. В то время, как дайна Эннис... ровесница... кошмар...

Дин Лугус проглотил ком, видимо вставший в горле, и заговорил далее:

— За тот месяц, пока я её не видел, она объездила всё королевство в поисках хоть самого слабого мага, снимающего проклятия. Таких магов, равных её брату, не нашлось. Но нашлись такие, которые умели хотя бы задерживать действие проклятия. Она следовала их советам. И потратила и на них, и на воплощение их советов в жизнь всё, что получила по завещанию. И она вбила в голову, что должна отнять у вас этот дом. Поймите, дайна Агни! Она пришла в отчаяние! Поэтому её поведение становилось всё более неадекватным!

Аня отвела от него взгляд: убийство молодой женщины, той Агни, которую дайна

Эннис магически отравила, — да, она согласна: это и впрямь неадекватное поведение. Но оправдано ли целью... А кстати...

— А в чём выразилось это родовое проклятие?

— Стремительное старение, — понурившись, ответил дин Лугус. А потом поднял голову и вздохнул. — Моя семья, мои родители... не слишком богаты. Но я старался поддержать свою невесту в её горе и беде. — Он криво усмехнулся. — Знаю, в городе меня называют личным лекарем при дайне Эннис, забыв о том, какое именно место при ней я ранее занимал... Я всего лишь правительственный чиновник в структуре городского управления. Так что и мои деньги пошли в ход, чтобы отсрочить... смерть дайны Эннис. Я и правда — очень люблю её, ту прежнюю Эннис, которая иногда видится в расплывающихся чертах моей умирающей невесты... Помогите нам, дайна Агни!

И тут Аня вспомнила кое-что и похолодела от ужаса.

Онора! Невеста Никаса — дочь дина Хармона! Пусть и незаконная! Что, если умрёт дайна Эннис, а следом родовое проклятие падёт на Онору?!

Липкий страх, ползший по коже, одновременно мобилизовал её.

— Что сейчас происходит с дайной Эннис? — жёстко спросила она дина Лугуса. — Почему вы именно сейчас приехали к нам?

— Дайна... Эннис... — с трудом выдавил мужчина. — Она перестала говорить. Не может встать и плохо двигается. Нам не хватает денег на те магические средства, которые поддерживали её силы. И мы (теперь уже только я) знаем, что в вашей семье есть девушка, которая специализируется на снятии проклятий. Что из этого вы нам предложите — я буду за всё благодарен. Мы... будем благодарны. Пожалуйста, дайна Агни! Помогите нам — ради памяти вашего мужа, дина Хармона, благодаря которому ваша семья получила пристанище на долгие годы вперёд! Пожалуйста, дайна Агни! Я умоляю вас!

Он даже дёрнулся вскочить с кресла — возможно, встать на колени, но Аня остановила его, подняв руку.

— Дайте подумать, — с досадой проворчала она, чувствительно проникнувшись предстоящей трагедией. Двумя потенциальными трагедиями.

Что же делать? Как спасти Онору? Ответ прозрачен: только сняв проклятие с дайны Эннис. Но как?! Как?! Был бы рядом Таеган! Он бы что-нибудь придумал! В это Аня свято верила. Но его нет. Уехал недавно, а значит... Надежда только на Онору? Но как заставить Онору разбираться в этом проклятии так, чтобы она не знала: оно родовое!

Что усвоила Аня: маг, который действует по своей специализации, должен быть абсолютно безэмоционален. Именно так он легче входит в нужное для работы с магией состояние. Испытала на себе, пока работала с рисунками, отображающими образы силы.

Наконец она пришла к решению. Неполному.

— Дин Лугус, — твёрдо сказала она, — каков ваш прогноз насчёт состояния дайны Эннис? Сколько она ещё продержится?

— От силы — неделю. В лучшем случае — две, — хмуро сказал он.

— Денег у нас мало, — серьёзно сказала Аня. — Дом продать мы не можем — семья слишком большая, чтобы пойти на такой поступок. Да и успеем ли найти покупателя, чтобы помочь дайне Эннис?.. Я смотрю на вещи реально. Итак, что мы можем сделать. Оставьте мне адрес, по которому мы сегодня можем приехать к дайне Эннис, чтобы девушка, встречи с которой вы так добивались и ранее, сумела осмотреть вашу невесту и вынести вердикт, сумеет ли она снять это проклятие. Или вновь прописать те средства, которые нужны дайне

Эннис, чтобы продержаться ещё немного.

Он чуть не взлетел с кресла, но предостерегающий жест Ани вновь заставил его сесть — с горящими от появившейся надежды глазами.

— Есть одно условие, — медленно сказала она.

— Мы заплатим! — с воодушевлением воскликнул дин Лугус. — Мы обязательно заплатим, пусть и не сразу!

— Нет. Это другое. За снятие проклятия, возможно, денег мы вовсе не возьмём. — Она усмехнулась. — Договоримся по-родственному. Условие такое: вы не должны говорить нашей девушке, что проклятие родовое.

— Почему? — удивился дин Лугус, заметно в замешательстве.

— Я не специалист, объяснить конкретно не сумею. Во-первых, девушка предпочитает сама выяснять, что собой представляет проклятие. Она очень хорошо видит магически. А упоминание типа проклятия, — на ходу сочиняла Аня, — её может сбить с толку. Не забывайте, что девушка весьма юна и впечатлительна. И потом... Не забудьте, что это проклятие может и не быть родовым. Поэтому лучше не перенаправлять внимание юного мага на определённые нюансы, — уже строго сказала Аня, инстинктивно сообразив последнее: проклятие и правда может быть и не родовым.

— Это я понимаю, — прошептал дин Лугус, истово глядя на Аню.

— Когда, в какое время мы можем приехать, если будем свободны после шести?

— Я всё время с этой секунды буду у дайны Эннис! — горячо сказал дин Лугус. — Буду ждать вас хоть до ночи! — И тут же удивился: — Мы? То есть... нет, я понимаю, что с девушкой приедете и вы, дайна Агни. Но вы сказали так, словно вас будет сопровождать кто-то ещё. Или я неправильно вас понял?

— Правильно, — кивнула Аня. — Мой муж — военный. И очень жаль, что сейчас его нет — он маг, расплетающий магические ловушки. Но мы с братом — тоже сильные маги, так что я надеюсь, что уже сегодня вечером сумеем кое в чём помочь вашей дайне Эннис.

— Вы сказали это так уверенно, — вздохнул тот и наконец всё-таки поднялся. — Не буду задерживать вас и тратить ваше время, дайна Агни. Но я вам благодарен за ту надежду, которую вы мне подарили.

Она проводила его на крыльцо, вместе с ним доехала на его бричке до ворот, где и выпустила его с территории поместья. Постояла немного тут же, следя за удаляющейся бричкой и думая, не слишком ли она была оптимистичной, обещая надежду дину Лугусу.

Надежда... Ещё страшно, что Онора сразу сумеет определить, что проклятие родовое. Не-ет... Придётся сначала поговорить с братом.

А если проклятие не родовое, как думает дайна Эннис? Если она подхватила его, из-за своего несносного, как выразился дин Лугус — вспыльчивого, характера? Что ж... Можно, конечно, и на это понадеяться — до момента истины, когда Онора точно установит, что за проклятие убивает её тётю.

Надо же... На полгода старше... Аня порывисто вздохнула сама. Ужас...

Лихорадочно стараясь упорядочить мысли и снова тревожась, не слишком ли она самоуверенно пообещала то, что может быть невыполнимым, нежизненным, Аня повернула к дому. Шла не торопясь, лишь чувствуя, но не воспринимая, как похрупывает под ногой сухая льдистая пыль, промёрзшая за ночь.

Перед тем как войти в дом, бросила нечаянный взгляд на дворовые пристройки и спохватилась, поспешила к конюшне. Как выяснилось — вовремя. Грузчики уже уложили

привезённый уголь в указанную им каморку, и Аня поблагодарила их за работу. Тут же вспомнив, как деревенская бабушка её приёмных родителей обязательно угощала всех рабочих со стороны хотя бы чаем, она немедленно спросила, не хотят ли грузчики почаёвничать. Судя по всему, это предложение для них стало весьма неожиданным, но понравилось. Они не рассмеялись, не посмеялись над хозяйкой, а только вежливо объяснили, что у них на очереди следующий дом, где тоже нуждаются в угле. Но за предложение, как за заботу, горячо поблагодарили. И, усевшись на опустевшую телегу, отправились восвояси. Аня проводила и их, хотя могла бы открыть ворота из дома.

Но, возвращаясь от ворот, она снова могла думать только об умирающей даине Эннис. Что-то беспокоило её в рассказе дина Лугуса. Какая-то нелогичность. Но что зацепило и тут же пропало из памяти? Да и... соединяя всё, что она знала и слышала о даине Эннис, Аня морщилась изо всех сил: а ведь однажды и Онора сказала что-то такое, что-то важное о своей тёте... Но опять-таки всё это вылетело из памяти.

Закрывая за собой входную дверь, Аня решила больше не думать о деле, пока не появится брат. И ничего не говорить Оноре.

Бридин уже унесла поднос с чашками и заварным чайничком в кухню и вернула газеты и журналы на место... Аня присела в кресло, рассеянно листая первую попавшуюся под руку газету. Что там на очереди? Печник, которому надо, по словам Никаса, доплатить. Приезд дайны Мадэйлеин. Потом домашние дела — и приедут братья. После чего надо будет собраться и выехать по адресу, оставленному дином Лугусом. А если это — своеобразное приглашение дина Лугуса — западня? Глупо думать так. Дайне Эннис давно известно, что Онора — официальная помощница мага, дайны Агни...

Забывшись, Аня смотрела на неожиданно возникшую метель, так хорошо видную в окно напротив. Она даже встала и подошла к окну, чтобы разглядеть: это не снег, а снежная крупка, суматошно постукивающая по стёклам окон... Вовремя нашли Лиссу. А если бы она...

Ой, Лисса! Аня быстро развернулась и помчалась к лестнице. Если что — Онора найдёт её, чтобы хозяйка дома расплатилась с печником. А вот малышка...

Аня без стука влетела в комнату Лиссы и оторопела поначалу.

Лисса вместе с собакой и её щенком сидели на полу, на малюсеньком коврикe для ног, при кровати. Причём собаки сидели напротив малышки, а та придерживала рядом с собой трёх кукол и важно объясняла:

— Эту куклу зовут Тили. Она моя. Это Астор — кукла Кристал. А это Миленькая — так назвала свою куклу Онора. Агни сказала, что Онора вас помыла, значит — вы знаете, кто такая Онора, да? Мы с этими куклами играем. Вы тоже играйте с нами, потому что играть вместе — лучше всего на свете!

Лисса сделала паузу, показывая, как её Тили ходит по полу, и Аня кашлянула.

Девочка обернулась.

— Агни пришла! А мы тут знакомимся с куклами, Агни!

Взрослая собака при виде хозяйки дома — наверное, вспомнив мытьё в ванной комнате, резво спряталась под кроватью малышки, и Аня, еле сдерживая нервный смех, укоризненно сказала ей:

— Эх, ты! А ведь именно я тебя кормила сегодня и выводила на улицу.

— Я тоже хочу кормить собачку! — закричала Лисса. — И на улицу тоже водить!

— И учить командам, — таинственно продолжила Аня.

И Лисса уставилась на неё выжидательно, чуть ли не с ожиданием чуда.

— А это как?

— Твои собачки должны научиться сидеть и стоять по команде. Ты скажешь им одно слово, например: «Стоять!»

Обе резко обернулись к кровати, из-под которой вылетела взрослая собака и уставилась на них. Аня склонила голову и первая сообразила:

— А ну-ка... Сидеть!

Никакого промедления! Собака мгновенно села, преданно глядя в глаза.

— А если я? — изумлённо прошептала Лисса.

— Наверное, тоже получится, — улыбнулась Аня. — Только учти: слишком много заставлять её выполнять команды нельзя. А ещё... Иди-ка ко мне, скажу на ушко.

Лисса подбежала и прислушалась к тому, что шепчет ей хозяйка дома. А потом вздохнула от полноты чувств и почему-то пискляво скомандовала:

— К ноге!

Собака очутилась сбоку от неё, чуть касаясь ноги маленькой повелительницы. Аня подумала, что, вообще-то, насколько она помнит, псины должны слушаться только одного хозяина. Хотя... Может, эта конкретная собака растеряна? Одна, малышка, её утешала, да ещё помогла с щенком. Другая, большая, её накормила. Кого же слушать? Обеих?

— Скажи ей «сидеть», — шёпотом подсказала Аня.

Лисса задохнулась от счастья и потребовала:

— Сидеть, собачка!

Щенок радостно прыгал вокруг этих двоих, а Аня скептически соображала, не появилась ли у них ещё одна проблема. Не придётся ли искать хозяев этой собаки, слишком хорошо... воспитанной?

— Кстати, Лисса, как мы назовём собачку?

Лисса открыла рот. Захлопнула, посмотрела на собаку, которая и сама заглядывала ей в глаза, словно интересуясь: «Ну и? Как ты меня назовёшь?»

— Думай, какое имя ей лучше подойдёт, — весело велела малышке Аня, убегая в коридор на зов потерявшей её Оноры: «Агни-и!»

Легко — сидя дома, от нечего делать перелистывать странички развлекательного журнальчика и, найдя тест, обещающий раскрыть твои неожиданные черты характера, отмечать карандашом нужные ответы на довольно простые вопросы.

Трудно — узнать на практике, что можешь изображать весёлое, а то и шутливое спокойствие, когда душу в клочья раздирает страх.

... У печника, как и у грузчиков, тоже заказов много. Но этот болтливый старик всё никак не мог уйти из гостеприимного дома, где с ним хорошо и вдоволь поговорили и даже угостили чаем перед дорогой.

Но вот печник всё же ушёл, оставив последние рекомендации по растопке печей и по экономии угля и забрав остатки денег к полученному ранее авансу. Аня, смеясь, отпустила в библиотеку Онору, заметно утомлённую энергичным болтуном.

Когда дверь в библиотеку закрылась, улыбка сползла с губ Ани, а её саму чувствительно затошнило. Бессмысленно глядя на эту дверь, мягко светившуюся магическим разноцветьем запрета для чужих, Аня заставила себя отвернуться и хотя бы на время забыть об угрозе для жизни девушки... А ведь Онора только-только начала расцветать в атмосфере такого странного сочетания, как равноправие и любовь...

Быстрее бы приехали братья... Быстрее бы приехал Никас, чтобы свалить на него часть своего груза. Чтобы знать: теперь не только ты несёшь на своих плечах знание о близкой потенциальной трагедии. Но до их приезда чуть меньше рабочей смены...

Снова затошнило. Внутреннее противоречие оказалось слишком резким: в душе страх — на лице и в голосе уверенность.

Надо бы подняться к Лиссе, посмотреть, как там она и её собаки... Любая умилительная картинка с ребёнком, играющим с собаками, сейчас здорово поможет справиться с тем вползающим холодом, которая Аня чувствовала.

Но, переступив на месте ощутимо отяжелевшими ногами, в первую очередь Аня направилась в конюшню — проинспектировать заполненную углем каморку.

Дошла до конюшни, заглянула вовнутрь и вернулась. Закрыла за собой дверь — и поняла, что не помнит, видела ли она работу грузчиков, видела ли вообще ту каморку, ради которой вышла из дома... Мысли мотались вокруг одного и того же: наврал ли дин Лугус? Или всё, что он рассказал, — это правда? Если последнее — то страшно. Онора так истово учится своей специализации, что обычное проклятие легко отличит от родового.

Быстрее бы приехал Никас.

Аня поняла, что повторяет своё желание после каждого вопроса, возникающего сразу после размышлений о недавнем визите дина Лугуса. Господи, что делать... Как спасти Онору... Как спасти Никаса... Как спасти семью от ужаса — умирающей Оноры...

Она стиснула кулаки. До конца урока Кристал с дайной Сарейд, доприезда дайны Мадэйлеин она успеет найти, чем себя занять. А приедет дайна — ворота возвестят о том. Так что... на поиски того, что отвлечёт её безнадёжных и бесплодных мыслей. Приготовить обед для девочек. А для этого взять за руку Лиссу и спустить её с собаками в столовую и в кухню, чтобы болтать и отвечать на смешные и серьёзные вопросы малышки и следить за собаками.

Она помчалась на второй этаж. Проскочив лестницу, чуть не наткнулась на Лиссу,

важно идущую по коридору, с щенком на руках и собакой, сопровождающей её бок о бок.

— Агни! — обрадовалась Лисса. — Я придумала, как назвать собачку!

— И как? — улыбнулась ей хозяйка дома, ощущая, как ледяная корка, сковавшая тело, начинает подтаивать от этого счастливого вопля.

— Красотка! — выпалила Лисса и просительно заглянула в глаза Ани: — Это ведь красивое имя, Агни? Правда?

— А не слишком длинное? — присела на корточки Аня, улыбаясь малышке. — Обычно дают клички покороче.

— А мне нравится Красотка! — заявила девочка, опустив щенка и немедленно обнимая её за шею. — Ну и что, что длинное? Она же красивая, да, Агни?

Взглянув на чуть поотставшую собаку, которая осторожно выглядывала из-за Лиссы, время от времени облизывая щенка, крутившегося рядом, Аня согласилась:

— Да, отмытая — она и правда очень красивая!

— А кто её мыл? — цепляясь за её руку и шагая рядом, спросила Лисса. — Она была такая тощая и чёрная! Я думала, она такая на самом деле, а потом — раз! И не тощая, а длинная и коричневая!

— Мы с Онорой её мыли. Хочешь чаю?

— Хочу. А собачки чай будут?

Болтая обо всём на свете, они вошли на кухню, где Аня усадила малышку на стул и стала готовить для неё чай, а собакам положила остатки каши с мясом, предусмотрительно оставленные ранее, сразу после завтрака. Словно мимоходом погладила Лиссу по голову, скользнув ладонью по лбу — всё ещё опасаясь простуды. Но то ли сама по себе Лисса оказалась крепкой, то ли летние купания и загорание закалили её, но явно девочка чувствовала себя здоровой. И, готовя обед и машинально продумывая ужин, Аня всё так же осторожно спросила:

— Лисса, а тебе не страшно было выходить из дома родителей? Вечер ведь уже был, на улице темно стало!

— Ты что? — искренне удивилась девочка. — Почему темно? Очень светло! Снежок ведь падал! Я быстро вспомнила, где собачку видела!

Успокоившись, что Лисса о своём ночном и последующем дневном приключении вспоминает лишь безмятежно, Аня и сама утешилась, что ночных кошмаров у Лиссы не будет. Было немного тревожно, что Лисса спать будет не слишком спокойно. И сама чуть не расплакалась, представив, какие страшные сны могли сниться малышке.

Лисса с удовольствием допивала чайную добавку, когда Аня велела ей:

— Сиди здесь, сторожи свою Красотку, а я провожу дайну Сарейд!

На кухню она и Кристал вернулись уже вдвоём. И остолбенели на входе: Лисса сладко спала на боку Красотки, щенок которой устроился между лапами матери. Вот тут уж Аня испугалась так испугалась: бросилась к малышке и быстро, но мягко, чтобы не разбудить её, подняла с каменного пола и понесла к мастерской.

— А эти что? — прошептала Кристал в спину.

— Собаку зовут Красоткой, — полуобернувшись, насмешливо сказала Аня. — Возьми у неё щенка и неси за мной. Она сама за тобой пойдёт.

— А вдруг укусит?

— Ты погладь её, — посоветовала Аня. — От тебя для неё пахнет Лиссой, так что, думаю, она сообразит, что щенка не будут выбрасывать.

— А если не пойдёт? — всё ещё сомневалась девочка.

— Свистни ей.

— Свистнуть?! Я не умею, — категорически отказалась Кристал.

Аня затряслась от смеха («Ну я и придумала!») и предложила:

— А давай её вообще не трогать? Может, она сама догадается пойти за нами?

Так и вышло. В конце коридора на кухню они оглянулись: Красотка, прижав своего щенка за шкуру, волокла его, за несколько часов пребывания в гостеприимном доме превратившегося в пушистый мячик, следом.

— Она его не съест?! — испугалась Кристал.

— Не думаю. Кошки и собаки обычно так переносят своих детёнышей.

Уложив Лиссу в самое большое кресло, принесённое в мастерскую для посетителей, Аня вдруг обозлилась на себя: хватит страшиться будущего для Оноры! В этом доме собрались сильные маги, пусть не всегда умелые чисто практически! Таеган умеет расплетать магические ловушки! Она сама и Никас — маги образов силы! Есть ещё один помощник — опытный артефактор дин Вилей!

Если они не успеют помочь дайне Эннис и проклятие перекинется на Онору, они-то сумеют её спасти! Никас и она, например, могут вливать в неё силы, хоть каждый день рисуя для неё те самые розы! Да и не всё они пока знают о ситуации! А если у дайны Эннис, с её-то вздорным («Вспыльчивым!» — ехидно вспомнила она словечко дина Лугуса) характером, другое проклятие? Если она только считает его родовым? Она же не специалист, чтобы чётко утверждать, что это проклятие именно родовое!

И снова кольнуло каким-то странным воспоминанием: что-то такое сказала Онора, вспоминая о времени, когда был жив её отец... Что-то такое упомянул дин Лугус, рассказывая горестную историю постепенного угасания дайны Эннис... И всё в связи с проклятием дайны Эннис. Или с дином Хармоном. Но что?

Ладно, проехали!

Пора отрешиться от дела, которым она сейчас вплотную заниматься не может. И единственное конкретное, что загадала Аня себе на будущее: за полчаса до приезда братьев ей надо будет выдумать причину отлучиться из дома к воротам (причём никому не говоря, что к воротам! Что-то типа прогуляться в одиночестве по осеннему саду?) и успеть поговорить со старшим братом наедине. Вроде как встретила нечаянно возвращающихся братьев, ну и...

— Кошки... — внезапно услышала она и стряхнула наваждение новой проблемы.

— Что ты сказала, Кристал?

— Лиссе можно собак завести, — надув губы, сказала Кристал и жалобно посмотрела на Аню. — А я всегда мечтала о кошке. Помнишь, Агни, нашу Шуструю? Какая ласковая кошка была! Жаль, совсем старенькая... Агни, давай кошку заведём? Лисса-то своих собак к себе заберёт, а мы с кошкой будем...

— Куда заберу? — мгновенно проснулась Лисса и села в кресле, протирая сонные глаза и одновременно оглядываясь. Завидя Красотку, успокоилась и сползла с кресла, чтобы усесться рядом с собаками. Щенок немедленно забрался к ней на колени.

— Домой, — ответила Кристал, усаживаясь рядом с собакой и глядя её.

Малышка насупилась и даже набычилась, после чего заявила:

— Я и так дома! И я тоже хочу кошку!

— Ничего себе!.. — начала злиться Кристал.

Положение спас сигнал от ворот, который узнала даже Кристал.

— Дайна Мадэйлеин!

Лисса вскрикнула и полезла за кресло. Пока Кристал хлопала на неё изумлёнными глазами, та подтащила к себе щенка, свалившегося с коленей, и тихонько велела:

— Скажите тёте, что меня нет! Я не хочу-у! Я не поеду к ни-им!

Ане вспомнилось: пока обе семьи жили в старом доме деда Лиссы, малышка всегда была под присмотром двух этих семей. И даже нянюшка, нанятая дайной Мадэйлеин для своих дочерей, принимала активное участие в воспитании частенько заброшенной легкомысленными родителями девочки. А как только семьи разъехались по разным домам, Лисса оказалась часто предоставленной самой себе. Партхланы даже не удосужились нанять ей женщину, которая за ней присматривала бы.

Любопытно, с чем приехала дайна Мадэйлеин...

Аня использовала артефакт, открывающий ворота, но и сама, накинув на плечи палантин, вышла на крыльцо встречать важную сегодня гостью, размышляя: сумела бы она, Аня, взять на себя воспитание Лиссы, подвернись такая возможность? Или такая ситуация? Неужели придётся отдать девочку Партхланам?

На крыльце встретил пронизывающий ветер. Кажется, зря она не накинула (или не надела) осеннее пальто. Ладно, можно переждать. Дайна Мадэйлеин вряд ли остановится поговорить на крыльце. Наверняка войдёт сразу.

Так и случилось. Карета подъехала к крыльцу. Дайна Мадэйлеин, строгая и даже какая-то суровая, снова приехавшая без детей и нянюшки, поздоровалась с хозяйкой дома и сразу велела кучеру завести лошадь с каретой в конюшню, чтобы дожидаться её в тепле. И вошла, сопровождаемая Аней, в гостиную. Осмотревшись, беспокойно осведомилась:

— А где Лисса?

Аня улыбнулась и кивнула:

— Спряталась от вас в мастерской.

О куклах и их изготовителях дайна Мадэйлеин уже знала, так что слово «мастерская» её не удивило. Она только вздохнула и понимающе спросила:

— Бойтся — я увезу её к родителям? Дайна Агни, я хочу поздороваться с малышкой, а потом... если есть возможность, мы могли бы поговорить наедине?

— Возможность есть, — твёрдо сказала Аня, и две женщины переглянулись, судя по всему прекрасно понимая друг друга.

Лиссу из-за кресла, где она прижалась к стене в старании стать незаметной, вытаскивать не пришлось. Элегантная дайна Мадэйлеин, изящно приподняв подол платья, присела перед собакой и начала восхищаться ею. Поверив её интонациям, малышка вылезла (Кристал, тоже насторожённая, помогла ей) и подошла ближе, но держась чуть на расстоянии. И дайна Мадэйлеин, глядя в слегка отчуждённое лицо маленькой племянницы и улыбаясь ей, напрямую спросила:

— Лисса, ты хотела бы здесь остаться? У дайны Агни?

— Хочу, — буркнула Лисса.

Дайна Мадэйлеин ещё раз погладила сжавшуюся под её ладонью собаку и встала с корточек, чтобы обратиться к Ане:

— Не будет ли нахальством попросить вашего травяного чаю, дайна Агни?

— Всегда рада угостить приятную гостью, — чуть насмешливо ответила хозяйка дома, и дайна Мадэйлеин первой вышла из мастерской.

Прежде чем выйти, Аня попросила:

— Кристал, посидите до обеда здесь, ладно? Потом поговорим.

Вместе с дайной Мадэйлеин они засели в учебной комнате и за чаем сумели обо всём договориться без лишних реверансов и увиливаний. Аня сразу призналась, что не знает, каким образом можно оставить Лиссу в своём доме официально. Разве что обратиться за пояснениями к брату. Но дин Никас должен будет для начала углубиться в бумаги, чтобы узнать, каким образом оформить опеку. А это напрасное время, которое может тянуться неизвестно как долго. Так что если у дайны Мадэйлеин есть на примете знакомый стряпчий, готовый немедленно приступить к оформлению документов на племянницу дайны Мадэйлеин, то хозяйка дома будет рада получить эту помощь. Дайна Мадэйлеин в свою очередь пообещала подключить к делу своего мужа, у которого есть знакомые, в опыте которых был прецедент с таким делом.

Когда тема с опекуном была улажена, поколебавшись, Аня спросила:

— А как быть с родителями Лиссы? Если я буду их пускать в дом как прежде, не будет ли их появление напряжением для вашей племянницы? Можно ли как-нибудь упорядочить их желание приезжать в гости до появления лишь, скажем, в большие праздники и только по приглашению?

В лице дайны Мадэйлеин ей почудилось что-то очень жёсткое. Заметно стало даже, что ноздри аристократичного носика слегка раздулись, когда глаза дайны Мадэйлеин стали отрешёнными: видимо, она вспоминала что-то не очень хорошее, мягко говоря.

— Я вас поняла, дайна Агни. И сочувствую вам в этом вопросе. Думаю, этот нюанс будет официально прописан в документах на Лиссу, — наконец проговорила дайна Мадэйлеин и тут же живо спросила: — А как вы относитесь к нашим... приездам?

— Мы будем ждать вас в любое время, — улыбнулась Аня. — Наши девочки, в том числе и старшая — Кристал, весьма симпатизируют вашим. Да вы и сами это знаете.

Дайна Мадэйлеин выдохнула и ответно заулыбалась.

Деловая часть встречи закончилась. Дайна Мадэйлеин ещё немного посидела в мастерской, внимательно слушая Лиссу, которая тоже растаяла, узнав, что её никто и никуда забирать не собирается. Так что рассказ о том, как именно и почему она сбежала из дома, наверное, получил какое-то подтверждение в глазах дайны Мадэйлеин. Женщина не преминула задать малышке ещё пару простеньких вопросов о том, что было на вечере у родителей Лиссы. Затем немного помолчала, кажется приходя к какому-то выводу. И распрощалась со всеми.

— Ну что, — сказала Аня, стоя на крыльце вместе с Кристал. — Кажется, первая половина дня у нас прошла очень... плодотворно.

— Печник, дайна Сарейд, грузчики и дайна Мадэйлеин, — перечислила девочка. — А зачем она приезжала, Агни?

— Я напомню тебе то, что ты однажды мне сказала: ты не хочешь, чтобы приезжали Партхланы, но не против Лиссы в доме. Ты всё ещё придерживаешься этого убеждения?

— Конечно!

— Лисса останется у нас. Надолго.

— И собачки?!

Аня расхохоталась. Кому — что!

— Ты же хотела кошку!

— К собачкам! Агни, а ты знаешь, как Лисса назвала большую собаку? Красотка!

— Знаю. Это ведь я тебе о ней сказала. А щенка вы назвали как-нибудь?

— Мы пока не знаем — как. Но подумаем, — пообещала Кристал и поёжилась. — Агни, мы ещё кого-то ждём? Может, зайдём в дом? Холодно. И обед пора готовить.

И они зашли.

И самое странное: Аня почему-то успокоилась с момента, когда поняла, что Лисса останется у них в доме. На равных правах с остальными детьми. Останется. И легко. Не значит ли это, что появилась надежда и как-то справиться с родовым проклятием дина Хармона и дайны Эннис? Может, дело с Лиссой — это (если суеверно к нему подойти) знак или даже подсказка, что и дело с проклятием будет выполнить легко?

Вздыхнув, Аня опять почувствовала, как её тошнит от всего происходящего. Столько времени жили спокойно. И вот на тебе — снова события несутся снежным комом с горы, по дороге нарастая в настоящий вал. Впрочем, это не события нарастают. Скорей — нарастает психоз самой Ани. «Вот честно, — подумала она, — слава богу, что моё семейство пополнилось — пусть даже собаками: Лисса-то давно у меня. Пока думаешь о проблемах внутри дома, гораздо легче переносить и всё остальное».

А проблемы не замедлили вновь встать в полный рост.

Договориться-то с дайной Мадэйлеин о том, как вписать Лиссу в этот дом, они договорились, а вот о финансовом вопросе в этом деле подзабыли. Ну ладно — Лиссу прокормить они сумеют. А одежда? Обувь? Или можно при подписании документов упомянуть об этом вопросе? Или при оформлении опекуна такие вопросы решаются сами по себе, то есть в рамках закона? Не-ет, надо дождаться Никаса и расспросить его.

Войдя на кухню, Аня обнаружила, что её девочки уже деловито готовятся к обеду. Даже Лиссу включили в суматоху: малышка таскала пустые тарелки и ложки-вилки в столовую залу, в то время как старшие резали хлеб и поглядывали в кастрюли, поставленные на плиту для нагрева.

— Агни, — тихонько сказала удивлённая Онора, — мне Кристал сказала, что Лисса останется у нас навсегда. Это правда?

— Правда. Но учти, Онора (девушка напряглась), если ты скажешь, что ты рада, что вместе с Лиссой остаются в доме и собаки!.. — грозно сказала Аня и первой не выдержала, снова рассмеялась, а следом заливисто рассмеялась и Онора.

— Вы о чём? — поинтересовалась Кристал.

— О том, что щенку неплохо бы сшить одежду, — фыркнула Аня. — Или связать. Возьмёшься? Или с ним гулять никто не будет?

— Ты имеешь в виду, что мы однажды связали одежду Коану — собачке Конгали?

— Именно.

— Это легко, — пренебрежительно заметила Кристал. — Вот довяжу кофточку по той схеме в журнале, тогда свяжу и щенку. А собаке не надо?

— Не знаю, — улыбнулась Аня.

После обеда дамы занялись кто чем.

Онора привычно потратила следующий час на мастерскую, снова взявшись за кройку кукольных деталей.

Вспомнив лето, Лисса из остатков шерстяных нитей сотворила пушистый шарик и бегала с щенком так азартно, что, присевшая в уголке мастерской Красотка сама дёргалась, чтобы помчаться за смешной приманкой, когда дёргался шарик. Правда, щенок быстро устал и вскоре дрых в кресле, куда его положили, а Лисса привычно взялась зашивать в пошитых

кукол набивку.

Кристал вязала свою кофточку, а Аня дошивала последнюю куклу. Тихонько болтали обо всём на свете, обсуждали прочитанное в журналах и мечтали о дне, когда снова возьмутся за ремонт дома, благо осталось немного. Уговорились-таки вымыть окна на следующий день, чтобы устроить братьям сюрприз, повесив занавески. В конце концов, мечтали ведь об этом с лета... Кристал ликовала от одного упоминания о шторах и занавесках, а остальные только поддразнивали её, что теперь можно будет играть ещё и в прятки, маскируясь под стену за шторами.

За час до приезда братьев Аня проверила, всё ли готово к ужину.

Когда она была в столовой, оглядывая стол с готовыми приборами, к ней подошла Онора и, помешкав, спросила:

— Агни, мне кажется, ты очень встревожена. Это из-за Лиссы?

Какое счастье, что Лисса сбежала из родительского дома!

— Да, это из-за Лиссы, — ответила Аня.

— Но ведь вроде ты говорила, что с её жизнью в нашем доме выходит всё хорошо?

— Я всё равно волнуюсь, — вздохнула Аня.

— Это понятно, — уже задумчиво произнесла Онора. — Только вот странно, что при волнении ты как-то необычно выглядишь. Ну... магически. У тебя совсем изменилась магическая составляющая твоей структуры тела. Я никогда ещё такого не видела.

Испугавшись, что Онора по этим составляющим, которые для неё, Ани, самой — лес дремучий, может догадаться, что хозяйка дома тревожится именно из-за неё, Аня попросила, переводя мысли девушки на иное:

— Посмотри-ка на часы, Онора. Сколько там ещё до приезда братьев осталось?

Девушка выглянула из столовой в гостиную и сообщила:

— Если их ничего не задержит, они будут через двадцать минут.

— Онора, я попрошу тебя проследить за младшими. Что-то мне захотелось немного погулять на свежем воздухе.

Врать не хотелось, но что делать-то? По-другому никак.

— Конечно, выйди, Агни! Только оденься лучше. Даже из окна на улицу посмотреть — и то холодно, — улыбнулась та.

Аня кивнула ей и вышла из столовой залы. У входной двери в дом она не только переобулась, но и надела пальто, а поверх накинула всё тот же палантин, вызвав радостную улыбку Кристал. И вышла. Медленно, стараясь не показать, что спешит, она двинулась в сторону ворот. «Как мне тебя не хватает, Таеган, — в который раз думала она об одной своей печали. — Был бы ты рядом, не пришлось бы ждать Никаса...»

Добрела до ворот и начала кругами ходить рядом с ними, чтобы не замёрзнуть в ожидании. Ветер и впрямь был такой, что здесь, на открытом месте, становилось всё холодней и холодней. Кажется, ближе к ночи снова пойдёт снег. А пока ветер студил дорогу и кусты, выдувая из них последние следы влаги. И опять Аня задумалась о том, что маловато хорошей, зимней одежды и у старшего брата, а тем более — у двойняшек. Тем более — двойняшки учатся в школе, где, как уже знала Аня, одноклассники очень даже обращают внимание на то, кто как одет. А где взять деньги... Надо нажать сильнее на Никаса, чтобы он всё же нашёл посредников для продажи кукол.

На взгорке показалось ландо. Аня подошла к воротам и потрогала мёрзлые кованые «дубовые листья». И усмехнулась. «Терпеть не могу вязать варежки и перчатки! А надо. А

придётся. Ничего. Перетерплю своё «не могу»!»

Чтобы братья не подумали, что она встречает их плохими новостями, Аня уже издали начала махать им руками.

Проехав ворота, ландо остановилось, и Аня попросила:

— Никас, погуляй со мной до дома. Надо обсудить хозяйственные вопросы.

Пароль «хозяйственные вопросы» старший брат понял правильно. Отдав поводья Кегану, он спрыгнул из ландо и приблизился к Ане.

— Поезжайте! — скомандовал он двойняшкам. — А мы прогуляемся.

И, когда ландо быстро покатило к дому, обернулся к Ане.

— Ты пугаешь меня. Что ещё случилось?

— Тебе хорошо... — мрачно сказала Аня. — По времени ты будешь пугаться меньше моего. А я тут уже места себе не нахожу, не знаю, что делать. Учти, Никас. Мы сейчас поужинаем и сразу, прихватив с собой Онору, поедим к дайне Эннис.

— Что-о? Зачем это ещё к ней?

— Никас, у нас проблема пострашней тех, что были. И решать её придётся быстро. Ах, как жаль, что Таегана нет с нами! — прорвался-таки вопль души.

Никас молча предложил ей руку и повёл к дому.

— Рассказывай.

К крыльцу дома брат и сестра шли бесконечно долго, не замечая холода (впрочем, одеты были оба довольно тепло): то брели, будто и в самом деле прогуливались, то останавливались, чтобы уточнить и обсудить детали.

Аня досконально рассказала Никасу не только о визите дина Лугуса, но и о своих мыслях, как поддержать Онору, если событие начнёт стремиться к худшему варианту. Сначала старший брат погрузился в ожидаемое Аней отчаяние, но под конец разговора, когда им осталось подняться по ступеням лестницы к крыльцу, он уже хоть и медленно, всё ещё осмысляя, но выговорил:

— Значит, после смерти дина Хармона дайна Эннис боролась с родовым проклятием почти полтора года? Тогда я согласен: у нас ещё есть время, чтобы спасти Онору. И согласен с тем, что и Таеган может помочь в этом. А вот сейчас... Боюсь, я не сумею решиться сказать ей, что мы... — Он замолчал, с досадой махнув рукой.

Но Аня его поняла.

— Я ведь уже предложила ничего не говорить Оноре. Мы можем просто сказать ей о приезде дина Лугуса и о том, что дайна Эннис умирает от проклятия и что он просит её хотя бы посмотреть, в силах ли Онора его снять. Мне кажется, это дело должно Онору профессионально заинтересовать.

Никас передёрнул плечами.

— «Профессионально заинтересовать»... Эти слова звучат издевательски, если вспомнить, что речь идёт о двух жизнях.

Рассердившись, Аня высказала:

— А если я буду воспринимать всё эмоционально и слишком деликатно, смогу ли я реалистически подойти к этому делу и придумать что-то стоящее, чтобы всё уладить? А если ты о том, что я внешне бессердечна, то даже Онора магически заметила, что я переживаю не из-за Лиссы, как я ей сказала!

— Успокойся, Агни! — взмолился Никас. — Не забывай, что ты уже несколько часов обдумываешь то, что сказал тебе дин Лугус, а я услышал всё это только сейчас! И мне пока трудно рассуждать обо всём с холодной головой!

Оба вздрогнули от неожиданно звонкого вопля Кристал:

— Эй! Вы ещё долго будете стоять на лестнице и ругаться?!

На крыльцо девочка не вышла — высовывалась из-за входной двери. Как и улыбавшаяся над ней Онора. Как и хихикавшая снизу Лисса, державшая в руках щенка. Взрослая собака просто не могла пролезть сквозь преграду в виде человеческих ног, но её тёмный нос между ними виднелся отчётливо. Видимо, девочки не хотели переобуваться в тёплые туфли, а на плитах крыльца было слишком студёно для домашней обуви.

— Зайдите в дом! — откликнулась Аня, невольно улыбаясь их радости. — Всю гостиную застудите! Через минуту и мы зайдём!

Девочки засмеялись и крепко хлопнули дверью.

— Подытожим, — сумрачно сказал Никас. — Мы сейчас поужинаем. После ужина расскажем Оноре о визите дина Лугуса. Соберёмся и поедem к дайне Эннис. Дин Лугус сказал, что она уже не говорит?

— Да.

— Может, это и к лучшему, что Онора сможет обследовать дайну Эннис только магически. — И, уже входя в гостиную, вполголоса спросил: — А что с Лиссой? Приезжали... — он запнулся и исправился: — Приезжала дайна Мадэйлеин?

— Ты тоже догадался, что приедет именно она? Да, дайна Мадэйлеин приезжала. Мы решили, что я начинаю оформлять опеку над Лиссой.

— Это правильно, — пробормотал Никас. — Если что — я помогу.

... Как ни старался брат выглядеть привычно спокойным и весёлым, сегодня у него это не получалось. Зная, что Онора ждёт его, чтобы вместе пойти на ужин, он спустился в гостиную, когда все, кроме замешкавшейся Ани, уже собрались в столовой зале. Только по чистой случайности Аня, выйдя из мастерской, оглянулась на библиотеку, где за полуоткрытой дверью Никас страстно целовал Онору, смущённую, но обрадованную столь ярким нетерпением его любви.

Да и в столовой зале... Никас сел так тесно к Оноре, что они оба постоянно дотрагивались друг до друга не только локтями, но и бёдрами — судя по тому, как тесно были соединены спинки стульев. Младшие, слава богу, ничего не замечали. Двойняшки взахлёб болтали об учебном дне и работе в частной магической мастерской-лаборатории, а девочки рассказывали им о собаках... В какой-то миг Ане почудилось: Никас вот-вот стащит Онору со стула, чтобы усадить её к себе на колени и крепко-крепко обнять. И защитить от всего, что ухмыляется ей в лицо оскалом черепа.

На какое-то время Аня забыла смотреть на них, каких-то притихших, увлечённая смешной историей Греди, который сегодня на уроке ответил так, что весь класс хохотал — хорошо ещё, не над ним самим. А когда снова взглянула... Вовремя. Онора вдруг опустила голову и даже отвернулась от Никаса, после чего взглянула ему в лицо и что-то коротко сказала. И снова взялась за ужин, старательно слушая смеющихся мальчиков и их впечатлительных слушателей. Никас замер. Уголки его губ угрюмо опустились. Но, вздохнув, он почти незаметно отсел. Аня успела отвести взгляд, когда он поднял голову осмотреться, не видел ли кто секундного инцидента. А потом сказал, глядя вперёд, словно кому-то, сидящему напротив. Онора обернулась к нему и опять-таки коротко что-то прошептала. Но при этом она уже слабо улыбалась. Никас с усилием улыбнулся ей в ответ и плотно принялся за уничтожение всего, что было у него на тарелке, больше не отвлекаясь ни на что... Кажется, брат всё-таки перестарался с эмоциями. И со страхом.

На выходе из столовой залы Аня столкнулась с ним и быстро спросила:

— Она догадалась?

— Нет. Просто я в самом деле не умею прятать свои чувства, — хмуро ответил брат. — Она сказала, что я смотрю на неё, как будто она вот-вот... — И вздохнул. — Я не думал, что так... привык к ней.

Кажется, он споткнулся на слове, потому что хотел сказать: «Так любил её»?

— Даю тебе десять минут, чтобы успокоиться, — сухо сказала Аня. — А потом мы идём и сообщаем ей, что надо собираться в дорогу, в дом дайны Эннис.

— Десяти минут мало, — пробормотал он.

— Зато у нас есть полтора года, — напомнила она.

Никас постоял, кривя губы, а потом принял бесстрастный вид и взглянул в коридор, ведущий из столовой залы в гостиную.

— И не пугай её больше, — холодно сказала Аня. — Не забывай, что это я плохо пока различаю оттенки магического поля человека. А уж она с тебя мгновенно считывает!

Брат вновь упрямо насунился, а потом вдруг обернулся и, шагнув к ней, поцеловал её в щёку. Отступил и серьёзно сказал:

— Как хорошо, что ты рядом.

И быстро пошёл в гостиную.

— Не уверена, — проворчала она и с тоской посмотрела, как он решительно шагает по коридору. — Не уверена, — уже прошептала она.

«Я так мечтала, чтобы у нас всё было тихо-мирно! Привычные заботы о доме и о деньгах, которых нам не хватает, — всё это так легко и просто решается... В сравнении с той вашей магией, которую я пока очень плохо понимаю! Если серьёзно, зачем я нужна в доме дайны Эннис? Ну, посмотрю я на неё... Но ведь я не вижу так, как Никас, а особенно — как Онора! А когда учиться? Если для имеющих уже магов в этом доме нужен комфортный быт, потому что, несмотря ни на что, они обычные люди, которые могут мёрзнуть, голодать. И порой начинать надо с самого начала — всего лишь затыкать дыры в доме и покупать сытную еду, да ещё снабжать их всех тем, что требует душа. Кто ж знал, что для Оноры для счастья нужны всего три книжищи, для двойняшек — альбомы с красками, а для Кристал — уверенность, что она будет магом!»

Она отнесла посуду со стола на кухню, а на обратном пути к столам её уже сопровождала Кристал — Онора осталась мыть ранее принесённую посуду. Братья остались в гостиной — заниматься пробным отоплением печной системы... Но Аня о них не беспокоилась: не впервые им этим заниматься. Она шла к столовой зале и уносила на себе вопросительный взгляд Оноры, расстроено думая: «Мне бы кто сказал про полтора года, чтобы я не заикливалась на том, что будет с Онорой через час!»

Когда в столовой больше не осталось посуды, когда столы были тщательно протёрты, Аня кивнула Оноре:

— Зайди в кабинет. Надо бы поговорить.

Девушка улыбнулась ей и послушно последовала в кабинет. Последним вошёл Никас и закрыл дверь — известный знак для младших, что старшие хотят побеседовать о том, что им, младшим, неинтересно. За стол Аня садиться не стала — это ситуация для тех, кто приезжает для магической работы с образами силы. А совещаться, пусть и редко, между своими — это кресла.

Едва усевшись, Аня и Никас переглянулись. Аня пожала плечами: несмотря на то что брат выглядел спокойным до безучастия, вид поглядывающей на него с удивлением Оноры подсказал, что он всё ещё нервничает. Поэтому Аня и сказала:

— Онора, сегодня приезжал дин Лугус. Помнишь личного лекаря дайны Эннис? Это он и есть. Он сообщил, что дайна Эннис сильно заболела магически. У неё что-то вроде той болезни, которой переболела я после магической отравы. Дин Лугус подозревает, что это какое-то проклятие, и умоляет тебя приехать и посмотреть, можно ли что-то сделать, чтобы избавить дайну Эннис от этой болезни. Если это, конечно, по твоей части, как мага, снимающего именно проклятия. Ехать придётся не одной. Мы с Никасом будем рядом!

Девушка посидела немного в кресле, усваивая информацию, а потом удивлённо взглянула на Никаса.

— Именно из-за этого ты так переживал, Никас? — с сочувствием и со светлой, даже утешающей улыбкой спросила она. — Что мне придётся ехать к этой дайне, которая давно угрожает нашему дому? Что мне придётся слушать её гневные речи? Никас, я не боюсь её! Правда! Я поеду!

— Гневных речей тебе не придётся слушать, — с облегчением, что девушка не так поняла Никаса, объяснила Аня. — Её болезнь вошла в ту... стадию, когда она говорить почти не может. Но ты сама посмотришь, не так ли, Онора? Мы не хотим тебе заранее навязывать своё мнение.

— Конечно, — кивнула девушка и встала с кресла. — Я побежала переодеваться?

— Беги, — усмехнулась Аня. — Мы тоже поедem, а значит — нам тоже переодеваться. Никас, идём? И, Онора последнее: не забудь, что дайна Эннис не знает, что ты ей племянница. Лучше не упоминать об этом, хорошо?

— Хорошо!

За старших в доме решили оставить двойняшек, хотя на весть о том Кристал пренебрежительно фыркнула. Но, наклонившись к ней, Аня предупредила:

— Мальчики могут увлечься рисованием. Так что будь добра, внимательно проследи за Лиссой, чтобы она не учудила чего или не нахулиганила. И ещё не забудь: в кухне, на плите, остался чайник, почти полный и горячий, и ваза с печеньем. Если кому-то захочется чаю, накрой всем прямо в гостиной, как мы обычно делаем.

— Ты так говоришь, будто вы уезжаете надолго, — заметила Кристал, настроенная довольно легкомысленно.

— Мы не знаем, как долго будем в отъезде, — призналась Аня. — Но ещё, на всякий случай, вот что: наверное, Лисса очень быстро захочет спать. Как только уложишь, сходи с собакой (ну, с Красоткой) на улицу погулять, ладно?

— Схожу, — пообещала Кристал, видимо вспомнившая, как летом все бегали с Коаном — собачкой Конгали.

— Будь хозяйкой вместо меня, — напоследок велела Аня.

— Буду, — улыбнулась девочка и убежала к Лиссе, сидевшей на диване и игравшей с щенком, пока Красотка следила за ней с пола.

Одевшись в дорогу, Аня вышла в коридор. Здесь уже стоял только один Никас, с недоумением глядя на дверь в комнату Оноры.

— А где она? — удивилась Аня, ожидавшая, вообще-то, что они вдвоём ждут её.

— Женщины! — развёл руками брат и улыбнулся: — Она не знает, что надеть в дорогу!

Аня пожала плечами и, стукнув в дверь, вошла в комнату. Она-то, зная наперечёт весь пока ещё очень скудный гардероб Оноры, мгновенно поняла, в чём дело. Кроме светлых платьев, приличных для выхода в свет и для лёгких прогулок с Никасом в тёплое время вокруг дома, у девушки и в самом деле мало было вещей, скажем, для деловых выходов. Так что Никас зря улыбался.

— Агни! — бросилась к ней Онора, больше огорчённая отсутствием нужной одежды, чем самой поездкой к страшной дайне Эннис.

— Меньше сидеть в библиотеке надо, — проворчала Аня, внимательно разглядывая девушку, одетую привычно по-домашнему: плотные штаны, блузка и тёплый жилет. — Успела бы навязать или нашить что-то для себя. Ткани у нас есть. Нитки — тоже... Так, Онора. Ты едешь, не переодеваясь, в домашнем. Но под пальто наденешь мой длинный жакет. Он достаточно свободный и прикроет то, что ты одета в обычные вещи. В конце концов, мы едем не на светский приём. — И повернулась к двери, бормоча: — Хорошо ещё, что успели обувь закупить...

Жакет Оноре оказался к лицу, полностью спрятав домашнюю одежду. Потом пришлось закрепить её тёмные косы в деловую причёску, которую Аня подсмотрела у дайны

Мадэйлеин. И только затем Онора облачилась в тёмное пальто — тоже когда-то из гардероба Агни. И в тёплую шляпку, которых у Агни было очень много. Вскоре Никас шёл под руку с дамой, одетой не просто деловито, но настолько строго, что и сам чопорно выпрямился, что заметили младшие и над чем успели посмеяться. Единственное, что смягчило излишне строгий образ Оноры, — это палантин, который вывязала Кристал и который Аня собственноручно обмотала вокруг шеи девушки, уложив слои на плечи, — тоже подсмотренное из модных журналов.

Пока мальчики заново выводили лошадь Смородинку из конюшни, Аня пожалела только об одном: надо было заранее договориться с Никасом о магической защите их всех. Мало ли что ждёт их в доме дайны Эннис. Но, сообразив, что тема острая, решилась-таки спросить:

— Никас, Онора, а мы защищены от магического влияния дайны Эннис?

Онора первой приподняла руку и, отогнув край рукава, показала запястье, на котором блеснули несколько браслетов. Правда, Аня хмыкнула, в первую очередь отметив про себя отсутствие зимних перчаток — Онора надела те тонкие, что носили летом по этикету, если надо было куда-то выезжать... Никас тоже оказался «вооружённым» противодействующими артефактами. Аня же знала, что те украшения, к которым она и в самом деле привыкла, уже источают защиту.

Никас ввёл в салон ландо сначала Аню, затем — Онору, после чего сел и сам — на облучок. Верх не поднимали: судя по потемневшему, но чистому небу, мокрети не ожидалось, а оделись все довольно плотно. Разве что Аня, прихватив на всякий случай ещё один «учебный» палантин Кристал, накинула его на спины, свою и Оноры.

Адрес дайны Эннис заставил их поплутать. Выяснилось, что живёт она недалеко, если ехать к ней по прямой, но, если учесть расположение улочек и узких переулков, порой невообразимо виляющих, то добрались до дома дайны Эннис только благодаря наличию на улицах редких прохожих, один из которых милосердно согласился подсесть к Никасу и показать последние метры до искомого места.

Когда ландо остановилось перед указанным домом, когда добросердечный прохожий скрылся в темени одного из переулков, Никас, уже выведший своих дайн из ландо, тоже застыл рядом с ним, с недоумением рассматривая одноэтажный дом, который выглядел, мягко говоря, неприглядно.

Аня, сама того не замечая — приподняв бровь, высчитывала: молниеобразная чёрная трещина в стене, покосившаяся черепичная крыша, на которой не хватало части той самой черепицы и которая наверняка в дождливые дни пропускала воду; всего четыре окна, два из которых забиты досками; опасно накренившаяся крыша крыльца, к которому ведут ступени, пара из которых провалилась... Нет, Аня слышала от дина Лугуса, что дайна Эннис потратила все свои сбережения — часть наследства от брата — на то, чтобы удержаться от воздействия проклятия. Но чтобы она жила в таком домишке... По здешним меркам — почти в лачуге!

Уловив взгляд со стороны, она оглянулась.

Онора растерянно хлопнула на неё глазами — едва видно в ноябрьских сумерках и здесь, на такой улице, где о фонарях вообще говорить не приходится. А потом вновь перевела взгляд на невозможно обветшавший дом.

Никас издал какой-то странный звук, а когда Онора прошептала:

— Никас, ты что? — брат взглянул на Аню и с каким-то диким весельем, хоть и

негромко, спросил её:

— Надеюсь, речи об удочерении не пойдёт?

— Мы подумаем! — заявила Аня, сообразив, что он имеет в виду, и осторожно двинулась к дому. И с намёком добавила: — Если только этого не потребуют особые обстоятельства.

Онора была в курсе насчёт истории этой семейной шутки. Шагая следом за Аней, она тихонько пожаловалась:

— Чувствую себя глупо: то, что сказал Никас, смешно, но этот дом выглядит таким мрачным, что смеяться — неудобно.

— Хорошо тебя понимаю, — пробормотала Аня, приподнимая подол платья, чтобы перешагнуть незамёрзшую лужу, и жалея, что передела штаны, а не осталась в удобной одежде, как Онора.

В тишине, в которой лишь изредка раздавался далёкий собачий лай да подозрительное поскрипывание, кажется, самого дома, послышался треск — и Аня немедленно застыла на месте: полное впечатление, что дом начинает рушиться! Но дом устоял, зато открылась дверь на крыльце, и в тусклом свете промелькнула невнятная фигура. Правда, секундой позже раздался встревоженный голос дина Лугуса:

— Дайна Агни, это вы?

— Да, дин Лугус, это мы.

— Я сейчас посвечу вам, — засуетился тот, но на этот раз отозвался Никас:

— Не беспокойтесь, мы сами.

И сначала на его ладони взвился огонёк, а затем и дайны последовали его примеру. Маги же все.

Крыльцо удалось преодолеть безо всяких катаклизмов, хотя разок Аня страшно испугалась — это когда под ногой одна из досок слишком быстро и низко прогнулась. Но ничего, вошли в прихожую, тесную и тёмную: освещала её всего лишь одна свеча в настенном канделябре.

— Следуйте за мной, — торопливо пригласил дин Лугус и тут же признался Ане, шедшей сразу за ним: — Я не верил, что вы приедете. — И истово присмотрелся к Оноре, скромно шествующей в конце маленькой процессии.

— Наш приезд ещё не значит, что мы сумеем помочь. Не забывайте о том, — вздохнула она, с испугом разглядывая пол под ногами: даже плохого освещения было достаточно, чтобы увидеть, что они идут не просто по грязному полу, а по откровенной грязи. Нет, понятно, что денег на прислугу нет, но жить в такой... антисанитарии? А если дайна Эннис умирает не от проклятия, а от обычной болезни грязных рук? Ну, если забыть о том, что она сама из видящих магов и знает, что с нею...

За спиной ойкнула Онора, кажется споткнувшись, и раздался тихий голос Никаса, утешающий и подбадривающий её. Наконец вся их группа очутилась в новом помещении, более просторном, и дин Лугус виновато сказал:

— К дайне Эннис всем сразу лучше не входить.

Аню мгновенно окатило новым страхом: а если именно Онору там ждёт нечто опасное? И она твёрдо высказала, стараясь говорить так, чтобы дин Лугус прочувствовал её категоричность:

— Мы войдём вместе с дайной Онорой! Вдвоём!

— Конечно-конечно! — заюлил дин Лугус. — Но для начала зайдём мы с вами сюда,

чтобы вы знали, чего ожидать от...

Он прервался и вздохнул, собираясь повернуться к двери в закрытую комнату. Однако после его слов Никас резко шагнул к Ане, хоть обратился он к дину Лугусу.

— Дин Лугус, вы должны понимать наши подозрения в свой и дайны Эннис адрес. Поэтому поймёте, если попрошусь в комнату вместе с вами сначала я. Мне не хотелось бы в отсутствие дина Таегана, мужа дайны Агни, быть ответственным за те опасности, которым могут подвергнуться моя сестра и моя невеста.

Дайны немедленно опустили глаза и вот так, исподлобья, переглянулись.

Но дин Лугус серьёзно воспринял выпад Никаса и нервно закивал:

— Да-да, вы войдёте первым!

Едва мужчины скрылись в тёмной комнате, где по тусклому свету угадывалась опять-таки единственная свеча, Онора быстро приблизилась к Ане так, что чуть не прижалась к ней. И прошептала:

— Я думала — ничего не боюсь. Но этот дом... Магического в нём ничего нет, но почему-то мне здесь... очень не нравится.

И опять Аня сообразила, что именно девушка хотела сказать. «Здесь мне очень страшно». Она сжала ладошку Оноры и спокойно сказала:

— Дом старый. И постепенно разрушается. На тебя действует его гнетущая атмосфера и аура разрушения. Ещё ты знаешь, что где-то здесь лежит женщина, умирающая от магического проклятия... Ты ведь очень чувствительная. Не бойся, Онора. Я рядом.

— Спасибо, Агни, — прошелестела девушка.

Мужское бормотание в комнате затихло, и Никас вместе с дином Лугусом вышли.

— Заходите, — тихо сказал брат.

Аня вопросительно взглянула на него. Больше ничего не скажет? И голос печальный. Неужели... они опоздали? Но тогда он вряд ли бы предложил войти и Оноре.

Дайны снова переглянулись и, всё так же, взявшись за руки, поспешили в комнату.

Эта комнатка оказалась даже бедней той, в которой лежала когда-то умирающая Агни, а потом пробудившаяся в её теле Аня, и которая сейчас стала учебной комнатой для Кристал. Поэтому и мебели помещалось здесь маловато: кровать, стол у окна, плохонький стул с рваным и лохматым от старости сиденьем. Стол был завален различными предметами, и опасно среди них тлела та самая единственная свеча. И в комнате витал запах (или вонь?)... близкой смерти.

Аня взяла стул и поставила его ближе к изголовью лежащей на кровати женщины.

Помогая себе рукотворным магическим огнём, она разглядела лицо дайны Эннис.

— Это она? — прошептала потрясённая Онора, склонившаяся над её плечом. — Это дайна Эннис?

Когда дин Лугус говорил о том, что дайна Эннис уже не может говорить, он как-то забыл упомянуть, что с нею произошли и другие, кажется, необратимые изменения.

Аня смотрела на этот полулысый и морщинистый череп, обтянутый кожей, и в голове крутилось только одно: «Она старше меня на полгода... Она старше меня на полгода... всего на полгода...»

Опомнившись, она осторожно прикрыла дайну Эннис одеялом до подбородка и встала, уступая место Оноре.

— Смотри внимательно, Онора. От тебя пока требуется всего лишь сказать, есть ли у дайны Оноры надежда. Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю! — выдохнула девушка, рывком снимая перчатки и садясь на недовольно заскрипевший стул — настолько недовольно, что Аня, вставшая позади, вцепилась в его хлипкую спинку, боясь, как бы дряхлый предмет мебели не свалился под её помощницей.

Освободив от перчаток руки, Онора некоторое время сидела, застыв взглядом на неподвижной дайне Эннис, жизнь в которой угадывалась только по едва заметному движению всё ещё дышащего тела.

Оставив в покое стул, Аня осторожно переместилась так, чтобы стать сбоку от Оноры и следить за лицом девушки. И увидела наблюдение: Онора приглядывалась к чему-то над головой дайны Эннис, что, судя по движению её собственных глаз, двигалось, причём довольно неровно: глаза Оноры то медленно скользили по чему-то невидимому, то вдруг начинали быстро двигаться по сторонам. Девушка смотрела так, словно... Аня попыталась найти сравнение. Пока подходило только одно, примитивное: Онора наблюдала за рыбками в аквариуме. Они то медленно и даже царственно проплывали перед ней, то вдруг ускользали куда-то вдаль. Одну из них Онора даже попыталась «потрогать», как будто чисто машинально подняв руку. Или поймать её...

За этими странными наблюдениями прошло достаточно времени, прежде чем девушка будто натужно, будто что-то мешало ей, повернулась к Ане:

— Надежда есть. Но...

Ане пришлось присесть боком на край кровати, потому как Онора сразу сказала, что объяснения будут долгими. Аня ещё сначала подумала: ей-то зачем объяснять? Онора ведь прекрасно знает, что хозяйка дома у озера пока ещё не вполне разбирается во всяких магических ухищрениях.

Но Онора была серьёзна. И к концу разговора — скорей, негромкого монолога, в котором Аня поучаствовала, лишь задав парочку уточняющих вопросов, стало ясно, чего добивается девушка.

Они обе немного потом посидели в молчании, глядя на дайну Эннис и соображая, как объяснить всё Никасу. А потом Аня махнула рукой.

— Сама скажу!

Онора попыталась зажать нервное хихиканье, но тоже махнула рукой.

— Ты хозяйка! Тебе легче.

Дайны вышли из комнаты умирающей от проклятия женщины. Мужчины выжидательно и с тревогой посмотрели на девушку. Но Онора со вздохом оглянулась на Аню, а та скептически по отношению к тому, что сейчас прозвучит, твёрдо сказала — и не дину Лугусу, а брату:

— Я её удочеряю!

На открытый рот дина Лугуса никто не обратил внимания. Никас некоторое время вдумывался в сказанное сестрой. Когда до него дошло, он пожал плечами:

— У нас ландо старое. Нет возможности её перевезти.

— Что... что?! — забормотал дин Лугус. — Что всё это значит?

— Это значит следующее, — сказала Аня. — Чтобы помочь дайне Эннис выкарабкаться, надо перевезти её к нам в дом. Дайна Онора не может себе позволить каждый день... нет — два раза в день ездить сюда, в эту глушь. Поэтому мы забираем дайну Эннис в наш дом. — И не удержалась от шпильки: — В тот самый, в который ей так всегда хотелось проникнуть!

Через полчаса пожитки дайны Эннис и её самую аккуратно устроили в бричке дина

Лугуса, и маленькая процессия начала выбираться из мрачного городского угла.

Онора настояла ехать в бричке дина Лугуса, обосновав своё желание:

— Мне надо видеть, как действует это проклятие!

Недовольный Никас всё же обуздал свою досаду и беспокойство, изначально понимая подоплёку происходящего. Но, оставшись наедине с Аней, пожаловался:

— Я всё равно не доверяю этому дину Лугусу!

«Согласна, — вздохнула она про себя. — Мутный тип. Но что делать?»

Не дождавшись реакции на своё, в общем-то, риторическое восклицание, Никас и пяти минут не выдержал, с испугом вспомнив о главном:

— Агни, а Онора классифицировала проклятие?

— При мне она ничего не сказала, — покачала головой Аня. — Может, она ещё не определила его особенность? Во всяком случае, в той комнате Онора выглядела спокойной. Или мне так показалось.

— А если они там с ней что-нибудь... — начал брат и замолк.

— Дайна Эннис и в самом деле выглядит умирающей, и Онора сильная, — напомнила Аня. — Она сразу увидит воздействие на себя со стороны.

Дин Лугус, в отличие от них, дорогу знал. Его бричка ехала впереди, так что тревожиться из-за поисков обратной дороги не надо было. Замолчавший было, Никас вздохнул и с недоумением поделился с Аней своим впечатлением:

— Когда оглашали завещание, я помню, объявили весьма значительную сумму, отписанную дином Хармоном дайне Эннис. Я как-то не думал, что она быстро спустит деньги на поддержание здоровья. Неужели все средства, удерживавшие проклятие в стабильном положении, настолько дорогие?

— А почему ты об этом подумал?

— Дом, из которого мы её вывезли... Он страшней того нашего, старенького, в котором мы жили, пока ты не забрала нас в дом дина Хармона.

— Да? — только и сумела сказать Аня и вздохнула: — Я не помню.

— Знаю, — с привычным сочувствием к её беспамятству отозвался Никас. — Но всё же... Да, мы тоже жили в ужасных условиях, почти нищие. Но у нас были чистые полы, а в доме не пахло так ужасающе. И эти паутинные лохмотья на потолке и в углах, как вспомню... Бр... — поёжился брат.

Наверное, он пригляделся к дому, пока Онора и Аня осматривали дайну Эннис.

Помолчав, Аня сказала:

— А мне кажется, они живут здесь недавно.

— Почему ты так думаешь? — удивился Никас.

— Разве ты не заметил, как быстро дин Лугус собрал все вещи в дорогу? Их было очень мало, и все они в основном оказались уже упрятанными в тюки и в пару саквояжей. Сейчас я вспоминаю комнату дайны Эннис и убеждаюсь в этом.

— Агни, а ты не боишься, что, очнувшись в нашем доме, дайна Эннис снова начнёт пакостить?

— Нет, — спокойно ответила Аня. — Я напомню Оноре припугнуть дайну Эннис чем-то по части проклятия, и дайна будет послушной ягнёнкой.

— Ты так уверена... — пробормотал Никас и глубоко задумался.

К новому высказыванию его побудило резко подпрыгнувшее на колдобине колесо ландо. Он так встревожился, что перегнулся со своего сиденья взглянуть на колесо, издавшее, кажется, едва различимый треск, но ничего не разглядел, а ровный ход ландо далее успокоил его.

— Как ты думаешь, Агни, у Оноры получится?..

Она снова поняла его, несмотря на недоговорённость. Хотя что тут понимать.

— Получится. Зря она, что ли, столько времени просиживала в библиотеке отца? — утешила она его, сама с тревогой думая о том, что будет, если ландо окажется сломанным.

Денег не хватает на самое необходимое для дома и семьи, а теперь ещё придётся тратить и на ремонт транспорта? И ещё неизвестно, что понадобится Оноре для снятия проклятия с дайны Эннис. Насколько знала Аня реалии работы с магией — даже пусть и поверхностно, лучшие магические артефакты требовали лучших же, а значит — дорогих материалов для их изготовления. Денежные проблемы копятяся...

— Порой достаточно твоего уверенного тона, чтобы меня успокоить, — негромко, улыбаясь, сказал Никас. В темноте он не разглядел, что лицо Ани потеряло выражение оптимизма. И сам себе удивился: — Почему же я сегодня такой... что всё пугает и заставляет больно биться сердце?

«Потому что любишь», — мысленно ответила Аня.

Сырая, промозглая ночь неохотно расступалась перед их транспортом, мгновенно смыкаясь в плотную черноту за их спинами. Вблизи от дома дина Лугуса и дайны Эннис фонарей почти не было. Небольшой ориентир давал лишь слабый свет из редких окон.

«Никас думает — я уверенная. А ведь я до сих пор прикидываю, правильно ли я сделала, позволив Оноре настоять на своём и повезти дайну Эннис в наш дом. А если она и в самом деле окажется опасной, когда придёт в себя? Под ударом теперь не только я, но и дети. Всё семья...»

Минуту спустя она фыркнула.

— Что-то смешное?

— Как сказать. Если дайна Эннис будет что-то делать против нас в нашем же доме, предлагаю спустить её в подвал — в ту каморку, где сидела Онора.

— Там сейчас строительная глина и доски для ремонта, — машинально ответил Никас. Замер, когда дошло значение предложенного сестрой, и рассмеялся.

Транспорт один за другим вывернул на более упорядоченную и ощутимо ровную дорогу, на которой ландо, например, прекратило подрагивать, едва только колесо проваливалось в вымоину, невидимую ночью. Вдали затлели первые фонари.

— Агни... — тихо сказал Никас. — Я вот пытаюсь представить себе, как дома всё будет. Ну, отнесём мы с дином Лугусом дайну Эннис на второй этаж, это нетрудно. Он же не откажется помочь её переносить. Но далее... Сам дин Лугус. Что делать с ним? Тоже оставить на ночь?

— Нет. Никаких динов Лугусов в доме! — резко ответила Аня, а затем, смягчив тон, добавила: — Как только дайна Эннис окажется в постели, надо будет твёрдо сказать дину Лугусу, чтобы он немедленно уезжал...

Аня оборвала свою речь. Куда он поедет? И рассердилась на себя, слишком участливую: да хоть вернётся в тот грязный дом!

— Наверное, в дом родителей? — внезапно предположил Никас и объяснил в ответ на удивлённый взгляд сестры: — Его родители живут здесь же, в городе. Он сказал о том, когда

мы вошли в комнату дайны Эннис. Он оправдывался передо мной, что не может поместить дайну Эннис в более подходящее место — в дом родителей, потому что он не женился на ней.

— А ещё он сказал, что работает, — вспомнила Аня и качнула головой. — Не обидится, если что. Родители должны его спокойно принять — без дайны Эннис. Так что перестаём беспокоиться о том, где он будет ночевать.

— Угу, — задумчиво сказал Никас и вздохнул: — Но дайну Эннис в её комнате запрём. Чтобы... — он тоже осёкся на полуслове и, смущённо улыбаясь, пожал плечами.

— Разумно, — одобрила Аня.

И брат успокоился до самых ворот дома.

Когда бричка, следовавшая впереди, остановилась перед ними, он спрыгнул с облучка ландо и открыл створы

Как приятно было видеть не самый яркий, но такой тёплый свет в окнах гостиной!

На последнем отрезке пути Аня снова почувствовала, что её подташнивает. Вроде уговорились обо всём. Все вопросы сегодняшнего вечера решены. Но что тогда её снова беспокоит? Что дайна Эннис начнёт шкодничать? Вряд ли. Дайна Эннис не в том состоянии, чтобы притворяться. Высохла так, что мышц почти не осталось. Даже захоти она подняться — придётся ей просить о помощи. И Аня поверить не могла, что она в скором времени вообще пошевелится. А уж говорить... Если даже решится снова проклясть кого бы то ни было, выговорить слов не сумеет. Да и... Чтобы что-то сообразить и начать хоть какие-то действия против окружающих её людей, для начала ей надо бы прийти в себя, а Аня сильно сомневалась, что это сейчас может произойти. Тогда в чём дело?..

Ландо встало у крыльца, к нему присоединилась бричка. На крыльцо выскочили двойняшки, и Никас велел им отвести лошадь в конюшню и там распрячь и обиходить. А сам побежал в дом за матрасом, на котором собирались переносить дайну Эннис в её новое и временное жилище. Дин Лугус, вообще-то, собирался просто взять её на руки и отнести туда, куда ему скажут. Но Онора строго сказала, что она уже начала сплетать вокруг дайны магические нити, которые приостановят процесс старения, ведущий к смерти, а потому нужно, чтобы даже на краткое время дайна Эннис оставалась в положении лёжа, а не скорчившись. Дин Лугус в ответ промямлил что-то неразборчивое, вздохнул, но больше не пытался предложить свои услуги по переносу дайны Эннис.

В гостиной, кажется, не было ни Кристал, ни Лиссы. Наверное, девочки не дождались приезда старших и уснули. Аня судила по тому, что обе не высунулись из-за двери посмотреть, кто приехал

Уложив дайну Эннис на принесённый матрас, как на носилки, Никас и дин Лугус внесли её в гостиную. Онора постоянно находилась рядом с импровизированными носилками, а потому именно она помогла — открыла дверь носильщикам, пока Аня разбирала тюки с одеждой дайны Эннис. Когда для пушего удобства дайны матрас опустили на пол в гостиной, а мужчины быстро перекинулись соображениями, как лучше взяться за него, Аня, вошедшая с первыми тюками, заметила: дин Лугус со странной досадой то отворачивается от Оноры, то смотрит на неё с чувством, близким к отчаянию.

Что это он?

Аня усмехнулась: кажется, дин Лугус впечатлился молодостью мага, снимающего проклятия. И не верит Оноре. Тем не менее, именно поэтому Аня поверила, наконец, что ни дин Лугус, ни дайна Эннис не притворяются.

Как будто услышав её мысли, Онора, слегка отстранённая и сосредоточенная на работе, оглянулась. И вдруг ахнула:

— Не трогай груз, Агни! — возмущённо сказала она. — Пусть мальчики отнесут его наверх! Но не ты!

— Что-о? — удивилась Аня.

— Никас, скажи ей! — всё с тем же ярким возмущением возвала девушка к жениху. — Она не должна таскать эти вещи! Они слишком тяжёлые для неё!

Кажется, Никас тоже обалдел от претензий Оноры, но послушно повторил:

— Агни, оставь вещи в покое! Мы с дином Лугусом сейчас отнесём дайну Агни наверх и сами перетаскаем туда же всё, что нужно.

— Именно! — внезапно оживился и дин Лугус. — Вам в таком положении лучше не трогать тяжёлые вещи!

Вот тут Аня вообще замерла в прострации: «в таком положении»?! Что они все имеют в виду?! Неужели они имеют в виду...

Впрочем, не все. Никас неожиданно, нахмурившись, посмотрел сначала на строгую Онору, потом на озабоченного дина Лугуса, а потом всмотрелся в сестру и наивно ахнул.

— Агни!

— Потом, всё потом! — скороговоркой велела Аня, ошалевшая от ожидаемого, по сути-то, открытия — то есть личного события. — Несите её на второй этаж!

Когда трое побежали с дайной Эннис на матрасе по лестнице, она застыла на месте, а потом неуверенно потрогала живот. Ни фиги ж себе... Вообще-то, естественно. Но...

— Агни! Агни! — В гостиную вбежали двойняшки, тащившие узлы и тюки. — Это тоже надо было взять в гостиную, да? А на матрасе это кто был?

— Тише вы, — опомнилась хозяйка дома и, вспомнив, рывком отдернула ладонь от живота. — Да, всё, что похоже на перевозимые вещи, надо перенести сюда.

— Тогда мы побежали назад, — решил Кеган.

Оставив багаж дайны Эннис у первого дивана, мальчики и впрямь убежали из гостиной, позволив Ане прийти в себя и заняться привычными делами. Впрочем... Ощущая холодный влажный ветер, прорвавшийся в гостиную из-за входной двери, которая медленно и со скрипом закрывалась, Аня огляделась, не видя. И... чем теперь заняться, если ей даже одежду дайны Эннис тащить нельзя? Но ведь это глупо! Глупо не таскать вещи, которые для неё, после прошедшего лета, очень легки, несмотря... на её положение. Но ведь и срок ещё маленький!..

Хотелось ругаться блинами.

Но Аня опомнилась, дала себе втык, что хозяйка, а не следит за тем, что происходит наверху. И помчалась (с оглядкой: пока никто не видит!) к лестнице.

Только очутилась в коридоре, как из-за двери в комнату Лиссы приглушённо залаяла собака. Приглушённо — это значит, всего лишь за закрытой дверью. Но там, внутри, она буквально заливалась лаем, да ещё Аня вдруг поняла, что собака то ли бросается на дверь, то ли что ещё с ней, но слышен отчётливый и беспорядочный стук.

Не успела добежать, чтобы выпустить псину — разбудит же Лиссу! — как двери двух комнат запахнулись, и на порогах обеих появились девочки, в ночнушках и в кофтах поверх платьев. Изумлённая Кристал — со свечой в руке, а недовольная Лисса — протирающая глаза. Но ещё раньше собака, которую только сегодня назвали Красоткой, выпрыгнула из комнаты Лиссы и со всех лап бросилась в дальний угол коридора — туда, куда унесли в

свободную комнату дайну Эннис.

Аня и взволнованные девочки подоспели сюда же в тот момент, когда собака чуть не плясала вокруг дина Лугуса, то и дело бросаясь от него к кровати с неподвижной дайной Эннис, чтобы упереться лапами о край кровати, поскулить, глядя на женщину без сознания, и вновь оставить её чтобы приветствовать дина Лугуса. Все набившиеся в комнату, здорово растерялись. Только дин Лугус ахал:

— Нейнси! Нейнси! Откуда ты взялась?!

И пытался обнимать собаку, которая подбегала к нему и вставала на задние лапы, ласкаясь головой.

Толком не проснувшись, но взбудораженная Лисса возмущённо завопила:

— Это моя Красотка!

Глядя на весь этот бедлам, Аня вспомнила рассказ Лиссы и сложила два и два. Перед глазами застыла картинка: мужчина пытается выгнать со двора Красотку-Нейнси, а она не уходит, пока он не швыряет на улицу её щенка.

— Дин Лугус, вы ведь недавно переехали в тот дом?

Дин Лугус поймал собаку за шкуру, когда она в очередной раз кинулась к нему, и начал ласково трепать её.

— Да, недавно. И при переезде потеряли нашу собаку. Если быть точным, то потеряли её раньше: она пропала за три дня до переезда. Дайна Эннис очень переживала.

— Это моя собака!.. — жалобным тоненьким голоском сказала Лисса и расплакалась.

Аня подошла к плачущей малышке и опустилась перед ней на корточки, чтобы обнять её. Обнимая, обернулась к обескураженному дину Лугусу, нервно гладившему Красотку-Нейнси:

— У вас была только собака?

— Ну... да.

— Лисса, миленькая, успокойся, — ласково сказала Аня зарёванной малышке. — Зато теперь у тебя есть щенок!

Над головой всхлипнула Кристал.

И тут в беспорядочный разговор вступила Онора. Железным тоном, хоть и не повышая голоса, она скомандовала, непреклонно глядя на всех:

— Выйдите из комнаты! Вы мне мешаете!

Аня впервые увидела, что дин Лугус с уважением взглянул на девушку.

Толпа народа послушно ринулась в коридор. После чего девушка плотно закрыла за всеми дверь. И Аня молча согласилась: Онора права. В этой комнате теперь должна оставаться только одна хозяйка — маг, умеющий снимать проклятия.

В коридоре — ближе к лестнице, чтобы шумом и воплями не мешать Оноре, — быстро разобрались, что дин Лугус не знал: его Нейнси принесла щенка, потому и пропала незадолго до переезда, а когда вернулась в дом, где жили её хозяева, их там не оказалось... Аня ещё вздохнула, но вслух не сказала, что щенков могло быть больше...

Спустились в гостиную и тут договорились, что собака пока останется в доме Ани — вместе с щенком, которого ей ещё выкормить надо...

— Я думала — бездомная, — задумчиво сказала Аня, глядя на псину, положившую голову на колени присевшего на стул дина Лугуса.

— Что вы! — воскликнул тот. — Эта порода из недавних охотничьих, которая затем стала полудомашней для дайн, чтобы защищать их!

Аня мгновенно вспомнила взгляд одной из своей старушек-служанок, когда хозяйка дома сказала о бездомности приведённой Лиссой собаки. Значит ли, что её старушки узнали породистую животину? Скорей всего.

— А что со щенком? — спросила она, поймав умоляющий взгляд заплаканной Лиссы, которая пряталась за ней от дина Лугуса, обнимая хозяйку дома за талию. — Вы заберёте и его впоследствии?

— Нет, что вы! — немедленно отказался дин Лугус. — Щенок нам не нужен, поэтому мы можем подарить его девочке. Мы, вообще, никак не ожидали...

И развёл руками.

«Как и я — не ожидала», — скептически по отношению к себе усмехнулась Аня.

— Слышишь, Лисса? Щенок точно остаётся у тебя, так что сейчас — быстро в постель, — скомандовала она. — Кристал отведи её в комнату.

— Не пойду! — капризно, если бы не вновь покотившиеся слёзы, ответила малышка.

— Ты вот не пойдёшь, а щенок испугается, что в комнате остался один, и плакать будет, — вздохнула Аня, и встревоженная Лисса, приподняв подол платья, припустила бегом к лестнице на второй этаж.

Оглянувшись на взрослых — видимо, не зная, стоит ли им вежливо говорить: «Спокойной ночи!», следом побежала и Кристал. Аня понадеялась, что девочка сумеет успокоить малышку, и посмотрела на двойняшек. Греди улыбнулся и поднял руки: «Мы поняли!», и мальчики тоже заторопились на второй этаж.

Поймав взгляд Никаса, хозяйка дома взглянула на дина Лугуса. От её взгляда он не зашелся, чтобы побежать, подобно остальным, наверх, хоть и сделал какое-то дёрганое движение. Но, встав с места, он несколько неловко высказался:

— Я отведу собаку к комнате дайны Эннис, чтобы она убедилась, что её дайна останется здесь, а потом...

— Потом я заведу её в комнату малышки, — продолжила Аня фразу споткнувшегося дина Лугуса. — Я правильно вас поняла?

— Да, конечно, — с некоторым облегчением ответил он. — А потом, если не возражаете, я уеду домой. Завтра мне на службу, так что...

Кажется, это была его личная привычка — не договаривать фразы.

Не позволяя собственному лицу выражать такое же облегчение (выгонять не пришлось!), Аня только было собиралась осведомиться, когда он сумеет приехать назавтра, что вполне естественно для человека, который беспокоится о своей, как минимум, подруге, как вдруг неожиданно для себя выпалила:

— А кем вы работаете?

— Заместителем главы муниципальной гильдии магов-целителей и аптекарей города, — нисколько не удивившись, ответил дин Лугус.

Никас переглянулся с Аней.

Вот почему дин Лугус сразу понял, что с Аней! В отличие-то, например, от неопытной Оноры, которая сначала решила, что магический фон хозяйки дома изменён, потому что та слишком сильно волнуется.

— Мы проводим вас до ворот, — сказала Аня. — Нам с братом надо несколько прийти в себя после стольких событий, так что небольшая вечерняя прогулка для нас будет полезной. Если не возражаете, дин Лугус.

— Нет, конечно.

Он отвёл собаку наверх, а спустившись, повернулся к входной двери из дома, и Аня чуть не расхохоталась — как ни странно, из сочувствия: на его лице промелькнуло такое облегчение! Кажется, он и сам устал от всей этой жуткой ситуации с дайнкой Эннис, от безнадёги с её положением. И теперь безмерно рад, если не счастлив, что на какое-то время может перепоручить её тем, кто не будет требовать от него хотя бы постоянного присутствия при умирающей.

«Или я плохо понимаю людей? — раздумывала Аня, сидя с братом в бричке, быстрым ходом приближающейся к воротам. — Ведь он с ней столько времени! Нет, он может думать сколько угодно о том, как выглядит его поведение, но мне кажется, этот мужчина в самом деле должен получить передышку от... — она даже в мыслях споткнулась сама на словосочетании «от дайны Эннис». — Передышку от той жизни, от той ситуации, в которой находился... Прожить в этом аду столько времени и быть настолько преданным, что он оставался при умирающей, несмотря на её характер... Нет, я ему сочувствую!»

Когда Никас закрыл ворота, бричка дина Лугуса бодро заспешила от поместья. Аня представила, как он сегодня приедет в родительский дом и, возможно, выпитися в нормальной постели — впервые за долгое время без мысли о том, что время от времени нужно вскакивать с кровати, чтобы посмотреть... не умерла ли его подруга...

— Столько всего сегодня, — медленно сказал Никас, тоже глядя вслед бричке, а потом повернулся и предложил Ане руку, за которую она немедленно уцепилась. — Столько открытий... столько новостей?

— Да, скорей всего — новостей, — вздохнула Аня.

— Ты будешь сообщать Таегану?

— В письме? Пожалуй, пока не стоит. Он обещал приехать через две недели, как только разрешит одну проблему на границе. Не думаю, что его надо тревожить такими сообщениями. А вот когда приедет...

— Согласен, — медленно сказал Никас и улыбнулся чему-то своему.

Аня еле разглядела эту его улыбку, но с любопытством спросила:

— Ты о чём?

— Я так боялся разговора с дином Лугусом о том, что ему пора уезжать. А он сам высказал пожелание. Очень деликатный дин.

Они остановились перед лестницей на крыльцо. Несмотря на поздний вечер, заходить не хотелось ни ему, ни ей. Аня, вспомнив, улыбнулась:

— Помнишь, однажды ты сказал кое-что о характере Оноры?

— Помню, — ухмыльнулся брат. — Что она только выглядит бедненькой и униженной, но характер у неё есть? Это ты имела в виду?

— Это! — засмеялась Аня. — Как она выгнала нас всех из комнаты дайны Эннис! Никто не осмелился протестовать! Ладно, Никас. Мы-то с Онорой можем позволить себе не спать до поздней ночи, но тебе завтра на работу. Идём в дом.

Перед тем как разойтись по комнатам, договорились заглянуть к дайне Эннис и Оноре, которая, кажется, решила подежурить ночь у подопечной и которой никто из старших не решился возразить по этому поводу, хоть и были сомнения. После едва слышного Аниного стука в дверь Онора открыла её и прошептала:

— Можете взглянуть, но только не шуметь.

На чистой белой постели дайна Эннис лежала — страшней не бывает. «Труп — он и есть труп, — поёжившись, подумала Аня. — И как Онора не боится сидеть рядом с ней?»

Никас встал рядом с кроватью дайны Эннис и слегка склонил голову, словно видел нечто неожиданное и не дающее отвести взгляд. Причём смотрел не просто на голову дайны, а обводил глазами пространство поверх и вокруг неё.

Дни, проведённые в библиотеке «мужа», не прошли даром и для Ани.

Присмотревшись не совсем уверенным магическим взглядом, Аня только сейчас сумела разглядеть то, что видели и Онора, и брат. В лачуге дина Лугуса у неё это не получилось. Переплетение призрачно-разноцветных линий окутывало всю кровать, а не только беспомощное тело дайны Эннис. Когда Аня приноровилась смотреть так, чтобы различать отдельные линии, она заметила ещё кое-что: вся эта «плетёнка» медленно вздымается и опускается над дайной Эннис. Не сразу, но стало понятно, что магическое сплетение «дышит» вместе с человеком внутри него.

Онора дотронулась до руки Ани и кивнула на дверь. Пора выходить. Аня улыбнулась ей, отметив стул, приставленный к кровати. Кажется, Онора собирается сидеть возле «больной» всю ночь.

Они вышли, а когда дверь за ними закрылась, Никас передёрнул плечами.

— Умом понимаю, что здесь безопасно. Но Онора слишком решительна. Жаль, что завтра не выходной. Я бы остался рядом с ней.

— А она не обиделась бы? — задумалась Аня. — Она начинает свой путь мастера, а ты своим присутствием можешь высказать ей своё недоверие к её мастерству. Ведь раз она уже участвовала в снятии проклятия. Но там была совместная работа.

— Да. Я должен доверять ей. Посмотрим, что она нам завтра скажет. Если понадобится, я буду работать с образами силы.

— Почему только ты? — изумилась Аня. — И я!

— Нет, — решительно сказал брат. — Прежде чем и ты будешь работать с образами, я спрошу на работе, может ли женщина в твоём положении этим заниматься.

Она хмыкнула. Не рано ли все о ней начинают беспокоиться?

Но возражать не стала, а попрощалась с братом у своих апартаментов и вошла в комнату. Подошла в темноте к окну, выходящему в сад. Темно, и озера не видно — даже того края, который обычно синел под ночным небом. Улыбнулась. Да, по приезде Таегана ждёт сюрприз. И снова хмыкнула: и не один.

Под утро Аня несколько раз просыпалась — и не потому, что боялась проспать. Первый раз — очень рано, когда прямо во сне она испугалась: Лисса дома, но почему-то её нет здесь, в комнате хозяйки дома. Чувствуя себя полностью проснувшейся, Аня села на кровати и покачала головой: привыкла, что малышка постоянно греется в её постели. Делать нечего. Раз встала с мыслью о Лиссе, надо проверить, как она там, у себя. Благая мысль пришла в голову вовремя. Аня осторожно открыла дверь в комнату Лиссы и чуть не ахнула вслух: малышка то ли нечаянно свалила, то ли специально стащила с кровати постель — и только одна голова виднелась в куче разворошённого постельного белья. Нет. Две головы. Одна — Лиссы, другая — щенячья. Собака лежала перед обоими, будто охраняла их. На Аню Нейнси-Красотка вскинула вопрошающие глаза, и хозяйка дома покачала головой: «Я вас не потревожу!»

Правда, прежде чем уйти Аня, чуть не по-хулигански оглянувшись на дверь («Меня сейчас всё равно никто не видит! Мало ли, что мне нельзя!»), сгрэбла с пола всё постельное бельё вместе с Лиссой и щенком (собака предусмотрительно отошла) и вернула всю кучу на кровать. Хоть полы на втором этаже и деревянные, но даже после пробной вчерашней растопки в комнатах сохранялся ощутимый холод. Ещё несколько минут Аня потратила, чтобы привести постель в относительный порядок, при этом стараясь не разбудить малышню. Одеядло вокруг Лиссы подоткнула так, чтобы, в случае чего, постель вновь бы не оказалась на полу. После чего, оглядевшись, отступила к двери, которую, прежде чем уйти, на несколько секунд оставила приоткрытой, глядя прямо на собаку: «Выйдешь?» Но Нейнси подошла к кровати и улеглась ближе к изголовью. Временно, но выбор сделала не в пользу хозяйки, а в пользу собственного детёныша. Что Аня одобрила: хозяйка-то всё равно рядом, а чадо кормить надо время от времени.

Второй раз проснулась спустя полчаса, когда во сне увидела Онору. Девушка словно стояла в коридоре, прислонившись к стене — рядом с дверью в комнату хозяйки дома. И вид у неё был такой, будто она хотела бы, не решалась постучать.

На этот раз вставать было трудней, но Аня заставила сесть, а потом подняться и, накинув на плечи лёгкий халатик, осторожно открыть дверь.

Онора и в самом деле стояла возле двери, покусывая губы. Чтобы испугаться, не случилось ли чего-то страшного, у Ани не хватило времени: девушка порывисто обернулась к ней и тихо попросила:

— Агни, можно, я возьму твои травы, которые ты сушила?

— Хоть все, — сонно улыбнулась ей Аня и вернулась в комнату.

Постояла-покачалась при входе, потом целеустремлённо двинулась к окну, где на столе мерно потикивали часы в декоративном металлическом обрамлении. «Счастье!» — решила Аня, когда разглядела циферблат в сумеречном свете из окна и поняла, что до всегдашней побудки есть ещё полтора часа. А закутываясь во всё ещё тёплое одеядло, вяло пожалела: «Бедная Онора... Всю ночь не спать!»

В третий, последний раз проснулась за пятнадцать минут до привычной побудки и, абсолютно бодрая, с минуту лежала, соображая, зачем открыла глаза так рано. Перебрала несколько причин — и суматошно вскочила: собака! Пора вывести её на улицу!

Оделась в момент и на цыпочках побежала из комнаты. Еле-еле открытая и почему-то

дёргающаяся дверь из комнаты Лиссы насторожила Аню и заставила подкрасться к ней, а не подойти. Нейнси-Красотка упорно толкала эту дверь изнутри, пытаясь выйти. Ан выдохнула и открыла дверь шире. Собака выскользнула из-за неё и поспешила по коридору, оглядываясь на женщину. Аня усмехнулась и заторопилась за ней. В коридор свет попадал только из гостиной, но идти было нетрудно, зная, что путь ровен до лестницы и устелен длинной дорожкой.

На улице собака была недолго: деликатно сбегала чуть дальше от потайной дверцы до первого достаточно густого куста и быстро вернулась. Снега нет, но чуть подморозило.

Возвращались на второй этаж бок о бок, но Аня присматривалась, куда направится Нейнси. Та сначала было замедлила шаг, приблизившись к комнате Лиссы и мотая башкой то дверь к малышке, то вперёд — в самый конец коридора, где находилась её настоящая хозяйка. Аня не стала настаивать, когда собака неуверенно прошла дверь к Лиссе и добралась до двери к дайне Эннис. Но проситься Нейнси к хозяйке не стала. То ли что-то сообразила по-своему, то ли что ещё, но, нюхнув воздух у косяка внизу, Нейнси постояла немного и вернулась к комнате Лиссы. Аня, улыбаясь, открыла ей дверь, обозрела видимое ей пространство и, мечтая лишь о том, чтобы щенок не напрудил на постель Лиссы, тихонько закрыла за собакой дверь.

Теперь Аня могла вернуться к себе и переодеться для будничной жизни в доме.

На кухне она встретила Сайл и Бридин. Старушки бодро проверяли чистоту посуды, переноса её на столы в столовой зале, и готовили сковороды для подогрева вторых блюд, заблаговременно приготовленных вчера к сегодняшнему завтраку. Хозяйку дома улыбчиво приветствовали, зная, что она приветливо откликнется.

— Прибегала дайна Онора, — сообщила Бридин. — Забрала ваши банки с травами. Что-то случилось, дайна Агни? Почему дайна Онора не спала всю ночь?

— Э... — замешкалась с ответом Аня. И пожала плечами: всё равно когда-нибудь придётся объяснять. Так почему не сейчас... — У нас со вчерашнего вечера поселилась дайна Эннис.

Ахнули обе старушки. Переглянулись в смятении и снова уставились на хозяйку дома. Бридин тоненьким голоском спросила:

— Она... будет жить у нас?!

И столько ужаса ощущалось в интонациях её вопроса, что Аня поспешила успокоить перепуганных служанок (кажется, они успели проникнуться скверным характером дайны Эннис!):

— Дайна Эннис проживёт у нас до того времени, как дайна Онора снимет с неё проклятие. Не более.

Служанки снова переглянулись, жалобно округлив рты: «Ну-у...»

И Аня снизошла, объяснив:

— Сейчас дайна Эннис лежит без сознания, так что не думаю, что вам с нею придётся сталкиваться.

Обе синхронно вздохнули и споро принялись снова за подготовку завтрака.

К завтраку спустились не все. Заглянув к Оноре, Аня шёпотом сказала:

— Доброе утро. Тебе принести завтрак сюда?

И сразу отметила, как похудело жёстко сосредоточенное личико девушки. Онора выглядела даже не столько похудевшей, а побледневшей: видимо, магических усилий пришлось применить очень много, удерживая дайну Эннис в стабильном положении.

— Агни, — умоляющим шёпотом произнесла Онора. — Пусть мне Кристал принесёт и мою комнату, хорошо? Когда смогу — позавтракаю. И... Агни, мне надо поговорить с тобой чуть позже. Не после завтрака, а ещё чуть-чуть позже.

— Когда уедут братья? — уточнила Аня.

— Да, именно так было бы хорошо, — обрадовалась Онора и тут же виновато опустила глаза, да ещё прикусила нижнюю губу. Кажется, то, о чём она собиралась говорить, не слишком может понравиться Ане.

Но, поскольку тема будущего разговора оставалась для хозяйки дома пока секретом, Аня решила не заморачиваться и заняться другими, привычными и более серьёзными на данный момент делами.

За завтраком говорили мало: семья была смущена странным положением в доме, а тут ещё Никас рассказал о подозрительном треске ландо во время путешествия по окраинным улочкам города, и встревоженные двойняшки заторопились доедать всё, что было на тарелке, чтобы успеть сбегать на конюшню и посмотреть, выдержит ли ландо две, как минимум, сегодняшние поездки. Аня помалкивала, но в уме подсчитывала свои денежные запасы и прикидывала: стоит ли подождать с покупкой новой лошади, чтобы прямо сейчас купить новое ландо? Смородинка хоть и старенькая, но, если братья будут выезжать на ней пораньше, то спокойным шагом лошадь сумеет некоторое время доставлять своих хозяев на учёбу и на работу.

Никас не отставал от Кегана и Греди: судя по всему, его тоже тревожило состояние ландо. Вчера-то, в суматохе, да и в темени не успел посмотреть, а сегодня...

Внезапный звук заставил всех за столом поднять головы.

— Дин Лугус? — поразился Никас. — Так рано?

Торопливо закинув последний кусочек с тарелки, брат быстро покинул столовую залу. Следом повыскакивали двойняшки. Аня взглянула на заспешивших следом за ними Кристал и Лиссу и непререкаемо скомандовала:

— Кушать спокойно! Кристал, проследи!

И сама выскочила за дверь.

Блаженно счастливые физиономии братьев, от мала до велика, заставили Аню удивлённо захлопать глазами. Братья стояли на крыльце и разговаривали с дином Лугусом. Выяснив, с чем он приехал, Аня и сама с трудом удержалась от идиотски счастливой улыбки: дин Лугус привёз те вещи дайны Эннис, которые они не сумели сразу взять из съёмного дома, а ещё, в качестве платы за снятие проклятия, поскольку денег у пары не осталось, он предложил развезти братьев на учёбу и на работу, а потом, к вечеру, обязался доставить их обратно, домой. Лошадь-то с бричкой у него из собственной конюшни родителей.

«Хоть что-то!» — чуть не со слезами на глазах порадовалась Аня, уходя в дом и вместе с дверью закрывая за собой обрывки беседы братьев с дином Лугусом, которые договаривались, как это будет выполнено. Она быстро забежала в кухню приготовить чай. Братья вернулись дожёвывать то, что не успели, а Аня, благодарная за некоторое разрешение ситуации, вынесла приглашённому в гостиную дину Лугусу травяной чай с печеньем. Неизвестно, успел ли он позавтракать дома, но уж здешний чай, который ему ещё вчера понравился, он сумеет попить.

Братьев и дина Лугуса, успевшего забежать в комнату дайны Эннис и тут же выгнанного из неё Онорой, проводили с территории поместья всей женской компанией, кроме Оноры,

разумеется. Затем привычно и придирчиво осмотрели учебную комнату, готова ли она к приёму дайны Сарейд. Кристал в ожидании учительницы уткнулась в учебники, а Лисса принялась в своей комнате играть с собакой и щенком. Кажется, малышка привыкла к мысли, что взрослая собака не останется с ней надолго, и больше не злилась. Когда Аня в последний раз заглянула к ней, Лисса пыталась рисовать собак с натуры — сказались впечатления от творчества двойняшек.

Вскоре появилась дайна Сарейд, торжественно введённая в учебную комнату, и Аня наконец получила возможность подняться к Оноре — то есть в комнату дайны Эннис.

Тихонько стукнула в дверь. Онора открыла сама, не стала кричать: «Войдите!», как бывало ранее. И тут же пригласила в помещение. Аня засомневалась:

— Может, поговорим в другом месте? — и кивнула на кровать с дайной Эннис.

— Она ничего не слышит и не видит, — чётко ответила Онора. — Я выгоняю всех, чтобы не мешали мне. Но сейчас ты мне нужна, как никогда, хотя я думаю, что... — она передохнула или просто замялась, прежде чем выпалить: — Я думаю, ты обозлишься на меня, после того что я тебе скажу!

Аня переступила порог и спокойно огляделась. Кроме стула Оноры, приставленного ближе к кровати с дайной Эннис, в комнате нашлось ещё два стула, оба стояли возле стола, засыпанного травяной крошкой. Нисколько не колеблясь, она отодвинула один из стульев от стола и села. Стоявшая, опустив голову, возле двери, Онора мрачно подошла к ней и села на второй стул.

— Слушаю, — сказала Аня, когда поняла, что молчание затягивается.

— Агни, мне нужны деньги, — не поднимая головы, пробормотала девушка.

— Мне тоже, — чуть насмешливо ответила Аня.

И снова наступила напряжённая тишина. Аня сразу сообразила, на что нужны Оноре деньги. Как ранее хозяйка дома и подозревала, из тяжёлого состояния дайну Эннис могут вывести только самые изощрённые артефакты, скорей всего сотворённые с помощью дорогих материалов. На которые и нужны деньги. И, хоть Аня и выглядела со стороны сейчас спокойной и добродушной, внутри начинал бушевать ураган: лошадь, ландо, зимняя одежда для всей семьи, так и не утеплённый до конца дом... Откуда взять деньги на вздорную, «вспыльчивую» дайну Эннис?! Вопль души оставался без ответа.

Онора сидела напротив, всё так же не поднимая глаз. Успокаиваясь после мысленной вспышки, Аня начинала понимать её. Снятие проклятия с дайны Эннис — это много чего. Это контрольная работа, экзамен Оноры. Это уверенность Оноры в своих силах. Это реклама Оноры в городе. И будущие деньги в дом. То есть, если Аня вложит деньги, требуемые Оноре, в снятие проклятия, это в будущем вложение откликнется тем самым благополучием семьи, о котором Аня и мечтает. Но вкладывать именно сейчас?.. Когда во всех делах семьи и дома чернеют дыры, которые надо немедленно заткнуть?

Вкладывать в жизнь Оноры.

Что делать... Ан то ли сопнула, то ли фыркнула, вспомнив, что и без тех больших денег, которых и ранее не было в этом доме, семья как-то ведь обходилась... Прав Никас: чем больше получаешь денег, тем больше появляется проблем...

— Сколько надо? — деловито спросила она.

— Пока не знаю, — прошептала Онора. — Надо поехать в лавку с магическими ингредиентами и там уточнить.

— Поехать? — усмехнулась Аня.

Девушка ниже опустила голову, правильно поняв намёк.

Аня вздохнула и ещё минуту потратила на то, чтобы организовать всё необходимое. Хотя бы мысленно.

— Подытожим, — наконец заговорила она. — У тебя есть деньги от дина Таегана — пока небольшие. Тебе заплатил дин Валентайн за снятие проклятия с Конгали. У меня деньги мужа и за кукол — довольно солидные. — И добавила с грустным смешком: — Солидные, пока мы не побывали в лавке. И у нас осталось два с половиной часа, чтобы дойти до той лавки. То время, которое занимают дайна Сарейд и Кристал. Ведь я правильно поняла, что ты имеешь в виду ту лавку, в которой мы покупали тебе последнюю интересную тебе книгу?

Онора вдруг зарыдала, спрятав лицо в ладони. Пришлось подойти к ней и, положив руки на её дрожащие плечи, постоять рядом немного, пока девушка не успокоилась.

— Ты тянешь время, — вздохнула Аня. — Соберись. Поедем.

Онора закрыла комнату дайны Эннис на ключ. Аня за это время сбегала к Бридин и Сайл предупредить их о недолгом отъезде хозяйки, чтобы обе старенькие дайны не забывали приглядывать за Лиссой и её собаками.

Одетые в дорогу, Аня и Онора вышли из ворот и быстрым шагом направились к видневшемуся невдалеке городу. Дом Агни стоял чуть в стороне от городских улиц, а поскольку таких частных домов здесь много, то Аня про себя считала свою улицу не пригородной, а частно-владельческой... Обе шли в длинных пальто — Онора, естественно, вновь была в пальто Агни. И обе кутались в широкие и тёплые палантины, связанные Кристал. Эти палантины собирались снять, как только выйдут на оживлённые улицы... Шли молча, думая каждая о своём. Но долго без разговоров идти сложно, особенно если думать о причине столь внезапного похода.

— Ты в своих расчётах учиываешь, что Никас будет вливать в неё силу?

— Учиываю, — вздохнула Онора.

— И всё равно деньги нужны, — задумчиво сказала Аня. — Что ж... Главное, чтобы сегодня хватило тех, которые мы взяли с собой...

Добравшись до лавки с товарами для практикующих магов, Аня и Онора переглянулись и вошли в неё так, словно бросались в воду с высокого обрыва.

И оказались первыми покупателями. При виде дайн, которые сразу подошли к прилавку и начали скрупулёзно высматривать определённые ингредиенты, лавочник — сам маг, судя по тому, как вокруг него мягко светлело и переливалось разноцветное марево, сразу подошёл к ним. Странно. В прошлый раз здесь торговал другой. Впрочем, наверное, это второй продавец. Или они работают посменно. Молодой, лет под тридцать, мужчина (судя по брачному кольцу на пальце), небольшой бородкой и усиками, а также прилизанными тёмными волосами больше похожий на делового чиновника, он учтиво поклонился посетительницам.

— Доброе утро, дайны! Меня зовут дин Девин. Что вам показать?

— Мне нужно... — Онора глубоко вздохнула и начала перечислять то, что, как думала Аня, неплохо было бы записать. Но девушка, видимо, давно, если не всю бессонную ночь, обдумывала необходимые артефакты, так что уверенно называла один за другим компоненты будущих творений для снятия проклятий.

Внимательно выслушав её, лавочник насторожённо сказал:

— Дайна, вы перечислили ингредиенты, которые используются для снятия проклятий.

А у вас есть разрешение муниципалитета для такой работы?

Онора от неожиданности открыла рот и беспомощно взглянула на Аню.

Та невозмутимо открыла свою дамскую сумку и вынула из внутреннего кармашка «сертификат» (как она про себя называла эту бумажку) Оноры. Расправив бумагу, она передала её дину Девину. И с удовольствием наблюдала за сменой выражений на лице хозяина лавки: от недоверия — до восторга.

— Ты взяла! — чуть не в слезах прошептала Онора ей на ухо.

— Взяла, конечно, — улыбнулась она.

— Спасибо, Агни! Спасибо!

Аня хотела добавить, что Онора просто забыла: все деловые бумаги хранились именно у хозяйки дома, потому она и должна была предположить, что некоторые материалы для артефактов могут и не отдать без разрешительного документа, но перебил лавочник. Исходя восторгом, он устоял на Онору:

— Вы были помощником самого дина Хармона! Да ещё в течение трёх лет!

— Простите, — вклинилась в его велеречивые восторги Аня. — У нас спешное дело! Вы не могли бы помочь нам с набором ингредиентов? Тех, что перечислит мастер Онора?

Мастером Онору называть легко, если учесть, что это звание обозначено в «сертификате», с уважением отданном ей дином Девинном.

Когда на прилавке накопилась солидная гора камней, кусочков различного металла и других материалов, дин Девин настолько ушёл в себя, что порой не сразу реагировал на названные дайнами ингредиенты. Аня ещё удивилась тому, ведь до сих пор он производил впечатление очень осторожного и внимательного продавца.

Довольно долгое время ушло на то, чтобы подсчитать выбранные материалы и их цену. Аня пристально следила за счётом: мало ли, всё-таки лавочник — он и есть лавочник. Вдруг да обманет? Но дин Девин посчитал всё правильно, хотя в конце вдруг заколебался. Назвав цену, ошарашившую обеих, хоть они и постарались не показать того, он взглянул на Онору и неожиданно спросил:

— Принимаете ли вы сейчас тех, кто нуждается в вашей помощи? Я ведь понимаю, что многие материалы пойдут на снятие сложного проклятия. А значит, вы занимаетесь сложным делом. Но, мне кажется, если ваше дело долгое, вы можете принять и кое-кого...

— Давайте без экивоков, — решительно сказала Аня, первой сообразившая, что имеет в виду неуверенно мямливший лавочник. — Итак, дин Девин, у вас есть знакомый, который считает, что на нём висит проклятие, не так ли? И вы хотите знать, примет ли дайна Онора этого человека, пока работает с проклятием на другом?

— Именно, — с облегчением откликнулся лавочник.

— Примет, — приветливо улыбаясь, ответила Аня, пытаясь не показать уже другое чувство: она сообразила, что хочет предложить лавочник!

И оказалась права.

— Я скину вам двадцать процентов, — после краткого молчания сказал дин Девин.

Онора слишком неопытна в таких делах. Поэтому она открыла рот. Но Аня мгновенно перевела внимание лавочника на себя, выложив на прилавок свою сумку. Она быстро высчитала нужную сумму, чем вызвала уважение дина Девина, который не удержался, чтобы не оценить:

— Приятно видеть дайну, которая настолько в ладу со счётом!

За это время девушка пришла в себя и закрыла рот.

Когда упакованные в коробки и пакеты материалы оказались у дайн, Аня всё так же спокойно предложила:

— После обеда дайна Онора будет готова принять вашего... человека. По документам вы уже знаете, где живёт дайна, так что, думаю, вам будет легко доехать до моего дома — дома дина Хармона. Я его вдова, ныне — дайна Таеган. Итак, вы скажете нам, в чём дело, чтобы мы могли заранее подготовиться?

Она не рисковала, приглашая к себе. Они обе могли бы, конечно, зайти к человеку с проклятием, но дин Девин сам сообразил, что у дайны Оноры сложное дело, которое не терпит отлагательств. А значит мастер, снимающий проклятия, может принять нового клиента только в те часы, что свободны.

— Материнское проклятие, — неохотно ответил дин Девин. — Моего дальнего родственника прокляла мать, будучи на смертном одре, за то, что он не послушал её и женился не на той, что ей казалась достойной его.

— Это легко, — размеренно, чуть не заикаясь, сказала Онора, явно вспоминая нужные страницы. — Готовая формула есть. Осталось лишь вставить в неё недостающие факты. Дайна Таеган права: приезжайте к нам после обеда.

Благодарный лавочник проводил их не только до входной двери, но вышел вместе с ними, после чего огляделся — с недоумением:

— Простите, дайны, а где ваша лошадь?

— Она ждёт нас у другой лавки, — ответила Аня, улыбаясь заботливому дину Девину. — Мы должны зайти ещё за кое-какими мелочами для дома.

— До свидания, дайны, — поклонился дин Девин.

И дайны не спеша начали шествовать по улице, намереваясь сразу за поворотом прибавить шаг. Как только они скрылись за следующим зданием, Онора прошептала:

— Я испугалась, когда он сказал о лошади.

Аня прошла несколько шагов, прежде чем ответила:

— Ничего страшного. Как только он заговорил о родственнике, я догадалась, что он выйдет с нами, и заранее подготовила объяснение, почему рядом с его лавкой нет нашей лошади. Онора, ты не устала? Всё-таки мы сюда шли почти полчаса, если судить по часам в лавке. А ведь нам ещё возвращаться те же полчаса.

— Зато мы сэкономили! — воскликнула Онора. — Агни, ты замечательна! У нас остались деньги! И мы приобрели нового клиента!

— Знаешь, Онора!.. — засмеялась Аня. — Как ни странно, но мне кажется, дайна Эннис станет для нас счастливым билетом на будущее! Нисколько не удивлюсь, если удача всё же повернулась к нам лицом!

— Что ты имеешь в виду? — удивилась девушка.

— Что на нас, возможно, скоро посыплются ещё какие-то блага. Разве не так говорилось в одной из твоих книг? Стоит чем-то пожертвовать, как магический мир откликнется, мелкими, но приятными благами?

— Пока на практике я этого видела мало, — наконец улыбаясь, откликнулась Онора.

— А может, надо верить? — лукаво спросила Аня. — Вот я бы нисколько не удивилась, если бы по дороге мы не встретили...

Обе, уже идущие по той самой частно-владельческой дороге, резко оглянулись на приближающийся грохот лошадиных копыт и колёс тяжёлой кареты.

Аня стремительно взметнула ко рту ладошку, чтобы не расхохотаться вслух.

Карета дина Вилея!

Именно это она и хотела сказать, но не успела!

Карета остановилась. Через минуту кучер и лакей посадили в салон обеих дайн, а ещё через минуту дайны рассказывали изумлённому дину Вилею о том, что ради здоровья они решили частенько ходить пешком до первой улицы с лавочками. Точней — рассказывала Аня, да ещё с таким жаром описывала интересные впечатления от дороги и улицы, что дальний родственник проникся боевым настроением дайн и сам принялся рассказывать о том, как он порой обходит своё поместье вместо прогулки.

Дайн высадили прямо у ворот в поместье Ани, передали привет для письма Таегану. Приехали назад путешественницы за час до конца уроков дайны Сарейд, так что уволокли драгоценные материалы на второй этаж незамеченными.

— Кажется, в доме никто, кроме старушек, не знает, что мы уходили, — слабо удивилась Онора, когда они шли по коридору.

— Это же хорошо, — хмыкнула Аня. — Не забывай: хоть мы и сэкономили, но денег потратили кучу. И новый клиент вряд ли покроет кучу тех монет, что мы оставили в лавке. Кстати, мне почему-то кажется, что наш новый клиент — тот самый продавец, который обслуживал нас в первый раз — ну тот, когда мы купили тебе книгу.

Эйфория закончилась, когда Онора отперла дверь в комнату с дайной Эннис.

Аня поняла, что дело плохо, когда у застывшей на пороге девушки из рук грохнулась сумка с пакетами. Всю дорогу Онора так бережно прижимала сумку к себе, а сейчас просто-напросто забыла о ней! И бросилась в комнату, на ходу вскидывая руки и буквально источая магическую силу, тут же сбрасывая её на неподвижно лежащее тело.

Аня не стала спрашивать, в чём дело. Внесла свою сумку в комнату и подобрала, поставила на стул уроненную Онорой сумку. Пока девушка, встав возле кровати и чуть наклонившись над ней, что-то бормотала с наставленными на дайну Эннис руками, Аня, стараясь не мешать, выложила из сумок закупленное. Когда Онора закончит с исправлением того, что произошло за время их отсутствия, она немедленно начнёт создавать артефакты, а значит, материалы должны быть у неё на виду.

А потом осторожно, стараясь не мешать, приблизилась к кровати. Краем глаза увиденное заставило напрячь магическое зрение. И прикусить губу. Онора вливала в тело дайны Эннис просто сумасшедшие силы, но они не задерживались вокруг немощного тела, а словно проходили мимо него, сквозь него, напрасно пропадая в пространстве.

«Кажется, настало время мага образов», — бесстрастно решила Аня.

Выглядело это для глаз мага образов так: над кроватью с дайной Эннис вздымалось драное облако серо-гнилостного цвета. Нет, не так. Не над кроватью. Над самым телом. И не облако, как сначала показалось Ане... Дайна Эннис лежала укрытая шерстяным одеялом до самого подбородка. И от всей видимой под одеялом фигурой и почти усохшей головы лениво тянулись вверх дымки. Последние. Как от выгоревшего дотла дерева... Онора видела наверняка иначе. Девушка однажды сама объясняла, что маги определённой специализации видят мир по-разному.

— Неужели скоро и я так... — Горячий шёпот Оноры, опустившей руки, ударил по сердцу. — Неужели и я?!

— Ты знаешь, что это за проклятие? — медленно, ещё сомневаясь, но уже ужасаясь её знанию (она знала всё это время?! Господи, что же она пережила, когда увидела дайну Эннис?! И вот почему она зарыдала, когда разговор пошёл о деньгах на дорогие ингредиенты!), спросила Аня. А в голове (отстранённо от ситуации, безразлично к ней) словно пощёлкивали некие элементы или детали некоей машины, перелистывая громадную тетрадь дина Хармона, всё ещё спрятанную в библиотечном закутке, и заставляя её вспоминать необходимое.

— Знаю... — прошелестела девушка. — Агни, она умирает. Ей уже ничего не поможет.

— Но почему?!

— Вот, внизу, видишь?

Тонкая рука Оноры показала на пол рядом с кроватью. Стоявшая сбоку, Аня подошла. На полу вразброд лежали крохотные серые крупинки, их осыпала такая же мельчайшая пыль. Как ни пыталась Аня разглядеть и понять, что это, так и не смогла.

— Что это?

— Сушёная трава. Мне показалось — той, что у тебя была на кухне, хватит, чтобы удержать её в стабильном состоянии. Но, кажется, дайна Эннис начала слишком быстро вытягивать силы из трав... Если бы я в это время была дома...

— У неё был всплеск активности? — рассеянно уточнила Аня, по логике диалога вспомнив фразу из фильмов своего мира.

Кажется, Онора чуть не сказала: «Странное выражение!», но, вскинув голову на фразу, чтобы посмотреть на хозяйку дома, она снова уставилась на лежавшую в постели дайну Эннис. Уставилась покорно и мрачно.

«Всё зря? — спросила себя Аня, чувствуя, что на этот раз её тошнит так, как будто она падает в пропасть. — Все эти дорогие покупки в лавочке для практикующих магов... Поездка в карете дина Вилея... Наша недавняя радость...»

Она снова взглянула на Онору — и столкнулась с ней взглядами. Секунда — и девушка закрыла руками мокрое от слёз лицо.

— Я не хочу умирать, Агни! Не хочу!

Резко бросив взгляд на кровать с умирающей женщиной и развернувшись, Аня выскочила из комнаты, добежала до своих апартаментов. Здесь схватила со стола коробку с карандашами и заранее нарезанными карточками и бросилась назад.

— Помоги мне! — рывкнула она на безудержно рыдающую девушку и вцепилась в край стола, чтобы выволочь его в коридор. Стол занимал пространство, которое вот-вот

понадобится — между кроватью и стулом, поставленным у стены.

Онора обежала стол и приподняла его с другой стороны. И вдруг ахнула:

— Тебе нельзя!

Сделав вид, что неправильно поняла её, Аня крикнула:

— Я уже ножки поставила за порог — дальше сама тащи!

И, протиснувшись мимо стола и стены, бросилась к стулу. Пока обезумевшая от двойного страха девушка не сообразила, что происходит, Аня шлёпнулась на стул, закинула ногу на ногу, и... сумасшедше стремительный настрой на дайну Эннис! «Мне нужны мгновения! Или пусть секунды! Только бы Онора не поняла... не успела понять!»

Этими секундами Аню словно откинуло на спинку стула, а карандаш ткнул в бумагу так, что чуть не порвал её. Но руку уже повело, повело... Карандаш отпрянул от карточки и сам провёл первую линию... Будто издалека Аня услышала безнадёжное:

— Агни!.. Тебе нельзя!.. Что скажет Никас?! Что скажет дин Таеган?!

Опоздала она с испуганными воплями.

Остановить процесс нельзя. И взвинченная от страха Онора забыла, что начальные этапы работы мага — это проверка его самого...

Что Аня хорошо усвоила из той громадной тетради дина Хармона, так это следующее: если мастер-маг, работающий по определённой специализации, вошёл в ритм своей работы, прерывать его нельзя. Чревато для здоровья.

А что до «положения» Ани... Дин Хармон упомянул в записях, что внутренняя суть мастера-мага сама даёт отбой на первоначальных этапах работы, если того потребует организм. То есть: если маг болен, например обычной простудой, организм может отказаться работать по специализации. Почему? Внутренняя суть мага потребует отдать силы не на творимую магию, а на укрепление организма. Заставить себя работать можно, но силы будут отданы неохотно...

И в первые секунды работы Аня, затаив дыхание, ждала, что та самая внутренняя суть откажется действовать из-за её «положения». Но процесс и впрямь пошёл: первая картинка уверенно заполнялась поначалу хаотичными линиями серого карандаша, и Аня выдохнула: и из-за «положения» страшно было, и из-за дайны Эннис тоже!

Между тем на карточке из беспорядочных почеркушек начало появляться нечто узнаваемое. Аня не пыталась сообразить, что это. Не всё ли равно, как выглядит сила дайны Эннис?.. Последнее, что Аня осознанно могла подумать: «С сегодняшнего дня ты немедленно засядешь в том укромном уголке библиотеки, где дин Хармон спрятал дневники по воспитанию своей жены, как мага образов! И — повторять! Повторять!»

В этом мире по-другому нельзя — начала она понимать главное. Если тебе дан магический талант, ты не имеешь права разбрасываться им или забывать о нём. Неизвестно, когда тебя торкнет по судьбе, но ты должна знать всё, что в тебе заложено. Зачем? Чтобы не сомневаться, как именно поступать в той или иной ситуации. Брату некогда: он зарабатывает на жизнь стабильным жалованьем, которым семье рисковать нельзя. «Он только может спросить о чём-то у других, как хотел узнать, можно ли мне работать в моём «положении». Но ты-то должна знать об этих условиях уже сейчас. И не урывками, которые вспоминаются только в экстремальных случаях...»

— Сиреневый!

А сейчас уже любопытно, что именно получится на карточке...

Бросая готовый рисунок в сторону, зная, что карточку подхватит Онора, Аня морщилась

в попытках понять: она изображала что-то вроде серой колючки, но почему-то то ли с сиреневыми крылышками, то ли с чем-то ещё сиреневым... И чуть не подняла плечи: сиреневый — это не цветок? Но почему тогда колючки? И завертелось на языке слово «бодяк», но быстро сдвинулось куда-то в сторону, а на его месте осталось слово «чертополох»... Сила дайны Эннис — это цветок и колючка чертополоха? Похоже — криво усмехнулась Аня, одновременно почему-то вспоминая детство, как на деревенском огороде бабушки драла сорняки. А бодяк всё же мягче рвётся, чем чертополох. Если тот завёлся в огороде, считай, руки постоянно будут в красных, порой воспалённых уколах...

Краем глаза Аня заметила неожиданное движение возле двери. Заметила, но не стала обращать внимания. Некогда. После первого, хоть и торопливого рисунка остальные карточки заполнялись ещё быстрее. Онора только и успевала подавать бумагу и два разных по цвету карандаша.

Ближе к окончанию магического процесса Аня внезапно догадалась, кто двигался возле двери. Дайна Сарейд, которую в кои-то веки хозяйка дома не соизволила проводить из дома к карете, всегда отличалась несколько бесцеремонным поведением, будучи к тому же самоуверенной. Видимо, удивлённая нарушением привычных правил этого дома, она велела Кристал поискать свою старшую сестру, а сама немедленно последовала за ученицей. Но почему при виде того, что хозяйка дома проводит магическую работу, учительница всё так же бесцеремонно продолжала выситесь у порога, который перешагнула только Кристал, теперь словно замороженно жавшаяся к дверному косяку?

Последняя карточка.

В следующую секунду Онора успела сунуть всю пачку в протянутую руку Ани. Та резко встала со стула (тот тоже резко пропал — кажется, Онора же убрала) и начала поспешно раскладывать карточки перед кроватью с дайной Эннис. Едва разложив, сразу проверила, нет ли в раскладе карточек, «дерущихся» между собой. Нет, источавшие слабый сиреневый свет карточки лежали идеально. Аня отступила в сторону, ожидая привычного зрелища, а в душе страшась, что сегодня не увидит его.

А если дайна Эннис уже в таком состоянии, что не может воспринимать предложенную силу?

Если сиреневые цветы не смогут отдавать силу, потому что им трудно пробиться в это беспомощное, умирающее тело?

Мгновение, другое... Помрачнев, Аня уже готова была с безнадёгой опустить напряжённо поднятые плечи...

Сиреневое марево мягко потянулось к кровати с дайной Эннис.

Наверное, Аня выдохнула слишком шумно. Снова движение — на неё взглянула дайна Сарейд. А потом учительница Кристал вновь засмотрелась на действие карточек. Впрочем, нет. Засмотрелась — это не про неё. Дайна Сарейд смотрела на происходящее, чуть не прищурившись, как экзаменатор, принимающий выпускные экзамены у студентов.

И что-то случилось с Кристал. Девочка напряжённо смотрела на кровать с дайной Эннис, чуть склонив голову, будто не просто смотрела, а прислушивалась к чему-то.

Сиреневый «стакан» вобрал в себя кровать с лежащим на ней человеком.

Магия действовала. Значит, дайне Эннис ещё можно помочь?

Нет, Аня помнила, что проклятие, в которое вляпался на государственной границе Таеган, ещё оставалось на нём после усиления его образами силы, но... Пока что можно вывести только одно: дайне Эннис здорово повезло, что недавним путешественникам до

городских улиц повстречался на пути дин Вилей. Ведь только благодаря соседу, дайны быстро и вовремя оказались дома.

Сиреневый цвет медленно опускался над женщиной, будто сминалась прозрачная и мягкая бумага или тончайшая плёнка. И все, затаив дыхание, ждали...

Кристал вдруг подалась вперёд, как будто хотела разглядеть дайну Эннис ближе.

И это движение стало выстрелом из стартового пистолета.

— Стул! — неожиданно приказала дайна Сарейд, вдвигаясь в комнату не слабей военного корабля-авианосца, благо и одета была в строгое длинное серое платье с длинным чёрным кардиганом. И подхватила тот стул, на котором только что сидела Аня и который Онора поставила в угол, рядом с дверью. А потом отдернула руку от Кристал, которую слишком явно хотела схватить за шиворот, зато вцепилась в её локоть: — Девочка, садись! Дайна Онора! Дайте ей карандаши и карточки!

Стул от спешки здорово треснулся о стену, к которой его слишком близко поставили. Но устоял. Будто под гипнозом, Кристал немедленно уселась на него, скопировав позу Ани — нога на ногу и тут же положив на колено первую карточку. Лишь раз растерянно оглянувшись на старшую сестру, а потом склонилась над картонкой и принялась за рисунок. Испуганная Онора тоже посмотрела на Аню. Аня же почувствовала азарт. Без слов и объяснений дайны Сарейд она сама сообразила, что к чему: наблюдая за действиями сестры, Кристал постепенно вникала в то действие, которое развёртывалось перед ней. И, возможно, интуитивно пробуждалась, как маг образов. А дайна Сарейд, будучи не просто учительницей магии, но и опытным магом, сразу уловила эту внезапно явленную особенность своей ученицы.

Последнее сиреневое марево Аниной работы опало над дайной Эннис.

Едва исчез сиреневый отблеск, как Кристал склонила голову над своей карточкой. Всё. Никаких сомнений. Никаких колебаний. Магия захватила девочку и повела собственным путём — пока без объяснений, интуитивно. Сила, насколько видела это Аня, просто рвалась из Кристал воплотиться в подсунутых ей карточках. И младшая сестра орудовала карандашом, не обращая внимания на то, что творится вокруг.

Аня смотрела, тщетно скрывая счастливую усмешку.

Теперь, случись что — её заменит Кристал! Магия силовых образов не просто пробудилась в девочке. Она теперь будет... Аня уже ухмыльнулась: «Ты хотела начать заниматься по тетради дина Хармона? Лучше, чем обучать кого-то, нет ничего на свете, если хочешь что-то глубинно усвоить сама!»

Была у Кристал учительницей Онора. Есть учительница — дайна Сарейд. Теперь и обучению Кристал магии образов приступит и Аня.

... - Что дальше? — испуганно спросила Кристал.

— Разложи карточки перед кроватью, — скомандовала Аня, вставшая с девочкой рядом, чтобы подавать картонки и карандаши. — Ровными рядами, какими они лежали только что. Ты видела — знаешь!

Того мертвенного, зеленовато-коричневого оттенка вокруг тела дайны Эннис уже не наблюдалось, так что можно действовать не самой — считала Аня. А уже начать практическое обучение сестрёнки...

Кристал суматошно разложила карточки, и дайна Сарейд, нахмурившись на них, быстро и вопросительно взглянула на Аню. Заметила?

— А теперь посмотри, сочетаются ли между собой эти карточки, не ругаются ли они

между собой, — подсказала Аня.

Онора было шагнула вперёд. Тоже увидела, как и учительница по магии. И девушка тоже промолчала, не стала подсказывать — кажется, догадалась, что Кристал должна сама увидеть то, что необходимо.

Кристал встала сбоку от кровати, лишь раз оробело покосившись на неподвижное тело дайны Эннис. Потом, ступая на цыпочках — то ли боялась разбудить лежащую дайну, то ли по инерции страшилась ступить обычным шагом, склонилась, чтобы поправить карточки в третьем ряду. Выпрямилась и осмотрела построение квадратиков. Онора, прикусив губу, снова подалась вперёд. Но устояла на месте. Кристал обошла карточковые ряды и поменяла местами ещё два картона. Всё. Остальные были разложены идеально. Как будто сообразив это, девочка нерешительно огляделась и отошла к дайне Сарейд, к двери, чтобы наблюдать, что случится далее.

Сиреневый цвет карточек Кристал оказался чуть слабей Аниных. Но тоже взвился вверх и потянулся к кровати дайны Эннис.

Когда он опал над телом дайны, Онора оттолкнулась от стены, возле которой стояла, и кивнула:

— Теперь я сумею помочь ей.

Торжествующую дайну Сарейд привычно проводили до крыльца, где её ждал слегка удивлённый кучер: как же — раньше она никогда настолько не запаздывала!

А женщина, пребывая в восхищении, всё никак не могла опомниться.

— Я знала, что в вашей семье — большинство из магов образов, но не думала, что это чудо, этот прорыв в талантах Кристал произойдёт при мне! — откровенно ахала она, забыв о своей величественности. Правда, при этом она предусмотрительно оглядывалась, но Кристал, наверху попрощавшись с ней, так и не выскочила на этот раз провожать её, оставшись в комнате дайны Эннис, вместе с Онорой.

— Дайна Сарейд, вы даже не представляете, как я вам благодарна, — с чувством ответила Аня. — Ведь именно вы отметили этот процесс в вашей ученице — в Кристал!

Так они восторженно рассказывали друг дружке о своих впечатлениях ещё долго, пока дайна Сарейд не рассмеялась и не напомнила, что ей ещё ехать к следующему ученику. На предложение Ани пообедать в её доме учительница отказалась, объяснив:

— Я так взбудоражена, что сейчас есть ничего не могу. Спасибо за приглашение, но мне пора ехать. До свидания, дайна Агни! Я счастлива, что работаю с вашей девочкой — с магом образов!

— Взаимно рада, что с моей младшей сестрой работает такой опытный маг, как вы!

Обменявшись последними любезностями, дайны всё-таки распрощались. Когда муниципальная карета скрылась за углом, Аня рассеянно подумала: «Интересно, расскажет ли начальству дайна Сарейд про ученицу? Или подождёт, пока способность Кристал к магии образов станет постоянной?»

Но высокий счастливый настрой потихоньку утихал. Дела домашние заставили в первую очередь заторопиться в кухню и начать подготовку к обеду. Чистя картошку для мясного супа, Аня размышляла, что забыла спросить у дайны Сарейд, можно ли Кристал постоянно пользоваться своей магической особенностью, не станет ли сама девочка слабей из-за постоянной работы с магией. И тем самым опосредованно уточнить, можно ли и ей, Ане, работать, учитывая её «положение». Нет, тезисы из дневниковой тетради дина Хармона на практике показали, что работать можно. Но убедиться на всякий случай и со стороны

другого опытного мага неплохо бы.

— Агни! Агни! Нам теперь можно с собачками в гостиной побегать и поиграть? — влетела в кухню Лисса и тут же подбежала к высокому для неё кухонному столу, зашарила на нём ручонкой: — А печеньки? Хочу печенек! Агни, дай!

— С молоком! — железным тоном напомнила Аня.

— Ну-у! — надулась малышка — и внезапно оглянулась. Глаза засияли хитростью. — А можно с печеньками молоко в гостиной попить?

— Можно, — спокойно ответила Аня. — Только вместе с чашкой молока ты получаешь две тарелочки для собак.

— А я хотела!.. — начала Лисса и снова надулась.

А то непонятно, чего она хотела: печеньки — сжевать, молоко — отдать собачкам.

— Если ты меня подождёшь, — сжалилась Аня, — мы можем все вместе попить молока и съесть печеньки. Вместе вкусней! Как, Лисса? Подождёшь? У тебя собачки есть. Пока бегаешь с ними, время быстро пролетит.

Пухлые губки малышки плаксиво разъехались в стороны.

— Даже одну не дашь? — обиженно спросила Лисса.

— Держи уж.

— Ага! — победно завопила Лисса и вприпрыжку поскакала из кухни.

Еле сдерживая улыбку и прислушиваясь, Аня начала крошить картошку. Когда вода с мясом закипела, в первую очередь сунула в большую кастрюлю мелко нарезанные листья здешнего салата, который употреблялся вместо капусты. В миске с картошкой сменила воду и отдельно приготовила приправы, чтобы положить в конце варки. Едва только заглянула в кастрюли со вторым, рассчитывая что-то оставить братьям, как в кухню похоронным шагом вошла мрачная Лисса. На ходу она вытирала пальцы о штанишки. Аня с сочувствием посмотрела на неё и кивнула:

— Съели?

— Прямо из рук! — пожаловалась Лисса.

— Вот поэтому надо кушать за столом, — вывела Аня логичное.

Малышка задумчиво посмотрела, как в плите, за металлической дверцей, плещется огонь, и вздохнула:

— Агни...

— Мм?

— А можно, ты мне дашь печеньку, а я её съем здесь?

— А собачек не жалко? Сделай для меня кое-что, Лисса. И тогда я тебе дам печеньку. Сначала отнеси своим собачкам молока. Они ведь не играли, когда отнимали у тебя вкусняшку. Они голодные. На них не злиться надо, а пожалеть. Держи тарелки. Не разольёшь, пока несёшь?

— Нет, — снова вздохнула малышка.

— В гостиную не носи, — учила Аня. — Оставь у двери в кухню и позови.

— А почему в гостиную нельзя? — с невольным любопытством спросила Лисса.

— Не боишься — выбьют из рук?

— А-а, это... Ладно. Поставлю за дверью и позову, — согласилась Лисса.

Когда она ушла, Аня неожиданно для себя опустила резко отяжелевшие руки. Лисса сильно помогла ей отстраниться от той ситуации, которая по времени заняла всего несколько минут. Но откат случился прямо сейчас. Только-только. Только сейчас стало

понятно, что дайна Эннис и впрямь могла умереть. А следствием того было бы не только обнаруженное ученичество Оноры, но, что хуже, наступила бы очередь девушки в качестве следующей из проклятой семьи дина Хармона на смерть.

Осознав всё это сейчас очень ярко и пережив недавние впечатления до дрожи всего тела, Аня естественным путём дошла до следующей мысли: а что, вообще, за проклятие такое на дине Хармоне, перешедшее на дайну Эннис? Кто и за что наслал на них такую... скоростную смерть? И если проклятие и в самом деле семейное (как теперь подтвердила Онора), то как столько лет жил сам дин Хармон? Если он знал об этом проклятии, он же наверняка что-то делал, чтобы остаться в живых?

Забывшись, Аня смотрела в никуда.

Проклятие. Да ещё семейное. Это же... глубокая тайна для посторонних. Не значит ли, что дин Хармон всё-таки вёл какие-то потайные записи о беде, которая буквально парила над их семейством? Дайна Эннис без сознания. И не может рассказать о том, что помогло бы справиться с этой бедой.

Но та громадная тетрадь о магии образов... Не рядом ли где-то и записи дина Хармона о проклятии и о том, как с ним бороться?

После обеда будет время — надо бы тоже, как Онора, сбежать в библиотеку... Если, конечно, получится. Впрочем, Онора тоже сегодня наверняка в библиотеку не попадёт: у неё появился клиент, жизнь и смерть которого — жизнь и смерть её самой. Да и... Ане тоже придётся сидеть с девочками, с Кристал и Лиссой, хоть немного. И кукол надо бы пошить побольше... И жаль, что нет пока возможности продать хотя бы парочку, чтобы хоть таким образом компенсировать потраченные в магической лавке деньги. Нет, сегодня в библиотеку не удастся попасть. Ведь после обеда лавочник пообещал привезти знакомого, который попал под материнское проклятие. И надо будет проследить за дайной Эннис, пока Онора разбирается с новым клиентом.

Листья салата опустились на дно кастрюли, и Аня добавила в кастрюлю картошки.

— Агни! Собачки попили молока!

— А что так удивлённо? — засмеялась она, пока Лисса несла опустевшие тарелки к раковине мойки.

— Им нравится, — пожала плечами малышка. — А мне — нет.

— А вот если в молоко положить варенье... — таинственно сказала Аня.

— У нас варенья нет, — категорически напомнила Лисса.

— А на будущий год будет! — заверила хозяйка дома. — Ну что? Возьмёшь печенку — здесь её съесть?

— Не-ет! — решительно отказалась Лисса. — Меня собачки ждут. Они теперь наелись и хотят играть. Слышишь, как стучатся?

В кухонную дверь, вообще-то не стучались, а скребли её. Но Аня не стала поправлять малышку, обрадованная, что Лисса не будет есть сладкого перед обедом. Поэтому спокойно вышла вместе с ней и некоторое время подбадривала её беготню, а потом предупредила, что сбегает на второй этаж, и Лисса осталась играть в гостиной одна. Хотя одна — это слишком хорошо сказано: повизгивания и смех малышки, поскуливание и писклявое взлаивание щенка, фырканье или редкий лай собаки сливались в такой многоголосый звон, словно по гостиной носилась целая куча малышни.

Быстро взбежала по лестницу, мимоходом думая о том, что надо бы побольше двигаться: ещё несколько месяцев — и бегать будет трудно.

Стукнула в дверь к дайне Эннис. Открыла Кристал. Аня ещё мельком улыбнулась: девочка скорее всего тоже выплёскивала свои эмоции перед Онорой после своего первого опыта с действием магии образов.

— Ну что? — уже с тревогой спросила Аня. — Как дайна Эннис?

— Гораздо лучше, чем когда мы уходили, — покачала головой Онора. Кажется, она недоверчиво отнеслась к своим же собственным словам, потому что, ответив, тут же подошла к кровати и снова вгляделась в лицо дайны Эннис.

— Агни, я спущусь пока, ладно? — отпросилась Кристал.

— Беги, конечно.

У порога, открыв дверь, Кристал оглянулась на кровать с дайной и вздохнула.

— Онора, помнишь, ты мне рассказывала, как ссорились дин Хармон и дайна Эннис? — осторожно спросила Аня, присаживаясь на стул в изголовье лежащей.

— Помню. — Девушка тоже посмотрела, где бы сесть, и подтащила к хозяйке дома второй стул. — Да, сейчас я тоже понимаю, из-за чего они ругались. Но почему отец мне не сказал о семейном проклятии?

— Вероятно, он не ожидал, что так быстро... погибнет.

— Одно проклятие у него наложилось на другое, — размышляя, проговорила Онора и тут же взглянула со смешанным чувством на Аню. — Но она и правда магически выглядит гораздо более здоровой, чем раньше! Эта магия образов творит чудеса!

«Да вся ваша магия — это одно чудо! — чуть не вырвалось у Ани. — А вы ещё её и делите! Для кого-то это вообще невообразимо!» Но промолчала о своих личных мыслях.

— Онора, почему я завела этот разговор, — осторожно начала она. — Ты чаще сидишь в отцовской библиотеке и чаще используешь его книги. А нет ли в его библиотеке его же рукописей? Или хотя бы личных записей? У меня-то осталась его тетрадь, которую нельзя выносить за пределы того закутка, но, может, ты знаешь что-то ещё о его записях?

— У меня есть такая же тетрадь, как у тебя, Агни, — вздохнула Онора. — Я ведь говорила, что он лично учил меня снятию проклятий. Отдельных записей я не встречала.

— Жаль, — негромко сказала Аня, глядя на дайну Эннис. — Онора, а мы, благодаря Кристал, теперь постоянно можем поддерживать жизнь в дайне Эннис?

— Постоянно не понадобится, — ответила девушка. — Я сейчас пробую формулы, которые приготовил для меня отец, и подставляю в них личные параметры дайны Эннис. Если сумею рассчитать нужные ингредиенты для осуществления подправленной формулы, сумею и вывести дайну Эннис из этого состояния.

Они ещё немного помолчали, а потом Аня встала с места.

— Не забудь прийти на обед через полчаса. Мы будем тебя ждать. Не забывай, что, кроме магических, нам нужны и силы физические. Мы ждём тебя, Онора.

И, улыбнувшись, вышла. Прошла несколько шагов и остановилась. Стукнула кулаком по стене. Шить кукол или шить и вязать одежду?! Вот в чём вопрос! Или в чём проблема! Никас обещал, что сегодня ему выдадут жалованье. И что из этого жалованья останется? Сегодня приедет новый клиент, но сколько он, лавочник, может дать за своё избавление от проклятия? Вряд ли достаточно. Мда... Придётся ещё поворочать мозгами, чтобы придумать приемлемый выход для семьи из денежного тупика...

Хорошо, что встречу с новым клиентом назначили на определённое время.

Обед — время успокоиться. Хотя какое тут спокойствие!

Одна только Онора то и дело дёргалась убежать из-за стола в комнату дайны Эннис, как будто не оставила ту в сложном переплетении первых, на скорую руку сооружённых ею же артефактов. Хотя Аня понимала её: утром, уходя в магическую лавку, девушка тоже пребывала в уверенности, что с подопечной ничего не случится.

Кристал же, наоборот, сидела так, словно хотела спрятаться — согнувшись или даже сгорбившись. И глаза девочки время от времени становились какими-то... бессмысленными. Появлялось впечатление, что Кристал прислушивалась к себе — и побаивалась того, что услышала. Тоже откат — после первого в своей жизни использования магической особенности, как мага образов...

А вот Лиссе внезапная тишина за обеденным столом не мешала. Суп она уписывала с удовольствием, хотя Аня опасалась, что малышка будет капризничать и требовать сладкого. Но Лисса успела набегаться по гостиной с собаками и устать. Впрочем, щенок-то долго не бегал, как заметила Аня. Он немного покатался тем же шариком с ножками, стремясь настигнуть верёвочку, которой его дразнила Лисса, да и закатился куда-то под кресло, возле невысокого столика, благо именно здесь и был постелен единственный ковёр в гостиной. И уснул так, как спят малыши в его возрасте нескольких дней... Если бы не собака Нейнси, которая вспомнила, что давно не кормила своё чадо, никто не догадался бы, где искать кроху.

Ну а поскольку разговаривали за обедом мало и в основном — Аня с Лиссой, то под конец его в памяти хозяйки дома всплыло волшебное слово, забытое из-за хлопот с ремонтом. И слово это — «мансарда». После того как Аня пару раз проговорила, употребив слово «мансарда» в общих беседах, а никто нормально не среагировал на него, например, предложением подняться туда и обследовать это местечко более конкретно, а потом все и вовсе забыли, что существует такая часть дома, она пришла к выводу (точней — подтвердила уже бывший вывод), что на мансарду дином Хармоном наложено какое-то заклинание, отводящее от неё внимание. И что самое интересное: она собиралась рассказать про мансарду Таегану. И не рассказала. И этот факт подтверждал, что мансарда крепко защищена мужем Агни.

И сейчас Ане подумалось: если в доме нет денег, не продать ли что-нибудь из того, что громоздится в мансарде даже не распакованным?

Ремонт-то дома прерван из-за всяческих магических событий. Внешними стенами его Никас и мальчики собираются заняться в выходные. Вывод: из личного времени хозяйки дома на дела по хозяйству освободились более или менее обширные часы. Что — трудно на пятнадцать-двадцать минут сбегать из кабинета дина Хармона по тайной лестнице наверх и, наконец, разобраться, что есть в мансарде и как этим распорядиться? А то нашла ветхие ткани и материал для кукол — и обрадовалась, и вроде больше ничего и не надо! Не-ет, нужно хорошенько оглядеть эту изрядную часть собственности и подумать, на что употребить её наверняка богатое содержимое.

За пять минут до конца обеда план вылазки в мансарду (и не одной вылазки!) был готов. Осталось привлечь Кристал к важному делу.

За минуту до конца обеда, то есть когда Онора вскочила с места и торопливо начала собирать посуду со стола, а Кристал нахмурилась, будто очнувшись, Аня поднялась и сказала:

— Онора, я сама соберу посуду и вымою её. Не забудь, что тебе надо подготовиться к встрече с новым клиентом. Где ты будешь работать с ним?

Девушка послушно опустила руки и... растерялась.

— Хорошо, — сказала Аня. — Приготовь всё, что тебе нужно, в учебной комнате Кристал, и прими его там. Тебе так удобно?

— Конечно. А почему посуда?..

— Я обычно посуду мою быстрее, а тебе готовиться с формулой надо: пока её начертишь, пока впишешь в неё всё, что нужно... — деловито сказала Аня. — А сейчас беги к себе или к дайне Эннис. И сделай так, чтобы с работой над новым клиентом не отвлекаться на свою тётю. Не забудь перенести в учебную комнату артефакты и всё остальное, что тебе понадобится.

Когда озабоченная будущими делами Онора выбежала за дверь столовой залы, Аня обратилась к Кристал:

— Кристал, милая, я хотела бы попросить тебя кое о чём.

— О чём?

— Ты не могла бы до появления нашего нового клиента присмотреть за Лиссой?

Вникнув в просьбу старшей сестры, Кристал удивилась:

— А разве потом не надо будет смотреть за ней?

— Не надо за мной смотреть! — заявила Лисса. — Мы с собачками будем сидеть на втором этаже и играть с куклами!

— Потом за ней буду смотреть я, — сказала Аня Кристал, улыбнувшись малышке. — А пока меня не будет. Я собираюсь потихоньку переписать из книги дина Хармона то главное, что сейчас надо знать тебе, как магу образов.

— И я могу спросить у тебя про всё, Агни? — вскинулась девочка, знавшая о тетради дина Хармона. — И ты мне всё-всё расскажешь?!

— Ну, всё-всё сразу не получится, — задумчиво сказала Аня, прикидывая объёмы информации, — но потихоньку ты можешь узнать многое.

— Я буду следить за Лиссой! — с жаром пообещала Кристал.

— Не надо за мной следить! — пробурчала малышка. — Со мной играть надо!

Но, прежде чем пойти нянчиться с Лиссой, Кристал всё-таки помогла Ане перенести посуду из столовой залы в кухню. Решившей сначала, что будет мыть посуду позже и набегами, Ане пришлось переиграть первоначальный план: очень уж старалась Кристал, а за нею и Лисса захотела помочь хозяйке дома. Так что Аня была просто вынуждена мыть посуду по мере её поступления.

Из задуманных полутора часа исследований на планете Мансарда остались жалкие «около часа».

Ничего. Аня не собиралась рыскать по всей мансарде беспорядочно. Пока мыла посуду, появился конкретный план. Для начала она собиралась дойти до конца мансардной анфилады — в ту её часть, где нашла когда-то цепочку с медальоном Конгали. И собиралась Аня это помещение обыскать очень тщательно, хотя и помнила его довольно пустым. Но, когда она задумалась об этом обыске, в мозгах вскипела и оформилась странная мысль: «У дина Хармона был магически намертво закрытый кабинет. У него была жесточайше

закрывая библиотека. Какого, спрашивается, он решил перенести «дело Конгали» в мансарду? Странно, что раньше я об этом не задумалась...»

И ещё мысленно посмеялась над собой: первоначальный план решительно найти в мансарде что-то необходимое для нужд дома — легко перетёк в желание удовлетворить обычное женское любопытство... До посещения мансарды она забежала к себе и надела кофточку. Пока мыла посуду — жарковато было. Но мансарда почти под крышей — будет холодновато в одной блузке. Чисто машинально прихватила кулон с маленьким синим сапфиром — в тон кофточке.

В гостиной Кристал чётко выполняла инструкции Ани: она бегала с Лиссой и собакой, играла во все игры, которые вспоминала, — в общем и целом, делала всё, чтобы малышка утомилась и сладко спала к приезду нового клиента. И Кристал так была занята поставленной задачей, что даже не заметила, как Аня прощмыгнула в кабинет.

Дверь за собой не заперла. Смысла нет. Взрослых кабинет пропускал, но для детей, в том числе и для Кристал, ходу не было. Слишком опасно для них там. Поэтому Аня спокойно прошла за известный ей шкаф и принялась подниматься по узкой лестнице.

Снова замерло сердце, когда Аня от порога оглядела уходящее вдаль пространство и медленно зашагала по коридору мансардной анфилады.

Не зашагала.

Сделала шаг-другой — и её окатило горячей волной: она не помнила ничего! Ни в каком помещении нашла тряпки для кукол, ни в каком — цепочку с медальоном Конгали!

Аня отчётливо помнила те мешки и тюки, которые в прошлый раз перенесла вниз, в мастерскую. Но не помнила, где, в каком помещении анфилады, их нашла. Абсолютно. А ведь прошло всего... Аня лихорадочно подсчитала... всего три месяца!

Но далее она вообще испугалась: в памяти смутно оставалось, как она нашла в одном из помещений анфилады какие-то очень хорошие вещи, которым очень обрадовалась, но... Но какие вещи? И для чего хорошие?.. Память молчала, не отвечая...

Чья память? Агни?

... Звон в ушах медленно пошёл на спад... Аня начала понимать. Мир-то магический, а она постоянно забывает об этом. Не значит ли, что дин Хармон использовал и мансарду для каких-то своих таинственных, спрятанных даже от жены дел?

И значит ли это, что на мансарду и в самом деле наложено заклинание, отводящее... Аня не могла придумать слово, как ни пыталась. Взгляд? Внимание? Поняла только, что это заклинание похоже на то, что носил Таеган в своём медальоне: дотронешься до него — и забудешь то, что хотел узнать или спросить у хозяина.

Снова шагнула вперёд. Опять-таки смутно помнилось, что должна дойти до конца и там, почти в последнем помещении, должен быть столик, на котором стояло нечто, внутри которого лежала цепочка с медальоном Конгали. Ладно, хоть это помнила.

А потом — от испуга, наверное, или боязни снова забыть даже это — заторопилась к концу анфилады так, что пробежала её, замедляя шаг ближе к концу помещения, чтобы заглянуть во все и не пропустить то, где были вещи Конгали.

В предпоследнем помещении столик сразу привлёк её внимание, и Аня остановилась, чуть не до слёз благодарная ему — за то, что он есть и что память...

Глядя на столик всё с тем же сундучком на нём и машинально поглаживая кулон, она вдруг склонила голову набок. Мысли о бытовых проблемах улетучились... Осталось лишь настойчивое напоминание о том, что мир магический. И навязчивое желание не просто

осмотреть это помещение. Аня облизала губы и усилила магическое зрение. И застыла, когда перед ней из ничего появилась упорядоченная разноцветная паутина с полужаками магическими символами и знаками. Вот как... Она вглядывалась в эту паутину, прекрасно понимая, что ей не сумеет «прочитать» её. Инстинктивно только догадывалась, что именно эта паутина рассчитана на то, чтобы лишать постороннего человека памяти о мансарде.

Найдя в «паутине» пару знакомых по тетради дина Хармона слов, Аня сумела даже слабо улыбнуться. А потом посмотрела сквозь магическую «паутину» — и уже не застыла даже, а окаменела: перед ней больше не было пустого помещения, в центре которого сиротливо стоял столик с сундучком. Это был второй кабинет дина Хармона в миниатюре! Прямо напротив входа — довольно солидный стол с мягким стулом. По бокам — библиотечные стеллажи, забитые книгами и рукописями! Но... почему?!

Ане показалось, она наткнулась на шифровку. Нижний кабинет. Шкаф, за которым спряталась лестница в мансарду. Кабинет в мансарде, который можно увидеть, если предполагать магическое заклинание, скрывающее этот кабинет. И сундучок в нём.

Не сразу, но, как показалось Ане, она разгадала: дин Хармон не хотел расплести проклятия на первом этаже своего дома, потому что это слишком близко к жилым комнатам. А проклятия, как успела убедиться Аня, бывают всякими...

Она постояла ещё немного на пороге этого потайного кабинета, просто разглядывая его содержимое. И неожиданно подумала: «А если и все остальные помещения хотя бы только осмотреть, используя магическое зрение? И дотрагиваясь до сапфира в кулоне?» Это она уже сообразила, какую роль сыграл синий камешек в её желании разглядеть спрятанное магически. И медленно вернулась к началу мансарды.

... Через час Аня, оглушённая и растерянная, спускалась в кабинет дина Хармона, то и дело трогая свои волосы: не встали ли дыбом? И в полной растерянности: рассказать и показать? Или пока оставить всё, как есть? Но как хочется, чтобы увидели и другие! Поделиться своей радостью хоть с кем-то!

Только взгляд на кабинетные настенные часы мобилизовал её настроиться на обычное расписание дома и семьи. А заодно успокоил: есть время подумать!

В гостиной, на диване, сидела только Кристал, старательно вывязывая спинку свитера для одного из братьев, и хмурила брови, обращаясь к дамскому журналу со схемами по этому свитеру. Открытая дверь в учебную комнату подсказала, что Онора готовит помещение к приёму клиента. Лиссы и собаки с щенком нигде нет. Наверное, спят в комнате малышки.

— Ты останешься вязать здесь? — спросила Аня, присаживаясь рядом.

— Нет, уйду в мастерскую, когда к Оноре приедут. Посидишь со мной?

— Возможно, — рассеянно ответила Аня и поднялась, пошла в учебную комнату. — Онора, тебе помочь чем-нибудь?

— Нет, я уже приготовилась к приёму.

— Онора, ты знаешь, что я не так хороша в магии. Ну, не считая того, что выучила по тетради твоего отца. У меня... любопытство: это не опасно для дома и семьи, что ты принимаешь человека с проклятием в учебной комнате?

— Ты имеешь в виду, что нужно другое помещение, наглухо закрытое, чтобы заклинания не попадали на незащищённого? Ты права. В следующий раз можно будет использовать библиотеку, как в случае с дином Таеганом. Но этот, сегодняшней, клиент всего лишь с бытовым проклятием. А оно личностное, не должно попасть на другого.

— А кабинет дина Хармона подходит для таких, которые могут... ну, ты поняла?

— Он сильно защищён, но не от самых страшных. Единственное, что утешает, сейчас таких проклятий, которые были в старину, уже не бывает, — улыбнулась Онора. — Если тебя тревожат такие вопросы, в следующий раз я и правда лучше буду принимать своих клиентов в библиотеке. А ещё лучше, как отец, — у них дома. Но это тогда, когда я стану совсем взрослой! — уже засмеялась девушка.

— И последний вопрос из глупых, Онора. Когда дин Хармон купил этот дом?

— Сразу после женитьбы на тебе, Агни. Ты и этого не помнишь? — вновь рассмеялась Онора. — Он хотел, чтобы ты жила в комфорте. А я только тогда узнала, насколько он богат, если может позволить себе покупать такой огромный дом!

Аня засмеялась вместе с ней, постепенно приходя в лад со всеми сумасбродными мыслями, которые до сих пор будто кипели в ней. Теперь она знала, что делать, хотя вопрос о комнате вроде и не вписывался в ту проблему, которая её обуревала.

Они вместе же вышли из дома на звон ворот, чтобы лично встретить карету клиента, который приехал с той самой женой — очень энергичной и хорошенькой толстушкой, из-за которой мать, умирая, и прокляла его.

По дороге к дому — наёмная карета ехала за ними — Онора порасспросила молодожёнов о подробностях дела. В гостиную вошли — Аня была абсолютно уверена, что девушка справится с проклятием легко. Улыбнувшись Оноре, закрывавшей дверь в учебную комнату за своими гостями-клиентами, Аня вошла в мастерскую.

Обиженно насупившись, Кристал распускала спинку свитера. Кажется, на взводе после открывшегося дара магии образов, она слишком перенервничала и допустила ошибку в петлях. На появление Ани только жалобно буркнула что-то, но Аня, прикусывая губу, чтобы глупо не рассмеяться, скомандовала расстроенной девочке:

— Кристал, поднимайся и пойдём. Забудь пока о вязании.

— Я слышала, как в учебную комнату вошли, — вздохнула Кристал. — Это к Оноре?

— К ней. Но Онора нас пока не должна интересоваться. Просто у нас с тобой есть час, пока Онора узнаёт о последних деталях проклятия, а потом она поставит клиента в пентаграмму и проведёт ритуал очищения. Именно за этот час я хочу показать тебе кое-что.

— Агни, ты мне целый час хочешь показывать что-то?! — поразилась девочка. — Разве такое может быть?

— Может, может! — уже смеясь и сама не понимая, отчего — от счастья или бесшабашной радости, подтвердила Аня.

Заинтригованная, Кристал очень бережно отложила в сторону вязание и пошла к Ане, всё ещё стоявшей на пороге, со словами:

— А Лисса уснула. Я отвела её в комнату. Собака спит на коврик, а щенок — на ней.

— И это замечательно, — проговорила хозяйка дома. — Потому что я не знаю, стоит ли показывать то, что я нашла, остальным.

— Ты такая загадочная! — не выдержала, засмеялась и Кристал.

— Увидишь — поймёшь! — вздохнула Аня.

Она привела девочку в кабинет, держа её за руку: только так кабинетная защита пропускала «посторонних» в помещение. Когда, очутившись внутри, Кристал мелко затрясла рукой, стараясь освободиться от руки Ани, та покачала головой и сказала:

— Потерпи ещё немного, Кристал. Но пока тебе придётся всё ещё держаться за мою руку. Иначе я не смогу показать тебе того, что нашла.

В здешних деньгах Аня уже ориентировалась. И, когда в мансарде она обнаружила, что

именно может видеть под магическими заклинаниями, она, просто ошарашенная, шлёпнулась сесть на какой-то очередной сундук и задумалась. Иногда она удивлялась дину Хармону: сколько одежды и безделушек он накопил своей Агни! Иногда казалось, он без памяти любил её. Но поражала при этом скудость домашней обстановки. И возникал вопрос: кто он? Скупец? Желаящий нажиться на магическом таланте жены? Но теперь найденное Аней подтвердило: да, дин Хармон любил свою жену!

Завернув за шкаф, Аня замедлила шаг, чтобы Кристал могла к нему приноровиться.

— Здесь лестница?! — изумилась девочка, больше не делая попыток освободиться от ладони старшей сестры и с любопытством взглядывая наверх.

— Уже интересно, да? — усмехнулась Аня. — Иди осторожно, она очень узкая, а нам нельзя расцеплять ладони.

— Там тоже магическая защита? — уточнила встревоженная Кристал.

— И ещё какая!

— А куда мы идём?

— Ты же видела, что у нашего дома есть мансарда, — намекнула Аня, с любопытством ожидая, как отреагирует девочка.

— Мансарда? — удивилась Кристал и замолчала, недоверчиво глядя наверх.

Далее они поднимались уже молча.

Оказавшись в мансарде, Аня за руку подвела Кристал к первому закутку. И спокойно предложила:

— Усиль своё магическое зрение.

Кристал ещё оглянулась на неё, словно проверяя, не шутит ли над ней старшая сестра. Но повернулась лицом к закутку и постояла немного, прежде чем ахнуть.

— Войдём? — захохотала Аня и буквально потащила девочку вперёд. — Помнишь, о чём ты мечтала, Кристал? Вот они — твои шторы и занавески!

Девочка вырвала-таки ладошку из её руки и бросилась к первым толстым и жёстким рулонам мебельной и портьерной ткани, чтобы дотронуться до них, чтобы погладить их, а потом уселась на пол — отодвинуть свисающие края этих рулонов, чтобы посмотреть на цвет и узоры. И — чуть не заплакала!

— Агни! Агни! Это такое богатство! Ты про него вспомнила, да?! Агни, да?!

— Об этом потом! — чуть не вопила от восторга сама Аня. — Кристал, милая! Ты ещё не видела, что я нашла в других местах! Берись за мою руку, иначе ты увидишь пустоту!

— Это всё было спрятано магически?! — ахала Кристал, влекомая старшей сестрой в следующий закуток анфилады. И тут же округлила рот: — Что... что это?!

— Это зимняя одежда, Кристал! Мы теперь можем ничего не покупать себе и Оноре! — бушевала от переизбытка эмоций Аня. — Кристал, ты представляешь?! Ничего! Только братьям! Все деньги — только на них! На братьев! И только на еду! Мы не богаты, Кристал, но теперь в доме будет достаток!

Пока девочка оробело прикасалась к вещам, Аня решительно, хоть и с трудом сняла с одной из вешалок, слишком тесно притиснутых друг к другу, довольно длинную шубку и накинула на плечи Кристал. Та вскинула обалдевшие глаза на сестру, которая заставила её надеть шубку полностью, а потом ещё и застегнуться.

— Повернись сюда!

— Агни! — только и сумела ахнуть Кристал при виде собственного отражения в зеркале, прислонённом к стене.

— Тебе свободно, — начала оглядывать её Аня, нервно смеясь и уже понимая, что надо бы успокоиться, — но если ты будешь в тёплой одежде, останется только укоротить эту одежду. И будешь щеголять в ней всю зиму!

— Но Агни! Это твоё!

— Кристал, посмотри на все эти ряды одежды! Как ты думаешь, мне что — менять эти пальто и шубки каждый день? Да я все их за всю зиму не переносу! Так что эти одежды не только мои, а твои и Оноры!

Больше Аня показывать Кристал ничего не стала. Потрясение девочки было таким, что она разрыдалась от переполнявших её чувств, и Аня вынужденно отвела её — за руку, конечно, — в кабинет. Ругала себя немного: девочка и так пережила потрясение, когда в ней сегодня проснулся семейный магический дар. И старшая сестра могла бы и сообразить, что неожиданный подарок дина Хармона своей жене тоже может произвести на Кристал такое пронзительное впечатление...

Тут они и сидели, успокаиваясь и прислушиваясь к звукам в гостиной. Когда в гостиной загомонили, Аня оглянулась на Кристал и кивнула ей:

— Сиди здесь, пока не вернусь.

Шмыгая носом и вздыхая, девочка только и сумела покачать головой.

Выходя из кабинета, Аня подумала: «Сумела ли Онора назвать клиенту ту сумму, которую я ей подсказала?» Приветливо улыбаясь уходящей молодой чете, она, опять-таки вместе с Онорой, вышла на крыльцо — проводить деловых гостей.

Когда их карета скрылась за поворотом, Аня обернулась к девушке и насмешливо спросила её:

— Ну что? Того, что они заплатили, хватит тебе на очередную книгу по магии?

— Я думала — ты спросишь о результате этой встречи, — удивилась Онора.

— А я не сомневалась, что у тебя всё получится.

— А деньги они мне заплатили именно те, которые ты подсказала, — улыбнулась девушка. — Вот, возьми.

— Деньги оставишь себе, — велела Аня. — Это будет тебе компенсация за те деньги, которые пришлось потратить на дайну Эннис.

— Но мы вроде договорились... — заговорила было Онора, озадаченно глядя на хозяйку дома. Но Аня перебила её:

— Зайдём-ка в дом. Кристал сидит в кабинете — её надо выпустить.

Они зашли, и теперь, без деловых гостей, Аня сумела иным взглядом осмотреть голые стены гостиной. Только сейчас она отметила, что над всеми окнами и кое-где даже между окнами, на стенах, то ли сохранились, то ли волей дина Хармона были заранее укреплены карнизы, почти незаметные для глаза, замыленного на них. Дойдя до кабинета, Аня помогла выйти заплаканной Кристал, которая тут же принялась точно так же озирать ближайшие «окрестности» гостиной. Онора пока помалкивала, с интересом следя за ними.

— Можно вешать прямо сейчас, — вздохнула Кристал, шагая вдоль стен и рассматривая все эти карнизы. — Агни! Давай хотя бы в гостиной сделаем! Окна мы успеем вымыть! Они же не соприкасаются!

— Вы о чём? — не выдержала Онора.

— Мы нашли шторы и гардины для окон! Новенькие! — снова чуть не расплакалась Кристал. — Онора, ты не видела, но они такие красивые! И там есть занавески для комнат! Для всех! И даже для столовой залы! Сколько их там!

— Там — это где? — осторожно поинтересовалась девушка, оглянувшись на Аню.

— В мансарде, — глубоко вздохнув и начиная приходить в себя, ответила Аня. — Твой отец не просто купил этот дом. Он был готов к ремонту, а потому закупил для дома очень много всего. В том числе и ткани для штор, и накидки для мягкой мебели. Всё это мы нашли наверху, в мансарде. И там не просто ткани, как купили мы. Тамошние уже готовы, для того чтобы их повесить на эти карнизы, на которые смотрит наша Кристал.

— Агни, но когда?! — настаивала девочка, подпрыгивая от нетерпения.

— Не сегодня, — категорически отрезала Аня.

— Почему?!

— До приезда братьев осталось совсем немного времени. А разве тебе не хочется их удивить и обрадовать? Какая же радость им будет, если они приедут в разгар нашей работы — во время развешивания штор? Нет, Кристал, мы сделаем по-другому. Завтра у тебя нет уроков с дайной Сарейд. Так?

— Так.

— Онора пока занимается только дайной Эннис, а это значит, что Онора довольно свободна именно завтра.

— Я поняла! — засияла девочка. — Мы устроим сюрприз для Никаса и мальчиков?

— Именно! Ты только вообрази, Кристал! Братья приезжают домой, открывают дверь в гостиную — и думают: куда это мы попали?! А попали они в чудесный мир нашего преображённого дома! Вот только... — и Аня улыбнулась, глядя на удивлённую девочку.

— Что — только? Почему ты так на меня смотришь, Агни?

— Кристал, а ты не выдашь сегодня нашего секрета?

Девочка посмотрела на карнизы, а потом на сестру и честно сказала:

— Я-то постараюсь не выдать. Но как им объяснить, если они спросят, почему я так радуюсь? А грустить у меня теперь не получается.

— А ты скажи, что обрадовалась, что у Оноры появился клиент! — подсказала Аня и покачала головой. — Онора, надо бы и тебя сводить в мансарду, чтобы ты увидела, почему Кристал так счастлива. Девочки, попробуем втроём попасть туда?

Через минуту три хихикающие дайны медленно поднимались по узкой лестнице в мансарду. А хихикали они потому, что смешно было подниматься, держась за руки друг дружки, словно в какой-то детской игре. А потом стояли на пороге первого же закутка. Впрочем, стояли взрослые дайны. Кристал снова сидела на коленях, безудержно любясь плотными тканями — своей мечтой о красивом доме; показывала эти края сестре и Оноре и уговаривала ещё и ещё хвалить чудесные шторы, которые завтра будут висеть в гостиной.

Скрыть от братьев будущий невероятный сюрприз оказалось легко. Надо было просто перевести внимание на иное.

Как Аня и ожидала, дин Лугус, желая узнать о состоянии дайны Эннис, привёз братьев и домой. Онора проводила его в комнату дайны Эннис. И Аня в какой-то степени почувствовала уважение к нему: неизвестно, в самом ли деле дин Лугус любил свою всё ещё невесту, или только жалел её, а то и чувствовал некий долг перед ней, как перед дамой, попавшей в беду, но его внимание к дайне Эннис просто порадовало.

Аня-то вместе с Онорой тоже поднялась на жилой этаж. А чего не подняться? Ужин готов, на столах приборы расставлены. А если честно (признавалась себе Аня мысленно), то не доверяла она дину Лугусу. До сих пор. Пока не поднялась... Выкрасть Онору и дайну Эннис он не мог. Но обидеть девушку, пусть даже словом, сказанным в горячах или в сердцах, мог легко. А Онора слишком мало общалась с посторонними, чтобы уметь защищаться от такого...

В общем, Аня своими глазами наблюдала, как дин Лугус чуть ли не с порога комнаты бросился к кровати с дайной Эннис и всплеснул руками:

— Вы начали снимать проклятие?! Она выглядит гораздо лучше, чем утром!! Вы уже начали?!

Смущённо оглянувшись на Аню, Онора замешкалась с ответом, и Ане пришлось самой поспешно прервать затянувшуюся паузу.

— Нет, дин Лугус. Дайна Онора пока не приступила к ритуалу избавления от проклятия. Мы провели для дайны Эннис другой ритуал, помогающий хоть немного добавить ей жизненных и магических сил.

Несколько обескураженный дин Лугус взглянул на дайну Эннис, уже более внимательно оценивая её бледность, а не привычную ему серость лица. Вновь перевёл взгляд на Аню и Онору.

— Я не понимаю, — признался он. — Я знаю, что есть множество обыденных ритуалов для передачи сил. Но они всегда проводятся для человека в сознании. А дайна Эннис... — И он развёл руками.

Аня переглянулась с Онорой, которая от неловкой ситуации почти по-детски прикусила губу. И вдруг подумалось: какого чёрта?! Если дин Лугус любит свою попавшую в передрыгу невесту, то он наверняка женится на ней, когда дайна Эннис освободится от проклятия! То есть уже сейчас он будущий родственник семьи по Оноре, что бы там ни случилось!

— Дин Лугус, вы действительно хотите знать, почему дайна Эннис выглядит лучше?

— Конечно! — встревоженно ответил тот.

— Если это так, дайте клятву, что никому не расскажете о том, что услышите здесь сегодня вечером.

Дин Лугус думал недолго: снова взглянул на серьёзную Онору, затем на хозяйку дома. И затем, тщательно подбирая слова, поклялся так, что в конце его короткой речи Онора кивнула Ане, благо в этот момент дин Лугус не смотрел на девушку.

— Я принимаю вашу клятву и приглашаю вас на ужин, — сказала Аня. — Именно во время ужина и расскажу вам обо всём.

Слабо сопротивлялся дин Лугус приглашению только для приличия. Сегодня в этом

доме его удерживало несколько важных причин: и желание посидеть с дайной Эннис, которая внешним видом подавала надежду на благополучный исход, и странная тайна, о которой знают только члены этой семьи.

Онора проводила его в одну из гостевых комнат умыться после дороги, а затем спустилась вместе с ним в столовую залу. Аня успела добавить на стол ещё один прибор и предупредить семью о госте.

Никас выслушал её объяснения о цели этого приглашения и согласился со всеми его пунктами.

Когда Онора появилась, сопровождая дина Лугуса в столовую залу, Аня успела коротко предупредить и её, чтобы получить согласие. Онора согласилась.

Дина Лугуса усадили, естественно, ближе к старшим дома. Аня заметила, что гость попытался скрыть своё откровенное удивление при виде ужина в тарелках. Кажется, он не ожидал, что в этом доме питаются довольно добротно: и сытно, и вкусно.

Но, прежде чем он взялся за вилку, Никас обратился к нему чуть ли не официально:

— Дин Лугус, вы уже знаете, что дайна Онора — моя невеста. Но, думаю, настала необходимость узнать вам, что дайна Онора — дочь дина Хармона.

Сначала до дина Лугуса не вполне дошла эта важная информация. А когда дошла... Он неприлично уставился, открыв рот, на девушку, которая спокойно ему улыбнулась. А потом — в панике на Аню. Аня-то поначалу не сообразила — почему на неё. А сообразив, хмыкнула и вполголоса, чтобы младшие, тихонечко болтавшие между собой, не расслышали, сказала, покачав головой:

— Нет, дайна Онора не моя дочь и не удочерена дином Хармоном.

— То есть она... — начал вконец ошеломлённый дин Лугус и заткнулся, испуганный, что мог сказать за столом непоправимое.

— Именно так, — светски спокойно подтвердила Аня и взглянула на брата. «Ты работаешь в суде. Тебе и слово».

— По нашим законам, несмотря на положение дайны Оноры в обществе, наследство её отца полностью переходит к дочери после её совершеннолетия, если она того захочет, — бесстрастно сказал Никас и снова склонился над своей тарелкой.

— Я... это знаю, — выдавил дин Лугус, который с налёту не понял, почему ему говорят о том.

— Мы хотели бы, чтобы дайна Эннис, когда очнётся, тоже была бы ознакомлена с этим положением, — объяснила Аня. — Чтобы у неё не было больше претензий по дому дина Хармона.

Но дин Лугус ничуть не обиделся, хотя старшие едоки насторожённо смотрели на него. В полученной информации он увидел другое — главное для себя и дайны Эннис. Чуть не с восторгом глядя на скромно сидевшую напротив Онору, он прошептал:

— Маг, снимающий проклятия и получивший дар по семейной линии! И если раньше, когда вы, с которыми мы постоянно ругались, искренне выказали готовность помочь нам, я поверил в чудо, то сейчас... Да и зачем нам этот дом? Он был лишь призрачной ступенью на пути к выздоровлению дайны Эннис.

«Мда... Неплохие у человека приоритеты, — решила Аня. — Если он, конечно, не врёт. Слишком уж... уступчивый?» И смяла улыбку, боясь засмеяться: дин Лугус решительно приступил к трапезе, время от времени бросая на Онору умильные взгляды человека, который нашёл личное сокровище. Или как ребёнок, который обнаружил рядом с собой

гениального фокусника.

Когда Аня обратилась к Оноре с предложением открыться перед динем Лугусом, что значит — открыться в будущем и дайне Эннис, тоже оставалась небольшая тревога: а если девушка и впрямь всё переиграет, когда придёт время? И придётся покинуть этот уже обжитый дом? И даже Никас будет не вправе что-то изменить? Нет, для обрётённой семьи Ани переехать в новый дом не проблема, если вспомнить, что в ней есть как взрослые маги образов, так и подрастающие. Но... Если Онора так поступит — присвоит дом, узнав о своём праве, это будет выглядеть почти предательством, хотя юридически и понятным.

Однако, после того как дин Лугус, отсидев приличное время за столом, вновь убежал на второй этаж, к своей бесценной дайне Эннис, Онора сама подошла к Ане.

Честно говоря, Аня сжалась от нехорошего предчувствия, завидя словно прозревающие глаза Оноры. А если девушка поймёт, что, по сути, богата? Что всё богатство, которое прячется в доме, принадлежит только ей?

Неужели прямо сейчас Онора заявит свои права на этот дом?

Но первое же движение приблизившейся девушки успокоило Аню: Онора встала близко к ней и взяла её за руки. И только сейчас стало заметно, что она едва удерживается от очень сильных чувств: губы подёргивались, а глаза казались увеличенными из-за подступивших слёз. Аня даже испугалась.

— Что случилось, Онора?!

— Агни, я так благодарна тебе! — выдохнула девушка, крепко сжимая её ладони. — Ты делаешь всё, чтобы я стала уверенной в себе! Ты так помогаешь мне, что до конца жизни я не расплачусь за твоё доброе отношение ко мне! Спасибо тебе, что сказала о доме и моих правах на него! Никогда не стану его хозяйкой, но я сейчас впервые почувствовала, что я не бедная сиротка, а кто-то больше той Оноры, которая пряталась в самой плохой комнатке этого дома и боялась собственного отца! Агни, спасибо...

— Прятать от тебя твои права никто и не должен был, — пожала плечами Аня, которая ощутила, как сама перестаёт зажиматься от напряжения и страха, что Онора окажется другой, возможно, такой же, как её тётя. Впрочем, речи о дайне Эннис теперь быть не может. Кажется, дин Лугус и в самом деле назвал главную причину, отчего женщина пыталась запугать обитателей дома своего брата.

— Но ты многое сделала для меня, — настаивала девушка, быстро-быстро моргая, чтобы не расплакаться. — Для меня столько никто и никогда не делал.

— Ты меня вообще неизвестно в кого превращаешь! — засмеялась Аня и кивнула. — Тебе не кажется, что сейчас ты должна вспомнить ещё и о Никасе? Он так терпелив, когда ждёт тебя. Иди к нему, вместо того чтобы благодарить меня. Тем более... Не забывай, что и я тебе благодарна за своё спасение.

— Как же я пойду к Никасу, если дин Лугус пошёл к дайне Эннис? — забеспокоилась Онора, взглядывая на лестницу к жилому этажу.

— Что он может сделать в её комнате? — риторически спросила Аня. — Не глупи, Онора. Он будет сидеть там и любоваться на свою невесту, хотя, предполагаю, дайна Эннис предпочла бы, чтобы он её в таком состоянии не видел вообще.

Девушка с трудом улыbnулась и повернулась к Никасу, который и впрямь ждал её в коридоре. Кристал, как всегда, скептически поглядывала на них обоих, но обстановку разрядила Лисса. Малышка, пробегая мимо Оноры, схватилась за её руку и со смехом потрясла её, словно напоминая о себе. И тут же убежала, заметив Нейнси: собака

вылизывала щенка, устроившись в углу столовой, рядом с дверью.

Когда братья и Онора ушли из столовой, а Лисса устроилась гладить собаку и щенка, присев на колени возле той же двери, Кристал, всё ещё с поджатыми губами, пожалала плечами и сказала:

— Все сбежали, а нам посуду мыть за ними.

— Хочешь — можешь побежать за ними, — предложила Аня, улыбаясь.

— И оставить тебя одну?

— Для меня посуда не проблема, — парировала она.

— Для меня, вообще-то, тоже, но Онора могла бы помочь нам.

— Кристал, мы хотели скрыть от всех то богатство, которое нашли в мансарде. И мы это сделали. Пока мы с тобой моем посуду, твоя радость ещё станет более... тихой, и до завтра никто ничего не узнает. Надеюсь, Кеган и Греди не видели, что ты вся сияешь.

— Нет, они подумали, что я радуюсь, из-за того что у меня проснулся дар мага образов! — гордо сказала девочка, помогая Ане собирать поднос с использованной посудой и то и дело убегая в конец стола, чтобы забрать последние чашки. — Агни, а когда мы начнём учёбу по моей специализации?

— В любое свободное время, — утешила её Аня. — Первые страницы тетради дина Хармона я помню почти наизусть. Вот засядем вязать и шить в мастерской, тогда и начнём. Согласна, Кристал?

— Конечно!

Они домывали вилки, когда услышали сигнал ворот. Прежде чем поняли, кто появился недалеко от дома, насторожившаяся Лисса замерла, а потом, схватив щенка под мышку, со всех ног помчалась к лестнице на второй этаж. Удивлённая собака — за ней.

— Партхланы? — поразилась Кристал, быстро вытирая руки полотенцем.

— И дайна Мадэйлеин, — прислушавшись, добавила Аня, со звоном ставя чашки на полки и прихватывая другое полотенце с собой.

— Ты ихпустишь? — строго спросила девочка, торопившаяся рядом с ней. — Или мы к ним выйдем?

— Делать нечего, — вздохнула хозяйка дома. — Если бы дайна Мадэйлеин приехала в одиночестве, я бы сразу, без раздумийпустила её. Но... Нет, неудобно и невоспитанно. Придётсяпустить всех.

Спеша к входной двери, Аня огляделась. В гостиной никого: Лисса наверняка прячется в своей комнате; дин Лугус в комнате дайны Эннис; мальчики, наверное, в своей комнате занимаются рисованием или живописью; а судя по отсутствию пальто Оноры и плаща Никаса, парочка убежала-таки в осенний сад, благо пока светло, да и в саду почва довольно сухая — для прогулки перед сном самое то. Так что она не стала возражать, когда Кристал первой добежала до двери и, оглянувшись на старшую сестру, нажала на рычажок артефакта, открывающего ворота.

Кареты за воротами должны будут снова стронуться с места, а потом набрать небольшую скорость и доехать до крыльца дома. Значит, у Ани и Кристал есть время одеться и встретить неожиданных-негаданных гостей на том же крыльце. И вышли они на крыльцо спокойно, а Кристал — чуть ли не важно.

— А если они всё-таки потребуют вернуть Лиссу? — прошептала девочка, глядя, как из-за поворота появляется первая карета. И вся важность Кристал пропала, растворившись без остатка в тревоге за малышку.

— Дайна Мадэйлеин им не даст отобрать её, — вздохнула Аня и поёжилась: ноги-то в домашней обуви, а пол крыльца каменный. — Она не хочет этого.

— Переживает, — тоже вздохнула Кристал и с любопытством заглянула в лицо старшей сестры. — Тогда зачем они приехали?

В последнее время (Аня недавно заметила) Кристал старалась узнать точку зрения старшей сестры на некоторые жизненные случаи. Хотя бы предположительно. Как сейчас.

— Боюсь, они не сами приехали, а их заставила приехать к нам дайна Мадэйлеин. Или, наоборот, они попросили её поехать вместе к нам. Хотят посмотреть на Лиссу — и оставить её у нас. А дайна Мадэйлеин, если это она их заставила приехать, хочет двух вещей: чтобы они хотя бы соблюли правила приличия и навестили Лиссу после её пропажи, а также она хочет убедиться, что не стоит им отдавать нашу малышку.

— И как нам теперь с ними разговаривать? — после недолгого молчания очень взросло спросила Кристал.

— Пусть сами зададут тему для разговора, — хмыкнула Аня. — Тогда и поговорим о чём угодно. И очень надеюсь, что они сообразили привезти всю одежду и обувь, а также игрушки Лиссы. Мы, конечно, можем купить ей всё и сами. Но малышка должна знать, что и родители хоть в какой-то степени заботились о ней.

— А то она их не знает... — проворчала девочка.

Аня под завесой вечерней темноты улыбнулась: судя по всему, Кристал больше переживает, что им не удалось с пользой посидеть в мастерской, чем за родителей Лиссы и саму Лиссу. Поэтому сказала:

— Не будем заранее судить Партхланов. Послушаем, что они скажут.

— Агни, а можно — я посижу рядом, когда вы будете говорить с ними?

— Тебе этого так хочется? — удивилась Аня.

— Нет. Я хочу понять взрослых. Вот мне Партхланы не нравятся, а ты говоришь, что Лисса должна знать про них и хорошее. Я этого не понимаю, правда! И поэтому хочу послушать, что скажет дайна Мадэйлеин.

— Почему именно дайна Мадэйлеин?

— Она же ругалась, когда утром приехала к нам! И вчера вечером тоже. Вот и посмотрим, что она сегодня скажет.

Аня не совсем поняла, зачем это Кристал, но присутствие девочки никоим образом не мешало будущему разговору, который виделся Ане довольно сложным, если не тяжёлым... Какой же наивной она оказалась! Это для неё разговор о малышке казался сложным! Приехавшие Партхланы не успели поздороваться с хозяйкой дома, а уже начали совместно с кучером наёмной кареты вынимать из багажного отделения сумки и тюки с вещами Лиссы.

Поздоровавшись с хозяйкой дома и её младшей сестрой, на крыльце встала дайна Мадэйлеин, чтобы с нескрываемой брезгливостью следить за своим родственниками, суетившимися, бегая с грузом от кареты к крыльцу.

Грубо говоря, у Кристал отвисла челюсть. Она понаблюдала за Партхланами не больше минуты и сбежала. Аня предполагала: девочка побежала в комнату Лиссы — утешать её, хотя вряд ли малышка нуждалась в этом утешении. По мнению Ани, Лисса сейчас нуждалась только в одном — в успокоении от излишней злости.

— Они даже помогают кучеру... — сквозь зубы процедила дайна Мадэйлеин.

Аня поняла её: Партхланы помогают кучеру, чтобы потом побыстрее уехать к себе, а не потому, что хотят подольше побыть рядом с дочерью.

Положив руку на сгиб локтя дайны Мадэйлеин, Аня покачала головой.

— Не переживайте, дайна Мадэйлеин. Девочка будет в надёжных руках. Она больше не будет пропадать из дома, так что за неё не стоит беспокоиться.

— Спасибо, дайна Агни, — дрогнувшим голосом проговорила дайна Мадэйлеин. — Беспечность моей сестры меня ужасает. Простите за проявленные, слишком глубокие чувства. Надеюсь взять себя в руки.

Подпрыгивающими мячиками Партхланы вкатились в гостиную дома. Оставленные на крыльце вещи теперь переносил только кучер.

Остальные устроились за столом в гостиной.

— Мы знаем, что у вас пока нет официальной бумаги на опеку над нашей дорогой Лиссой! — запела дайна Партхлан. — Но мы готовы уже сейчас договориться о приемлемой сумме на содержание нашей дочери.

— Именно так, — солидно поддержал её муж.

Дайна Мадэйлеин скривилась в очередной раз. Но промолчала, предоставив право говорить хозяйке дома.

Договорились быстро: Аня-то заранее просчитала, какую сумму она может взять с этой легкомысленной парочки.

Если Партхланы решили, что на этом вечернее посещение закончено, то Аня выложила перед ними бумагу, где были прописаны придуманные ею правила посещения Лиссы родителями, а теперь ещё и вписана ежемесячная сумма на содержание малышки с указанием, на что пойдут деньги. Дин Партхлан, как ни странно, внимательно прочитал бумагу и признал изложенные требования справедливыми.

Едва он подписал нужное, дайна Партхлан вскочила и, сияя улыбкой, защебетала:

— Ну что ж! Нам пора, не правда ли, дорогой? И нам пора, и хозяевам этого гостеприимного дома мы не хотим надоедать своим присутствием!

Такой же радостно улыбающийся дин Партхлан только было собрался встать из-за стола, как дайна Мадэйлеин... Дайна Партхлан ещё выговаривала свои слова, а Аня мельком бросив взгляд на дайну Мадэйлеин, увидела раздутые ноздри её обычно изящного и точёного носика. А потом, на последнем слове дайны Партхлан, все присутствующие услышали змеиное шипение разъярённой дайны, направленное на младшую сестру. Это шипение так напугало чету Партхланов, что они не сели снова на стулья, а просто свалились на них.

— Что мы сделали не так? — надув губы, обиженно спросила дайна Партхлан у сестры. — Мы обо всём договорились, мы подписали все бумаги, привезли все вещи. Почему ты так (она скосилась на Аню, но, кажется, сочла, что можно выразиться и простецки) злишься на нас?!

— Лисса знает, что вы приехали! — вновь сквозь зубы процедила та. — Неужели вам не стыдно уезжать, не повидав дочери, которая целую ночь провела на улице из-за вашей... — Она перевела дыхание, наверное, чтобы выразиться мягче: — Из-за вашей беспечности! Неужели вы настолько бессердечны, что можете уехать, так и не повидав счастливо нашедшейся Лиссы?!

— А мы... А мы... — жалобно заюлила дайна Партхлан и нашлась: — Мы так и хотели сделать, дорогая моя сестра! Мы хотели попрощаться не только с хозяевами этого дома, но и с нашей чудесной доченькой! Уважаемая дайна Агни! Как бы сделать так, чтобы повидать нашу ненаглядную девочку?

Она-то не видела, как из незаметного и всегда тёмного коридора с потайной дверью выглянули Никас и Онора, тут же спрятавшись назад, в темноту. Не совсем в темноту. Они стояли там еле видимыми тенями и, по сути, подслушивали. И Аня представляла, как мурашки бегают по спинам парочки, когда оба слышат, что происходит в гостиной.

— Секунду, — сухо ответила Аня и встала из-за стола, чтобы подняться по лестнице.

Стукнув в дверь, вошла в комнату Лиссы, которая, устроившись на краешке кровати, мотала верёвочку с шариком, забавляясь бегущим за ним щенком.

Здесь же, ожидаемо, бок о бок с ней сидела и Кристал.

— Лисса, — ласково сказала Аня. — Твои родители хотят убедиться, что с тобой всё в порядке после вчерашней ночи.

Малышка резко бросила верёвочку и, приподняв ноги, немедленно подвинулась к стене, спрятавшись за подушкой, которую прижала к себе.

— Пусть уходят! — враждебно сказала она. — Не хочу, чтобы они приходили!

А Кристал даже обняла её за плечи, придвинувшись вместе с ней к стене.

— Но они приехали не одни, — сказала Аня. — С ними там сидит и дайна Мадэйлеин, и она тоже хочет узнать, как твоё здоровье.

— А мои сёстры приехали с ней? — заблестели глаза малышки.

— Нет, но ты можешь договориться с дайной Мадэйлеин, на какое время пригласить твоих кузин к нам в гости.

Вот тут уж обрадовалась и Кристал. Она съехала с высокой кровати и обернулась к Лиссе, протянув руки:

— Слезай! Я помогу! Я тоже хочу, чтобы приехали твои кузины! Мы печенье испечём, Лисса! Хорошо?

— Если печенье... — пробурчала малышка, неохотно двигаясь к рукам Кристал.

Они так и спустились по лестнице — взявшись за руки.

Дайна Партхлан буквально налетела на «милую доченьку» с поцелуями и объятиями. Дин Партхлан же подошёл солидно и сверху вниз осведомился, как себя чувствует «любимая доченька». Дайна Мадэйлеин с места не встала. Но в какой-то момент Лисса вырвалась из рук «заботливых» родителей и помчалась именно к ней. Подошла и Аня — Кристал немедленно пристроилась рядом со стулом дайны Мадэйлеин.

Партхланам пришлось выслушать неинтересное для них соглашение между дайной Мадэйлеин и Лиссой, с уточнениями Ани, что в следующие выходные семья дайны Мадэйлеин приедет в полном составе в дом дайны Агни. Аня ещё побаивалась, что услышит о небольшом празднике в её доме, Партхланы начнут навязываться в гости. Но у тех, как она поняла, были свои планы на ближайшую неделю. Так что вскоре они начали ныть, умоляя дайну Мадэйлеин и дайну Агни отпустить их сегодня пораньше по важным делам. Рассвирепевшая дайна Мадэйлеин аж заикаться начала от бешенства, но Аня сделала великодушный жест и отпустила восвояси эту странную парочку.

Пришлось потратить немало времени, чтобы уговорить рассерженную (и это мягко!) дайну Мадэйлеин успокоиться. И тут, как ни странно, помогла Лисса, которая даже не обратила внимания на уход родителей. Малышка помнила весёлые праздники в доме Агни, когда приезжали кузины, так что, едва с глаз пропали родители, немедленно устроилась рядом с тётей и принялась рассуждать о том, какой именно праздник получится, если они встретятся в ближайшие дни. Деловитая болтовня племянницы заставила дайну Мадэйлеин, наконец, улыбнуться.

А потом из тени коридора вышли Никаси Онора и поздоровались с гостьей, и дайна Мадэйлеин совсем оттаяла. Провожали её всей толпой, и по странному сходству Аня вспомнила, как она злилась, когда Партхланы всей толпой выходили проводить Таегана до ворот, мешая ей оставаться с ним наедине даже в такие краткие минуты...

А когда все зашли назад и принялись перед сном заниматься своими делами, Аня вдруг сравнила Партхланов и дина Лугуса. Он ей показался не просто симпатичным — в сравнении. Да, с самого начала знакомства с ним он был суетливым и каким-то по-детски воспринимающим всё, что происходило с ним и с теми, к кому посылала его дайна Эннис. Она вспомнила не только о том, как дин Лугус отдавал ей через ворота злое приглашение от дайны Эннис, но и то, как он заставил себя приехать, не побоялся потенциального унижения со стороны обитателей дома Агни, когда надежды на вызволение его невесты из ужасающей ситуации не осталось. Пусть он немного суматошен и редко когда серьёзно вникает в происходящее, но, кажется, Аня предпочла бы больше общаться именно с ним. Как-то не похоже, чтобы он мог бы бросить собственного ребёнка на произвол судьбы, пусть и оставив его у людей, которые (он бы точно это знал) искренне заботились бы о нём...

Дин Лугус будто услышал её мысли. Он появился наверху лестницы и быстро спустился. Подошёл к Ане и вздохнул:

— Вынужден откланяться. Я и так засиделся у вас, дайна Агни.

Аня только склонила голову, соглашаясь. Но дин Лугус всё ещё колебался и вдруг решился, быстро проговорив:

— А можно, я завтра опять приеду с утра? Проведаю дайну Эннис, а заодно отвезу ваших братьев туда, куда им необходимо?

Видимо, дин Лугус решил, что нашёл достаточную причину каждый день приезжать к дайне Эннис. Аня спрятала улыбку: это семье на руку! И вежливо ответила согласием, после чего проводила его до крыльца.

Вернулась — сообщила Никасу и мальчикам, что у них появилась бесплатная возможность поехать из дома и домой. Те только обрадовались, и вечер пошёл своим чередом.

Беспокойный день с его открытиями и потрясениями закончился. Вроде как. Если не считать эха, которое всё откликается мыслями и размышлениями, всё ли сделано правильно... Аня натянула край одеяла на плечо, дремотно думая о том, придёт ли к ней среди ночи малышка Лисса, если сегодня она спит не только под двумя одеялами, но и в комнате, достаточно хорошо с вечера прогретой: Никас учил младших братьев, как работать с отопительной системой дома.

И резко открыла глаза, вдруг сообразив: зациклившись на объяснении дину Лугусу, кто такая Онора, они все забыли сказать ему, почему дайна Эннис чувствует себя гораздо лучше, хоть до сих пор и не пришла в сознание. Они забыли рассказать ему обещанную тайну!.. Аню сейчас, в ночной тишине, это почему-то рассмешило, да так сильно, что она даже немного испугалась: а если бессонница начнётся? Но, наверное, сказала усталость от дневных переживаний и работы по дому, а может, и ощутимо тёплый воздух в комнате помог, но Аня уснула быстро.

... Утро началось с суматошного прыжка с кровати: «Собака! Выгулять надо! — А потом — выдох: — Лисса не приходила! Ей теперь хорошо и в своей комнате! А значит (я пока этого не чувствую, но...), я выпалась!»

Вскоре она готовила завтрак на кухне и решала задачку: стоит ли приглашать дина Лугуса за стол? Успевает ли завтракать он у родителей?

Пожала плечами: и чего думать, если он приезжает точка в точку в то время, когда надо увозить братьев из дома? И забыла об этой мимолётной заботе, невнятно решив: придет вечером — поговорят, не стоит ли ему утром приезжать пораньше, чтобы поесть. Всё-таки почти родственник... И заулыбалась от другой мысли: Лисса! Теперь за малышку не надо будет тревожиться! Теперь она часть семьи.

Как ни странно, к завтраку все, кроме Лиссы спустились пораньше, и братья, наконец, получили возможность узнать детали вчерашних происшествий в их отсутствие.

А ещё...

— Агни, ты сказала — я должен отдать тебе половину своего жалованья, — напомнил за столом Никас. — Думаю, в этой ситуации — я имею в виду ваши траты в лавке для магов — будет лучше, если отдам тебе всё, кроме денег, которые пойдут на продукты.

Кто-то из мальчиков насмешливо напомнил, что поездка на рынок предстоит только в конце недели. Так удержится ли за это время старший брат от соблазна пустить продуктовые деньги на что-то иное? Никас насупился.

— Оставь, Никас, — решила Аня, улыбаясь, пока младшие вместе с Онорой хихикали. — Может, это судьба, если ты купишь что-то, помимо продуктов?

— То есть? — удивился слегка смущённый Никас.

— Вчера мы забыли рассказать дину Лугусу о том, из-за чего взяли с него клятву молчать, — уже смеясь, объяснила Аня. — Я считаю это знаком судьбы. Так что и потраченные деньги тоже могут стать каким-то знаком.

За столом запереглядывались с удивлением: и как это мы оплошали?

— Может, это и к лучшему, — философски вывел Никас. — Та самая судьба? Для него хватило и первой новости — об Оноре.

И он ласково взглянул на девушку, привычно сидевшую рядом. Онора уже не

вспыхивала от его взглядов сложной смесью радости и тревоги. Нет, теперь она только наслаждалась счастьем, которое испытывала.

— Онора, что там с дайной Эннис? — спросила Аня. — Я не успела к ней забежать.

— Состояние стабильное, — задумчиво сказала девушка. — Она глотает кашу и пьёт всё, что я ей даю. А я пока выкладываю на полу в библиотеке пентаграмму. Она немного сложнее обычных, потому что должна дозреть. Не все ингредиенты совмещаются между собой сразу. Приходится подкладывать некоторые из них через несколько часов, чтобы они свыклись с соседством уже выложенных. Предполагаю, что через восемь дней пентаграмма будет готова. А на девятый будет убывающая луна для начала ритуала.

Двойняшки с уважением взглянули на Онору, которая не замечала, что говорит лишнее для ушей тех, кто не разбирается в снятии проклятий. Аня видела это уважение в их глазах: кажется, они понимали, что так увлечённо, забыв, что перед ним несведущие слушатели, должен говорить только настоящий мастер своего дела.

Потом приехал дин Лугус и забрал братьев.

Аня напомнила Кристал разбудить Лиссу, умыть её и привести на завтрак, а Оноре велела идти наверх и проверить, как там дайна Эннис. Сама же начала мыть посуду, невольно улыбаясь предстоящему делу, довольно хлопотному, но обещающему та-акые результаты для всего дома и его обитателей!..

Потом, когда Лисса прочно и надолго устроилась в мастерской, играя на ковре с куклами и щенком, три старшие дайны вошли в кабинет дина Хармона и поднялись по тайной лестнице в мансарду. С предвкушением. С почти летящим впечатлением счастья!

Облом-с... Попытавшись приподнять один из рулонов со шторами — самый толстый, обняв его и даже крепко прижав к себе для верности, чтобы отнести его вниз, Кристал испуганно округлила глаза:

— Он очень тяжёлый!

Не удалась и следующие попытки дайн поднять этот рулон: он неизменно падал из слабых рук не только девочки, но и Оноры. Ане же строго-настрога запретили даже прикасаться к шторам.

Аня смотрела, смотрела на приунывших юных дайн (неужели сюрприз для братьев не удастся устроить и придётся приглашать сюда мужчин?!) и тишком-молчком отправилась в соседнее помещение анфилады — с верхней одеждой. Здесь она внимательно оглядела плечики с самыми длинными пальто и шубками и сняла с трёх вещей довольно плотные чехлы. И с этой добычей вернулась в комнату.

Кристал сидела на полу, прислонившись к тому же рулону и обняв колени. Онора нашла шторы, скатанные в рулон поменьше, и старалась подтащить их к выходу, заставляя его передвигаться «мелким шагом», толкая то с одной стороны, то с другой.

— Кристал, вставай! — скомандовала Аня и подала девочке руку.

Та вскочила и уныло спросила, узнав чехлы:

— Ты хочешь спустить в кабинет одежду?

— Нет. Я хочу надеть чехол на твои шторы и полюбоваться, как это будет выглядеть, — насмешливо ответила Аня. — Онора, помоги.

Поневоле заинтересованная Кристал тоже помогла упрятать весь рулон, разве что без основания, в чехол, а потом Аня просто толкнула свёрнутые шторы по направлению к выходу. Чехлы-то придумала надеть, чтобы не испачкать шторы... Кристал обрадовалась было и хотела немедленно потащить рулон волоком, но Аня покачала головой и развернула

шторы так, что...

— Я поняла! — завопила от счастья Кристал и, чуть склонившись, покатила рулон, словно небольшое бревно.

Через секунды старшие дайны смеялись, глядя, как шторы тяжело подпрыгивают, падая с лестницы, а за ними мчится девочка, чтобы подправить их падение, когда они застревают, и заставить «спускаться» далее.

— Кристал! — закричала Аня сверху. — Сумеешь сама снять чехол?

— Сумею! — прозвенело снизу.

А Аня кивнула Оноре, и они побежали назад: есть ещё два чехла — можно к возвращению девочки «одеть» ещё два рулона и подкатить их к лестнице, а пока Кристал сталкивает их вниз — приготовить к прокату следующий.

Из кабинета тоже выкатывали по одному рулону и тут же расправляли и переносили на диваны, готовя к следующему этапу работы.

— А ковры?! — жадно спрашивала Кристал, заглядывая в глаза обеих старших дайн. — Мы и ковры выкатим оттуда?

— Выкатим, но не сегодня, — отвечала Аня. — Это ведь только кажется, что легко повесить окна шторами. На деле придётся повозиться.

— И времени эта работа заберёт больше, — добавила Онора, оценивающе приглядываясь к окнам и карнизам.

Работа и правда заняла гораздо больше времени, на которое они рассчитывали. Потому что к ним присоединилась Лисса.

Сначала малышка высунулась из мастерской посмотреть, что делается в гостиной. Потом с восторженным визгом бросилась вперёд: она зарывалась в разложенные на диванах и креслах полотнищах, пряталась под ними, чтобы напугать любую, ничего не подозревающую и слишком близко подошедшую к ней дайну, с грозным и устрашающим воплем поднявшись вместе со шторами. То есть изображала то ли привидение, то ли какое-то ещё кошмарное чудовище. Когда малышку шуганули из-под штор, она придумала играть в прятки с собакой и её щенком.

Пока Кристал гонялась за азартно визжавшей Лиссой, запрещая играть в разложенных шторах, Аня сбегала к старушкам-служанкам — спросить, где можно взять небольшие приставные лестницы.

Естественно, любопытствуя, что ещё придумала хозяйка дома, те тоже вышли в гостиную и обомлели. Приблизились к полотнищам и так переглянулись, что Аня не преминула спросить у них:

— Вы знаете про эти шторы?

— В каком году-то их покупал дин Хармон? — ошарашенно спросила Сайл у Бридин.

Та пожала плечами, хлопая глазами, но явно пытаюсь вспомнить. А потом обе же спохватились, и Бридин поспешила ответить Ане:

— В бельевой есть две стремянки. Невысокие, но для вывешивания штор подойдут.

— Лисса, пошли в бельевую! — позвала Кристал, уходя с Аней.

Вышли из бельевой, с триумфом таща первую стремянку. Она оказалась лёгкой, и Ане разрешили снова сбегать в бельевую, чтобы принести вторую. Пока хозяйка дома с Кристал выносили их, остальные разобрались с тем, какие шторы должны быть повешены на окна гостиной, и оттащили будущую работу по местам. Остальные — это не только Онора, но и обе старушки служанки, которые впали чуть не в экстаз, поняв, что стены больше не будут

голыми. Их помощь весьма пригодилась, если учесть, что полотнища нужно было не только расправлять, но и смотреть, какая сторона лицевая, а какая — изнаночная. Ткань порой была такая, что обе стороны похожи.

Затем к делу привлекли и Лиссу. Она забралась на одну стремянку и крепко держала конец шторы, которую закрепляла на карнизе Онора, насаживая уже имеющиеся петли на едва видные крючки. А Кристал стояла под стремянкой и контролировала, чтобы малышка не свалилась. Но Лисса серьёзно восприняла свои необычные обязанности: не подпрыгивала, не повизгивала, а сурово цеплялась за полотно, порой неожиданно дёргавшееся, потому что девушка постепенно поднимала его.

Собака уселась неподалёку, потихоньку засыпая, щенок приткнулся к ней.

... К обеду не успели повесить шторы только на три окна. Приходилось вешать очень осторожно: крючки на карнизе оказались ломкими. Но уже сейчас гостиная так преобразилась, что Кристал отошла подальше полюбоваться на украшенную часть помещения — и разревелась.

Все бросились к ней с вопросами и утешением.

И выяснили всё то же самое: Кристал всегда мечтала о красивом доме — и вот сейчас она его начинает получать. Пока слушали заикающиеся признания девочки, всплакнули и старушки служанки, и Онора... Одна Лисса не принимала участия в этом великом плаче — некогда было: она носилась рядом с окнами, хватая края штор и пытаясь поднять их, чтобы бросить в воздух. Правда, взлёта широченных полотнищ не получалось: слишком тяжёлыми были, но малышке и этого хватало, чтобы восторженно вопить и прятаться, бегая между окнами и шторами.

Кристал наконец пришла в себя и увидела скачущую возле окон Лиссу. Слезы высохли мгновенно, и девочка кинулась ловить хулиганку.

А Аня поспешила на кухню — про обед-то совсем забыли!

Обед дал возможность отдохнуть: и тяжестей натаскались, и Онора устала, настоявшись с поднятыми руками...

— Осталось немного, — решительно сказала Кристал и внезапно испугалась, взглянула на Аню: — Агни, мы сегодня доделаем ведь, да?

— Конечно, доделаем, — успокаивающе ответила хозяйка дома. — Всего-то три окна! Я даже думаю, мы успеем кое в каких комнатах повесить гардины.

— Но ведь там... — начала Кристал и резко замолчала, насупившись, а потом пожала плечами и спросила: — А там карнизы есть? Я почему-то не помню.

— Есть, — отозвалась Онора. — Я бегала посмотреть на дайну Эннис и специально посмотрела на окна. Карнизы есть в каждой комнате.

— Кстати, Онора, — задумалась Аня. — Тебе не кажется, что твой ритуал снятия проклятия с дайны Эннис пройдёт легче, если мы с Кристал снова попробуем нарисовать образ её силы? Да и... неплохо бы было, если бы она вообще очнулась.

Онора задумалась, глядя в тарелку. И что-то так глубоко задумалась, что явно не заметила, как постепенно пасмурнеет её лицо. Даже Кристал заметила. Она в очередной раз одёрнула Лиссу, которая, шая, пыталась есть суп не ложкой, а вилкой, и спросила:

— Онора, тебе не хочется, чтобы дайна Эннис пришла в себя?

Девушка задумчиво взглянула на неё и внезапно улыбнулась:

— А ты, Кристал? Ты бы хотела, чтобы дайна Эннис могла бы с нами говорить?

Кристал замерла. По полуопущенным глазам девочки видно было, что она что-то

серьёзно обдумывает. И вдруг плечи вздрогнули, и Кристал быстро-быстро покачала головой, изумлённо глядя на Онору:

— Нет! Не хочу! Она будет ругаться! Она начнёт на нас магией действовать!

— Магией не сможет, — машинально поправила Онара. — Слишком слаба пока.

— Всё равно! Извини, Онара, что спросила у тебя про неё... — Девочка снова удивлённо покачала головой. — Я должна была сама догадаться. Ведь рядом с ней тебе нельзя будет сидеть и помогать ей.

— Ну, думаю, не настолько она будет возражать против собственного избавления, — уточнила Аня. — Если ей объяснить, что происходит, она ещё и обрадуется.

— Может быть, — вздохнула девочка. — Но Оноре всё равно будет тяжело с ней.

— Только в общении, — заметила Аня. — Зато будет легче избавлять её от проклятия. Я права, Онара?

— Права. — Кажется, у девушки пропал аппетит. Она положила ложку рядом с тарелкой и какое-то время смотрела на стол, не видя его. Потом подняла глаза на Аню: — Но ты, Агни... Она так тебя не любила. Так ругалась с тобой. Пыталась убить тебя, когда насылала на тебя магическую отраву... И ты хочешь помочь ей.

— Мы уже все вместе помогаем ей, — заметила хозяйка дома и усмехнулась: — Не забывай: чем быстрее она избавится от проклятия, тем быстрее исчезнет из нашей жизни. В какой-то степени я эгоистично исхожу из этих соображений. Поэтому ещё раз тот же вопрос к тебе, Онара: стоит ли нам с Кристал задумываться о новом ритуале возвращения её сил? Ведь, насколько я понимаю, тогда тебе придётся тратить меньше своих? И ритуал снятия пройдёт быстрее!

— Только не сегодня. Напомню: она пока стабильна, так что лучше подождать до завтра. Тем более, — она, улыбаясь, взглянула на Кристал, внимательно слушавшую разговор, — нам сегодня надо закончить украшать гостиную и пробежаться по тем комнатам, которые мы успеем нарядить гардинами.

— Да! Да! — обрадовалась Кристал. — Давайте сегодня закончим со шторами, а завтра... завтра мне самой будет интересно порисовать на карточках... Онара, а как ты думаешь, если мы с Агни завтра поможем дайне Эннис, она сумеет очнуться?

Прежде чем ответить, девушка опять задумалась, и Кристал с уважением смотрела на неё: это так по-взрослому — сначала подумать, а потом ответить!

— Я не знаю, — медленно проговорила Онара. — Но... Если бы у меня был выбор, я бы хотела, чтобы она очнулась. Я... немного понимаю её. Это ведь так страшно — каждый день заглядывать в зеркало и видеть, как ты... умираешь. Я понимаю, почему она хотела меня забрать в свои помощницы, а на деле — для того чтобы спасти себя. Я понимаю, на что она надеялась — получив этот дом, тут же продать его. Наверное, да... Я готова терпеть её ужасное поведение, только бы выручить её. И не потому, что мне теперь страшно из-за её смерти. Нет, это другое. Понимаете, у неё есть только дин Лугус, а я сейчас такая счастливая! У меня есть такая семья!

Кажется, Онара выплёскивала все свои давние мысли вперемешку, но Аня, молча слушая её, только тихонько вздыхала. А Кристал сидела, оцепенев и замерев взглядом на девушке. Понимала ли девочка Онору? Пока неизвестно. Но Аня не думала, что она теперь всё ещё собирается воспринимать будущий брак брата именно с этой точки зрения: Оноре с её братом повезло! Нет, повезло с невестой как раз Никасу.

— И эта семья тебя будет поддерживать во всём, как поддерживает уже сейчас, —

напомнила Аня. — Поэтому, девочки, доедаем обед и поднимаем последние шторы!

Кристал рассмеялась: так неожиданно старшая сестра закончила свою краткую речь!

Посуду на мытьё решительно хотели отобрать старушки, хотя Аня доверила им лишь принести её из столовой залы в кухню, а сама немедленно устроилась возле раковины и приступила к мытью. Лиссу отослали кормить собаку, а Кристал и Онора дружно побежали в гостиную рассматривать последние шторы и передвигать стремянки.

А Аня всё размышляла о теме, что подняли за обедом.

Привести в себя дайну Эннис — дело хорошее. Но. Онора «общается» с ней больше остальных. Не перепадёт ли девушке от родной же тётки каждый день по порции ругательств? Или дайна Эннис, сообразив, что ей пытаются помочь, всё же будет более... ласковой? Более терпимой?.. Столько проблем. И не решишь, пока дайна не очнулась.

«Приехал бы, что ли, Таеган! — обиженно подумала Аня. — Рассказала бы ему про эту проблему, он бы сразу объявил, что лучше: помочь дайне Эннис или оставить её в покое, пока ей не помогла Онора!» А потом она поймала себя на мысли, что злится. И — из-за чего?! Из-за того, что ни с того ни с сего приехавшему Таегану придётся заниматься какой-то там дайной Эннис, вместо того чтобы быть рядом с собственной женой!

«Я ревную? — удивилась она. — Моего Таегана к тётке, у которой, вообще-то, есть свой жених! И которая знать не знает про Таегана, не считая пары случаев, когда он столкнулся с ней напрямую — из-за меня!»

Посуда закончилась, и старушки служанки резво помчались в гостиную — даже впереди хозяйки дома, которая тоже чуть не бежала.

Последние шторы были повешены быстро — сказался опыт предыдущей работы. Так что раскатали ещё пару рулонов, определились с комнатами, в которых их повесят. И выяснили, что времени у них впритык. Поэтому в первую очередь повесили гардины (отличались от штор тем, что были чуть тоньше) в комнатах Кристал, Оноры, Лиссы и братьев. Аня отказалась — сказала: сама чуть позже повесит, потому что сейчас уже некогда — вот-вот приедут братья. И бегом бросилась к старушкам в комнату.

Кристал и Онора потаращились ей вслед, а потом и сами кинулись — в мастерскую и в учебную комнату. Вернувшись от старушек и зайдя в учебную комнату, Аня чуть не рассмеялась, слушая рассуждения Кристал, которая помечтала, как в учебную комнату войдёт дайна Сарейд и здорово удивится, насколько красиво теперь здесь стало!

А потом все три дайны, не считая Лиссы, снова носившейся по гостиной, прячась за шторами, сидели на диване и с огромным нетерпением ждали приезда братьев и дина Лугуса. И вспоминали, как однажды, спасаясь от нежданного появления дайны Эннис, закрыли ворота на страшный замок и точно так же сидели, ждали появления братьев, чтобы увидеть, какие у них будут лица!

И братья приехали!

Наверное, они очень удивились, что старшие дайны семьи не встретили их по привычке на крыльце. А может, и не удивились...

Но Кеган первым открыл входную дверь в гостиную, застыл на месте — и так шарахнулся назад, чтобы чуть не сбил с ног Греди!

А ведь дайны раньше уже выходили на крыльцо и пытались представить, что увидят братья. И что увидел Кеган... Он увидел незнакомое сузившееся пространство с занавешенными окнами, не голые стены, а мягкие ткани, в основном таинственного тёмно-зелёного цвета, струящиеся, потому что Аня успела слегка присобрать их по бокам и в метре

от пола. Гостиная — даже на взгляд преобразовавших её дайн — выглядела мягко и уютно.

Испуганного Кегана идущие следом мужчины, немного удивившись, втолкнули в помещение, но, переступая порог, замирали сами, открывая рты и оглядывая незнакомо выглядевшую гостиную.

А дайны сидели на диване смотрели на братьев и смеялись. Последним вошёл дин Лугус, отводивший лошадь в конюшню. Он тоже замер на пороге. Пришлось подойти к нему и закрыть дверь. Ноябрь, в конце концов, на улице...

Словно ничего не случилось, Аня пригласила его:

— Дин Лугус, разделите с нами ужин!

— Благодарю вас, дайна Агни, — машинально пробормотал он, продолжая разглядывать гостиную, и вдруг выпалил: — Как красиво! Как у вас стало красиво!

Кристал оглянулась и гордо улыбнулась.

А Никас, совершенно растерявшийся, схватил за локоть Аню и пробормотал:

— Агни, вы истратили всё моё жалованье?!

Онора, услышав его слова, резко отвернулась и закрыла ладонями лицо, трясясь от смеха. Аня же многозначительно улыбнулась и ехидно сказала:

— Не одному же моему брату быть транжирой! Иногда и мне хочется покутить вдосталь! Зато на пользу дому, не правда ли, Никас? Ведь очень красиво у нас стало?

Никас только разевал рот, не зная, что и сказать, да и вообще — как реагировать на неожиданные траты для дома, которые могли бы и потерпеть до светлого будущего.

К нему подскочила Кристал, не слышавшая предыдущего разговора, а потому легко выдавшая всех дайн с потрохами:

— Никас, мы это богатство нашли в мансарде! Вот чудо, да?!

Судя по виду Никаса, он от этой информации начал обалдевать ещё больше. Именно потому Аня взяла его под руку и кивнула на коридор в столовую залу:

— Идём ужинать. Мы всё тебе расскажем за столом, Никас.

Развернув брата таким образом и выждав, пока он отойдёт подальше, а потом его перехватит Онора, Аня схватила Кристал за руку и прошептала:

— Кристал, ты можешь рассказывать про мансарду, но! Молчок про деньги!

— Почему? — поразила девочка. — Ты сама говорила, что теперь все наши деньги пойдут на вещи и на одежду для братьев! Почему бы и не сказать Никасу, что теперь его деньги свободные?

— Кристал, — с досадой сказала Аня. — Это же Никас! А если он начнёт от радости так тратить, что мы без продуктов останемся? Что тогда? Подожди, пусть он привыкнет к положению, когда он должен будет чувствовать себя ответственным за траты. Вот тогда мы скажем, что его деньги свободны именно для его личных трат!

— Без продуктов — это он может, — задумчиво сказала девочка. — Здесь я согласна. А ведь и нам кое-что надо купить. У нас нитки кончаются, а я хотела не один, а три свитера связать! Да, Агни, ты права. Так и сделаем.

И они пошли в столовую, договариваясь, как именно скажут о внезапно появившихся в доме шторах, чтобы Никас не больно-то радовался, да и дин Лугус не слишком присматривался к благосостоянию семьи, а то — мало ли!..

За столом разделились: старшие дайны рассказывали о том, как потратили день на украшение гостиной, а Кристал рассказывала двойняшкам свою версию случившегося. Впрочем, двойняшки быстро успокоились на том, что шторы — прекрасный материал для

фона в их рисунках и картинах. И тут же, как расслышала Аня, договорились уже сегодня написать Лиссу с собаками на фоне штор. Причём, послушав их, Кристал тоже решила заняться рисованием. И очень жаль, что Аня не полностью прислушивалась к разговору подростков, потому что только мельком расслышала, как братья почти допрашивают Кристал о том, как именно проявилась её способность рисовать образы силы. Если вчера девочка рассказала им только о своих чувствах от проснувшегося магического дара, то сегодня за столом она вспоминала, как всё происходило, в подробностях.

Если бы да кабы... Аня бы точно проследила за двойняшками. Как, впрочем, и за самой Кристал. Но разговор взрослых привлекал больше внимания, поэтому хозяйка дома и включилась в диалог, объясняющий, каким образом они, дайны, успели повесить столько штор. А тут ещё Онора напомнила, что братья не видели своих комнат.

Когда дин Лугус ушёл к дайне Эннис, братья и пробежались по своим комнатам — похвать и порадоваться.

А потом дин Лугус уехал.

И оставил дайну Эннис одну в комнате.

После отъезда дина Лугуса Аня ожидала, что члены семьи быстро разойдутся: кто в сад — погулять, кто в комнаты — заниматься своими делами, а кто и в мастерскую. Ага, как же... Ни один не ушёл из гостиной!

Никас и Онора прогуливались вдоль стен, и никакого сада им не надо было. Ещё бы: здесь им и тепло, и глазам чудно. Ну, пока тот же глаз не замылился на причудливые сиреневые цветы и тёмно-зелёные деревья, почти сливающиеся с осенним — тёмно-коричневым, в жёлтых зигзагах фоном. Так что бродили, смотрели и обсуждали узоры.

Двойняшки тоже бродили возле стен, солидно разбираясь, какой фон для портретов лучше брать — совсем тёмные шторы, закрывающие окна, или те же шторы, но с фоном посветлей, закрывающие стены?

Лисса радовалась жизни, словно охотник, прячась за полотнищами. Дождавшись приближения жертвы или добычи, с жутким воплем выскакивала напугать её, а то и просто бегала за шторами, отставив в сторону кулачок и заставляя полотнища колыхаться гигантскими волнами, отчего и собака, и щенок заливисто лаяли на неё.

Кристал сидела возле канделябра с самым большим количеством свечей и вроде как вязала, а на самом деле строго следила за тем, чтобы родные не забывали громко восхищаться преображённой гостиной. Время от времени и она вставала и, подойдя к стене или к окну, со вздохом блаженства гладила занавеси.

Аня сидела у того же канделябра и, опустив на колени шитьё, с улыбкой следила за семьёй. Как мало человеку надо! В гостиной ещё холодновато — основное тепло отопления шло наверх, но шторы, закрывшие каменные стены, обманчиво утверждали, что в помещении гораздо теплей, чем кажется.

Лишь раз Кристал подбежала к Ане с беспокойным вопросом:

— Агни! Агни! А вдруг дайна Эннис увидит всю эту красоту и снова захочет отнять у нас этот дом?!

— Не получится у неё! — засмеялась Аня. — По документам, дом записан на меня. Не фактически, по закону, он принадлежит Оноре, о чём дайна Эннис пока не знает. Но, когда узнает... Вряд ли ей захочется обращаться в суд. Денег-то у неё уже нет, и тогда...

— А ты откуда про это знаешь? — изумилась девочка.

— Поговорили как-то с Никасом. Он сказал, что есть такой закон: если умер муж, но семья была бездетной, то на наследство может претендовать любой кровный родственник со стороны мужа вне завещания. А там всё зависит от судебного дела, кто из двоих, наследница или претендент, сумеет выиграть его.

— Но тогда дайна Эннис попытается отравить Онору! — всерьёз расстроилась Кристал и даже оглянулась в поисках девушки. — Агни, ты предупредила Онору, чтобы она была очень осторожна с дайной Эннис?

— Конечно, предупредила, — успокоила девочку Аня, стараясь не рассмеяться, когда девочка вскочила со стула и вновь побежала прикоснуться к шторам: что только не придумает Кристал, лишь бы обезопасить полюбившийся дом!

Но, вспомнив рассказы Никаса о прошлом (брат не оставлял попыток восстановить память Агни), Аня и сама стала серьёзней. Когда умер отец, семья до замужества Агни кочевала из одного наёмного дома в другой — в поисках более дешёвого. Потом умерла

мать, но семье повезло: вскоре замуж вышла Агни. Именно она нашла для братьев и сестры последнее пристанище, где они и устроились. Нашла же она дом, судя по недавней реплике Никаса в доме дина Лугуса, — примерно такую же развалюху, но расположенную ближе к дому дина Хармона. Преследовала женщина при этом две цели: иногда дин Хармон отпускал её одну погулять по городским магазинам, и тогда она могла отдать Никасу деньги за найм дома или на еду, а мужу объясняла, что потратила монеты на кофе или на горячий шоколад — или на какой-нибудь другой горячий напиток; кроме всего прочего, носила Агни для Кристал свои потрёпанные, как объясняла опять-таки мужу, вещи, которые уже нельзя надевать...

... Снова прибежала Кристал: плюхнулась на стул, взяла своё вязание, но только вздохнула и в очередной раз спросила:

— Агни, ведь правда — у нас теперь очень красиво?

— Правда, — подтвердила Аня, и девочка нетерпеливо бросила вязание и помчалась уже к двойняшкам — наверняка задать тот же вопрос.

А к Ане подошли Никас с Онорой, присели рядом. Оказалось, они, гуляя по гостинной, разговаривали на весьма деловые темы.

— Кристал пристыдила меня своей радостью, — признался Никас. — Не знаю, надолго ли хватит моего запала, но сейчас я планирую уже с завтрашнего дня начать залеплять трещины на внешней стороне дома. Я уже присмотрелся. Их там мало, что так я могу управиться за пару вечеров, не дожидаясь выходных и даже без помощи мальчиков.

— Нет, — покачала головой Аня. — Кегана и Греди всё-таки лучше взять с собой. Мне кажется, они должны научиться держать в руках рабочие инструменты и экономить имеющийся раствор. Они должны принимать участие в ремонте.

— Думаю, я понял тебя, — согласился Никас и с улыбкой взглянул на Онору. — В этом году мы будем жить в тепле и не кутаться в зимние вещи, сидя дома! Я говорю об этом, а сам до сих пор не верю в свои слова, девочки!

Онора засмеялась и тоже мечтательно посмотрела на шторы.

Аня весело вторила им, но попутно поймала странную мысль: прошло всего несколько часов, с тех пор как женское население дома покинуло мансарду, в которой так долго возилось. Помнят ли сейчас о ней Кристал и Онора?

И забыла об этом мысленном вопросе, мимолётно заметив, что Кристал с двойняшками, негромко болтая, поднимаются по лестнице на второй этаж. Причём все младшие поднимаются медленно, иногда останавливаясь, будто вполголоса что-то обсуждая между собой и сестрой.

И снова Аня забыла уже и об этом будничном, в общем-то, эпизоде, обеспокоенная другим. Мелочью, но...

— Никас, я сегодня спросила у Бридин и Сайл о приставных лестницах. В ответ они показали мне, где находятся стремянки. Но, если у нас нет высоких лестниц, как ты собираешься ремонтировать стены с улицы?

— Лестницы есть в конюшне, — тут же вспомнил Никас. — Три штуки. И одна точно очень хорошая, потому что я как-то пользовался ею. А вот другие две завтра осмотрю. Онора, — обратился он к девушке, которая и сидя держала его под руку, — пока время позволяет, погуляем ещё немного?

И парочка, улыбнувшись Ане, поспешно встала со стульев. Да, дело — делом, но вдвоём им интересней. Что ж, В этом их Аня очень даже понимала. Вспомнила, как они с Таеганом

валялись в кустах, поедая удивительно вкусные ягоды, вспомнила пролетевшее жаркое лето и прохладу полюбившегося озера... Стало тепло...

... Так. Кристал и мальчики ушли. А где Лисса? Что-то давно не слышно её звонкого голосишка и смеха.

Местонахождение Лиссы подсказала неправильно висящая штора возле окна. Боковой край почему-то был присборен, будто кто-то пытался посмотреть, что будет, если изобразить из полотнища художественную складку, часть которой скрывала другая штора — настенная. А из-под длинного края той же присборенной шторы виднелся хвост, время от времени подрагивающий, а то и виляющий.

Хорошо, что к полотнищу Аня подошла осторожно, боясь, что спрятавшаяся за ним собака может неожиданно задвигаться, и тогда, не дай бог, появится опасность наступить ей на хвост или на лапу. И, как оказалось, очень хорошо, что Аня не стала рывком поправлять небрежно присборенный кем-то край шторы, а сначала заглянула за него... Лисса всегда отличалась определённой практичностью. Неизвестно, как она влезла на широкий, но высокий подоконник, но при этом малышка сообразила приподнять край плотной, а потому тёплой на ощупь шторы и разложить его на подоконнике, прежде чем вместе с щенком уснуть в этом восхитительно уютном местечке.

Собака Нейнси вопросительно глянула из узкой пропасти между стеной и шторой. Что, мол, хозяйка, делать будешь в такой ситуации? Аня вздохнула: что? Других звать на помощь, конечно. Возьми она сейчас Лиссу на руки, семейные немедленно возмутятся. И возмутятся громко — малышку разбудят. А Ане хоть и приятна такая забота, но... Она оглянулась от окна, одной рукой на всякий случай упираясь в толстую складку шторы, — боялась, как бы Лисса во сне не перевернулась на другой бок. Свалится ещё...

Ага... Никас с Онорой идут её навстречу вдоль той же стены и улыбаются. Хм... Думают — она любит в окно на ноябрьский вечер?..

Глядя на них, Аня приложила к губам палец, а потом демонстративно заглянула за штору. Заинтригованная парочка немедленно и на цыпочках подбежала к ней.

Через минуту Никас осторожно нёс спящую Лиссу к лестнице. Следом спешила Онора со спящим же щенком на руках. Замыкала процессию собака Нейнси, которая всё оглядывалась на Аню: чего, мол, осталась у окна? Всех же забрали!

Но Аня мягкими движениями приводила штору в порядок — край, на котором заснула малышка. Нет, за ночь полотнища, конечно, отвисятся и станут гладкими, но Аня жалела Кристал, которая может огорчиться при виде помятых штор — и это уже сегодня, когда их только-только повесили! Нет, шторы тёмные и с изысканным рисунком изогнутых веточек. Посторонний глаз не разглядит некрасивых складок, похожих на крупные морщины. Но Кристал-то...

Кстати, любопытно, почему девочка так мечтала именно о шторах?.. Аня отошла посмотреть, видны ли издали мятые складки. Если что, надо будет слегка смочить водой, за ночь ткань вытянется и скроет небольшую измятость... Нет, водой мочить не придётся. Рисунок теперь не покорёжен... Но почему Кристал не приходит?

Ане-то казалось, что Кристал перед сном обязательно — и не один раз! — спустится из своей комнаты, чтобы полюбоваться на обожаемые шторы... Она подождала ещё немного и, пожав плечами, тоже начала подниматься на второй этаж.

Только шагнула с последней ступеньки в коридор, как в самом конце этого коридора, не очень хорошо освещённого ближе к ночи, негромко хлопнула дверь, и плохо различимая

фигурка помчалась ей навстречу. Судя по лёгкости шага — Кристал? Нет, фигурка выше. Онора? Но почему она бежит так, что, кажется — она гонит ветер впереди себя? Ближе к Ане фигурка начала замедлять бег.

— Агни! — жарко выдохнула фигурка. — Хорошо, что ты поднялась! Быстрее в комнату дайны Эннис! Быстрее!

Испуганная встрепанным видом Оноры, Аня откликнулась сразу и бросилась за девушкой, которая и назад-то летела так, словно там, в комнате, как минимум — пожар. Но и по дороге, короткой и смятенной, девушка успела рассказать, что Никас с Лиссой зашёл в комнату малышки уложить её спать, а она, Онора, оставив щенка и собаку, тут же, решила заглянуть в комнату дайны Эннис. И заглянула... С этими словами девушка остановилась перед нужной дверью, посмотрела на неё чуть ли не с отчаянием, а потом, словно твёрдо решившись, распахнула её.

Мимо застывшей Оноры Аня прошла в комнату. Точней — перешагнула порог в комнату. И чуть не наткнулась на стол, который, вообще-то, должен стоять у окна. Но уже один-единственный взгляд на комнату объяснил и его присутствие у порога, и всю картину, представшую глазам.

Аня сжалась, чувствуя, что каменеет от непонятного чувства то ли страха, то ли ещё чего, но всё же, не оглядываясь, жёстко потребовала:

— Быстро сюда Никаса!

Слушая топоток убегающей Оноры, Аня снова и снова вглядывалась в комнату дайны Эннис. Предупреждённая Онорой, она, может, и не так напугалась. Но прекрасно сознавала: войди нечаянно в комнату, оцепенела бы от увиденного.

Напротив кровати с дайной Эннис сидела на стуле Кристал. В той же позе, как в тот раз, когда дайна Сарейд заметила, что дар мага образов пробудился: ногу закинула на ногу и на колене держала картонный квадратик. Правда, теперь картинка была дополнена стулом с Кеганом: мальчик сидел близко к сестре — в той же позе, потому что и он явно пытался нарисовать образ магической силы дайны Эннис. А за их спинами, положив руки на их плечи, стоял Греди. То ли не успел отойти, то ли решил, что можно посмотреть, каким получится рисунок у брата и сестры, то ли Кристал не предупредила, что отойти необходимо.

Но необходимо ли?

На полу между младшими членами семьи и кроватью — разложены ряды карточек. Они что — начали сразу рисовать новые, не дождавшись результата воздействия первых?

И что с ними происходит?!

Не успела Аня сформулировать вопрос, как краем глаза уловила движение напротив застывшей группы. Повернула голову — и вот уж тут точно оцепенела: дайна Эннис сидела на постели, прижавшись к стене и прячась за одеялом. И с ужасом смотрела на незнакомых ей подростков... Аня ахнула: она смотрит?! А потом до неё дошло ещё более нереальное: дайна Эннис сидит?!

— Что случилось?

Вопрос Никас задал, ещё находясь за дверью, но влетая в открытый дверной проём. Поскольку Онора, кажется, тоже не смогла объяснить ему, почему испугана, в первую очередь он взглянул на дайну Эннис. И, проследив её не менее, чем у Оноры, испуганный взгляд, дёрнул головой и заметил братьев и сестрёнку. И прищурился на пространство между ними и кроватью.

Спохватившись, Аня тоже перешла на магическое зрение.

«Стакан», тянувшийся от карточек с рисунками, привычно окутывал дайну Эннис вместе с кроватью. Точно так же, как это было вчера, до обеда. Но и от Кристал и Кегана продолжали тянуться к кровати новые розовато-сиреневые лучи, хотя подростки не рисовали и даже не двигались.

— Никас, что происходит? — отважилась шёпотом, чтобы не напугать детей, спросить Аня.

Брат так изучающе разглядывал магическое действие карточек, что она решила: он понимает происходящее.

— Не знаю.

— Но это не опасно для мальчиков и Кристал?

— Пока не знаю, — повторил брат и с сомнением добавил: — У меня впечатление, что действие карточек продолжается из-за...

— Карточек в их руках?

— Согласна, — прошелестела Онора, вставшая на пороге комнаты.

— Онора, ты видишь лучше нас всех, — не оглядываясь на девушку, сказал Никас. — Можешь спрогнозировать: что будет, если отобрать карточки у Кристал и Кегана?

Опасливо скашиваясь на дайну Эннис, которая дикими глазами смотрела на них на всех, Онора подошла ближе к подросткам. Аня поразились: девушка провела ладонью по линиям сиреневой магии, которая стекала от ладоней Кристал и Кегана к разложенным на полу карточкам. Постояв немного в раздумьях, Онора предположила:

— Наверное, в первую очередь надо отсоединить Греди от брата и Кристал. Я вижу, как с его пальцев стекает к ним магия, цветом похожая на цвет карточек.

— Это не повредит Кегану и Кристал? — забеспокоился Никас.

— Не знаю, можно ли предположить такое с уверенностью, но, мне кажется, именно ты должен убрать ладони Греди от брата и Кристал.

— Почему я?

— Агни... — Онора замялась, видимо не желая произносить при дайне Эннис «е положении». — Агни уязвима, — нашла она. — А ты тоже маг образов. Попробуй. Думаю, у тебя получится отсоединить Греди и... вернуть Кегана и Кристал.

— Но хотя бы примерно можешь сказать, что с ними происходит? — настаивал Никас, неуверенно подходя к подросткам.

— Если судить по состоянию дайны Эннис, они создали такую структуру магии образов, что её мощный поток сумел не только придать ей сил, но и пробудить её.

Дайна Эннис под своим одеялом отчётливо поёжилась, снова с изумлением глядя на подростков. Аня, не сводя с неё взгляда, чуть не в воздух поинтересовалась:

— Но, если Никас уберёт ладони Греди с их плеч, что будет с дайной Эннис? Сиреневый цвет ещё не опал над ней.

— Я вижу, как постепенно бледнеет марево магии, — объяснила Онора, которая медленно, но верно начинала брать себя в руки.

— То есть скоро сияние от карточек пропадёт? Но тот поток не пропадает!

— И не надо. Дождёмся, пока марево совсем не исчезнет, а потом можно будет убрать Греди от брата и сестры.

Хриплый кашель с кровати заставил обернуться к дайне Эннис.

— Где я? — прохрипела она. — Кто вы? И что здесь такое?

— Пока вы объясняете ей, я принесу молока, — решила Аня и побежала на кухню.

Знать точно не знала, но, по её мнению, молоко, да ещё подогретое, — лучший вариант для женщины, выглядевшей, как проголодавшая пару лет баба Яга, и говорившей так же. В гостиной кто-то уже притушил четыре свечи из пяти — наверное, бережливые Бридин или Сайл, но всё ещё виднелись очертания предметов, так что Аня легко нашла коридор в кухню. Провозившись не более пяти минут, она побежала назад, горя любопытством, что там, наверху, ещё могло произойти за время её отсутствия.

Ничего особенного. Подростки всё ещё находились в той же «композиции». Зато сиреневый цвет карточек перестал подниматься к кровати дайны Эннис. Тянулись к ней теперь только невнятные лучи от пальцев Кегана и Кристал.

— Вот теперь можно, — твёрдо сказала Онора, и Никас шагнул к ребятам.

Встав сбоку от Греди, старший брат осторожно взялся за его руки и удивился:

— Их легко снять!

Едва он приподнял ладони Греди, оборвав таким образом его связь с братишкой и сестрёнкой, Греди внезапно дёрнул головой и испуганно проговорил:

— Мы не думали, что так будет!

Но взрослые уже смотрели на другое: сиреневые нити-лучи пропали совсем!

Получается, Греди подпитывал магию брата и сестры?

Кристал пошатнулась и чуть не упала со стула — Никас придержал её.

— Ой...

Подбежала Онора, помогла Кристал встать, как и очнувшийся от странного оцепенения Греди помог встать Кегану.

Аня смотрела-смотрела и, наконец, скомандовала, глядя на Никаса:

— Оставьте меня с дайной Эннис и разберитесь хотя бы с младшими!

— Хорошо, — пробормотал старший брат и строго кивнул младшим на выход.

Аня закрыла за ними дверь. Хотя с последующей ситуацией она сумеет справиться!

Не глядя на съевшуюся дайну Эннис, она спокойно обошла стол и поставила кувшинчик с молоком и чашку на подоконник, мельком и печально усмехнувшись: и как это Кристал захотела в первую очередь показать двойняшкам магию образов, вместо того чтобы предложить им для начала повесить здесь шторы?

Затем, благо никого из своих в комнате не осталось, перенесла стол, оказавшийся не таким тяжёлым, на место — в изголовье кровати дайны Эннис. Взбила две подушки и положила одну на другую, после чего сухо предложила дайне Эннис:

— Сядьте спиной на подушки — так будет удобней.

И помогла ей повернуться, внутренне содрогаясь, когда дотрагивалась до иссохшего тела: господи, сплошные косточки! Потом подоткнула одеяло вокруг тела и велела, присев рядом:

— Это молоко. Пейте.

Придерживая чашку с тёплым питьём, помогла дайне Эннис напиться. И только затем приступила к расспросам и рассказу.

— Дайна Эннис, вы узнали меня?

— Узнала, — буркнула та. И тут же с претензией спросила: — Что происходит? Как я здесь оказалась? И почему я... — она не договорила, потому что страшное отчаяние промелькнуло в её глазах, и она чуть ли не сунулась спрятаться в одеяло.

— Дин Лугус попросил дайну Онору приехать к вам, чтобы оценить возможность

вытащить вас из семейного проклятия.

— Лугус?.. — прошептала дайна Эннис.

— Да, со вчерашнего дня, как вас перевезли сюда, он бывает у нас дома по утрам и вечерам. Вечером он обычно сидит у вашей кровати, рядом с вами. Итак, он приехал к нам. Мы откликнулись на его просьбу осмотреть вас и приехали в тот дом, который вы снимали. Дайна Онора осмотрела вас, и мы привезли вас сюда, в дом дина Хармона, который теперь принадлежит мне. Что ж... Пришла пора, дайна Эннис, объяснить вам, почему дин Хармон женился на мне. Слышали ли вы когда-нибудь о такой магической специализации, как магия образов? Та самая, которую вы наблюдали сегодня, вот только что, когда её задействовали подростки?

Дайна Эннис бесстрастно смотрела на Аню. Та кивнула.

— Поняла. Не знаете. Мы привезли вас сюда в бессознательном состоянии. А теперь вы пришли в себя — это и есть действие магии образов. Она возвращает человеку... его силы. Дин Хармон увидел следы этой магии на мне и потому женился на мне. Он посчитал редкостной удачей, что я попалась ему на жизненном пути. — Аня усмехнулась. — Недавно выяснилось, что вся моя семья — маги образов. Что и продемонстрировали мои младшие братья и сестра, вызвав вас буквально из небытия. Теперь, если у вас есть вопросы и силы, чтобы их задать, я отвечу вам.

— Дайна Онора... — нерешительно начала дайна Эннис, впившись впавшими глазищами в Аню, и замолчала, то ли не желая продолжать, то ли устав.

Про себя Аня сообразила, что избыток информации для дайны Эннис вреден. И пока с родстве дайны Эннис с Онорой лучше умолчать. Так что ответила исчерпывающе и только главное, что явно и желала услышать женщина:

— Дайна Онора считает, что через восемь дней, когда начнётся полнолуние, она сумеет снять с вас проклятие. В домашней библиотеке она готовит пентаграмму для вас.

Пришлось вскакивать с кровати и бежать за полотенцем, висевшим на крючке возле двери: дайна Эннис зарыдала.

Впрочем, плакала она мало — сил не было даже на слёзы. В протянутое полотенце уткнулась, лишь бы спрятать лицо, искажённое вспыхнувшей надеждой.

А потом, когда она справилась с собой, потребовала зеркало и расчёску. Но при виде собственного отражения насупилась. Секунды — расширила глаза и прохрипела:

— Лугус видел меня такой?!

— И не сбежал, а остался помогать вам! — в том же тоне ответила Аня. И добавила: — Дайна Эннис, есть вам много пока нельзя, так что дам вам ещё одну чашку молока. А потом вам надо спать и набираться сил.

Взяла зеркало и вернула его на стол, затем подала чашку и снова помогала держать её, пока дайна Эннис мелкими глотками и часто отдыхая отпивала молоко.

В чашке осталось совсем немного, когда дайна Эннис заморгала, обескураженно глядя на дверь, специально приоткрытую. Аня оглянулась.

— О, Нейнси пришла вас проведать!

Собака сначала нерешительно тянула носом из-за двери, а потом неуверенно вошла в комнату и напрямиком направилась к кровати.

— Пока вы были без сознания, она почти не заходила, — нейтрально заметила Аня, улыбаясь, когда собака приблизилась настолько, что могла понюхать свесившуюся с кровати исхудавшую кисть дайны Эннис. А потом лизнуть её, глядя в глаза женщины.

Дайна Эннис закрыла глаза. Кажется, она устала от переизбытка впечатлений.

Странный шорох от двери — Аня снова обернулась. Там стояла Онора, которая кивнула ей. Аня вышла за дверь. Рядом с девушкой, державшей в руках чашку с каким-то напитком, стоял Никас.

— Мы подумали... она, может, и слабая, но мало ли... — прошептал брат. — Ты сумеешь дать ей выпить этот отвар? Здесь снотворные травы.

— Попробую.

Нейнси сидела под свесившейся рукой дайны Эннис, судя по морде — весьма довольная, что хозяйка пришла в себя.

Аня вновь присела на постель возле дайны, лежавшей с закрытыми глазами, и тихонько сказала:

— Дайна Эннис... Дайна Онора принесла вам питьё, которое поможет вам набраться сил. Выпейте его — и больше я к вам приставать не буду.

Кажется, только имя Оноры заставило дайну Эннис открыть глаза и едва заметно кивнуть. Аня приподняла ей голову на подушках... Через пять минут дайна Эннис спала.

Понаблюдав за ней с минуту и уверившись, что дайна не притворяется, Аня вышла из комнаты и с тревогой спросила:

— Она точно будет спать до утра?

— Будет, — уверил её Никас. — Даже если бы она выпила только пару глотков, на неё, ослабевшую, отвар должен подействовать сильно. Но дверь мы всё же закроем.

— Не стоит, — остановила Онора его движение накинуть дверной крючок со стороны коридора. — Встать на ноги она не сможет ещё долго, несмотря на вливание сил.

— Согласна, — сказала Аня. — Тем более там осталась Нейнси, а ведь ей надо будет выходить, чтобы покормить своего щенка.

Договорились оставить дверь полуоткрытой, а потом Аня спросила:

— Что у нас с младшими?

— Сил потратили много, — задумчиво сказал Никас. — Завтра, скорее всего, придётся оставить их дома. Не хочу, чтобы после такого опыта мальчики ехали учиться и работать. Впрочем, посмотрим, как они завтра будут себя чувствовать.

— Они меня напугали, — вздохнула Аня.

Они постояли ещё немного, делясь своими впечатлениями от второго дня с неожиданно бурными событиями, а потом разошлись по комнатам: завтра вставать всё-таки рано приходится. Аня же сначала отправилась на кухню — мыть чашки и кувшинчик, в котором было молоко. Шла и думала: «Ну вот, прибавилась ещё одна, как мне кажется, активная жиличка... Ой, только бы не принесла хлопот! Только бы не злилась! Одно спасение — Онора. Ведь именно её она добивалась в последнее время. Пусть Онора с ней и дальше нянчится, а уж у меня и без того дел в доме накопилось...»

Поднявшись из кухни, обошла комнаты Лиссы и Кристал. Обе девочки спали. Аня постояла над Кристал, которая дышала довольно прерывисто. Что ей снится? Аня надеялась, что причиной беспокойного дыхания Кристал не в экспериментальном действе магии образов... И наконец вернулась в свою комнату.

Нет, Аня, конечно, ожидала, что утро будет суматошным. Но чтобы до такой степени... Хорошо ещё, собака Нейнси разбудила её вовремя, когда поскребла в дверь: судя по всему, животное уже поняла, кто здесь её временный хозяин.

Спустившись в гостиную, шагая следом за собакой, она с невольной улыбкой, уже привычной, взглянула на шторы. В гостиной, конечно, стало темновато, зато... уютно, как в той пещерке, которую придумала сделать Лисса на подоконнике. Только у малышки получилось такое махонькое гнёздышко, а здесь... семейное гнездо!

Обошла все окна и раздвинула шторы, впуская пока ещё серый утренний свет... Затем Аня осторожно, почти не дыша, чтобы не разбудить, заглянула к дайне Эннис. Та спала — и крепко. Наверное, из-за слабости.

Пока она готовила завтрак, а взбудораженные и весёлые Бридин и Сайл торопливо семенили из кухни в столовую залу и обратно, таская пустые тарелки и блюда с разной мелочью, вроде нарезанного хлеба и булочек, спустилась и Онора. Один взгляд на неё — и Аня сообразила, что девушка в совершенном раздрае: она то хлопала глазами, слепо уставившись на мойку, то в задумчивости и, кажется не замечая того, качала головой, будто размышляя: «Ну, ничего себе!..»

Когда Онора, занятая своими мыслями, чуть не схватилась голыми руками за горячие ручки кастрюли с кашей, намереваясь перенести её на подставку, а затем — в столовую залу, Аня вовремя отвела её руки от кастрюли и подала ей прихватки. Онора только вздохнула. И этот вздох стал последней каплей в чаше Аниного любопытства.

— Говори, что ещё случилось? — велела она девушке.

Та сначала пожалала плечами, будто не зная, стоит ли говорить. А потом посмотрела на Аню и с удивлением выпалила:

— Она велела не пускать дина Лугуса к себе!

Вот теперь удивилась и Аня.

— А ты ей говорила, что он уже видел её и не однажды в таком состоянии? — правильно оценила она желание дайны Эннис.

— Говорила. Но она сказала, что это не имеет значения. Главное, чтобы он не видел её сейчас. Агни, а какая разница?

Так и хотелось ответить: «А я знаю?!» Но, подумав, Аня предположила:

— Возможно, разница в том, что раньше она не видела, как он на неё смотрел. Но сейчас... смотреть ему в глаза и видеть... жалость? Скорей всего — да. Так вот... видеть его жалость она не может или не желает. Помнишь, что однажды сказал дин Лугус? В их паре верховодила именно она. И сейчас ей не нравится быть слабой в его глазах.

Онора постояла немного, приподняв руки с прихватками, а потом взялась за кастрюлю и повернулась к столовой зале. Голову она наклонила, глядя под ноги, но Аня расслышала её бормотание: «А мне нравится...»

«Конечно, нравится, — улыбнулась Аня, глядя ей вслед. — Даже Никас признаёт, что в вашей паре ты сильнее. Но тебе так хочется быть слабой рядом с ним! И у него это получается... Недаром вы так долго шли друг к другу...»

И, улыбаясь, ненадолго задумалась: а в паре она и Таеган — кто сильнее? И пожалала плечами: а это так важно?

В кухню заглянул Никас.

— Что там с двойняшками и Кристал? — встревоженно спросила Аня. Поскольку по привычке-то встала раньше всех, побоялась заглядывать в комнаты младших, чтобы не разбудить их заранее. Сон с утра у всех лёгкий — разбудить можно мгновенно.

— С ними всё хорошо. — Ответ Никаса прозвучал несколько задумчиво, словно он даже удивлялся, что с мальчиками и сестрой ничего не случилось, хотя вроде как и должно. И Аня уже напряглась, чтобы забеспокоиться ещё больше, но он всё так же размеренно добавил: — Вчера вечером я очень сильно испугался за них, а сегодня... Честно говоря, Агни, я очень благодарен мальчикам и Кристал. За Онору. Ведь теперь я твёрдо знаю, что можно жить полноценной жизнью, хоть и будучи обременённым семейным проклятием. Жить полноценно, когда рядом есть маги образов. В глубине души я понимаю, что надо бороться с этим проклятием, надо избавиться от него... И всё же, всё же... На душе у меня теперь очень легко.

Посмеиваясь, Аня вручила ему подставку для столовых приборов с ложками и вилками, и старший брат с той же мечтательной улыбкой ушёл в столовую залу.

Когда она сама вышла к столу, там уже сидели все: и старшие, и младшие.

О вчерашнем происшествии не говорили после замечания Никаса, что дело это семейное, так что будет обсуждение вечером же. Но под конец почти безмолвного завтрака, где лишь пару раз прозвучали просьбы что-то передать, он встал и довольно мрачно обратился к двойняшкам:

— Встаньте оба!

Переглянувшись, встревоженные братья встали и уставились на старшего.

— Поклянитесь самой страшной клятвой, что вы никаких экспериментов в школе и в лаборатории проводить не будете! — веско потребовал Никас. — От Кристал требовать такой клятвы не буду! Она остаётся в доме под присмотром старших дайн! И, кажется, лишь поэтому можно надеяться на её благоразумие.

Девочка покраснела и опустила голову.

Двойняшки переглянулись снова и довольно боязливо один за другим проговорили клятву быть честными и не пускать в ход магические способности.

Посуровевшая Аня, прислушавшись к их тихим голосам, всё же не услышала, что может быть за нарушение этой клятвы, но, как оказалось, об этом должен был сказать сам Никас. И сказал:

— Если же вы преступите своё слово, я попрошу суда магов-профессионалов. Пусть там решают, оставлять ли вам эти способности, несмотря на их уникальность.

И первым вышел из столовой залы, лишь раз взглянув на Онору, которая затем поспешно удалилась следом за ним. Понурившиеся двойняшки, вопреки ожиданиям Ани, не стали умолять старшего брата о снисхождении, а повздыхав, поплелись в гостиную. Прониклись случившимся? И в самом деле больше экспериментировать не будут? Всё-таки достаточно взрослые, чтобы понять по результатам вчерашнего: последствия могут быть для них же непредсказуемыми...

Потом Аня забыла о том, потому что вскоре должен был приехать дин Лугус. Она вскочила из-за стола и быстро принялась нагружать посудой поднос, ранее принесённый.

— Ты собираешься мыть посуду? — робко и тоненьким голосом спросила Кристал, которая тоже, как и младшие братья, явно чувствовала свою вину.

— Нет, я хочу перенести её на кухню, а посуду вымою позже.

— Я помогу! — всё так же несмело обрадовалась девочка и бросилась складывать тарелки. — И сама протру стол!

Про себя Аня хмыкнула: для Кристал пока не существует лучшего искупления вины, чем хозяйственные хлопоты. И хорошо. Для дома. А пока пора заняться ожиданием дина Лугуса. И заторопилась из кухни с небольшими мешочками обедов для братьев, на ходу прикидывая, стоит ли заскочить в комнату дайны Эннис узнать, проснулась ли она, не поменяла ли своего решения насчёт дина Лугуса.

В гостиной Онора опередила её и сообщила, что дайна Эннис всё ещё спит.

Оглядевшись, Аня заметила двойняшек, которые проверяли свои школьные сумки, негромко переговариваясь между собой и исподлобья посматривая на старших. С облегчением убедилась, что посматривают хоть и исподлобья, но всё же без враждебности. Поняли свою провинность? Аня боялась — будут отстаивать версию, что они всё же помогли с дайной Эннис. Но нет. Поэтому она спокойно, как всегда, подошла к ним и вручила обеденные мешочки, которые они сразу же и с благодарностью впихнули в сумки!.. Затем Аня подошла к Никасу и попросила его опустить в почтовый ящик, рядом со зданием суда, письмо для Таегана.

Знакомо зазвенели ворота. Приехал дин Лугус. Никас подошёл к входной двери встретить его. Когда поневоле постоянный гость очутился в гостиной и взглянул на верх лестницы, собираясь подняться, Никас поздоровался с ним и сказал, несколько смущённый (договорились не говорить о настоящей причине):

— Дайна Эннис очнулась и... Стойте, дин Лугус!

Все в гостиной ахнули от неожиданности!

Старшему брату пришлось помчаться за прытко, через ступеньку-две рванувшим на второй этаж дином Лугусом. Никас с трудом поймал его за полу короткого пальто и удержал на месте, благо тот достаточно subtilный в сравнении с ним.

— Спуститесь, дин Лугус! — приказал он. — Наверх я вас не пушу!

— Но почему?! — возмущённо запротестовал тот.

— Дайна Эннис запретила! — звенящим от напряжения (то ли смеяться, то ли восхищаться?!) голосом ответила Аня.

Обескураженный дин Лугус послушно побрёл за Никасом, который держал его теперь за грудки и отпустил полу его пальто только тогда, когда тот шагнул вниз с последней ступени лестницы.

— Объясните! — уже спокойней попросил дин Лугус.

— Нечего объяснять, — ближе подошла Аня. — Дайна Эннис вчера вечером пришла в себя, а когда мы ей объяснили, где она и что с ней, первым делом потребовала, чтобы вас к ней не пускали!

Дин Лугус слегка склонил голову, будто прислушиваясь к слышному только ему эху. А потом бледно улыбнулся и пожал плечами.

— Первым делом? Она это может, — просто сказал он и осведомился: — Мы едем?

Онора и Кристал, открыв рты, следившие за ним, рты закрыли и сглотнули, приходя в себя. А когда братья удалились вместе с дином Лугусом к его карете, Онора тихонько сказала, улыбаясь:

— Знаешь, Агни, я даже восхищаюсь этими людьми.

— Ну... Кажется, оба стоят друг друга, — покачала головой она и не удержалась от усмешки: — Идеальная парочка.

Обе посмеялись после этого довольно смешного высказывания. В конце концов, о даине Эннис и дине Лугусе они мало что знали, чтобы так их оценивать... Затем Онора побежала посмотреть, не проснулась ли её подопечная, Аня же поспешила на кухню, где и обнаружила Кристал, которая сбежала сюда раньше и сейчас старательно драила посуду. Нисколько не удивлённая (опять-таки: каждый по-своему искупает свою вину), Аня протянула девочке чистое и сухое полотенце и поменялась с ней местами: теперь домывала она, а Кристал привычно сушила.

Забегала на кухню Онора — предупредить, что снова работает в библиотеке, продолжая пополнять пентаграмму для снятия проклятия. Аня ей пообещала проследить за дайной Эннис.

Потом, ещё через несколько минут, Аня и Кристал вышли на крыльцо встретить дайну Сарейд. И торжественно ввели её в учебную комнату, где Кристал вытребовала-вымолила у своей учительницы личное счастье — порцию похвалы для единственного окна, которое в обрамлении штор и впрямь теперь выглядело роскошно. Слушая, как дайна Сарейд своим глубоким контральто восторгается шторами, Аня еле прятала улыбку.

Оставив их заниматься, Аня поспешила на второй этаж. Пора будить к завтраку Лиссу, а пока малышка одевается, надо заглянуть к даине Эннис, как она там...

Без стука, но тихонько, чтобы не напугать спящую или только что проснувшуюся Лиссу, Аня открыла дверь в её комнату. И застыла на месте: постель в беспорядке, как будто малышка только что спрыгнула с кровати, а самой Лиссы нигде нет! Как нет и собак — убедилась в том, на всякий случай заглянув под кровать, Аня.

Вернувшись в коридор, она задумалась: нет, в гостиную Лисса точно не спускалась — её бы все сразу если не увидели, то услышали бы... И машинально взглянула по коридору: может, посмотреть, как там у дайны Эннис, прежде чем идти искать Лиссу? И оторопела: дверь самой дальней комнаты оказалось полуоткрытой!

Неужели... Аня кинулась к комнате дайны Эннис.

Притормозила у той самой полуоткрытой двери и, стараясь угомонить частящее от краткого бега и волнения дыхание, поневоле прислушалась. И вздёрнула брови, откровенно изумлённая.

— И тот страшный дин ка-ак бросит самую маленькую собачку! И Нейнси ка-ак побежит к ней! Вот как она испугалась! — драматично рассказывала пока невидимая из коридора Лисса в комнате дайны Эннис. — А потом я ночью тихонько убежала из дома, поискала немного и прибежала туда, где видела того дина. До-олго искала собачек — и Нейнси, и её сыночка. А когда нашла — попугалась: а вдруг Нейнси меня испугается и укусит? Но она сразу поняла, что меня бояться не надо. А когда нашла их, мы всю ночь сидели в уголке и даже спали там!

В голосе малышки Ане послышались хвастливые интонации: ещё бы — спустя время это такое приключение!

— А спали — где это «там»? — хрипло спросила дайна Эннис.

— Тебе надо тёплого молочка попить, тогда горлышко хрипеть не будет, — деловито заметила Лисса и гордо ответила на вопрос: — На полу мы спали. То есть на земле. А ещё там была земля такая грязная-грязная — прямо чёрная из-за угля. Но на угле было теплей, чем на земле. И потом Агни меня долго отмывала, потому что я чёрная-пречёрная стала!

— А твои родители? Тебе их... не жалко было? Они, наверное, волновались? — с сомнением спросила дайна Эннис.

— Не знаю! — фыркнула Лисса. — Я ждала, когда меня Агни найдёт! Она меня всегда находит. Но на этот раз её нашла я, потому что дяденьки углежогги меня к ней привезли. А ты ещё долго болеть будешь? Мы вчера в гостиной красоту на окнах сделали. Кристал так радовалась! Так радовалась! Вот бы ты посмотрела! Может, тоже обрадовалась бы?.. Ты как — совсем больная? Или ходить можешь? Я бы повела тебя и показала шторы! Я там вчера на подоконнике спряталась вместе с щеночком! Знаешь, такой домик получился!

Аня поняла, что пора вмешаться.

Она стукнула в дверь и вошла. И снова ошалела — уже от увиденного. Слушая беседу малышки и дайны Эннис, она как-то не представляла, что Лисса может внаглую усесться на край постели, чтобы быть ближе к дайне. Кроме всего прочего, щенок, который пока бегал безымянным, снова дрых между девочкой и дайной, а Нейнси сторожила всех, сидя под болтающимися ногами Лиссы.

— Доброе утро, — негромко приветствовала всех Аня и сразу велела малышке: — Беги к себе и одевайся! И чтобы постель была застелена к моему приходу!

Думала — Лисса будет возражать. Но малышка съехала с высокого для неё края постели и, цапнув с простыни щенка, пообещала дайне Эннис:

— Я ещё приду, когда можно будет!

И выскочила за дверь.

— Простите, дайна Эннис, — сказала Аня. — Мы не ожидали, что любопытство малышки заведёт её к вам. Надеюсь, она не слишком вам помешала.

Дайна что-то недовольно пробормотала — Аня так и не поняла, очень ли злится она, или нет. И договорила:

— Через несколько минут я приду к вам, чтобы помочь умыться, и принесу завтрак.

Здорово повезло, поскольку, подходя к двери комнаты Лиссы, Аня увидела, как навстречу зашагала Онора. Перекинувшись вопросами и уточнениями, распределили обязанности: девушка взяла на себя завтрак Лиссы, а Аня — побежала на кухню готовить диетическую кашку и греть молоко. Водрузив всё необходимое на поднос и укутав его колпаком в виде куклы, специально сшитой для удерживания тепла, она поспешила на второй этаж, с усмешкой думая, что сегодня постоянно приходится бегать по мелочи.

Дайна Эннис явно ждала её, судя по тому, как она смотрела — насторожённо и ожидая чего-то не очень хорошего. Но Аня спокойно поставила поднос с завтраком на стол и впрямь принялась помогать — встать, например, чтобы дойти до умывальни, где на всякий случай сообразила поставить стул. Пришлось не идти, а, как и ожидалось, почти нести на себе немощное тело. Ведь дайна Эннис только и сумела, что перебирать ногами, чтобы не застревать на полпути... И Аня заметила, что дайна Эннис настолько упряма (или это другое?), что всё же пыталась многое из ухода за собой проделать самостоятельно. Увы — с плачевным результатом.

Кое-как приведя себя в порядок, тем же путём она вернулась в постель, которую Аня перестелила и заранее наложила подушки, как вчера, одну на другую, чтобы дайна могла поесть с комфортом.

Морщась, но не протестуя, дайна Эннис доела кашу и утрюмо спросила:

— Кто эта малышка?

— Моя воспитанница.

— Почему вы мне помогаете?

— Потому что у нас есть дайна Онора — маг, умеющий снимать проклятия, —

спокойно ответила Аня.

— У нас нет денег на эту помощь, — проворчала та.

Пряча улыбку, Аня подумала: «Слышал бы дин Лугус это «у нас», как бы он обрадовался!» Но ответила другое:

— Дайна Онора считает, что если может помочь, то должна помочь.

— А вы? — агрессивно спросила дайна Эннис. — Как считаете вы?

— Вы же видите, что мы не остались в стороне. Тем более это дело семейное.

— Я не считаю вас семьёй! — огрызнулась дайна Эннис и приникла к краю чашки с молоком.

Аня дождалась, пока она отодвинется от чашки, чтобы проглотить набранное, и всё так же спокойно заметила:

— А я не о себе. Я о дайне Оноре.

Дайна Эннис было снова склонилась к чашке, которую держала хозяйка дома. И вздрогнула, когда до неё дошло то, о чём Аня говорит. И заглянула в её глаза.

— Что... вы имеете в виду?

— Дайна Онора — родная дочь дина Хармона.

Мгновения застылости... Дайна Эннис безвольно откинулась на подушки.

— Что... — беззвучным шёпотом переспросила она.

— Дайна Онора — родная дочь дина Хармона, — повторила Аня. — Просто дин Хармон не любил распространяться о ней, как о дочери. Но, когда девушка войдёт к вам, приглядитесь к ней. После вашей магической отравы, вылечившись, я многое забыла. Но дин Никас, например, помнит дина Хармона в лицо, и мой старший брат считает, что внешне дайна Онора — копия дина Хармона.

— Это надо... — снова зашептала дайна Эннис, совершенно ошеломлённая. А потом вдруг с силой оттолкнулась от подушек и тем же шёпотом горячо выдохнула: — Я не одна в этом мире! Не одна!

— Ещё бы, — пробормотала Аня. — Как вспомню, как сегодня дин Лугус рвался к вам, а мой брат оттаскивал его от лестницы! Конечно, не одна, дайна Эннис!

Дайна Эннис при имени дина Лугуса скривилась — то ли довольная, то ли раздражённая. Неясно при общем морщинистом состоянии глубоко постаревшего лица. Аня убрала чашку на поднос и поднялась.

— Лежите, отдыхайте, дайна Эннис. Скоро придёт дайна Онора посмотреть, может, стоит провести ещё (и не один) сеанс магии образов. Вероятно, у нас получится сделать так, чтобы к ритуалу снятия проклятия вы уже будете стоять на собственных ногах.

Ободрив таким образом «пациентку», Аня вышла.

Снова встретив по дороге Онору, спешащую по коридору, Аня в два-три слова пересказала ей свою беседу с дайной Эннис, чтобы девушка знала, к чему быть готовой. Онора пожала плечами и сказала:

— Главное, что она уже знает. Дальше — посмотрим. — И вдруг улыбнулась: — А мне тоже нравится это положение — что у меня есть кровная родственница!

— Кому бы не понравилось, — невольно усмехнулась Аня и пошла дальше — сначала на кухню, а потом в столовую залу, где её ждала Лисса. С малышкой, которая успокоилась после своего ночного приключения настолько, что уже могла рассказывать о нём с гордостью, сейчас надо было поговорить и очень серьёзно.

Оставив поднос с посудой на кухне и прихватив чашку с горячим чаем, Аня перешла в

столовую залу. Как и ожидала, Лисса не столько ела сама, сколько по частям скармливала собакам свою порцию завтрака. Хотя была предупреждена, что собак уже покормили. Аня села рядом и строго сказала:

— Нельзя приучать собачек попрошайничать. Растолстеют — играть с тобой не захотят, потому что ты хочешь бегать, а они не сумеют — толстые-то.

Лисса резко подняла руку и бросила на стол кусочек мяса из каши.

— Я не хочу, чтобы они были толстыми! — рассердилась она. — Я хочу, чтобы они со мной бегали!

— Я тоже хочу, — сказала Аня и отпила из своей чашки, размышляя, с чего начать трудный разговор. — Лисса, тебе в этом доме нравится жить?

Малышка покосилась на неё и отправила в рот ложку каши.

— Нравится, — насторожённо ответила она. — Меня мама хочет опять к себе забрать?

— Мы тут поговорили с ней и решили так: если тебе понравится постоянно жить в этом доме, с нами со всеми, ты можешь здесь остаться. А родители будут к тебе приезжать время от времени, но не очень часто. Ты бы согласилась так здесь жить?

— Согласилась!

— Но ведь здесь надо учиться быть воспитанной, тебе вскоре придётся учить буквы, чтобы научиться читать.

— А мои кузины приезжать будут?

— Да, дайна Мадэйлеин обещала, что будут.

— Агни, — проникновенно сказала Лисса, глядя ей в глаза, — я так хочу остаться здесь! Правда! Не отдавай меня маме и папе!

— А если ты сама захочешь уехать к ним?

— Не захочу! — резко сказала малышка. — Как поеду, так про меня забудут. У них друзей много, вот пусть с ними и живут. У них дома дом большой, но пустой. Там всегда скучно и играть не хочется, потому что не с кем.

— Давай обобщим, — уже решительней предложила Аня. — Ты живёшь с нами, родители приезжают тогда, когда мы им разрешаем, и кузины тоже. Так?

— Так, — подтвердила Лисса. — Мне здесь нравится, потому что дом не меняется. И вы не меняетесь. И у меня есть своя комната, а теперь ещё и собачка появилась! И всё в этом доме! А там, у мамы, пусто. Не хочу к ним.

— Договорились, — поднимаясь со стула и немного недоумевая, что имеет Лисса в виду, говоря про дом, который не меняется вместе с его жильцами, сказала Аня. — Но ты должна слушаться меня и других старших и не капризничать.

— Это тяжело, — со вздохом призналась Лисса. — Иногда так хочется побегать, а ты говоришь — нельзя. Иногда так хочется сидеть вот так, — малышка вытянула губы и промычала что-то унылое.

— Ничего, мы же вместе можем посидеть и подумать, из-за чего у нас такое — у-у! — засмеялась Аня. — И сразу станет весело. Ну, что, Лисса. Закончила завтракать — беги играть в свою комнату или в мастерскую.

— А можно я той дайне покажу наших кукол? — спрыгнув со стула, спросила Лисса.

— Если Онора разрешит. Дайна очень больна. Может, ей сейчас и не до кукол.

Малышка снова подняла с пола щенка и, подпрыгивая и напевая, побежала к двери из столовой залы. Собака Нейнси оглянулась на Аню: «А ты не пойдёшь?» и помчалась следом за Лиссой. Аня посмотрела на удравшую компанию и задумалась. В чём-то Лисса права.

Интересно, есть ли здесь, в этом мире, что-то вроде детского сада? Аня представила, как в очередной раз увезённая родителями малышка бродит по просторному, но и впрямь пустому (разведка в лице дайны Мадэйлеин донесла, точнее — проболталась, что в доме Партхланов даже мебели достаточной до сих пор нет!) дому. Нет, родители какие-то у Лиссы... пустышки. Дин Партхлан только выглядит солидным, но идеально подходит для своей попрыгуньи жены. Аня вспомнила, как смотрел на эту пару Таеган. Брезгливо, как на тараканов. И сама засмеялась.

Медленно шагая с подносом, полным посудой от завтрака для Лиссы, она счастливо вздохнула. Таеган... В письме к нему она шутливо описала все события, что произошли в доме за время его отсутствия. Упомянула и о дайне Эннис. Но главное — сообщила, что малышка Лисса остаётся в их доме до своего совершеннолетия. О шторах писать не стала. Приедет — будет ему замечательный сюрприз. Но как долго ждать его! Целых полторы недели осталось! За это время она успеет написать ему ещё несколько писем. Впрочем, писать придётся много. События накатывают увеличивающимся валом!

— Агни! — негромко окликнули её с лестницы. — Ты можешь подойти к дайне Эннис?

Спохватившись, Аня сообразила, что за размышлениями о том о сём успела вымыть посуду и стоит возле лестницы, не двигаясь, словно бы в нерешительности.

— Да, Онора, сейчас приду, — ответила она и, сохраняя — сама того не подозревая — улыбку из-за увиденного в воображении Таегана, поднялась на второй этаж.

Она думала, что вопрос Оноры именно о том, чтобы хозяйка дома вошла к своей странной гостье. Но Онора стояла в начале коридора, глядя в стену и явно не видя её, задумчивая до такой степени, что губы поджала. Заслышав шаги Ани, девушка подняла голову, и Аня забеспокоилась: не довела ли дайна Эннис Онору до обиды, узнав, кто она? Ведь поначалу показалось, тётя Оноры обрадовалась нечаянной родственнице! Но мало ли... А вдруг и успела оскорбить Онору?

Но девушка обратилась к Ане с неожиданной просьбой:

— Агни, ты лучше меня разговариваешь с людьми. Спроси, пожалуйста, у дайны Эннис, как она узнала о семейном проклятии!

Аня чуть рукой не махнула: эх, как же она сама не догадалась!

— Спрошу, — пообещала она. И тут же спохватилась: — Только, Онора, если она спросит, откуда я знаю, что она знает о проклятии, можно объяснить, что ты слышала про её ссоры с дином Хармоном?

— Да, можно, — твёрдо сказала Онора. — Я тогда не подслушивала, а просто услышала из-за плохо прикрытой двери.

— Онора, а этот вопрос — любопытство? Или ты хочешь использовать какое-то знание для ритуала?

— У меня смутное воспоминание, что дин Хармон не просто так что-то говорил ей. Возможно, он и сам что-то использовал, чтобы остаться в живых. Ведь он тоже был под проклятием. Но жил и здравствовал.

И опять Аня чуть не шлёпнула себя по лбу. Это же логично! Как она сама-то раньше не сообразила, услышав о семейном проклятии! Ведь при том раскладе, который получается, дин Хармон должен был умереть ещё раньше, едва умер последний из его родителей. А он жил, работал, обзаводился семьёй! Думал о будущем, покупая мебель для дома и вещи для молодой жены!..

А Онора тем временем закончила:

— Может, дайна Эннис что-то вспомнит из того разговора, что поможет мне использовать не только пентаграмму? А то и вообще обойтись без неё, но снять проклятие раньше? Всё-таки отец был опытным магом в своей специализации.

— Но как это сделать? Мы снова зайдём к ней вдвоём? Я буду у неё спрашивать — ты слушать?

Девушка на этот раз замешкалась с ответом. Прикусив губу, она исподлобья посмотрела на Аню, а потом вздохнула.

— Я вроде разговариваю с ней... хорошо. Она не ругается, и я её не боюсь, мы поговорили, но... У меня какое-то... Я не хочу с ней разговаривать! — воскликнула Онора чуть не в отчаянии, видимо — из-за того что не в силах объяснить своё нежелание говорить с дайной Эннис.

— Онора, успокойся! — велела удивлённая Аня: давно в таком состоянии не видела девушку. Взбудораженная резко и чуть не слёз, Онора даже заикаться начала. — Не надо мне ничего объяснять, Онора, — уже мягче сказала Аня. — Ты сказала бы сразу, что я должна сама с ней побеседовать, и я пошла бы к ней.

— Но мне хотелось объяснить, — сумрачно и совсем по-детски буркнула девушка.

— Да нужны мне твои объяснения! — грубовато сказала Аня и насмешливо добавила: — Или в свою библиотеку — я знаю, что она тебя успокоит.

— Спасибо, — вздохнула Онора и тут же спросила: — Агни, ты и правда на меня не обижаешься? Что я не хочу к ней?..

— Не тяни время, — посоветовала она и кивнула. — И не говори глупостей. Обижаться ещё на тебя! А потом Никас придёт и ругаться будет из-за наших обид! — засмеялась она.

Онора вдруг порывисто шагнула к ней и, поколебавшись, сжала ей руку, а потом убежала! Вот прямо так и взяла — и помчалась в библиотеку, будто боялась, что Аня окликнет её и заставит-таки объяснить, почему она не хочет беседовать... нет — даже не беседовать, а находиться при беседе хозяйки дома с дайной Эннис.

Пожав плечами, Аня поднялась наверх и медленней пошла по коридору, стараясь сообразить сама, почему Онора в таком смятении. Но ничего не придумалось. Она стукнула в дверь комнаты дайны Эннис и открыла её. Едва вошла — заметила, что дайна Эннис не только вскинула на неё глаза, но немедленно перевела взгляд на открытый дверной проём, будто ждала кого-то ещё следом за Аней. Но Аня спокойно закрыла дверь за собой и прошла к стулу, который теперь прочно занял своё место рядом с кроватью «больной», как про себя называла Аня дайну Эннис.

Дайна Эннис полулежала на всё тех же двух подушках. Сейчас она выглядела гораздо симпатичней, несмотря на признаки старения. Вероятно, помогла белая шапочка-чепчик из сплошных кружев, которая так мирно облегла её голову, что скрыла неприятное для неё старческое облысение. Аня окинула комнату оценивающим взглядом, сразу отметив в углу «распакованные» тюки и саквояжи. Надо бы попросить Никаса с мальчиками принести сюда комод из одной из гостевых комнат, где есть скудная мебель.

— Как вы себя чувствуете, дайна Эннис? — приветливо спросила Аня, присаживаясь у кровати и стараясь скрыть любопытство: что же произошло между Онорой и дайной, что девушка не хочет лишний раз видеть её?

— А где моя племянница? — явно с трудом сдерживая раздражение, осведомилась та.

— Она в библиотеке, — улыбнулась Аня, с удивлением ощущая странную неприязнь дайны. — Пентаграмма для будущего ритуала требует постоянного к себе внимания. Она заходила к вам узнать о здоровье?

— Заходила, — сварливо ответила дайна Эннис и с какой-то досадой откинулась на подушки, уставившись в угол, образованный потолком и стеной.

— Дайна Эннис, я бы хотела с вами поговорить о вашем семейном проклятии, — начала Аня, а когда дайна раздражённо чуть не полыхнула на неё выцветшими глазами и открыла рот, явно чтобы огрызнуться, быстро добавила: — Однажды вы пришли к брату, к дину Хармону, и поругались с ним, из-за того что он знал об этом семейном проклятии, а вы не знали. Я спрашиваю у вас не просто так, дайна Эннис. Если вы мне расскажете побольше об этом проклятии, наверное, получится избавить вас от него пораньше. Итак, как вы узнали об этом проклятии?

— Старшая сестра матери сказала, — хмуро ответила дайна Эннис. — Язва та ещё была! (Аня чуть не рассмеялась: язва о язве говорит?!) Приехала я как-то к ней в гости, а она и говорит: «Отец-то ваш помер. Теперь очередь твоего брата. А там и ты уйдёшь в мир иной, как кровная им!» Я и спросила, о чём это она. Тётка сказала, что по линии нашего отца семейное проклятие всех кровников прибирает. Я спросила — она-то откуда знает. Тётка сказала, что наша мать о том ей рассказала. Вот я к брату и поехала. Отец-то и впрямь умер

недавно. — Дайна Эннис вдруг сдвинула брови и уставилась на Аню, даже приподнявшись с подушек: — А вам-то о том откуда известно?

— Вы с братом разговаривали на повышенных тонах, — напомнила Аня. — Забыли о слугах. А две из них до сих пор живут в этом доме. Они старенькие, но многое помнят.

Дайна с каким-то облегчением откинулась снова на подушки, а Аня спокойно подумала: «Не забыть бы предупредить Онору, чтобы не проговорилась».

— И что вам сказал брат?

— Я спросила его, знает ли он о проклятии. Хармон ответил, что знает и не боится его, потому что он придумал какой-то очень сильный ритуал, который начисто снимет это проклятие с нашей семьи. Я потребовала, чтобы он немедленно снял с меня проклятие, как только он додумает этот ритуал. Но Хармон сказал, что рано ещё говорить о снятии, поскольку он всё ещё экспериментирует с магическими силами, которые решил включить в этот ритуал. Что до сих пор никто не пробовал использовать эти силы именно в таком ритуале, как снятие проклятий. Я пробовала надавить на него. — Дайна Эннис поморщилась: — Но он всегда был упрямым.

«А то вы не оба — два сапога пара», — мысленно усмехнулась Аня. И спросила:

— И больше ничего не сказал? Даже не намекнул на то, что это за ритуал?

— А я не вслушивалась! — всё-таки огрызнулась дайна Эннис. — Разве что сказал о той же пентаграмме, что и вы мне всё талдычите.

Аня еле удержалась, чтобы не напомнить: «А ведь эта пентаграмма — ваше спасение! Могли бы о ней и почтительней отозваться!»

Но силы дайны Эннис были на исходе. Как бы женщина ни хорохорилась, но устала она совершенно очевидно: губы уже не кривились в отчётливой брезгливости, а уголками опустились так горестно, что Аня встала и, отойдя два шага, чтобы дайна не напряглась, глядя на неё, сказала:

— Я вас утомила, дайна Эннис. Отдыхайте. Проведывать мы будем вас каждые полчаса. Так что, если чего-то захочется, вы сумеете... (она чуть не сказала — попросить, но, смешливо спохватившись, вовремя исправилась) сказать о том. На маленьком столике рядом с вами остаётся чайничек с горячим чаем. Мы будем менять вам его тоже каждые полчаса, чтобы вам не пить холодного. Отдыхайте, дайна Эннис.

И вышла. Закрыв дверь и отяготившись ещё двумя загадками. Что имел в виду дин Хармон, сказав об эксперименте с магическими силами? Неужели он имел в виду магию образов? Неплохо бы поточней узнать об этом, потому что Оноре пока ещё тяжело работать со снятием проклятий, как опытному магу. Недаром с ней стало плохо, когда она пыталась помочь Агни. И, словно зудевший комар, надоедал летающий вокруг да около вопрос: почему всё-таки Онора не захотела участвовать в опросе дайны Эннис?

Спустившись в гостиную, Аня подошла к дверям библиотеки. Та чуть открыта, так что, заглянув, Аня открыла дверь шире и предупредила:

— Дайна Эннис спросила, откуда я знаю про спор с братом. Я сказала, что мне рассказали старушки служанки, которые слышали эту беседу.

— Спасибо, Агни, — слабо ответила Онора, сидевшая на корточках внутри пентаграммы и что-то рассматривавшая.

То, что она не подняла головы, отвечая, было правильно оценено: ей некогда болтать, так что Аня поспешно снова прикрыла дверь и оглянулась на кабинет. Дайна Эннис ходить не может. Онора занята пентаграммой. Голосок Лиссы и порой её звонкий смех раздаются

из мастерской. Кристал на уроке, и до конца её занятий есть ещё полтора часа. Аня насупилась: полчаса — в мансарде, потом спуститься и присмотреть за дайной Эннис. Потом ещё полчаса и снова... Почему бы и нет? Пока есть время, можно попробовать найти в потайном кабинете дина Хармона, в мансарде, какие-нибудь записи, вроде тех, что он спрятал в библиотеке для жены. Если быть справедливой, где ещё настоящий мастер своего дела мог прятать записи об эксперименте с необычными магическими силами, как не в потайном кабинете?

И Аня решительно двинулась вверх.

Поднимаясь узкой лестницей, спрятанной за книжными шкапами, она раздумывала о том, как легко было бы найти все ответы на возникшие вопросы, если бы рядом был человек, который бы её понимал. Онора понимает, но, кажется, не хочет говорить обо всём, что связано с дайной Эннис. Был бы рядом Таеган! Иногда Ане казалось, она понимает его родителей, которые хотели бы, чтобы он работал в одном месте и был всегда «под рукой», когда они устраивают светские вечера... Аня неудержимо улыбнулась: сколько сюрпризов его ожидает по возвращении!

По длинному коридору мансарды она прошла немного неуверенно: как ни странно, но этот путь её слегка пугал. Очень уж много неожиданностей здесь пряталось...

И вот она, последняя комната анфилады — замаскированный под пустоту кабинет дина Хармона. Встав на пороге, Аня вздохнула. С чего начать поиски рукописей? Хмыкнула. Для начала неплохо бы увидеть сам кабинет, поскольку в её нынешний приход он снова магически «спрятался» от обычного взгляда. Так что, напрягшись, Аня заставила вновь появиться книжные шкафы, стол и стул.

— Вряд ли бы человек, который записывает планы ритуалов, оставил бы тетради — или что там у него было — на полках шкафов, — прошептала Аня.

Она всё это подумала, но так захотелось прогнать глухую тишину, которая после её шага вперёд, в потайной кабинет, стала ещё более плотной, что повторила шёпотом. Ведь кабинет как будто понял, что пришли за чем-то, что у него отберут.

— А я не собираюсь отбирать, — тихонько проговорила Аня. — Я только возьму почитать, а потом верну на место.

И затаила дыхание. Это место настолько колдовское, что она на полном серьёзе ждала ответа. Или разрешения... Но ничего не произошло, и она не совсем уверенно подошла к столу. Постояла, прислушиваясь. Тихо. Пожала плечами, обошла стол и села на стул. «В конце концов, я хозяйка этого дома!» — подумала она. Но вслух высказать эту мысль не сумела.

Стол оказался очень интересным. Почти как в собственном мире. Солидный, столешница огромная. И две тумбы, поддерживающие её. Тумбы с выдвигающимися ящиками. Аня посидела немного, а потом напомнила себе, что у неё уже не полчаса, а чуть меньше. Пора приступить к обыску.

Первый же выдвинутый ящик справа подсказал, что повозиться с обыском придётся долго. Он был солидно глубоким и настолько набит бумагами, что они немедленно встопорщились, как только почуяли свободу. Чтобы задвинуть ящик — поняла Аня — придётся впихивать в него бумаги и уплотнять их силой. Но это ещё ничего. Вот прочитать каждую, чтобы понять, относится ли запись к тому необычному ритуалу, о котором упомянул дин Хармон, времени займёт столько времени, что легче начинать читать их не сейчас, а угробить на чтение предстоящую ночь. И, судя по всему, точно не одну.

— Был бы ты здесь, Таеган, — сердито и жалобно сказала Аня, — ты бы быстро всё отсортировал!

Чисто на всякий случай она открыла верхний ящик слева. Вытаскивала его очень осторожно, боясь, что снова придётся возиться с запихиванием бумаг назад. Но ящик выехал легко и оказался почти пустым. Почти — это значит, на самом дне лежала тетрадь вроде тех, что дин Хармон писал нечто вроде учебника для жены. Аня вынула эту тетрадь, довольно тяжёлую, положила на стол и открыла обложку. И замерла, не зная, стоит ли верить собственным глазам. Это был... в её бывшем мире сказали бы — «деловой дневник» мага, снимающего проклятия.

Аня вдохнула глубже и велела себе:

— Найди год до его смерти!

Вот так она начала перелистывать страницы с конца. Нашла первые нужные даты, оставила дневник на столе и помчалась из мансарды. Время выходило. То самое, которое она пообещала дайне Эннис, чтобы навещать её. Но, когда выбежала из кабинета, увидела Онору. Та, с подносом, направлялась к лестнице. Завидя Аню, кивнула:

— Я сама!

— Точно? — спросила Аня. — Могу взять поднос и отнести к ней. Меня она задерживать не будет.

Кажется, последняя фраза взяла Онору за живое. Или... Девушка замерла на месте и вдруг попросила:

— Агни, если у тебя есть время, ты просто проводи меня к дайне Эннис!

Про себя Аня догадалась, что Онора не просто так хочет её присутствия в комнате тёти. И не стала спрашивать, зачем девушке нужна хозяйка дома в качестве провожатой. Мысленно же взяла на заметку: как только Онора закончит с бытовыми делами в комнате дайны, надо сразу увести её оттуда. По некоторым приметам выходило так, что девушка не горит желанием много общаться с родственницей. Хоть и непонятно почему... Впрочем — решила Аня, поднимаясь следом за Онорой, — наверное, всё-таки понятно: несмотря ни на что, дайна Эннис и сейчас, в своём бедственном положении, остаётся довольно неприятной личностью.

В коридоре она обогнала девушку — и получилась так, что дайна Эннис увидела: руки Оноры заняты подносом, поэтому хозяйка дома помогает ей. Честно говоря, Аня вообще чувствовала себя героиней некоего романа с самыми изощрёнными интригами, из-за которых приходится прятаться или оправдывать внешними действиями внутренние цели. Это и смешило, но в то же время она понимала: пока эти прятки оправданы тем, что прячет или о чём умалчивает Онора — в отношениях со своей тётей.

Улыбнувшись дайне Эннис, Аня закрыла дверь за вошедшей Онорой и спросила:

— У вас всё хорошо? Не нужно ли чего?

Дайна Эннис смотрела на неё (не на Онору!) с невообразимой эмоциональной смесью: всё того же раздражения («Ты-то зачем явилась?!») и чувства, близкого к неприятию или даже злости (ладно хоть не злобы!). И внезапно Аня поняла, что ей нравится дразнить дайну Эннис! Пока Онора ставила на стол поднос с чаем и лёгкой выпечкой к нему, Аня быстро подошла к кровати и для начала повернула дайну Эннис так, чтобы та опиралась спиной о стену, естественно прикрытую одеялом, чтобы не простыть. А сама в это время быстро и жёстко взбила подушки, на которых лежала «больная». Затем, пока девушка наливала чай в чашку, Аня всё так же решительно и осторожно вернула дайну на подушки и подбадривающе

спросила:

— Так ведь лучше — на мягких-то?

Дайна Эннис буркнула что-то утвердительное и скосилась на Онору, которая старалась не смотреть на неё, хотя и удерживала на лице доброжелательное выражение.

«Онора, ты меня интригуешь! — с трудом удержалась от улыбки Аня. — Знать бы, что произошло между тобой и твоей тётёй!»

Она уступила место девушке, чтобы та могла сесть на стул и поить «больную» травяным отваром. А сама не уходила, хотя дайна Эннис то и дело с нетерпением посматривала на неё. А чтобы не слишком много молчать в этой ситуации, начала рассказывать о Лиссе и её проделках.

Дорассказывалась!

Все три дайны резко посмотрели на дверь, которая издала негромкий стук — как будто в неё ударили чем-то мягким. Той же подушкой, например.

— Кто... там? — нерешительно спросила дайна Эннис у Ани.

Она пожалала плечами и только хотела пойти к двери от окна, возле которого стояла, как вновь раздался тот же мягкий стук, и дверь постепенно открылась, словно бы сомневалась, что надо открываться. Дайны — кто с интересом, а кто и с тревогой — следили, как она открывается.

Пришлось слегка опустить взгляд и узреть Лиссу, которая пятилась в комнату. Пока она пятилась очень мелкими шажками, мимо неё протиснулась обрадованная Нейнси и подбежала к своей хозяйке, чтобы поприветствовать её, облизав доступные ей части тела — локоть, например. Потом, поскольку, довольно громко сопя, Лисса продолжала пятиться, между её ногами пробежал щенок и завилял куцым хвостиком, пискляво приветствуя дайн.

Малышка начала было разворачиваться, но дверь, которую она почти прошла, начала закрываться. Аня только хотела подбежать к Лиссе, как та пнула ногой в дверь, и та снова раскрылась, а Лисса наконец втащила в комнату сразу три куклы, ростом чуть меньше своего, которых прижимала к себе.

— О! — удивлённо сказала малышка, переводя взгляд с Ани на Онору. — А я думала, дайна здесь одна. И хотела познакомить её с куклами.

Кажется, дайна Эннис поняла, что ей не светит остаться с Онорой наедине, так что она обречённо проговорила:

— Ну, познакомь.

Лучше бы не говорила. Если она думала, что Лисса представит ей кукол и уйдёт довольная тем, то здорово просчиталась.

Онора немедленно встала со стула, уступая его малышке, а Аня помогла Лиссе сесть, подняв её за подмышки, потому что упрямая Лисса никак не хотела отпускать трёх кукол, да ещё поглядывала вокруг, где там её собачки. Правда, немного виновато поглядывала и на Онору — наверное, боялась, что та будет ругаться из-за своей куклы. Но девушка только улыбнулась разок малышке, и та успокоилась.

Пока Лисса важно представляла новой дайне в доме всех трёх кукол и рассказывала, как она со своей куклой покупала мясо на рынке, а у неё эту куклу хотели отнять, Онора быстро собрала всё, что нужно отнести на кухню, и теперь стояла, ждала, когда можно будет забрать и свою куклу. Или всех трёх кукол.

— Онора, иди, — негромко отпустила её Аня. — Я заберу твою красавицу.

Поскольку дайне Эннис Лисса не объяснила, кто из дайн — хозяйка каждой куклы, то

после слов Ани «больная» с удивлением взглянула на Онору.

Ещё пять минут — и Аня строго сказала малышке, что дайна устала, ведь она очень больна. Взяв всех кукол (Лисса не возражала — ловила своего щенка), Аня встала у входной двери в комнату, ожидая, когда можно будет вывести малышку.

— Дайна Агни, — окликнула её «больная». — А сколько лет дайне Оноре?

— Двадцатый год.

Аня ожидала, что дайна Эннис спросит ещё о чём-то, но та натянула на себя одеяло с внешним намерением подремать. Так что хозяйка дома и малышка вышли из комнаты, и Лисса, по просьбе Ани, плотно закрыла за собой дверь.

Негромко переговариваясь, обе спустились в гостиную.

Взгляд на часы. Ещё полчаса — и пора провожать дайну Сарейд.

Поэтому Аня устроила кукол на диване в гостиной, и Лисса немедленно принялась то ли играть, то ли придумывать спектакль под названием «Собачки пришли в гости к дайнам куклам!», озвучивая всех сразу.

Подождав немного, Аня, недоумевая, пошла на кухню. Странно. Вроде на подносе у Оноры было мало использованной посуды, чтобы мыть её так долго. Почему же она до сих пор не появляется?

В кухне Оноры не было. Здесь хлопотала Бридин, собирая тарелки для обеда.

— А где Онора? — спросила Аня, ничего не понимая: мимо неё в гостиной девушка вряд ли прошла бы.

— Дайна Онора в столовую залу пошла, — откликнулась старушка. — Сказала — хочет посмотреть на окна, чтобы узнать, успеете ли сегодня повесить шторы и здесь.

Ещё более странно. Чтобы Онора, да об окнах?..

На всякий случай Аня решила-таки заглянуть в столовую залу.

Онора стояла у окна, сжав руки и чуть склонив голову.

Когда Аня поняла, что она глубоко о чём-то задумалась, и хотела уйти, девушка оглянулась на звук её шагов.

— Я мешать не буду, — предупредила Аня. — Просто я не поняла...

— Агни, не уходи! — внезапно позвала Онора и быстро пошла к ней, огибая длинный ряд столов. — Не уходи, пожалуйста!

Она подошла так близко, что Аня заметила, как учащённо она дышит. Кажется, дело серьёзно. Придётся брать его выяснение в свои руки.

— Рассказывай, — нисколько не сомневаясь, скомандовала она, отведя девушку к ближайшему окну.

Онора постояла немного, снова склонив голову и словно разглядывая чёрно-серые деревья за окном. Потом обернулась к Ане.

— Я... не хочу слышать её, видеть её, — медленно, с усилием проталкивая слова, сказала девушка и сжала рот так, что это выглядело бы, как упрямство, если бы губы, даже крепко сжатые, не задрожали от подступающего плача.

— Что она тебе сказала? — спокойно спросила Аня. Она почему-то сразу сообразила, что могла предложить дайна Эннис своей племяннице.

— Я не хочу говорить об этом! — выкрикнула Онора и опять замерла, глядя в окно. И повторила шёпотом: — Не хочу. Это... бессовестно.

— Онора, она сказала тебе, что ты, с твоим даром снимающей проклятия, могла бы разбогатеть, если бы не жила в нашей семье? — улыбнулась Аня. — Что она могла бы найти

тебе место, где ты могла бы жить, как королева, ни в чём не нуждаясь? Что этот дом она совместно с тобой могла бы отсудить у нас и выгнать нас отсюда? А потом продать его, чтобы купить дом в другом месте, более аристократичном?

Рот девушки постепенно раскрывался от изумления.

— Как... Как ты узнала?

— Онора, я не подслушивала, — хмыкнула Аня. — Просто я примерно уже знаю характер дайны Эннис, вот и всё. Но хотела бы уточнить: она и правда тебе всё это сказала? Или я слишком преувеличила её помыслы?

Но девушка смотрела на неё горестно и легонько качала головой.

— Агни, может, ты и поняла её, но мне... Ты откликнулась на просьбу дина Лугуса и поехала в их дом. Это ты решила перевезти её сюда, где она получила надлежащий уход... Агни, я не понимаю, как она могла мне такое предложить?! Не она оставила меня в этом доме, хотя ты могла меня и выгнать, отправить в приют! Пусть ты сначала относилась ко мне очень... строго, но сейчас ты мне... как старшая сестра! Она говорит о каких-то аристократах, что они могут стать женихами, хотя я сразу сказал ей, что помолвлена с Никасом! Как она могла?! Она сказала, что Никас — это вынужденно! Но ведь именно Никас ухаживал за мной в том подвале, когда из-за её же магической отравы мне было ужасающе плохо! И она считает, что я должна забыть о вас, обо всех! Обо всех тех, кто помог ей очнуться! Как она может быть такой самоуверенной и даже жестокой, Агни?! Я не понимаю!

Стараясь не охнуть — так сильно девушка сжала её ладонь, Аня мягко объяснила:

— Ты правильно сказала, что она самоуверенная. А самоуверенные люди часто судят о других по себе. Боюсь, случись что-нибудь, она и дина Лугуса бы бросила... Хотя тут я ступаю на зыбкую почву и могу ошибиться... Не слушай её, Онора. Слушай своё сердце. И не забывай: ты мало ещё видела свет и людей в нём. Не все они одинаковы.

— Но как быть мне? — беспомощно спросила Онора. — Мне трудно находиться с ней в одной комнате! Она... давит на меня!

— То, что я сейчас скажу, Онора, тоже покажется сложным, — подумав, сказала хозяйка дома. — Но всё же постарайся выполнить это. Воспринимай дайну Эннис, как некий образец человеческой личности, который тебе надо... изучить. Как ты изучаешь свои книги в библиотеке. И общайся с ней именно с этой точки зрения.

— Это очень и очень трудно, — покачала головой Онора. — Я... я вообще не хочу подходить к ней.

— Это легко, если ты вспомнишь, что дома не одна, — усмехнулась Аня. — Как только тебе необходимо идти к ней, не забудь прихватить с собой Кристал или Лиссу. При них дайна Эннис вряд ли захочет говорить с тобой на такие темы. А потом... Мне она, несмотря на все её фанаберии, кажется довольно умной женщиной. Вскоре она поймёт, почему ты всегда берёшь с собой кого-то из младших. А потому поймёт, что тебе неприятны её речи.

Опустив голову, Онора постояла немного в задумчивости, возможно оценивая совет Ани, а потом взглянула на неё и кивнула.

— Это и в самом деле хорошо. И Кристал никогда не отказывается помочь.

— Ну и замечательно. А теперь извини, Онора. Мне надо бежать провожать дайну Сарейд. Ты же знаешь, как она любит такие церемонии.

— Я с тобой! — словно испуганный остаться в одиночестве ребёнок, Онора вновь вцепилась в руку Ани и вместе с ней вышла из столовой залы.

«Странно, что её Нейнси любит, — думала Аня, кутаясь в шаль и глядя на исчезающую за углом карету дайны Сарейд. — Ведь, говорят, собаки сразу чувят, который человек злой, а который добрый. С другой стороны, если дайна Эннис взяла собаку к себе щенком и полюбила, неудивительно, что и Нейнси откликается на эту любовь. Какое дело собаке до того, что её хозяйка... ну... не злая, а думает только о себе? Главное, что её, Нейнси, любят, а всё остальное собаке пофиг...»

— Агни! — позвала стоявшая рядом Кристал. — Давай зайдём! Для тебя на крыльце слишком холодно!

— Зайдём, конечно, — пробормотала Аня, мельком подумав об Оноре, встревоженной и даже испуганной необычными для неё речами дайны Эннис.

Вошли в гостиную и встали, как вкопанные, от неожиданности. Потому как это и впрямь неожиданно: хохочущая Онора бегала с верёвочкой — вокруг диванов и кресел, а за ней с восторженным повизгиванием, писклявым тьяканьем и радостным лаем мчались Лисса, щенок и собака.

Кристал в очередной раз хлопнула глазами на это потрясающее зрелище и вопросительно взглянула на старшую сестру:

— Онора? Бегаёт?!

— И что? — смеясь, ответила Аня. — Онора не человек, что ли?

Секунда колебания — и Кристал с тем же восторженным воплем присоединилась к погоне за шерстяным шариком на конце верёвки. Аня же, улыбаясь дружным догонялкам, мысленно закончила ответ младшей сестре: «Оноре с вами здесь, в гостиной, лучше, чем с той интриганкой наверху!»

При разыгравшихся младших как-то неудобно уходить в мансарду, и Аня присела на ближайший к мастерской диван, прихватив со столика принесённый Никасом вчера дамский журнал. Первой её заметила Онора и, обежав этот диван, присела за ним. Но группа преследователей немедленно нашла спрятавшуюся и окружила, её азартно вопя. Пришлось девушке встать и признаться, что она немного устала. А чтобы не приставали с уговорами ещё побегать, отдала верёвочку Кристал, а сама устроилась рядом с хозяйкой дома — да так близко, что чуть не под бочок к ней.

Младшие с собаками отхлынули от дивана звеняще хохочущей волной. Аня ещё покачала головой: две девчушки, но такие громкие! Разрумянившаяся Онора посмотрела им вслед, запыхавшаяся, но весёлая. Аня, смеясь, заметила:

— Ты дышишь так, словно пробежала три раза вокруг дома!

— Зачем? — изумилась девушка. — Зачем бегать вокруг дома?

— Для здоровья. А то сама на себя посмотри: пять минут побегала в гостиной — и уже запыхалась. А потренировалась бы в беге и не так тяжело дышала бы.

— Это ты в журналах вычитала? — понимающе кивнула Онора и склонилась посмотреть на журнал в её руках. — О, а ведь это журнал, который Никас вчера принёс? Ты уже смотрела? Посмотрим вместе?

— Подождите! — завопила Кристал, пробежавшая мимо и услышавшая последние слова Оноры. — Я тоже с вами хочу!

В последнее время три дайны просто обожали вместе смотреть, читать и обсуждать

дамские журналы. Мало того — узнавали последние новости о собственной стране, чему были посвящены первые три страницы в самом начале. А потом начиналось самое интересное — красочные статьи о ведущих в этом сезоне модных тенденциях, а затем — самое «сладкое»: рецепты и практические статьи по вязанию и шитью, схемы вышивок, на которые в последнее время заглядывалась Кристал, и даже такие, в которых предлагалось вырезать ножницами удивительные фигурки. Дайнам нравилось читать даже последние странички журнала, где давалась сплошная реклама товаров в торговых домах и в лавках.

Прочитав новости, Аня перевернула страничку, и Кристал ахнула:

— Агни! Смотри — клубный джемпер! Я такой почти довязала для Кегана! — и тут же заныла, жалобно заглядывая в глаза старшей сестры: — Агни, пожалуйста! Ты же знаешь, что я не умею сшивать детали! Сшей, пожалуйста, а? А я начну джемпер для Греди!

— А у нас ещё остались нитки? — задумчиво спросила Онора.

— Есть немного, — тут же насторожилась Кристал, которая довольно ревниво относилась к покушениям взять у неё даже пару мотков. — А на что ты смотришь?

— Мне кажется, в этом жилете Никас будет выглядеть очень солидно.

Придирчиво осмотрев выбранный Онорой жилет и обсудив его со всех сторон, Кристал со вздохом сказала:

— Да, эта вещь нужная и красивая. На неё всего три мотка нужно. И цвет такой есть. Потом посмотришь, ладно?

Над головой склонившейся к журналу девочки Аня и Онора насмешливо переглянулись...

Впрочем, Аня недолго смотрела, уловив необычную тишину в гостиной. Встала, осмотрелась и, оставив журнал Кристал и Оноре, поспешила к Лиссе, которая успела задремать на единственном старом ковре в гостиной, головой устроившись на Нейнси и обняв её лапу. Собака лежала терпеливо, тем более сбоку к ней пристроился и щенок.

Пол-то холодный, несмотря на ковёр, несмотря на прогретый воздух в гостиной. Аня только нагнулась поднять малышку, как позади застучали торопливые шаги, и в два голоса прозвучало возмущённое:

— Агни! Не поднимай её!

Ох, ты... Кажется, девочки крепко-накрепко вбили в свои головы, что главное в Анином «положении» не поднимать тяжести. Аня хотела фыркнуть на такую заботу, но только вздохнула: а приятно, что о ней заботятся!..

Лиссу разбудили и строго напомнили, что поспать она может после обеда. Малышка извевалась, да ещё с таким подвывом, что, глядя на неё, зевнула и Нейнси.

А потом пошли на кухню и в столовую залу — готовиться к обеду. Онора было загрустила, но Аня велела Кристал проводить девушку наверх, в комнату дайны Эннис, и не отходить там от Оноры всё время посещения.

— Почему?! — удивилась девочка.

Онора в панике взглянула на Аню: какое оправдание такому странному пожеланию можно придумать?

— А вдруг что-нибудь понадобится? — спокойно ответила Аня. — А ты будешь под рукой и быстро принесёшь всё необходимое.

Онора, взбодрившись, а Кристал — подпрыгивая, ушли из кухни, нагруженные подносом с обедом и чистыми полотенцами из кладовки: дайна Эннис обильно потела, когда пыталась хоть чуточку двигаться.

Во вчерашний суп, когда он нагреется и начнёт закипать, Аня собиралась добавить сушёные приправы. С ними варево обретало впечатление совершенно иного вкуса, хотя домашние были готовы с удовольствием есть тот же суп, лишь бы был. Ожидая нужной реакции от кастрюли на плите, Аня размышляла: некоторых людей не может исправить даже их жизненная зависимость от тех, кто однажды был заклеимён их врагом. Ишь, завернула как... Или Аня до сих пор просто не сталкивалась с такими людьми? Но всё равно странно: понятно, почему ранее дайна Эннис пыталась отнять дом у семьи. Страх перед смертью от стремительной старости. Но что сейчас движет ею? Ей оказали не просто помощь. Её стараются избавить от ужасных последствий проклятия, а она уже сейчас думает о том, чтобы обогатиться.

Единственный вывод, к которому пришла в результате своих раздумий Аня, состоял в следующем: она рано пообещала дайне Эннис провести ещё несколько сеансов, используя магию образов. Пентаграмма, которую создаёт Онора, достаточно огромная. Дайна Эннис может в ней и полежать во время ритуала. По состоянию здоровья сразу после ритуала она не вскочит на ноги. Можно будет отдать её счастливому дину Лугусу — и пусть далее они сами долечиваются. Жестоко?.. Аня покачала головой. А не жестоко компостировать мозги бедной Оноре? Она была так счастлива в последние месяцы! А теперь побаивается даже подниматься на второй этаж...

Надо посоветоваться с Никасом. Но перед тем неплохо бы узнать у самой Оноры, стоит ли советоваться с Никасом — ну, чтобы дайна Эннис исчезла из их дома сразу после проведения ритуала. Не нравится ей восстанавливаться в комфорте, пусть снова въезжает в тот неустроенный домишко.

Какое счастье, что прибежали девочки и прервали эти пессимистичные мысли о том, что слабую дайну надо отправить из дома.

Вскоре все сидели за столом и обедали. Впрочем, не все: собаки устроились у двери, куда им были поставлены тарелки. Из-за чего Аня немного подсадовала на себя: стремясь посмотреть, как там её собачки, Лисса вся извертелась на стуле, разбрызгивая налитый ей суп.

— Девочки, чем собираетесь заниматься после обеда? — деловито спросила Аня.

— Вязать! — сразу сказала Кристал.

— На пентаграмму у меня уйдёт немного времени, — задумалась Онора. — Наверное, я тоже сяду за вязание — начну жилет для Никаса.

— А что? — тут же заинтересовалась Кристал.

— А вы забыли, что у нас осталось несколько шторных рулонов? Мы откатали их в кладовую и там поставили так, чтобы они места много не занимали.

Кристал, уронив ложку — ладно ещё на стол, ахнула так, что Лисса уставилась на неё в изумлении. Но девочка сжала руки на груди и жарко спросила:

— Ты думаешь... Я думала — они запасные! А куда?!

— Мне кажется, сюда, в столовую залу. Я померила ширину этих штор, да и цвет, похоже, был предназначен именно для столовой залы — более светлый, чем в гостиной.

— Сразу после обеда? — быстро предложила Кристал.

— Думаю, нет. Сделаем так: Онора после обеда бежит добавлять нужные ингредиенты в пентаграмму, я мою посуду, а ты начинаешь второй джемпер. Если, конечно, не захочешь помочь мне с посудой.

— Хочу! — завопила девочка, сияя от радости и рассматривая окна в столовой зале так,

словно они сопротивлялись только одной мысли украсить их новыми шторами.

А Аня снова помечтала о том мгновении, когда в гостиную, а потом в столовую залу войдёт Таеган. Как он удивится! Как ему всё понравится!.. Опомнилась и подавила смешок: «Я старше Кристал, а мечтаю о том же: всех удивить! Хотя... Нет, правда же, уютней будет! Приезжай, Таеган!»

Полтора часа возились со шторами на окна столовой залы. И не одни. Прибежали Бридин и Сайл, помогали в меру возможностей. Потом все ходили рядом с окнами, бесконечно улыбаясь и смеясь. Как будто экскурсию проводили — оценила Аня.

Устать не устали, а были настолько взбудоражены, что Аня предложила девочкам погулять — давненько не ходили по берегу озера. Пусть там и холодно, посидеть нельзя, но ведь и простая прогулка будет замечательной для всех дайн семьи! Взяли собаку на поводок, а Лисса, закутанная не только в пальтишко, но и поверх него — в широкий шарф «от Кристал», взяла на руки щенка. Выходили любимой потайной дверцей.

Гуляли недолго. Всё-таки ноябрь, и хоть дождей и снега нет, но ветер оказался пронизывающим. И пусть! Девочкам, насколько заметила Аня, прогулка понравилась так, что они её упростили гулять по полчаса каждый день. Ведь гуляли не просто так: и в догонялки на берегу поиграли, и Аня предложила швырять камешки-«блинчики», что Лиссу, например, привело в неописуемый восторг.

Вот теперь, после прогулки, Лисса уснула крепко, едва только дошла до кровати, рядом с которой её успели раздеть и на которую помогли забраться. Онора побежала в библиотеку, а Кристал удалилась в мастерскую, чтобы ещё раз перелистать страницы дамского журнала с вязаными моделями.

И Аня спокойно ушла в кабинет, чтобы по лестнице добраться до мансарды.

Тетрадь, деловой дневник дина Хармона, в потайном кабинете она открыла сразу на нужной странице: ещё в тот раз, когда нашла, сунула в неё лист, чтобы потом не искать. Так что сейчас Аня просто села за стол и принялась бегло читать записи в поисках того, чем дин Хармон устранил своё преждевременное старение, а значит — и преждевременную смерть. И благодаря чему, если бы он не наткнулся на другое проклятие, старинное, выжил бы. Искать то, чем он похвастался дайне Эннис и таким образом успокоил её, что с семейным проклятием можно справиться.

Дайна Эннис прибежала к нему за несколько месяцев до его смерти. Значит, объём чтения — примерно, год. Аня старалась читать быстро, благо натренировалась на здешних журналах, но порой глаза уставали, и тогда приходилось поднимать взгляд и смотреть на выход из кабинета...

Предположив, что она уже просидела задуманные полчаса, Аня скомандовала себе прочесть ещё две страницы и спуститься, чтобы посмотреть, всё ли хорошо в доме и в хозяйстве. А заодно — она улыбнулась — посмотреть, как выглядят шторы в столовой зале.

Перевернула первую из трёх задуманных к чтению страниц — и замерла: вот оно!

Никогда не считала себя варваром, но так захотелось выдрать нужную страницу из дневника дина Хармона, чтобы хорошенько изучить её в своих апартаментах!

Удержало лишь одно — осознание, что потайной кабинет не выпустит даже страничку из этого дневника, будучи магически закрытым. Ну, как та тетрадь, которая посвящена обучению Агни и которая закрыта в библиотеке.

— Да не нужна мне эта страница, — прошептала Аня, закрывая дневник с той же закладкой. — Я уже поняла, в чём дело.

Странно, что в рукописи, посвящённой Агни, об этом ритуале Аня не читала. Или дин Хармон предпочитал некоторые свои эксперименты держать в тайне от жены? Тем более данный эксперимент и впрямь был... новаторским. Хотя и примитивным. Интересно, как он додумался до такого? Хотя... в его положении неудивительно, что он экспериментировал со всем подряд.

Аня начала спускаться по лестнице, размышляя о невероятной лёгкости того опыта, который спас дину Хармону жизнь. И невольно усмехнулась: любопытно, что бы он сделал, узнай, что вся семья Агни — в той или иной степени маги образов? Остановившись у стола настоящего кабинета, она пожала плечами: с него случилось бы перевезти всю семью в этот дом немедленно, лишь бы никто со стороны не узнал о целой семье уникальных магов.

Открыла дверь кабинета и насторожилась: послышался ей приглушённый расстоянием крик со второго этажа или нет?

На всякий случай подбежала к лестнице на жилой этаж.

Крик повторился. Требовательный и злой.

Сообразив, кто так может орать, Аня стремглав помчалась по лестнице, качая головой: охота ей тратить силы на крик, зная, что каждые полчаса так и так к ней приходит Онора?

Открытая дверь в комнату дайны Эннис испугала. Аня быстро завернула за неё и обнаружила дайну лежащей на пороге.

— Что случилось? — ахнула хозяйка дома, с усилием поднимая дайну Эннис за подмышки и таща её ближе к кровати.

— Почему моя племянница не сидит со мной?! — рявкнула дайна Эннис, тут же дав петуха — сорвала в крике голос и захрипела на последних словах.

Аня прислонила дайну к кровати и быстро бросила на пол пару одеял, которые лежали в комнате на всякий случай.

— Подождите немного, я позову Онору — и она поможет перенести вас на кровать.

— А почему вы не поможете мне?! — разъярённо просипела дайна, затрясшись от злости. — Не так уж я тяжела. Только подними чуть — и я буду на кровати!

— Мне нельзя, — меланхолично ответила Аня, не собираясь ничего ей объяснить.

И, не слушая больше её гневного сипения, вышла из комнаты, прикрыв дверь, чтобы не сквозило. Не бегом, но быстрым шагом поспешила по коридору, удивляясь: дайна Эннис старше её на полгода, но ведёт себя, как настоящая баба Яга. Хотя нет. Баба Яга рядом с ней — существо более доброе. Или на дайну Эннис так действует стремительное старение? Аня передёрнула плечами...

В гостиной прислушалась. Да, Кристал всё ещё в мастерской: слышно, как она что-то рассказывает собаке, называя её по кличке. Значит, Онора всё ещё в библиотеке. Звать обеих? Дайна-то Эннис и впрямь лёгкая после недавнего полуобморочного лежания в постели. Нерешительно шагнула было к мастерской. И передумала: вдвоём с Онорой легко перетащить дайну на кровать. Тем более Онора сама может сказать, нужна ли ей для поддержки Кристал.

Стукнув в дверь библиотеки, чтобы предупредить о своём приходе, Аня открыла её и попросила:

— Онора, помоги мне. Дайна Эннис упала с кровати, а я одна не подниму её.

— Упала? — удивилась Онора, вставая от стола и осторожно обходя пентаграмму, начерченную в пространстве между дверью и книжными стеллажами.

С ответом Аня замешкалась. Пентаграмма удержала её внимание: она знала, что эта

схема не только вычерчивается, но по некоторым её линиям выкладываются те самые ингредиенты, которые они закупили в лавке для магов. И сейчас она хлопала глазами. Ингредиентов нет. Но ведь несколько часов назад она своими глазами видела, как Онора выкладывала их. Убрала?

— А где те камни, которые ты выкладывала в пентаграмме? — не вытерпела она всё же личного любопытства.

Девушка улыбнулась.

— Пентаграмма впитала их.

— Вон оно что... — пробормотала Аня и вышла из библиотеки. Только в гостиной спросила: — Онора, как ты думаешь, нам нужна Кристал?

— Конечно, нужна. Мы вдвоём поднимем её. А ты будешь в комнате, чтобы нас быстро выгнать... — Онора задумалась и улыбнулась: — Придумаем какую-нибудь причину.

— А если напрямую ей сказать, — нерешительно предложила Аня, — что ты не хочешь всего того, что она предлагает?

— А я уже сказала. При Кристал. Мы только тебе не говорили, чтобы ты не волновалась. Но она меня... как будто не поняла. Даже при Кристал продолжала говорить о том, что с нею мне будет лучше.

Удивлённая Аня уже молча подошла к мастерской. Кристал быстро объяснили, в чём дело, и она со вздохом встала: второй джемпер уже начала — и так не хотелось тратить время на вздорную дайну.

Под сипение и шипение дайны Эннис её подняли и уложили на кровать.

За время отсутствия Ани она успела отдышаться. Очутившись в постели, укрытая одеялом, напоенная подогретым молоком, прихваченным Аней, она сумела с претензией высказать, видимо, то, что давно обдумывала:

— Если ваша магия образов помогла мне так сильно, почему бы вам не провести ещё несколько этих самых сеансов, чтобы я не мешала вам? Чтобы я ходила самостоятельно.

Все три дайны с ужасом переглянулись, представив себе бродящую по всему дому злобную дайну. Кристал даже руки подняла к лицу, сложив ладони.

Онора с сомнением сказала:

— Мы не знаем, насколько будет действенным этот ритуал. В конце концов, он был проведён... спонтанно. И его результат неожиданный как для его участников, так и для нас. Мы не можем предугадать результат. А вдруг... не получится.

— Я не боюсь экспериментов, — буркнула дайна Эннис. — Брат только и делал, что экспериментировал со всем, чем мог. Проводите. А там посмотрим.

Честно говоря, Аня никак не могла придумать возражений.

А дайна Эннис добавила, прищуриив глаза на всех трёх дайн:

— И не надо говорить мне, что это сложно. Я впервые сталкиваюсь с такой сильной магической энергией, и я понимаю, что вам легко поставить меня на ноги до ритуала в пентаграмме.

— Нет, — неожиданно и спокойно сказала Кристал и кивнула, будто подтверждая, что говорит именно она. — Я не буду помогать вам. Я была с братьями в тот вечер, когда вы вышли из небытия. И я отказываюсь помогать вам дальше.

Оторопевшая дайна Эннис выпучила глаза на девочку. Судя по её дыханию, дайна собиралась взорваться криком. Но, кажется, до неё всё-таки дошёл тот факт, который озвучила Кристал: именно эта девочка была среди тех, кто проводил тот ритуальный сеанс.

Дыхание дайны чуть успокоилось, а губы, крепко сжатые, расслабились.

— Почему? Почему ты не хочешь помочь мне, девочка?

— Две причины мешают мне, — всё так же бесстрастно сказала Кристал. — Первая. С тех пор как вы очнулись, я была в вашей комнате несколько раз. Не одна. И каждый раз меня при вас называли по имени. Вы и раньше знали, что я присутствовала на том ритуале. И не запомнили моего имени. Я обиделась. Вторая причина в том, что мне не нравится, что вы будете ходить по нашему дому. Вы злая. А наш дом ласковый и доброжелательный. Поэтому... Мне не хочется, чтобы наш любимый дом пропитывался вашей злобой.

Аня и Онора, немного озадаченные, смотрели то на дайну Эннис, то на Кристал. Если честно, то девочка их здорово выручила... Но так жёстко и грубо... Или... с дайной Эннис только и надо так разговаривать? Тем более — устами младенца глаголет истина!

Помолчав и всё ещё безразлично глядя на дайну Эннис, Кристал добавила:

— Если Оноре понадобится, чтобы я помогла вам, я это сделаю. Но только тогда, когда буду знать, что после ритуала вы сразу покинете наш дом. Онора, пойдём. Нам пора.

Онора машинально взялась за протянутую руку Кристал, и девочки вышли.

Отдышавшись, дайна Эннис взглянула на Аню и скривилась.

— Как она смела так со мной разговаривать, девчонка!

— Что поделать, — философски откликнулась Аня и взяла чашку с кувшином молока, чтобы отнести в кухню. — Вы сами настроили её против себя.

— То есть наказывать её за невоспитанное обращение к взрослому человеку вы не собираетесь и не желаете? — поразила дайна Эннис.

— Как я могу наказывать девочку за невоспитанное обращение к взрослому человеку, который сам спровоцировал её на такое поведение? — сухо осведомилась хозяйка дома. — Или вы считаете, что вы не злая? А пока... Лежите, дайна Эннис, набирайтесь сил. Подремлите. Скоро придет дин Лугус навестить вас.

И Аня вышла из комнаты. Прикрыв дверь, постояла немного, прислушиваясь к тому, что осталось внутри помещения. Но дайна Эннис молчала. Не с кем ругаться? А усвоит ли урок? Или так и останется при мнении, что её распоряжения должны выполняться немедленно, несмотря на её настрой против жильцов этого дома?

Сначала она побежала на кухню. Скоро приедут братья с дином Лугусом, надо посмотреть, что есть на ужин, а потом перенести столовые приборы на столы. Убедившись, что достаточно будет накрыть стол, Аня успокоилась и пошла искать девочек. В первую очередь заглянула в мастерскую, думая потом забежать в библиотеку к Оноре. И удивилась: обе сидели в мастерской, прижавшись друг к другу и хмуро в очередной раз листая дамские журналы, которых на диван выложили всю пачку имеющихся в доме.

— Извиняться не буду, — проворчала Кристал, исподлобья посмотрев на старшую сестру, и вздохнула.

— Агни, не ругай Кристал! — попросила Онора. — Её дайна Эннис довела. Она и не сумела сдержаться, высказалась.

— Никого не собираюсь ругать, — хмыкнула Аня. — Кристал поступила правильно. Тем более в её возрасте это позволительно — объяснять злему человеку, что он злой. Да и... — Она махнула рукой. — Не обижайся, Онора, но тётя твоя — неблагодарный человек. Кристал права. Прежде чем чего-то добиваться от человека, который хоть раз помог тебе, неплохо бы запомнить, как этого человека зовут.

— Не надо было говорить ей, что я... — Онора огорчённо примолкла.

— Кто же знал, что она так воспримет всё, что с ней случилось. Ведь сначала она обрадовалась, что у неё есть племянница.

Они ещё немного повздыхали, причём Аня думала о том, что, несмотря на бережное отношение дина Хармона к своей жене, она до сих пор не верит в его любовь. Во всех записях сквозит его не просто собственническое отношение к Агни, а отношение как к магу, который поможет ему разбогатеть. Неужели вся их семья настолько меркантильна, что и брат, и сестра могут думать только об обогащении?..

Дверь в мастерскую распахнулась.

— Вы меня не разбудили! — пожаловалась Лисса, впуская в мастерскую собаку и щенка. — А мы могли бы поиграть!

— Мы вяжем, — как-то машинально ответила Кристал, кажется ещё не отошедшая от недавнего резкого диалога.

— Девочки, — таинственно начала Аня, переключая всех на другое, — вы не забыли, что вот-вот приедут братья. А не пойти ли нам в столовую залу — посмотреть, что они увидят, когда туда войдут?

Вязание мгновенно было заброшено, как и журналы. Легконогая компания выскочила из мастерской и бросилась в очередной раз в столовую залу — полюбоваться на повешенные там шторы и порассказать друг дружке, какие будут лица и глаза у братьев, когда они увидят всё это прекрасное богатство.

Аня же смеялась от удовольствия: злая тётка девочками была мгновенно забыта! Чего и добивались!

В ночь на субботу, на короткий учебно-рабочий день братьев, измученная противоречивыми мыслями, Аня серьёзно страдала бессонницей.

Она снова чувствовала себя обманщицей в глазах братьев и сестры. Ведь вместе с неприятием дайны Эннис она испытывала к ней благодарность. Не убей эта чёртова ведьма бедную Агни, что было бы с ней, с Аней?

И что делать с ритуалом снятия проклятия, который готовит Онора? Если учесть, что сама Аня теперь знает: этот ритуал можно провести, не дожидаясь полной луны... Аня знала, но терзалась сомнениями, рассказывать ли Оноре и Никасу о прочитанном в тетради дина Хармона. Был бы рядом Таеган, всё было бы гораздо проще. А без него, сильного, умного, а главное — волевого там, где дело касалось семьи... Но он приедет лишь через пару дней после проведённого ритуала Оноры. Да, можно освободить дайну Эннис от проклятия... да хоть уже завтра! Останавливало только одно — слова Кристал о том, что дайна Эннис, освободившись от проклятия, не захочет покидать их дом и будет пропитывать его своей злобой. А у дина Лугуса кишка тонка, чтобы взять её за шкурку и уволочь из дома, который она-таки вознамерилась присвоить. Что же делать... Подключить городские власти в лице дина Валентайна? А если он скажет — это внутрисемейное дело? И власти в такие не вмешиваются? Значит, опять-таки придётся открываться Никасу.

Она попробовала все личные приёмы, ранее действенные, чтобы уснуть. Ничего не получалось: закрывала глаза — и вновь погружалась в головокружительную пучину тревожных вопросов... Тогда Аня накинула на ночное платье тёплый домашний халат, влезла в свои любимые тапочки-калошки и тихонько спустилась в гостиную, чтобы засесть в мастерской.

Взяв крючок в руки — сшивать детали вязания, свечей жалеть не стала.

Первый клубный свитер, предназначенный для Кегана, она вскоре отложила в сторону, заставляя себя думать о том, как утром обрадуется Кристал: ведь по этому свитеру останется только одна работа — надвязать воротник. Потом взгляд упал на корзинку, задвинутую подальше — не оставленную на диване, где обычно Кристал вязала каждый день, а на последней полочке шкафа с куклами. Вяло удивилась и подошла к шкафу. Так же вяло улыбнулась: девочка решительно забыла о своей недовязанной кофточке, чтобы побыстрее связать двойняшкам клубные свитера. Им нужней — на них в школе смотрят. Да и тёплые они. В доме-то легко согреться.

Аня положила корзинку на место и подошла к окну.

Через месяц Кристал тоже будет бегать в общеобразовательную школу. Для девочек здесь укороченный курс обучения... Глядя на седые от изморози деревья в саду, Аня жалела, что отправила письмо Таегану только вчера утром. Если бы он ответил в течение этой недели, это было бы почти предзнаменованием, что делать с дайной Эннис.

— Агни?

Полуоткрытая дверь осторожно раскрылась. На пороге стоял Никас.

Обернувшись от окна, Аня улыбнулась.

— У меня бессонница, — объяснила она.

Он нерешительно переступил порог и объяснил тоже:

— Я увидел во сне, что твоя комната пуста. Проснулся и проверил. Дверь ты оставила

чуть-чуть открытой. Пошёл искать тебя, и вот... Нашёл. А что случилось?

— Я... — неуверенно начала Аня — и усмехнулась, глядя мимо него.

Брат оглянулся и засмеялся: на пороге комнаты стояла зевающая в ладошку Онора. Обрадовавшись, что все ей улыбаются, девушка подошла к Никасу и взялась за его руку. Аня немедленно вспомнила, как она повелительным тоном выгнала всех из комнаты дайки Эннис, посчитав, что они могут помешать.

— А почему вы не спите? — ответно улыбаясь, спросила девушка.

И Аня решила.

— Мне нужен совет, — со вздохом призналась она. — Из-за того что получить этот совет не могу, я и не сплю.

— Дело касается дайки Эннис? — посуровел Никас и, беспокойно взглянув на Онору, сам крепко сжал руку своей невесты.

Аня вернулась к дивану и села перед столиком с вязанием. Никас сразу же повёл Онору к ней. Когда они уселись вокруг столика, некоторое время смотрели на трепетание свечных огней канделябра. Потом брат перевёл взгляд на Аню.

— Ты всё ещё молчишь. Боишься, мы не справимся с тем, что тебя тревожит?

— Боюсь, — согласилась Аня и посмотрела на Онору. — Странная ситуация получается. Или я сама себе её придумала — и всё должно быстро разрешиться. Или я права, и наше положение довольно... глупое.

— Выскажи вслух, — предложила девушка. — Может, нам удастся что-то придумать. Или сказанное вслух окажется на поверку не таким сложным.

Поколебавшись, Аня выпалила:

— Как выгнать дайну Эннис, после того как она будет освобождена от проклятия?

— Это легко... — начал было Никас и прервался.

Глаза его уставились в пространство. Кажется, он попытался мысленно увидеть, что произойдёт, когда «больная» станет здоровой... Внезапно его передёрнуло — да так сильно, что обе дайки невольно рассмеялись. А потом Онора любопытствовала:

— Что ты представил себе?

— Она будет драться, — просто ответил Никас. А потом нахмурился. — Онора, а перед ритуалом её можно будет напоить сонным зельем? Ей это не помешает?

— Ты имеешь в виду... Нет, не помешает. Но уверен ли ты, что дин Лугус заберёт её сразу после ритуала? Насколько мы знаем, сейчас у них нет жилья на двоих!

— Дать им денег на съём, — пробормотал Никас, уже полностью замороженный странной проблемой. — И пусть увозит свою спящую красавицу из нашего дома. Потом-то ей уже сюда не войти.

Посидели немного, подумали, и Онора изумлённо покачала головой.

— Мы так её боимся?

— А ты нет? — резонно заметила Аня. — Помнишь, как ты ужаснулась, когда она тебе предложила присоединиться к ней? Ты не знаешь, что такое жизнь рядом с такой дайной, как она. Но ты знаешь, каково тебе жить в нашей семье. Хотя!.. — спохватилась Аня. — Я тоже начинаю на тебя давить. Прости, Онора! Я не хотела...

В комнате все затихли, снова следя за огнём. Аня исподтишка следила за Онорой. Девушка не знает жизни. Мало видела людей. А что, если слова дайки Эннис уже запали ей в душу? Если она начинает размышлять о том, что неплохо бы жить в богатом доме, не думая о том, что денег еле-еле хватает на прожиточный минимум, а с упоением занимаясь только

своей любимой магией снятия проклятий? Это ведь идеальная жизнь для мага, погружённого в своё дело и в науку о нём!..

Старший брат тоже с беспокойством смотрел на склонённую голову своей невесты. Он тоже знал, что предлагала дайна Эннис Оноре. Также не уверен, что девушка захочет после таких посулов остаться с их семьёй?

И только Онора, как выяснилось, думала совершенно об ином! Почти не мигая, она смотрела на пламя, и её тонкие черты порой вспыхивали в неверном свете, превращая лицо в лик с портрета таинственной незнакомки.

— Я могу протянуть, отсрочить действие ритуала, — с сомнением сказала она и подняла голову взглянуть на Аню. — Когда мы с ней разговаривали, она спрашивала меня о дине Таегане. Она его, мне кажется, побаивается. А он придет, насколько я помню, как раз к последней лунной фазе, стремящейся к убывающей. Поэтому я думаю, что ты, Агни, слишком рано заговорила о проблеме с тётей.

Брат и сестра переглянулись.

Вот о чём думала Онора, пока они переживали, что она выбирает между семьёй, в которой живёт, и родной тётей!

У Ани от сердца отлегло. Теперь она уверилась и могла рассказать всё.

Но прежде она встала и подошла к двери. Приоткрыла и выглянула в гостиную. Тихо и пустынно. Затем она плотно закрыла дверь и вернулась к столику. Удивлённые её действиями, брат и его невеста с интересом ждали, что она скажет.

— Я нашла дневник дина Хармона, в котором он объясняет, почему так спокойно отнёсся к семейному, или родовому, проклятию, — объяснила Аня. — Оказывается, он провёл ритуал совместно со мной.

Парочка переглянулась, когда она от волнения и пересохшего горла сглотнула.

— И... что там было? — медленно спросил Никас.

— Жаль, я не догадалась чаю принести, — пробормотала Аня и улыбнулась. — Вы даже себе представить не можете, что он придумал! И это — получилось! Он сотворил пентаграмму для снятия проклятий и встал в её центр. А потом... — Она чуть не лягнула: «Агни...» — А потом я... нарисовала образ его силы. Всё.

Некоторое время они оба хлопали на неё глазами. Но если Никас хлопал удивлённо, то Онора — размышляя. И результат размышлений озвучила тут же:

— Но почему тогда дайна Эннис оказалась под тем же проклятием?

— Я тоже думала над этим вопросом. И у меня получается следующее: дин Хармон просто провёл один-единственный ритуал, не посмотрев притом, остались ли на карточках цвета. А если цвета на карточках не остаются (что мы уже знаем с Никасом), ритуал надо повторить — до тех пор, пока цвета не начнут оставаться, говоря о том, что силы полностью вернулись к человеку.

— То есть дин Хармон оставил частичку проклятия на себе, — подытожил Никас. — А потом добавил древнее проклятие, к которому отнёсся небрежно... Не потому ли небрежно, что считал — успеет опять-таки с себя снять его при помощи магии образов?

— Вот бы посмотреть... — прошептала девушка.

Старшие снова взглянули на неё с улыбкой: оба поняли, что она, заинтересованная в своём деле вечная студентка, имеет в виду. Аня вздохнула и сказала:

— Мы отошли от темы.

— Как выгнать дайну Эннис? — уточнил Никас. — А Онора не права? Ты не слишком

рано об этом задумалась?

— Как раз-таки вовремя. Дело в том, что можно провести ритуал, не дожидаясь полнолуния. Прямо сейчас.

Секунды Онора сидела, остолбенело глядя на Аню. И — ахнула.

— Всё правильно! Ведь теперь ритуал снятия проклятий не зависит от лунных фаз!

— Поэтому я и задумалась о конечном результате, — мрачно сказала Аня. — Мне хочется, чтобы дайна Эннис уже завтра пропала из нашего дома. И есть такая возможность. Но... Проблема-то с выдворением остаётся. А я не хочу, чтобы она ходила по дому и... отравляла его своим присутствием.

— Не восемь дней, а день или два!.. — пробормотал ошеломлённый Никас. И вдруг рассмеялся, да так задорно, что и дайны засмеялись, пусть и с удивлением. — А зачем тогда думать о выдворении? Она сейчас слаба, а значит — провели ритуал и велели дину Лугусу вывезти её отсюда. Она слабая. Что сможет сделать? — И замолчал, грустно улыбаясь: — Смешно, да? Мы ополчились против одной слабой дайны...

— А не наоборот? Не она ополчилась на нас? — рассердилась Аня.

— А если ей самой предложить два варианта снятия проклятия? — не заметив, что беседа перерастает в перепалку, задумчиво проговорила Онора, и брат с сестрой уставились на неё. — Она ведь желает побыстрее избавиться от проклятия. Тёте можно предложить следующее: первый, уже бывший ранее вариант — снять проклятие через восемь... Впрочем, уже через неделю. Но без магии образов. Второй вариант: снять проклятие с помощью магии образов через день, но при условии, что она сразу после ритуала уйдёт из дома.

— Предложить ей можно всё, что угодно, — хмуро сказал Никас. — Была бы ещё уверенность, что она сдержит слово. Но ведь этой уверенности нет. А она маг, что значит — умеет избавляться от последствий, которые появляются у всех не сдержавших слово. Ведь к тому времени она будет без проклятия. А значит, сумеет воспользоваться своими силами. Магическими.

Молча глядя на Онору, Аня прикусила губу. Интересно, а если...

— А давайте пока просто выясним её помыслы?

— Что ты имеешь в виду?

— Завтра утром, до прихода дина Лугуса, как раз и предложим ей эти два варианта — в обмен на слово, что она уйдёт из нашего дома немедленно, как только станет чистой от проклятия. И посмотрим, как и что она ответит на наши предложения.

— Можно и так, — пожал плечами Никас. — Только я...

И замолчал, бездумно глядя на свечи. И что-то вдруг Ане показалось, что старший брат едва успел прервать себя на полуслове — так: «Только я хотел бы дождаться приезда дина Таегана!» Или ей захотелось, чтобы Никас так пожелал?

— Онора, ты согласна с этим?

— Согласна. И мне очень хочется, чтобы она согласилась на второй вариант! — вдруг страстно ответила девушка. — Чтобы ритуал провести уже завтра — и избавиться от её присутствия здесь, в нашем доме! Мы столько времени и денег на неё потратили, а она!..

— Успокойся, Онора, — мягко сказал Никас и протянул ей руку, в которую девушка вцепилась. — И потерпи немного. Даже неделя — это очень мало, в сравнении с тем счастьем, что в будущем мы её больше не увидим.

— Идёмте спать, — вставая, улыбнулась Аня. — Может, удастся прихватить последние часы перед подъёмом и выспаться-таки.

Держась за руки, парочка удалилась первой. Зная, что на втором этаже брат с его невестой будут долго прощаться, провожая друг дружку до своих комнат и обратно, Аня огляделась, всё ли на месте она оставляет в мастерской. И замерла, мысленно услышав взволнованный голос Оноры: «Мы столько на неё потратили!..» Хм... А ведь это третий вариант из того, что можно предложить дайне Эннис, чтобы она убралась подобра-поздорову из их дома... Надо обдумать его.

То ли поговорила, разделив с родными свои заботы, и успокоилась, то ли время сна наконец-то явилось, но уснула Аня, едва только укрылась одеялом. И, уплывая в сон, лишь раз встревоженно спросила себя: «Дверь-то в свою комнату я открытой оставила?» Ответить не успела. Заснула.

Но утром ответ получила — в виде скрипнувшей двери, которую поневоле приоткрыла Нейнси, вошедшая, чтобы напомнить о своих надобностях. Ворча: «Мне, вообще-то, кто-то обещал за псынами следить!» и затеплив свечу, Аня оделась, оживая с каждым движением. А погуляв с Нейнси на прохладном и суховатом морозце, пришла в себя полностью. Отпустив собаку подняться на второй этаж, сама поспешила на кухню, где её приветствовали старушки-служанки.

Пока двойняшки и Кристал, полусонные, ковырялись в тарелках, завтракая, старшие со скоростью умяли свои порции и, к изумлению младших, быстренько убрались из столовой залы. Аня выходила последней и оглянулась: Кристал неуверенно встала из-за стола. Аня покачала головой и для надёжности хорошо закрыла дверь за собой. Не для того, чтобы не выпускать младших, а чтобы звуком предупредить: ходить за старшими пока не надо!

Остановившись в гостиной, она прислушалась. Вскоре из кухни появилась Онора с небольшим подносом — с завтраком для дайны Эннис. За девушкой — Никас. «Охрана!» — насмешливо решила Аня, поспевая за ними. У двери к дайне Эннис остановились и переглянулись. Шёпотом Аня спросила:

— Кто будет говорить о двух вариантах?

— Я, — храбро сказала Онора и локтем — не успел Никас открыть дверь — стукнула в дверь. И вошла первой.

Никаса на пять минут оставили за дверью — на те пять минут, пока приводили дайну Эннис в порядок, помогая ей совершать утренние процедуры. Затем её уложили в постель, накормили, и Онора открыла дверь Никасу.

Удивлённая дайна Эннис уставилась на него, непривычно вошедшего утром. Онора тем временем передала Ане тарелки и чашки с ложками, и та поставила поднос на стол.

— Надо поговорить, — сказала Аня.

Онора, сидевшая перед постелью на стуле, глубоко вздохнула и начала. Она высказала своё предложение точно в тех же словах, какими все свои мысли выразила ночью. Никас стоял возле стола, поглядывая то на дайну Эннис, то на свою невесту. Аня же встала возле двери, но так, чтобы видеть только лицо дайны. Когда девушка закончила высказывать своё предложение, Аня ещё внимательней всмотрелась в лицо дайны Эннис. Та лежала на подушках, глядя в стену и явно обдумывая информацию.

— Вы хотите, чтобы я дала слово удалиться из вашего дома после проведения ритуала — выбрав один из двух вариантов? — наконец медленно сказала она, не глядя на Онору, а словно выговаривая в пустоту.

Аня чуть подалась вперёд: едва заметная подленькая ухмылка скривила губы дайны.

— Онора, уступи мне, пожалуйста, место, — бесстрастно попросила она.

Удивлённая девушка, так и не дождавшаяся ответа от тёти, немедленно встала. И Аня уселась так, как полагается хозяйке — с достоинством, выпрямив спину, и таким образом стала смотреть на дайну Эннис слегка свысока. Что «больная» и прочувствовала.

— Дайна Эннис, есть и третий вариант, который не предусматривает нашего ожидания вашего слова, — спокойно сказала Аня. — Мы перестаём вам помогать.

— Вы... не посмеете этого сделать! — прошипела дайна Эннис, враз потеряв голос от неожиданности и страха.

— Очень даже посмеём. Вы нас научили кое-чему, дайна Эннис. И я решила, что это даже интересно — пожить некоторое время с вашим взглядом на мир и на людей. Так вот. Вы нам невыгодны.

— Что-о...

— А как вы думали? Мы потратили на ингредиенты для вашего ритуала сумасшедшие деньги. Вы сможете их нам компенсировать? Нет — будем говорить конкретно. А ведь у обычного клиента эта сумма была бы включена в плату за проведение ритуала. Когда я говорила дину Лугусу, что мы привезли вас сюда, потому что иначе не могли, потому что вы умирали, а у нас есть возможность помочь вам, чем вы откликнулись? Желанием отплатить нам чёрной неблагодарностью. И вы думаете — у меня рука не дрогнет прервать готовящийся ритуал? Онору-то мы легко спасём от родового проклятия. Мы знаем, как это сделать. И мы любим Онору. А вы? Кто вы нам? Вы человек, который умрёт, если не сделает пакости другому человеку... Впрочем, всё это лишь слова. Итак, у вас есть выбор: или вы породственному получаете помощь и удаляетесь из нашей жизни, либо я пишу судебный иск на вас за мошенническое получение помощи. (Никас и Онора переглянулись и с восхищением уставились на Аню.) И в этом иске укажу, сколько берёт за проведение ритуала снятия проклятия мастер Онора (налоговые проценты, естественно передаются в казну города) и сколько было потрачено ею на ингредиенты для совершения этого ритуала. Лавочник магической лавки подтвердит наши покупки. Что же вы выберете, дайна Эннис? Свободную, пусть и небогатую жизнь с дином Лугусом — или вечные бега от правительственных агентов, которые будут преследовать вас по нашему судебному иску? И, если поймают... вы же понимаете, что вам будет грозить тюрьма?

Тишина. Минута. Другая.

Старушечье лицо исказилось ненавистью.

— Жизнь... — прошелестело в комнате.

— Спасибо, дайна Эннис, — сказала Аня и встала со стула. — Своё решение о двух вариантах скажете нам чуть позже. Вам надо подумать — и я это понимаю.

Никас быстро убрал стул к столу и открыл дверь перед сестрой и невестой.

Втроём молча дошли до лестницы и спустились в гостиную. Младших не видно. Наверное боясь их появления не вовремя, Никас поспешно сказал:

— Агни, пока Онора несовершеннолетняя, она имеет право на практику без налогов.

— Дайна Эннис об этом знает? — усмехнулась Аня. — И есть ли какое-то значение у налогов, когда мы сделали то, что надо было сделать с самого начала?

Потрясённые лица парочки подтвердили, что она сделала всё правильно.

Аня оглянулась на коридор в столовую залу и, приглушив голос, проговорила:

— И я знаю, что за проклятие преследует эту семью. Прочитала в тетради дина Хармона. Пару веков назад глава этой семьи буквально ограбил своих соседей. Но проделал это так ловко, что сумел уйти от правосудия. Обнищавшие соседи в один голос прокляли

главу семьи. Поэтому проклятие было таким сильным и быстродействующим. Проклинателей было много, и все они были в отчаянии.

— Агни, твоё высказывание... — чуть не прошептал Никас, — было потрясающим!

«Ага! Сама удивляюсь, насколько офигительным!» — радостно подумала Аня. И тут же не преминула воспользоваться моментом и поднять руку с указующим пальцем:

— Вот видите, как полезно читать журналы! Даже дамские!

И все с облегчением рассмеялись.

Далее жизнь в доме пошла-побежала по накатанной. Пока ждали дина Лугуса, Кристал сбегала за Лиссой: малышку постепенно приучали снова вставать раньше, чтобы завтракать вместе со всеми. Двойняшки показывали старшему брату, который всё с изумлением продолжал посматривать на Аню, свои новые картины и доказывали, что они больше не пытались проводить эксперименты с магией образов.

Когда приехал дин Лугус, старшие его встретили на крыльце. После привычного приветствия Никас первым начал разговор о насущном:

— Дин Лугус, как вы представляете себе жизнь, после того как дайна Эннис избавится от проклятия? Есть ли у вас возможность снова снять дом? Ведь через неделю она уже будет готова выйти отсюда на своих ногах.

Глаза дина Лугуса расширились, и он растерянно оглядел встречавших его, словно они его огорошили чем-то очень неожиданным. «Или он из тех рохлей, которые вообще не думают о будущем? — с недоумением подумала Аня. — Хотя какой из него рохля?.. Сумел же пересилить себя и обратиться к нам. Просто за всеми этими проблемами и после их временного решения забыл думать о насущном...»

— Через неделю, — повторил дин Лугус и кивнул, подтверждая её догадку. — Я и забыл... Но у меня есть неделя — я подумаю, что надо сделать. Спасибо, что напомнили.

Он даже губы поджал сосредоточенно, уже начиная думать. И вышло это так забавно, что даже Онора потупилась, скрывая смешливую улыбку.

Выбежали на крыльцо двойняшки и Кристал. Дайны попрощались с братьями, напомнив им, что необходимо заехать на рынок за продуктами. Список последних, написанный рукой Ани, теперь хранился в нагрудном кармане Никаса.

Вернувшись в гостиную, дайны улыбнулись Лиссе, которая гонялась за собакой, улепётывавшей от неё, а щенок пытался гоняться за малышкой.

— Дайны, у нас завтра торжественный обед. Приедет дайна Мадэйлеин с супругом и девочками.

— И увидят наши шторы! — завопила Кристал, счастливая донельзя.

Хохотала даже Лисса, которая ничего не поняла, но смех старших был так заразителен! Дождавшись, когда все отсмеются, Аня напомнила:

— А сегодня к нам привезут Конгали. Как вы думаете, стоит ли её приглашать на завтрашний обед?

— Конечно! — обрадовалась Кристал, и Лисса отчаянно закивала, важно добавив:

— И сегодня мы познакомим Нейнси с Коаном!

— Столько дел! — насмешливо оценила Аня. — С чего начнём? Дайна Сарейд сегодня не приезжает. Есть время посидеть и составить программу праздничного обеда.

— Печеньки! — требовательно напомнила Лисса.

— Куда уж без них, — пробормотал Аня, в душе удивляясь: дайна Мадэйлеин, как обычно, привезёт вкуснейшие вещи из кондитерской лавки, но в большинстве своём девочки

почему-то предпочитают именно собственноручно сделанные печенки из простейших продуктов. Из-за формочек, что ли, с фигурками?.. — Что потом?

— Надо бы разобрать вещи Лиссы, — деловито сказала Онора. — Их ведь как привезли, так и бросили в угол. А там их очень много.

— Что ж, — решила хозяйка дома, — в каждой комнате у нас есть небольшой шкафчик. Но для вещей Лиссы нужно больше места. Мы пока разберём вещи так: самые необходимые положим в шкафчик, а вечером Никас и мальчики принесут ещё один, и тогда туда уместятся остальные. А о завтрашней обеде поговорим на сегодняшнем. Хорошо?

— Хорошо, — ответила за всех Кристал и первой побежала к лестнице.

— Разбирать вещи — недолго, — задумчиво сказала Онора. — Что потом?

— Потом ты можешь бежать в свою библиотеку, — смеясь, разрешила Аня. — А мы засядем в мастерской. У меня раскроено зимнее платье для Кристал. А после обеда неплохо бы снова забраться в мансарду и посмотреть, что из вещей начать ушивать для тебя. Твои пальто и плащ становятся слишком холодными для непогоды. Палантины — это, конечно, хорошо, но для невесты Никаса нужны вещички посолидней.

— Мансарда? — удивилась Онора, и, сначала оторопевшая, Аня сообразила, что заклинание защиты продолжает действовать.

— Потом поговорим, — пообещала она. — Пора подниматься на второй этаж, иначе девочки там из Лиссиных вещей устроят мусорную свалку.

Онора фыркнула и поспешила к лестнице. Аня пошла следом — солидно, как подобает хозяйке большого дома. И мысленно смеясь над собой — над человеком, который то и дело, вытянув руки, словно слепец без трости, пытается вписаться в эту странную, но такую притягательную жизнь.

От посещения мансарды пришлось отказаться. Перебирание вещей Лиссы, их распределение на стопки и приведение в порядок заняло всё время до обеда: Партхланы не постеснялись свалить в одну кучу новые, чистые и ношенные вещи. Пока разобрались, что к чему, время обеда подоспело. Кристал с Лиссой волоком по полу потащили набранные в тюк из старого покрывала одежды, предназначенные для стирки. Аня ещё с сомнением посмотрела вслед смеющимся девочкам: может, надо было настоять, чтобы стирку снесли в бельевую бережней, на руках. А потом махнула рукой. Поздно. Они уже волочат, и смысл — их ловить и заставлять брать кучи одежды на руки? Да и развлечение им: как только Кристал помечтала, что сейчас стиральная машина начнёт прыгать по неровному полу, Лисса завизжала от удовольствия. Пришлось напомнить, что для машины не время. Правда, Кристал на это «не время» обиженно проворчала, что потом приедут братья и займут место у машины. Но и секунды не промешкав, Онора откликнулась на её ворчание:

— Зато ты сегодня Кегану свитер подаришь!

Много ли надо для счастья?

И девочки с удвоенным старанием потянули свою поклажу вниз.

Аня ещё головой покачала: почему младшим так нравится удивлять своих родных? Не только дарить в сущности необходимое, но и устраивать из этого дарения маленький праздник? Пока спускалась с Онорой в гостиную, чтобы побежать в кухню, всё вспоминала, как радовалась Кристал праздникам в те дни, когда приезжали Партхланы. Возможно, именно это? Ожидание чуда: сама связала — сама подарила и увидела восторг на лице одаряемого? Вот оно в чистом виде: поделилась радостью — и та вернулась собственным счастьем.

— Агни, — прервала её размышления Онора. — Как ты думаешь, какой вариант выберет дайна Эннис?

— Самый долгий, — не задумываясь, ответила Аня.

— Почему?!

— За этот срок она надеется хоть немного вернуться в форму. — Сказала — и осеклась: а есть ли здесь такое выражение?

— Эти слова из статьи про то, что надо бегать вокруг дома? — засмеялась Онора.

— Наверное. Не помню, — улыбнулась Аня.

— Но неделя — это слишком мало, — всерьёз задумалась девушка, входя следом за хозяйкой дома в кухню. — Хотя дин Лугус, мне кажется, возьмёт её в жёны и такой. Он так любит её. Да и будет знать, что она скоро станет обычной. Он терпеливый.

Аня пожалала плечами. Главное — дело с тем, что будет делать после проведения ритуала дайна Эннис, закрыто. Не надо волноваться, не надо психовать — если быть честной. Хотя проблемы и есть, но они для дина Лугуса. Или... Или не только для него? Куда он её отвезёт после ритуала? И есть ли у него деньги? Аня решительно помотала головой: это уже не твои проблемы! Хватит думать о них!

Пока Онора выкладывала из шкафчика чистую посуду, прибежали девочки.

— Дайте нам тарелки! — завопила Лисса, а щенок, подпрыгивающий вокруг её ножек, согласно гавкнул.

— Воспитанная и красивая дайна никогда не кричит и пользуется вежливыми

словами! — отозвалась Аня, заставив тем самым Онору замешкаться и не давать посуду малышке, которая уже протянула было руки к Лиссе.

— А я красивая? — деловито спросила Лисса, пропустив мимо ушей «воспитанную».

— Очень! — убеждённо сказала Кристал, сообразившая, какую игру ведёт старшая сестра. — Но... Помнишь, мы видели в лавке красивых дайн? Они не кричали.

— А почему красивые дайны не кричат? — продолжала допытываться малышка.

— А ты покричи перед зеркалом, — посоветовала Аня. — Сама увидишь, какой некрасивой станешь.

Лисса нахмурилась и надула щёки, думая. Потом шмыгнула носом и кивнула:

— Я красивая. Дайте мне тарелочки.

Глядя вслед ей, убегающей в столовую залу, Кристал вздохнула:

— И вот каждый раз так. Поедет к родителям на одну ночку. А нам целую неделю перевоспитывать потом. Ужасно.

Смешок Оноры она не расслышала: его заглушил звон ложек и вилок. И Аня промолчала, а только насмешливо подумала: «Если б ещё одна чуть более взрослая, чем Лисса, девочка не бегала с ней, гоняясь за собаками, так наша малышка быстрее бы возвращалась к своему обычному поведению в рамках вежливости».

За обедом быстро решили, каким будет расписание на вторую половину дня и как проведут завтрашнее время. Только раз Кристал обеспокоилась:

— Сладкое привезёт дайна Мадэйлеин, а мы ещё и печенье испечём. А всё остальное для обеда? У нас есть продукты для праздничного стола?

— Ты забыла, что Никасу я дала список того, что надо купить на следующую неделю, — напомнила Аня. — А в этот список включены продукты для воскресного обеда. Так что у нас есть всё. Осталось только ещё раз посмотреть рецепты в тех журналах, в которых я нашла подходящие для завтрашнего дня блюда.

Девочка, благо обед закончился, поставила локти на стол и, уткнувшись в ладошки подбородком, помечтала:

— А жаль, что у нас нет клавесина. Тогда можно было бы каждый раз устраивать танцы. Да и научиться играть на нём... Мне кажется, это легко. Я помню, как тот музыкант играл — я подсматривала. Ну, на твоей свадьбе.

Если малышка ничего не поняла про клавесин, то... Аня едва удержала улыбку: забывшись, Онора тоже поставила локти на стол, и мечтательная улыбка бродила по её губам. Пришлось спустить с небес на землю обеих:

— А ведь дин Вилей пообещал нам небольшой бал, когда мы закончим ремонт.

— Ну-у... Когда это будет... — вздохнула Кристал.

— Интересно, сколько он стоит, клавесин-то, — будто про себя задумалась Аня. — Надо бы намекнуть Никасу про этот ненужный в хозяйстве предмет... А уж он посмотрит... и, может быть, не только посмотрит...

Онора и Кристал быстро уставились на хозяйку дома — и рассмеялись.

А Аня серьёзно задумалась о том, не поискать ли в мансарде клавесин. Чем чёрт не шутит? Вдруг дин Хармон самодовольно решил, что и клавесин должен иметься в доме каждого богатого человека?.. Она представила в воображении, как решительно устраивает обыск в мансарде, и только покачала головой на свои фантазии. Смешно даже подумать о том, что дин Хармон мог обеспокоиться покупкой музыкального инструмента, если совсем не из любви к жене он начал скупать мебель и всякие интерьерные штучки, а потому, что в

будущем собирался обставить дом. Благо теперь, когда в его владении находился маг образов, он мог надеяться стать весьма богатым.

Лисса между тем прыгнула со стула и, забрав свои тарелки со стола, побежала из столовой залы. Глядя на неё, Онора несмело спросила:

— Агни, у меня остались деньги от ритуала со снятием материнского проклятия. Может, будет лучше, если я отдам их тебе на хозяйство?

— Нет, Онора, оставь их себе. Только не напоминай Никасу о них. — Аня взглянула на Кристал, которая сурово следила за обеими дайнами, подпирая подбородок ладошками. — На следующей неделе нам надо бы снова прогуляться в модные лавки. У Кристал заканчиваются нитки (девочка немедленно выпрямилась на стуле и заулыбалась). Я хочу посмотреть, какие ткани есть на платья для Кристал. Домашних теперь у неё достаточно, а вот на выход — маловато. Ну а ты... Я помню, как ты смотрела на вторую книгу в той лавке, но так и не решилась её купить. Так что... Пусть Никас думает о клавишине, а ты будешь думать о работе.

Младшие дайны снова захихикали, переглянувшись, словно заговорщики. Первой успокоилась Кристал.

— А что мы будем делать с теми тканями, которые хотели вместо штор повесить на окна? С теми, которые сами купили?

— Ой, девочки, — таинственно склонилась к ним Аня. — Какие красивые я видела накидки на мягкую мебель!..

— Где? — Кристал чуть не задохнулась от восхищения: ещё одна красота!

— В журнале! — рассмеялась Аня. — И не забудьте: у нас есть швейная машина, и мы можем быстрошить из наших же несостоявшихся штор всякие красивые чехлы на наши диваны и кресла в гостиной.

Пока девочки возбуждённо обсуждали предстоящее швейное дело, Аня, снова озадаченная, всё думала: «Стоит ли их снова вести в мансарду? Да что ж я такая жадная? Ладно. Сделаю так. Сначала всё изучу, что есть на мансардном складе, а потом... — И сама чуть не задохнулась от счастья: — А потом приедет Таеган и расплетёт заклинание защиты! И не надо будет думать о том, стоит — не стоит всем знать... Приезжай быстрее, Таеган!» И чуть не расхохоталась, когда поняла, что подспудно не хочет, чтобы он приехал быстро. А хочет, чтобы любимый приехал, а она бы встретила его на крыльце дома — с внешними признаками «положения». «Я как Кристал! Всё бы мне осчастливить кого-нибудь!.. Но-но! Что это ты? Не кого-нибудь, а моего Таегана!»

Как выяснилось, не только Аню тревожила судьба дайны Эннис и дина Лугуса. Отослав Кристал проследить за Лиссой, дайны остались на кухне мыть посуду. И Онора первой начала разговор:

— Агни, а вдруг... вдруг дин Лугус откажется от дайны Эннис?

Аня хотела с досадой сказать: «Не выдумывай!» Но глаза Оноры были очень серьёзными, и хозяйка дома только подумала, насколько же эта сострадательная девушка, сама пережившая многое, отличается от своих жадных родственников-интриганов.

— Не думаю, что такое может случиться.

— Ну и всё-таки? — настаивала Онора. — Ведь даже после снятия с неё проклятия она останется старой и... Она даже ходить не может, Агни!

— Придумаем что-нибудь, — бодро ответила она, а потом вздохнула: — Онора, я понимаю: она твоя тётя, и ты переживаешь за неё. В случае если дин Лугус не заберёт её, мы

оставим её у нас, пока она не встанет на ноги. А там посмотрим. — И с языка сорвалось то, что давно там вертелось, но спрашивать было боязно и даже неудобно: — Онора, а ты знаешь, кто была твоя мать?

Прежде чем ответить, девушка взяла у неё очередную вымытую тарелку. И за эти краткие секунды Аня изругала себя на все корки. Но, как это часто бывало, Онора не обиделась из-за бесцеремонного вопроса.

— Моя мать вышла замуж вскоре после моего рождения. Обо мне дину Хармону написала моя бабушка. Жили они на краю нашего государства. Пока дин Хармон доехал до нашего дома, бабушка умерла. И он забрал меня к себе. О матери он никогда не говорил. Только раз у него вырвалось, что он хотел взять её замуж, но для неё их встречи были всего лишь... — она пожала плечами, — развлечением. С тех пор она ни разу мной не поинтересовалась, хотя дин Хармон на всякий случай оставил свой адрес у наших соседей в том городе.

— Ты... жалеешь? Что твоя мать тобой...

— Не интересовалась? Не знаю. Как можно жалеть о том человеке, которого не знаешь? Наверное, всё-таки не жалею.

Онора явно хотела сказать что-то ещё, потому что зазвенели ворота. Привезли Конгали! Обе бросились из кухни — не только встретить девочку на крыльце, но и предупредить её, чтобы не выпускала из рук Коана. Мало ли как встретятся собаки Лиссы и пушистое белое облачко Конгали!

Сегодня Конгали приехала не одна. С ней в одной карете оказалась женщина из прислуги в доме дина Валентайна. Пока Онора и Кристал объясняли девочке изменения в их доме, женщина отвела хозяйку дома чуть в сторону.

— Простите, дайна Таеган. Моя дайна спрашивает, не осталось ли у вас ещё кукол из тех, что вы подарили Конгали. Дайна хочет купить сразу три — на подарки своим родным племянницам.

Деловая беседа, в течение которой Аня с трудом прятала радость, закончилась быстро. Обе условились, что сейчас, уезжая домой, женщина заберёт кукол, а приехав за Конгали к вечеру, привезёт деньги за них. Так что дайны вошли в дом, и Аня сразу проводила женщину в мастерскую. Шагая за ней, хозяйка дома закатывала глаза и время от времени шарахалась: по гостиной носились маленькие, но весьма громкие смерчи в лице одной взрослой собаки, которую преследовали две маленькие: одна маленькая — потому что щенок, другая — потому как лапки короткие! Ну, и задавала тон этим смерчам, естественно, визжащая от восторга Лисса, пока другие две девочки, постарше, пытались поймать хотя бы одну собачонку, вставая на пути несуразной погони. Впрочем, щенок сдался первым, и Конгали легко поймала его, смеясь над усталой пёсией мордашкой.

Онора, видимо, от греха подальше сбежала в библиотеку — дверь была полуоткрыта.

«Ужас! А что было бы, если бы в доме ещё и кошка или кот жили, как того хотела Кристал?!» — посмеивалась Аня

Когда Аня и женщина вышли из мастерской, Конгали радостным взглядом проводила последнюю, несущую три куклы.

Вернувшись в гостиную, Аня заметила, что, забыв о куклах, Конгали, болтая с Кристал, то и дело взглядывает на входную дверь. Ждёт Греди?

А пока... Аня быстро и почти незаметно для двух подружек устала стол в гостиной: в центре был водружён чайник, вокруг него чашки и две широкие вазы с печеньем.

Получилось что-то вроде детского шведского стола, когда каждый может брать всё, что захочет, но при условии, что будет запивать предложенным чаем.

После чего, подойдя ближе к девочкам, Аня спросила:

— Онора, ты пригласила Конгали на завтрашний обед?

— А что у вас будет? Вы что-то отмечаете?

Конгали обычно трудно оттаивала, придя в гости, сначала куксясь и только потом оживая, но на этот раз, покрасневшись после собачьих гонок, она легко откликнулась на вопросы Ани.

— Завтра приедет дайна Мадэйлеин со своими девочками, — тут же отозвалась Кристал и спохватилась: — О! Конгали, ты же ещё не знаешь! Лисса теперь будет жить в нашем доме! Её родители даже вещи её к нам перевезли!

— Почему? — изумилась девочка.

Опа... Не договорились, как объяснять другим долгое присутствие малышки в доме. Но Кристал, лишь раз обернувшись к Ане, спокойно ответила на вопрос Конгали:

— Её родители много путешествуют. А мы читали в журналах, что с детьми надо постоянно заниматься воспитанием. Вот Агни и предложила оставить её у нас. И поэтому мы решили отпраздновать её жизнь у нас.

«Ах, ты хитрюга! — восхитилась Аня. — Тоже решила во всех сложных вопросах ссылаться на дамские журналы?! Впрочем, родители-путешественники — звучит даже очень солидно!»

И вскоре все дайны, и младшие, и старшие — уселись за стол с чайником. Тем для болтовни оказалось много: обсуждали собак, которые мигом сдружились; размышляли, в какие игры завтра на праздничном обеде можно будет поиграть...

Звон ворот торжественно возвестил о приезде братьев и дина Лугуса.

Конгали подняла глаза на входную дверь.

Онора выскочила из библиотеки и уже спокойным шагом направилась к этой же двери, чтобы прихватить накидку и выйти на крыльцо.

Аня не волновалась, поскольку ужин давно ожидал работающих и учащихся — оставалось только разогреть, пока они переодеваются в домашнее и моют руки.

Через пару минут вошла вся компания — приехавших и встречавших.

Усмехнувшись, Аня сдержала слишком явную улыбку: в то время как братья сразу поднялись на второй этаж, дин Лугус, как принятый в доме, спокойно поздоровался со всеми и тут же прошёл в ближайшую, уже известную ему ванную комнату помыть руки. Аня с интересом ждала: в гостиной он остался один из взрослых. Сядет ли он за столик с журналами и газетами — или непринуждённо устроится у «шведского стола»?

Будучи дином из довольно почтенного семейства, дин Лугус присел в кресле перед столиком и тут же потянулся за газетой, разок бегло улыбнувшись Ане.

Оглянувшись на стол, занятый всё ещё щебечущими девочками и спящими под столом же собаками, Аня приблизилась к дину Лугусу.

— Как прошёл день? — нейтрально спросила она.

— Замечательно. — Дин Лугус воспитанно отложил газету. — Вы хотели со мной поговорить, дайна Таеган?

— Только один вопрос: вам, наверное, после ритуала нужны будут деньги на съём дома? — выговорила Аня очень неудобный вопрос.

Но дин Лугус ответил неожиданно и сразу:

— Нет, благодарю вас, дайна Таеган, за ваше великодушие! Снимать дом мы не собираемся. Сегодня я поговорю с родителями. Думаю, они будут рады, если я скажу им, что через неделю буду женатым дином, а потому собираюсь использовать причитающуюся мне, как единственному наследнику, часть нашего дома.

Аня чуть не ляпнула: «Ого, как смело!» Но высказала другое:

— Вы так уверены в том?

— Конечно! — И, чуть склонившись к ней, дин Лугус вполголоса добавил: — Я, примерно, понимаю, что вы думаете обо мне, дайна Таеган. Но, пусть будучи и легкомысленным, я прекрасно понимаю, что дайна Эннис — блестящая для меня партия.

У Ани едва челюсть на пол не упала. Господи, это он о дайне Эннис?

— Вижу, что вам трудно понять тётю вашей дайны Оноры, — доверительно сказал дин Лугус. — Но поймите меня правильно. За время нашего тесного общения, как я уже упоминал, выяснилось, что дайна Эннис доминирует в нашей паре. А родители часто говорили мне найти такую сильную женщину, как она. Я быстро могу растратить наследство, которое уготовили для меня родители. Но, как хозяйственная дайна, Эннис сумеет уберечь его от полной растраты. Не думайте, что она, растратив положенное ей наследство от старшего брата, будет транжирой и в этом случае. Отнюдь нет. Ведь теперь её не придётся сражаться с неумолимым роком в виде страшного проклятия. В этом, финансовом, отношении я весьма и весьма буду полагаться на неё.

— Жаль, что она не слышит этих замечательных слов о себе, — пробормотала Аня.

— Что вы?! Зачем ей слышать то, о чём она и сама прекрасно знает! — довольно ухмыльнулся дин Лугус. — И даже то, что изменения в её внешности произошли кардинальные, как я и говорил, меня не особенно волнует. Она выздоровеет и станет снова настоящей красавицей!

— Рада вашему оптимизму, — улыбнулась ему удивлённая Аня. — Я могу ей сегодня сказать об этом, чтобы подбодрить?

— В обязательном порядке, дайна Таеган! В обязательном! Буду вам весьма благодарен, если передадите дайне Эннис мои слова!

Но, отходя от него, снова взявшего газету, чтобы дождаться её братьев и приглашения на ужин, она чуть заметно покачала головой. Плох дин Лугус или хорош как человек, но дайну Эннис он не бросит. Что значит — плюс ему в карму! И гора с плеч самой Ани и даже Оноры. Всё. В понедельник дин Лугус расскажет о своём разговоре с семьёй, то бишь родителями, и взрослые дайны этого дома выдохнут. Хотя... Онору можно будет обрадовать уже сейчас. А то девушка искренне переживает за свою... специфичную тётю.

Уже в столовой зале, расставляя тарелки, Аня замерла.

Идея возникла очень интересная.

А почему бы на прощание, если всё разрешится так, как надо, не сделать подарок для дайны Эннис? Для семьи, братьев и сестры, этот подарок ничего не будет стоить. А двойняшки и Кристал даже обрадуются новому эксперименту, зато, возможно, наконец-то будет благодарна дайна Эннис? Она, конечно, человек своеобразный, мягко говоря. Ну а вдруг всё же проникнется тем, что сделают для неё?

— О чём задумалась, Агни?

Сзади почти бесшумно подошёл Никас и помог разложить вилки-ложки.

— Думаю над тем, что же выбрала дайна Эннис из двух вариантов Оноры. Как только накрою здесь ужин для вас и для дина Лугуса, поднимусь с ужином для неё. И спрошу, чего

она хочет.

— Если пожелаешь того, я буду сопровождать тебя к ней! — немедленно насторожился брат.

— Нет, спасибо. Не думаю, что она сейчас в таком состоянии, чтобы наброситься на меня, — усмехнулась Аня.

— Если ты так уверена... — с сомнением произнёс Никас.

— Уверена, — кивнула Аня. — Пойдём приглашать к столу.

Когда ужинающие принялись за поглощение мясного плова, наполовину придуманного Аней, наполовину бессовестно стянутого из рецепта в одном из журналов, Аня собрала поднос и поднялась к дайне Эннис.

Поставив поднос на табурет, напротив кровати, Аня помогла дайне Эннис сесть и села сама. Женщина молчала, мрачно глядя перед собой, так что Аня первым делом, снимая салфетку с чашки с кашей, сказала:

— Дайна Эннис, если вам скучно сидеть одной, если вы любите читать газеты и журналы, скажите. Я принесу вам свежие.

Дайна Эннис буркнула что-то не вполне членораздельное.

Не обращая внимания на её тягостное настроение, как ни в чём ни бывало Аня продолжила, набирая кашу в ложку:

— Приехал дин Лугус. Из последних новостей от него есть следующие: он собирается сегодня поговорить со своими родителями. Тема беседы — ваша свадьба.

Остановившиеся глаза женщины превратили её в статую.

Аня прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Но затем смешинка сошла сама: вдруг стало понятно, что дайна Эннис уже сбросила со счетов своей жизни дина Лугуса и сомневалась в своём дальнейшем жизненном пути.

Она медленно повернула голову к хозяйке дома.

— Вы сказали...

— Дин Лугус сразу после ритуала перевезёт вас в дом своих родителей, как и хотел ранее. Он считает, что вы — единственная женщина в его жизни.

— Но... я...

— Вы забываете, дайна Эннис, что после ритуала ваши силы начнут возвращаться, а значит, вы постепенно обретёте свой истинный возраст. И внешне, и, надеюсь, внутренне.

Прожевав и проглотив кашу, дайна Эннис уже с привычной желчью спросила:

— Что это такое — внутренне?

— Ну, мы все надеемся, что ваша злость — это наносное. Из-за довлеющего над вами проклятия. А если его не будет, вы будете гораздо... добрей ко всем, кто вам окружает. Во всяком случае, мы на это надеемся.

Ложка застыла перед ртом дайны Эннис. Снизу, под ложкой, Аня держала салфетку. Дайна Эннис пожевала губами, а потом угрюмо сказала:

— Ваши слова похожи на насмешку.

— Абсолютно не насмешка, — уверила её Аня. — В жизни всегда есть место чуду. А вдруг оно произойдёт и с вами? Ешьте, дайна Эннис. Вам нужны силы.

А когда женщина закончила скудный из-за личной слабосильности ужин, она сама сказала:

— Вы ждёте, что я скажу вам, какой вариант выбрала?

— Жду.

— Недельный. Я хочу хоть немного избавиться... от морщин.

— Я бы посоветовала — краткий ритуал, — бесстрастно предложила Аня. — Если вы не верите в дина Лугуса, то он верит в вас. Хотите поговорить с ним?

— Нет.

— А зря, — поднялась со стула Аня. Она быстро собрала поднос и помогла дайне Эннис полулечь на подушках.

— Моя племянница не придёт?

— Нет.

— Только не говорите, что она занята сотворением пентаграммы, — проворчала женщина, натягивая на себя одеяло.

— Почему не говорить? — удивилась Аня. — Именно этим она сейчас и занимается. А вот когда освободится её жених — тогда да, вы будете правы.

— Ей нужен не такой жених... — процедила сквозь зубы дайна Эннис.

Аня посмотрела на неё от двери. Дёрнула уголками губ.

— У вас есть одно не очень хорошее качество, дайна Эннис, среди всех прочих. Вы иной раз выносите вердикт по делу, которого не понимаете. Поэтому примите пока голословно то, что я скажу. У Оноры замечательный жених. Вот когда вы избавитесь от проклятия и переедете к дину Лугусу, попробуйте хотя бы из любопытства узнать, что такое магия образов. И сколько в нашем государстве этих магов. Думаю, вы будете весьма впечатлены.

И вышла в коридор, притворив за собой дверь.

С подносом в руках шагая по коридору к лестнице, Аня вспоминала последний взгляд дайны Эннис, увиденный, прежде чем закрылась дверь в её комнату. Взгляд не злобный, а сосредоточенный. И что-то было такое в этом взгляде, что Аня легко для себя перевела: «Думаешь, задобрила меня уютным будущим с дином Лугусом? Я всё равно отниму у тебя этот дом!»

Так что Аня сейчас только и могла с недоумением размышлять: почему дайна Эннис так желает получить дом умершего брата в своё владение? Может, она просто зациклилась на этой идее, пока лихорадочно искала выход из своей смертельно опасной ситуации? И, может, очутившись в доме дина Лугуса, она забудет о своих довольно странных притязаниях?

Как выяснилось, спустилась Аня вовремя. Дин Лугус, смотревший на всех как-то... победительно, собрался уезжать. Он важно раскланялся перед хозяйкой дома и остальными и, громко топая ботинками, ушёл к карете, поджидавшей его у крыльца.

— Что с ним? — изумлённо спросил брат, когда они стояли на крыльце, созерцая уже опустевшую дорогу к воротам. — Он вот только что был спокойным и общительным. И вдруг — задрал нос! Не понимаю.

— Что-то мне подсказывает, что таким образом он настраивается на важный разговор со своими родителями. — И Аня пересказала Никасу содержание беседы, недавно состоявшейся между нею и дином Лугусом.

— Поговорит — и поговорит, — пожал плечами Никас, всё ещё не понимая. — Важничать-то чего перед этим?

— Мне кажется, разговор с родителями на эту тему он считает чуть ли не личным подвигом, — насмешливо объяснила Аня.

Она взглянула на небо. Чистое, тёмно-синее, уже в белых проколах холодных звёзд, хотя до позднего времени рановато. И, кажется, откуда-то сбоку начинала выплывать луна. Помолчав немного, Аня предложила:

— За Конгали приедут ещё не скоро. Может, нам с часок погулять по берегу озера? Скоро дожди, и тогда к берегу не подойдёшь. Но ведь пока можно побродить по сухому?

— Хорошая идея, — удивлённо сказал Никас.

Они вернулись в гостиную, и через две минуты небольшая толпа ринулась штурмовать вешалки и обувные полки. Было решено выйти к озеру не потайным ходом, а обогнув дом по плиточной дорожке и уже за самым домом перейдя на дорожку каменистую. И скоро утеплившаяся толпа, как-то естественно разбившись на пары, гуськом принялась спускаться к берегу. Предполагалось дойти до летней купальни, побегать рядом с ней (младшие, конечно) или поэтически полюбоваться (хотя при наличии среди гуляющих младших Аня сомневалась в «поэтически») вечерним озером.

Впереди шли под руку Никас с Онорой. Сразу за ними — Греди и Конгали, правда, не под руку и даже не за ручку, но Аня надеялась, что когда-нибудь им самим понравится либо то, либо другое. Затем шли довольный Кеган — в новёхоньком свитере, и счастливая Кристал, которая то и дело посматривала на видневшийся из-под курточки брата воротник того свитера. Аня шагала мелким шагом, чтобы державшаяся за её руку Лисса успевала за ней. Малышка, может, и сама бы справлялась, если бы постоянно и озабоченно не

оглядывалась на обеих собак, из которых Нейнси, будучи тёмненькой, часто пропадала в тених и в кустах, и только белый Коан, не отстающий от неё и следующий за ней по пятам, подсказывал её местонахождение. Закутанный в шерстяной шарф щенок спал, засунутый в рюкзачок, который Лисса вынужденно несла задом наперёд. Что, впрочем, малышку не смущало.

И вот пустынный и холодный песчаный берег оживился и огласился азартными криками и смехом. Едва добрались до летней купальни, как двойняшки, до сих пор солидно беседовавшие, мгновенно превратились в обыкновенных мальчишек и бросились к ледяной воде с угрозой обрызгать завизжавших от игривого ужаса младших дайн. Никас и Онора решили прогуляться до ограды, а Аня присела на скамейку возле купальни. Сидела, держала на коленях рюкзачок с щенком и мечтательно (даже вопли не мешали) смотрела на мостки. Отсюда ей чудилось, что дерево мостков всё ещё хранит летнее тепло, а потом, забывшись, она испуганно переводила ищущий взгляд на озёрную гладь, инстинктивно ожидая, что её вот-вот разрежет ровный след, создаваемый руками сильного пловца...

... Наутро братья встали раньше всех. Впрочем, не раньше Ани. Но как же она порадовалась, что будить их не ей, жалеющей. У Никаса всегда была блестящая бытовая особенность: он просыпался ровно в то время, в которое задумывал встать. И был ли он отдохнувшим, усталым ли — разницы не было... Аня зашла к нему, когда он уже был одет, и предупредила, что сама будет готовить для братьев раствор, благо у неё есть время до завтрака.

Лестницы из конюшни проверили вчера же, когда вытащили их на свет божий после прогулки. Так что, когда Никас с братьями вышли из дома, всё было готово к работе... Больших трещин в стенах не нашли, так что проверяли в основном кладку под окнами, под карнизами.

Аня готовила завтрак и время от времени выбегала посмотреть, как работается Никасу и мальчишкам. Старший брат с самого начала отнёсся к работе с настроением бывалого мастера: «Плавали — знаем!» А вот мальчишки поначалу горели трудовым энтузиазмом и даже соревновательным азартом, кто больше окон сделает. Но необходимость постоянно держать нетренированные руки напряжённо на весу, небольшой страх, что лестница не такая крепкая, как казалось, — привели-таки к тому, что вскоре Никас продолжил работу один же, в то время как мальчишки принялись меняться: то один на лестнице, с мастерком, а другой ту же лестницу держит, то — наоборот. Хорошо ещё чуть ранее Аня отыскала не самые лучшие ведёрки, которые почти не жаль было отдать под раствор, и теперь братья вешали их на торчащие сверху лестничные брусья, а не держали в руках дополнительную тяжесть.

Завтрак начали с опозданием, но трещины под окнами все были найдены и заделаны. За столом двойняшки сидели слегка потрясённые, делясь главным впечатлением от работы: «И мы в прошлом году пережили зиму, когда в доме были та-акие дыры?!»

Аня помалкивала — хотя хотелось посмеяться над их удивлением. Но мысли занимала пачка денег, врученная вчера прислугой из дома Конгали. Куклы опять оправдали возложенные на них надежды. И, если сейчас всё так хорошо с деньгами, стоит ли снова наседать на Никаса, чтобы он нашёл рыночного перекупщика? В конце концов, пошив кукол Тильда в их доме не поставлен, что называется, на поток. Аня и девочки шьют их, лишь когда возникает свободное время. А свободным оно останется недолго — подозревала Аня. Случилось долгожданное: Онора провела ритуал снятия проклятия совершенно с чужих

людей. А ведь те молчать не будут. Что значит — Онора будет востребована. С другой стороны, работает девушка — значит, и деньги за её работу пойдут на неё же. Дин Валентайн обещал Ане клиентов из своей конторы, но пока от него явился в августе ещё только один чиновник, довольно молодой. И всё это пока случайные деньги. Аня мысленно пожала плечами: ладно, что бы ни случилось, надо продолжить шить кукол. Слух о них пока расходится быстрее, чем слухи о новом маге, снимающем проклятия. Да ещё и эти деньги, за кукол-то, пойдут в общую копилку. В копилку дома.

Вставая из-за стола, Никас напомнил двойняшкам:

— Не забудьте принять то зелье, что нам продали у аптекаря. Иначе к вечеру вы снова будете жаловаться на боль в руках.

— Да вроде руки не болят, — усомнился Греди.

Пришлось вмешаться Ане.

— Греди, в прошлый раз вы выжимали бельё, а сейчас не только держали тяжёлые мастерки, но и держали их, подняв. И помните? Руки в тот вечер тоже не болели. Так учтите: боль начнётся ближе к вечеру, а то и утром. И эта боль будет ещё сильнее, чем после отжимания белья.

Никас с благодарностью взглянул на старшую сестру, а она только улыбнулась.

Потом сбегала к дайне Эннис, чтобы та могла позавтракать. На этот раз разговора вообще не получилось. Но на лице женщины закрепилось хоть и жёлчное, но какое-то отчаянное выражение. Будто дайна Эннис опустила руки, образно говоря. Когда Аня попыталась подбодрить её, женщина просто отвернулась к стене.

Тогда Аня вышла и быстро вернулась, принесла-таки ей, чтобы не скучала, дамские журналы. Хотя были опасения, что со злости дайна Эннис может разорвать их.

И началась подготовка к праздничному обеду.

На этот раз Аня не просто готовила «изысканный» стол, но и пыталась придумать то, что заменит клавесин — так она про себя обозвала времяпрепровождение на время маленького праздника. Ведь клавесин — это танцы. То, что любят девочки, которых сегодня будет много. И любят наверняка мальчики, только скрывают свою любовь под пренебрежительно-мужественным: «Фи, танцы!» Но денег на оркестрик, даже такой небольшой, который, оплаченный дином Вилеем, был на свадьбе Таегана и Ани, нет. И оркестрик семье пока не под силу. Значит, танцы надо заменить. Играми, например. А ещё она задумалась над тем, что в их доме мало поют. А ведь и ей неплохо бы выучить пару весёлых детских песенок, и тогда танцевать можно будет под пение... а капелла! Под пение нескольких человек. Жаль, что раньше она об этом не подумала. Выучила бы — и сейчас дети были бы счастливы. Но ничего. Всё впереди. Будут и песенки, и танцы под них.

Игры. Что придумать? Ну, «ручеек». Правда, пар маловато. Аня посчитала: с девочками дайны Мадэйлеин получилось четыре разновозрастные пары и одна девочка остаётся в запасе, как водящая, начинающая игру. Что ж, для начала неплохо. А потом пусть и гости предложат свои игры.

Успокоившись, что на детском празднике не будет скучно, Аня с удвоенной силой взялась за праздничный обед. Поскольку семья сидела в основном в гостиной, ничего удивительного, что на запах прибежали младшие.

— Агни, твои печеньки так вкусно пахнут! — подлизывалась Лисса, преданно глядя её в глаза.

— Агни-и... — тянула Кристал. — Ну, хоть по одной печенье, а!

— Нет, эти печеньки только для праздничного стола! — решительно пресекала Аня все попытки улестить её.

— Но ведь раньше ты давали по штучке, — напомнила Кристал, умильно заглядывая в глаза. — Ты дай нам те, которые чуть-чуть обломались с краёв, и мы больше приставать не будем. Ну, Агни!

Аня склонилась сбоку от стола и открыла дверцу.

— Вот остаток стареньких, которые пекли в прошлый раз. Они чуток чёрствыые, но такие же. Несите в гостиную.

— Но почему?! — возмутилась Кристал, принимая закрытую вазу с печеньем. — Ты даже не захотела, чтобы я помогла тебе их печь!

— Потому что эти печеньки особенные, — спокойно ответила хозяйка дома. — Поэтому я не хотела, чтобы ты пекла вместе со мной.

— Особенности? — удивился Кеган, зашедший на тот же аромат ванили. — А в чём их особенность?

— Они с секретом, — улыбнулась Аня и скомандовала: — Выйдите из кухни! Вы мешаете мне готовить!

Заинтригованные младшие выбежали с вазой из кухни, а через минуту в дверь сунула свой нос Онора. По молчанию и насмешливому поглядыванию на неё Ани она сообразила, что её никто выгонять не собирается, и вошла. Потоптавшись на месте, спросила:

— Агни, чем я могу тебе помочь?

— Советом, — без промедления ответила она. — Как ты думаешь, где накрыть стол и провести праздник: в гостиной или в столовой зале? Ведь и столовая зала, и гостиная у нас одного размера. По-твоему, где будет младшим удобней и уютней?

— В столовой зале, — сказала Онора и подошла ближе взглянуть на руки Ани, после чего сняла чистое полотенце и принялась вынимать с полок посуду и протирать её.

— Почему?

— Кристал уже всем нахвасталась шторами в гостиной! — засмеялась девушка. — Но никто пока не видел штор в столовой зале!

— Обоснованно! — рассмеялась и Аня. — Так и сделаем.

— Агни, а что за секретники у тебя с печеньями? Я никому не скажу! — понизив голос, пообещала Онора.

— Да ничего особенного, — фыркнула Аня. — Я придумала спрятать в печеньях всякие поздравления и пожелания. Хотя... не я, конечно. Читала о таком в каком-то журнале.

Онора аж рот открыла, наверное представляя себе такую странную печеньку. Медленно начала:

— То есть... Я беру печеньку, ломаю её, а там записка? Агни! Это чудесно! А давай ещё что-нибудь придумаем!

— Я тут кое-что и в самом деле вспомнила из журналов, так что...

Когда позвали Кристал накрывать на стол, она прибежала, увидела первый же поднос и ахнула: смешные и яркие фигурки, слепленные из различных продуктов, выглядели настолько аппетитно, что... стол был накрыт с огромной скоростью. Напитки из травно-фруктово-ягодных наполнителей тоже получили всеобщий «одобрям-с».

И на этом странном и необычном обеде, во время чтения внезапно найденных записок под бесконечное аханье и оханье, под смех и хохот не только детей, но и взрослых (пара дайна Мадэйлеин и её муж тоже не удержались от участия в некоторых весёлых и азартных

детских играх), под лай собак (умудрились включить в игры даже их!) и счастливый визг Лиссы, Аню и торкнуло.

Сначала мысль бегло промелькнула. Это когда Аня вспомнила, что отнесла дайне Эннис обед и что дайна была мрачна, но спокойна... Потом встревоженная Аня попыталась поймать эту неожиданную идею и уточнить её. А поймав и обдумав её, отыскала глазами старшего брата. Тот азартно хлопал в ладоши, пока Онора играла в кругу детей в неизвестную для Ани игру. Аня обошла редких взрослых гостей, решивших отдохнуть от слишком оживлённых игр, а заодно поболеть за своих. Приблизившись к брату, Аня осторожно подёрнула его за рукав сюртука, а когда он оглянулся, спросила так, чтобы слышал только он:

— Никас, прости, что отвлекаю. Но меня мучает один вопрос, на который только ты можешь дать ответ, как человек, который лучше меня разбирается в магии.

— И что это за вопрос? — хохоча и с трудом отворачиваясь от игры, спросил брат.

— Если оставить в здании магический предмет, предназначенный для другого мага, будет ли этот предмет притягивать этого другого мага?

— Будет! — уверенно ответил Никас и снова захлопал в ладоши, восхищённо глядя на смеющуюся Онору.

Гости разъехались ближе к вечеру.

Кристал и Онора помогали Ане мыть посуду, таская её из столовой залы, и с восторгом вспоминали игры, в которых хорошо так побегали, и Анины печенки с высказываниями. Один раз, вспомнив мечты Кристал о гостях, Аня не удержалась и шутливо спросила:

— Ну что, Кристал, а ведь с Партхланами интересней было?

— Ты что! — возмущилась девочка. Потом, видимо, дошло, что старшая сестра шутит, и она хмыкнула: — Если бы я знала, что может получаться такой праздник!.. Даже дайна Мадэйлеин призналась, что никогда так не веселилась! Агни, а когда мы ещё такой праздник устроим?

— Забыла? Когда закончим с ремонтом дома.

— А что? Разве что-то ещё осталось? — удивилась девочка. — Мы вроде всё отремонтировали? Теперь в доме будет тепло. Мы уже сейчас в обычной одежде по нему ходим, а ведь в прошлом году такого не было!

— Нет, кое-что по мелочи всё-таки осталось. И надо бы всё сделать именно в эту неделю. Ведь дин Вилей обещал нам небольшой бал.

— Агни! — ахнула Кристал. — Я и забыла про бал! Это... в конце следующей недели?!

Она выскочила из кухни и побежала, кажется, к Лиссе сообщать про бал.

— Мне кажется, о ремонте она забыла! — рассмеялась Онора.

— Мне тоже так кажется, — согласилась Аня.

— Агни, а что ты хотела ещё отремонтировать? Я тоже не понимаю, как и Онора.

— Например, наш любимый потайной коридор с выходом в сад и к озеру, — ответила хозяйка дома. — Там очень хлипкая дверь. Если встанешь рядом с ней, то почувствуешь, как из-за неё сильно тянет холодом. А представь, что будет зимой? Все усилия утеплить дом пойдут прахом. Онора, у тебя осталось несколько тарелок? Справишься без меня? Тогда я пошла к дайне Эннис с ужином для неё.

И, прихватив поднос, вышла из кухни, унося благодарное бормотание девушки: «Да вымою хоть все тарелки и не только, лишь бы к ней не заходить».

Проходя мимо мастерской, Аня заметила, как Кристал размахивает руками перед

сидящей рядом, на диване, Лиссой. Наверное, рассказывает о будущем бале. Только вряд ли малышка слышит её, зевая во весь рот: устала от слишком ярких впечатлений? Старший брат с двойняшками сидел за столиком с журналами и газетами и что-то с ними обсуждал. Заметил поднос в руках сестры и чуть заметно скривился, сообразив, куда его несут. Аня усмешку удержала. Надо же было дайне Эннис всем насолить до такой степени!.. Мда, это уметь надо — настроить всех против себя...

Стукнула в дверь её комнаты и вошла, приветливо улыбаясь.

— Что за вопли снизу были слышны? — недовольно спросила та.

— У нас сегодня был небольшой детский праздник, — объяснила Аня, удивляясь в душе: как это она услышала вопли — те же раздавались в столовой зале! Или она расслышала шум детских голосов, когда гости одевались и уходили?

— Праздник у них, — проворчала дайна Эннис, выпрастывая руки из-под одеяла и берясь за ложку. — Опять вы мне кашу принесли!..

— В ней есть мясо и кусочки овощей, — сообщила Аня. — Вам это полезно — в вашем-то состоянии. И не беспокойтесь, мы стараемся сделать всё, чтобы вы быстро восстановились. Поэтому ешьте, пожалуйста, то, что полезно. Вы ведь уже сейчас начинаете изменяться в хорошую сторону.

— Кто это сказал? — пробурчала дайна Эннис.

— Дин Лугус, — не замедлила с ответом Аня. — Когда мы впервые провели над вами сеанс, используя магию образов, дин Лугус был в таком восторге! Он даже решил, что мы уже провели ритуал снятия проклятия, так хорошо вы стали выглядеть с его точки зрения!

Немного помолчав, дайна Эннис в некотором недоумении только и сумела, что ответить односложным:

— Да?

Пока она ела, Аня сделала вид, что переставляет приборы на подносе, чтобы ей было удобно есть или брать то, что нужно. И, наконец, спросила, добавив в вопрос чуть наивные интонации:

— Дайна Эннис, а почему вы так сильно хотите, чтобы этот дом стал вашим?

Она специально не сказала грубоватое, но более точное: «Вы хотите отобрать этот дом?» А поскольку от неожиданности дайна замешкалась с ответом, добавила:

— Вы хотите сразу продать его потом?

— Моя племянница сказала об этом? — хмуро уточнила дайна Эннис. — Сразу в любом случае не удалось бы его продать. Мне всегда нравился этот дом. Каждый раз, когда я бывала у брата, мне казалось, он выбрал этот дом, потому что он нравится и мне.

— Вот как... — задумчиво проговорила Аня.

Внезапно дайна Эннис оскалилась и проговорила сквозь зубы:

— И не думайте, что я отступлюсь от своего решения, даже если вы меня избавите от семейного проклятия!

— Я и не думаю, — спокойно заверила Аня, вставая и собирая посуду. Краем глаза она отметила ещё в начале визита, что журналы явно заинтересовали дайну Эннис, а потому не стала забирать их. И вышла, унося на себе сердитый, но и недоумённый взгляд.

А когда в доме все заснули, она встала с кровати и, снова накинув любимый халат-накидку, добавила к нему украшение с сапфиром.

Теперь у неё была определённая цель. И она собиралась искать то, что необходимо, до упора. Ругаться с дайной Эннис — одно. Но если она, как наркоман, стремится остаться в

этом доме, потому что её здесь всё-таки что-то держит, — это другое. А как наркоман... Аня уже знала, что иной раз магия для слабых магов может быть такой притягивающей, что человек превращается именно что в наркомана, который и нуждается, и чуть не умирает без магической силы. А если учесть, что дайна Эннис не просто больна, но страшно обессилена... Что будет, если убрать из дома то, что её тянет?

Вот это и решила Аня узнать.

Правда, появилась проблема: как узнать, что именно определённая вещь притягивает эту женщину в дом её умершего брата? Небольшая подсказка была с собой: пока дайна Эннис ужинала, не желая смотреть на хозяйку дома, Аня стащила с её столика с различными предметами ухода, вроде расчёски и подобного, одну из вещиц, кажется, подаренную ей когда-то дином Лугусом, как он говорил, для её роскошных кос. Что-то вроде «краба» для волос, только с драгоценными камнями. Аня надеялась, что дайна Эннис не посмотрит нечаянно на столик и не увидит уворованного ею. А «краб» этот она собиралась использовать чуть ли не в качестве магического компаса.

Ритуал придумала сама. И потому чувствовала некоторую неуверенность, сумеет ли реализовать личную магическую идею.

Очутившись в мансарде, Аня первым делом дошла до потайного кабинета дина Хармона, логически предполагая, что именно здесь можно найти тот магический артефакт, что заставляет дайну Эннис требовать этот дом себе в собственность. Уже привычно, встав на пороге, коснулась сапфира в кулоне, и кабинет проявился перед ней во всей своей красе.

Сосредоточенно прикусив губу, Аня вытянула вперёд «краб» дайны Эннис и чуть расслабила пальцы, позволяя потянуть себя туда, куда «потянется» «краб». Но простояла, наверное, минут пять, а притяжения не ощутила.

Может, виноват порог? Говорят, в магии пороги — это границы. Может, надо перешагнуть его, чтобы откликнулся именно кабинет?

Аня нерешительно сделала шаг в кабинет. Пять минут — и она уже расстроилась, мгновенно перейдя к пессимизму, осязаемому из-за бесплодных поисков... С другой стороны... Она ведь даже не начинала этих поисков по-настоящему. Сообразив это, она встала в центре кабинета и начала очень медленно поворачиваться вокруг собственной оси, цепко прислушиваясь к своим ощущениям. Решила только одно: если с кабинетом не повезёт, надо бы проверить другие помещения — для обычного взгляда, без магии, пустые помещения мансардной анфилады.

«Краб» едва заметно дрогнул в её пальцах, заметно потянув её руку в сторону.

Стеллаж с книгами был забит так, что Ане пришлось встать на колени и вытаскивать по одной книжице, а уж потом остальные — стопками.

Через полчаса она с трудом буквально отодрала от стены за стеллажом некий свёрток, который за давностью времени почти приклеился к ней. Когда она попробовала коснуться этого свёртка «крабом», тот сам чуть не прилип к нему.

Ещё пять минут на обследование того, что хранилось в свёртке, и Аня с трудом встала с пола на ноги, потеряв поясницу. Свёрток был не очень тяжёл, так что она взялась за бечёвку, которой заново обвязала его, и вынесла из потайного кабинета дина Хармона.

Осторожно спустилась по узкой лестнице в кабинет, а потом, прикинув температуру на улице, пожалала плечами: она же быстро!

И, открыв дверь, вышла на крыльцо дома. Постояла, убеждаясь, что ноябрьский ветер этой ночью и впрямь не очень сильный, и поспешила (бежать не могла: груз пусть не

слишком тяжёлый, но точно не для бега) к конюшне. Открыла дверь в стойло со Смородинкой, услышала, как та, пофыркивая, жуёт своё овсяное сено, и прошла мимо её стойла. Ага, вот и лестницы. Где же тут, как говорил Никас, ящики со всякой конской упряжью? Нашла. Посмотрела наверх. Крыша не дырявая. Если и будет дождь, свёрток не промокнет. Но на всякий случай Аня решила укрыть его хоть чем-то, прежде чем ставить груз на самую верхнюю полку, которая пустовала и была широкой, что позволяло надеяться: появившийся на ней предмет не будет замечен издали. До поры до времени.

Найдя какую-то драную клеёнку, Аня помедлила и снова отогнула часть вощёной бумаги, в которой был упакован свёрток. И снова, улыбаясь, прочитала нечто вроде открытки с цветами, подписанной изысканно каллиграфическим почерком: «Моей ненаглядной младшей сестре на день её бракосочетания с дином Лугусом — от любящего её старшего брата».

... Вернувшись в дом, Аня бросилась на кухню. Потрогала чайник, привычно оставленный на всё ещё тёплой плите. Воды в чайнике много, так что надежда на то, что он ещё горячий, облеклась в реальность. Аня поспешно налила из заварника себе в чашку остывшего отвару, долила горячей воды и принялась с наслаждением пить полученный напиток. Губы неудержимо разъезжались от глупого смеха, вызванного картиной, застрявшей в воображении: вот она бегом поднимается к дайне Эннис, подбегает к её кровати и начинает трясти за плечо, а когда та просыпается, Аня её неистово спрашивает: «Ну что, дайна Эннис! Вам всё ещё хочется забрать этот дом у нас?! А что насчёт конюшни? Вам она не нравится? Вы точно не хотите её у нас отобрать?»

И только соображение, что можно-таки подождать до утра — и пусть не с этим прямым вопросом, а с каким-нибудь другим, косвенно затрагивающим дом, обратиться к той женщине, заставляло сидеть на месте и хихикать, давясь этой самой сценкой с разбуженной ею дайной Эннис. Ну и глубоко внутри всё ещё гнездились сомнения: а что, если она, Аня, не совсем права? И не свёрток, припрятанный в конюшне, заставляет дайну Эннис быть такой злобной? Наконец, Аня успокоилась и кивнула себе: спать! Утро вечера мудреней! Ну, и посмотрим, что будет утром!

Утром, раньше обычного («больная» проснулась раньше — предупредила Онора) поднимаясь к дайне Эннис с подносом, Аня чувствовала себя невероятно глупо. Но на языке неотвязчиво вертелся всё тот же ночной вопрос, который очень хотелось задать «больной», и в то же время от содержания этого вопроса Ане было и стыдно, и весело: «Ну, что, дайна Эннис? С сегодняшнего утра вам всё так же нравится наш дом? Или вы уже предпочитаете думать о том, как бы отнять у нас конюшню?»

Аня и фыркала на себя и на свой вопрос, и вздыхала, но ничего со своим диким весельем делать не могла: губы так и разъезжались в идиотской улыбке.

Помогло только одно: пришлось, как обычно, проводить утренние гигиенические процедуры с дайной Эннис (уже без Оноры управлялись), так что, несмотря на минимум физических усилий, Аня всё-таки сумела успокоиться. Но приглядывалась, отмечая, что жёлчное выражение никуда не делось с лица дайны. Хотя разок смягчилось: покопавшись в вещах Агни, Аня нашла явно зимний чепец для сна в холодные ночи и принесла его «больной». Не для того чтобы теплей было спать — в комнате дайны Эннис тоже потеплело. Для того чтобы скрыть мертвенную бледность тёти Оноры и проблемы с выпадавшими когда-то волосами. Когда та, поколебавшись и бросив подозрительный взгляд на дверь, стянула с полулысой головы платочек, с которым спала и проводила дневное время, и надела уютный чепец, Аня поднесла ей зеркало, чтобы та заправила волосы. Желчь на секунды исчезла, пока дайна Эннис всматривалась в отражение. В глазах промелькнули странная усталость и даже горечь. Но один взгляд поверх зеркала, на Аню, которая смотрела на неё уже сочувственно, и «больная» снова скривила губы. И вместо довольно милой старушки, только что с грустью созерцавшей себя в зеркале, снова появилась пока бессильная, но всё равно опасная ведьма.

Поскольку дайна Эннис медленно, но упорно восстанавливалась и крепла, благодаря пентаграмме, в которую Онора постепенно вкладывала нужные ингредиенты, Аня оставила «больной» поднос на стуле так близко, чтобы та легко могла бы дотянуться до любого предмета на нём, а сама вышла. Надо было встретить дина Лугуса, обещавшего приехать сегодня пораньше. И проводить с ним братьев.

По дороге к лестнице заглянула в комнату Лиссы. Нейнси, лежавшая рядом с порогом, немедленно подняла голову. И нечаянно показала таким образом щенка, спящего между её передними лапами. Но, узнав хозяйку дома, «поулыбалась» ей собачьей улыбкой: утром они уже погуляли. Закрывая дверь, Аня ещё подумала: не решила ли собака, что хозяйка снова хочет прогулять её?

И побежала дальше — посмотреть, успели ли девочки накрыть завтрак на стол.

— У вас всё готово? — спросила она, чуть запыхавшись, остановившись на пороге кухни. И тут же испуганно замирая: неужели она запыхалась из-за «положения»?! Глупости какие! Она слишком рано начала к себе прислушиваться. Или здесь, в этом мире, это нормально... Впрочем, для кого как — усмехнулась она. Была из бедных, каких здесь много, кто бы спрашивал, может ли она делать ту или иную работу. Работала бы, как обычно... Что-то это «как обычно» сегодня с раннего утра пристало.

Поднос с чашками у неё выхватили из-под рук, потянувшихся к ним.

Кристал с ним и убежала в столовую залу.

А Онора с ноткой тревоги спросила:

— Ты была у дайны Эннис? Она снова злится?

— Почему ты решила, что она злится? — удивилась Аня, подходя к кухонному столу посмотреть, обе ли хлебные тарелки взяты в столовую залу.

— Ты рано спустилась от неё.

— Всё хорошо, — ободряюще сказала Аня. — Просто ей пора самой управляться с ложкой и чашками. Она достаточно для этого состояния окрепла. А я спустилась, потому что жду дина Лугуса.

— Поняла, — улыбнулась Онора и тихонько засмеялась. — Сегодня все ждут его приезда, всем любопытно, сумел ли он убедить своих родителей.

И обе замерли, услышав даже в кухне знакомый звон ворот. Явился долгожданный дин Лугус! Дайны переглянулись и, бросив полотенце и фартук (Онора, конечно), побежали в гостиную. Здесь быстро оделись в тёплые плащи и выскочили на крыльцо следом за Никасом. И уже здесь превратились из любопытных девчонок в солидных, знающих себе цену дайн. Никас ещё оглянулся на обеих и тут же приподнял слегка согнутые в локтях руки. Дайны поспешили ухватиться за них, а Онора даже успела на секунды прижаться к жениху и улыбнуться ему снизу вверх.

Торжественная встреча дина Лугуса не удивила, хотя в душе, возможно, он и недоумевал: в конце концов, он не впервые приезжал сюда и мог, наверное, войти и без встречи со стороны хозяев дома.

Уже в гостиной Никас даже слегка поухаживал за ним: приехав раньше обычного, дин Лугус наверняка был голоден, в чём не хотел признаваться, но бросил предвкушающий взгляд на коридор в столовую залу. Так что Никас беспрекословно велел ему снять верхнюю одежду и направиться в столовую залу. И даже принял пальто, которое нерешительно поначалу снял дин Лугус. А Аня взяла у него из рук шляпу, когда он неуверенно снял её и обернулся к вешалке, не зная, куда её пристроить: вешалка всё-таки была рассчитана только на своих, домашних. Вот как все нетерпеливо ждали рассказа дина Лугуса о своей беседе с родителями!

При виде стола дин Лугус не просто оживился. Голодный взгляд, брошенный на блюда, мгновенно засиял при виде пустого места с готовым прибором и незанятого стула перед ним. Уже уверенней он прошёл к «своему» месту и сел, радостно созерцая завтрак. И признался, привычно не стесняясь:

— Я так был занят утром, что не успел позавтракать! Благодарю вас, что вы позаботились обо мне!

— Всегда пожалуйста, — спокойно ответила Аня и едва заметно кивнула Кристал.

Та уже съела свою порцию — вероятно в нервах, слишком быстро, и девочка осторожно, чтобы не мешать едокам и гостю, встала из-за стола и поспешно направилась к кухне — принести горячий чайник и заварник.

Когда основное блюдо было съедено и настало время чая, куда Аня положила кое-что из трав, что оставались после налёта Оноры на её запасы, дин Лугус с удовольствием отпил глоток, замер на мгновения, явно пытаясь снова определить, что именно из трав заварила сегодня Аня, а потом проговорил:

— У меня вчера состоялась беседа с моими родителями (все застыли, встревоженно глядя на него, чего он, видимо всё ещё пребывая во вчерашнем вечере, не заметил). И как хорошо, что уже вчера вы, дин Никас и дайна Таеган, уже подготовили меня к тому, что

может ожидать в такой беседе.

— Мы подготовили? — не сдержался Никас.

— Да, именно вы, — радостно подтвердил дин Лугус. — Потому как именно вчера прозвучал аргумент против дайны Эннис в моей жизни. Главный аргумент — позвольте уточнить. Ведь как родители, так и я искал женщину своей жизни, которая сумеет твёрдой рукой контролировать наши семейные финансы. И вчера вы усомнились, что дайна Эннис подходит под портрет этой дайны. Ведь она истратила свою долю наследства — и очень быстро. Я тогда же ответил на ваше опасение. Но это сомнение стало решающим, когда я поехал домой. И я думал над ним так долго, что нашёл все необходимые аргументы, чтобы убедить моих уважаемых родителей, что дайна Эннис — это та дайна, с которой я уверенно пойду по жизни, не жалея о своём решении. И был достаточно убедителен, чтобы мои родители поверили мне.

— Замечательно, — с той же неуверенностью сказал Никас.

Именно к нему обернулся всем телом дин Лугус.

— Уважаемый дин Никас, если моя невеста меня пока не хочет видеть, сумеете ли вы ей передать решение моё и моих родителей?

— Это сделаю я, — на правах хозяйки дома вмешалась в беседу Аня. — Сейчас дайна Эннис завтракает, так что в конце завтрака она, надеюсь, услышит благоприятную для себя весть.

— Примите мою благодарность, дайна Таеган! — всплеснул руками дин Лугус.

Он был настолько искренне взволнован, что Аня грешным делом подумала: а на самом ли деле всё так спокойно прошло в доме родителей дина Лугуса? Ох, не зря дин Лугус важничал, уезжая вчера домой, словно генерал перед опасной операцией. Да и сейчас выглядит так, словно сам не верил, что у него что-то получится.

Двойняшки смотрели на него удивлённо, не совсем понимая, почему взрослый дин так ведёт себя, но, кажется, Онора поняла. Она сидела, притаившись, даже чуть-чуть склонившись и ссутулившись, будто желая, чтобы её не замечали. Но радостная улыбка прорывалась. Чему радуется девушка? Тому, что теперь не надо беспокоиться о дальнейшей судьбе своей тёти? Или тому, что теперь вечернее и не только время не надо будет тратить на трудную пентаграмму, а можно возобновить вечерние прогулки с Никасом?

Проводив дина Лугуса и братьев, Аня прикинула, что впереди: снова посещение дайны Эннис, мытьё посуды после завтрака, встреча дайны Сарейд и... Она лукаво усмехнулась: а потом она собиралась всё-таки вымыть окна. Хотя бы изнутри. А то думали, думали сначала помыть окна, а потом только повесить всякие шторы-гардины. А теперь — с глаз долой, так и из сердца вон?.. «Ладно, без помощи обойдусь, — решила она. — В конце концов, это не на холоде драить стёкла снаружи».

Перед тем как пойти на второй этаж, ещё на крыльце Аня поймала Онору за руку и шуточно спросила:

— Как твоя пентаграмма? Когда дайна Эннис начнёт бродить новым привидением по нашему дому?

— Очень надеюсь, что только перед самым ритуалом, — вздохнула девушка и кивнула Ане. — Не бойся за посуду. Мы с Кристал вымоем её.

— Хм, в обмен на посещение дайны Эннис? — мигом сообразив, поддразнила Аня.

Онора покраснела и тоненько пожаловалась:

— Чем меньше её видишь, тем лучше о ней думаешь.

— Что? — насторожилась Аня. — Она сегодня опять о доме говорила?

— Нет. Она требует уговорить тебя, чтобы вы до ритуала поставили её на ноги.

У Ани чуть не вырвалось: «Да не дай бог!» Но сдержала себя и ответила:

— Если начнёт уговаривать в следующий раз, скажи, что нельзя ей на ноги вставать — из тех соображений, что она начнёт двигаться, а значит — терять силы. Ты не железная. Я ведь знаю, что ты не только ингредиенты в пентаграмму вкладываешь, но и собственные магические силы. Если она, будучи магом, забыла о том, это простительно. Но, если она требует ритуала, помня про эту особенность, это бессовестно с её стороны. Будет настаивать — зови меня. Разберёмся.

— Вот об этом я и хотела попросить, — призналась девушка, нервно смеясь. — О том, чтобы обратиться к тебе. Одной мне пока трудно справляться в таких ситуациях.

Аня без смеха, абсолютно серьёзно положила ладонь на пальцы Оноры.

— Онора, ты нам с Кристал почти сестра. Поэтому зови на помощь в любых ситуациях, хорошо? Мы никогда тебе не откажем в помощи.

— Я знаю, — прошептала девушка, и её глаза внезапно наполнились слезами. — Агни, я так тебе благодарна... Помнишь, когда я попросила деньги на дорогие ингредиенты? А ты немедленно откликнулась? Я так перетрусилась, прежде чем к тебе подходить. Я же знаю, как у нас тяжело с деньгами. А ты... Ты сразу согласилась. А я... Я так долго плакала, прежде чем подойти... Да, этот дом мог бы быть и моим, но без нашей семьи я бы пропала. Зачем он мне — без вас? Я никогда, Агни... Никогда...

— Не плачь, Онора, — вздохнула Аня. — Вечером Никас из-за тебя со мной ругаться будет, что довела до слёз.

— Но я же сама... — жалобно сказала Онора, вытирая слёзы.

— Вы почему здесь стоите? — выскочила из коридора Кристал. — Онора! Я тебя жду, жду! А ты не приходишь! Ой... — увидела девочка мокрое лицо Оноры.

Но девушка уже улыбнулась ей и побежала навстречу. Аня в очередной раз вздохнула и пошла к лестнице. Кроме того что забрать посуду у дайны Эннис, ещё надо разбудить и привести в столовую залу Лиссу.

Правда, когда проходила мимо комнаты Лиссы, пришлось остановиться: дверь была полуоткрыта. Удивлённая Аня заглянула внутрь. Ни малышки, ни собак. Пожав плечами: может, не заметили, как она спустилась? И заторопилась к комнате дайны Эннис. Здесь дверь была закрыта, но неплотно. Аня шагнула к ней и только взялась за дверную ручку, как замерла.

— ... А ты теперь будешь нашей девочкой? — звонко спросила Лисса.

Судя по странному вопросу, малышка уже давно сидела в этой комнате. Интересный же здесь происходил разговор, если Лисса задаёт такие вопросы.

— А что я получу, если буду вашей... девочкой? — сварливо спросила дайна Эннис, и Аня прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ей и в этом случае надо что-то получить!

— Агни может сшить тебе куклу! Как у меня. А ты знаешь, как назвала свою куклу Онора? Она тоже большая девочка, но когда кукол продавали, она так не хотела, чтобы её куклу забрали, что кукла стала её собственной!

— И как? Как она назвала её?

— Миленькая! — объявила Лисса.

Аня чуть сдвинула дверь и в появившуюся прореху увидела, что малышка сидит на полу, перед кроватью дайны Эннис — так, чтобы та, полулёжа, видела её. Щенок дрых на краю

постели, и дайна Эннис рассеянно поглаживала его. Собака лежала, привалившись к Лиссе, на коленях которой лежала её личная кукла.

— И что? — скептически, будто у взрослой, спросила дайна Эннис. — Кукла очень дорогая? Поэтому это так надо, чтобы у меня тоже появилась кукла?

— Они разговаривают, — важно объяснила Лисса непонятливой тётеньке. — Мы с куклами Кристал и Оноры много раз встречались, и они разговаривали про балы, про платья, а ещё про всякие сплетни из высшего света.

Аня аж сжалась: вот не испортила бы дайна Эннис Лиссе удовольствие — игру с куклами. Ляпнет ещё что-нибудь, что всё это глупости, что куклы говорить не умеют... Но дайна Эннис промолчала, и, выдохнув, Аня решила считать, что она устала для дальнейших вредностей.

Стукнув в дверь, она вошла, не дожидаясь приглашения.

— Лисса, марш в ванную комнату, — велела она. — Тебе пора завтракать. И ты мешаешь дайне Эннис. Она уже устала. Ей надо отдыхать.

Зажав свою Тили под мышкой, Лисса стащила с кровати щенка и, позвав Нейнси, выбежала из комнаты. А Аня подошла к кровати дайны Эннис и принялась собирать посуду на поднос. Поглядывая на «больную», расслабленно, словно отдыхая, лёгшую на подушки, спросила:

— Лисса сильно вам докучала?

— Нет.

— Если так будет, скажите мне. Я запрещу ей появляться у вас.

Дайна Эннис что-то промычала. Кажется, утвердительное. Потом спросила:

— Почему мне нельзя получить силы уже сейчас, до работы Оноры с пентаграммой?

— Я вам не доверяю, — почти бесстрастно ответила Аня.

— Но... — возмущённо начала дайна Эннис и замолкла. Ненадолго. С привычной для неё претензией поинтересовалась: — То есть это не из соображений моего избавления от проклятия?

— Нет.

— Но тогда... Я ведь не опасна! — уже рассердилась «больная». — У меня не осталось магических сил, не говоря уже о физических!

— Вы слишком хорошо себя зарекомендовали, — объяснила Аня. — И не в лучшем смысле. Никто не хочет общаться с вами. Примите это, не забывая о том, что вы скоро выздоровеете и тогда сможете ходить там, где вам вздумается.

Дайна Эннис, напряжённая и сердитая, приподнялась с подушек и открыла было рот, но Аня не дала ей и слова сказать, спокойно договорила, будто добавляя к предыдущим словам новую информацию:

— Дин Лугус просил передать вам, что беседа с его родителями вчера прошла успешно. Они дали согласие на этот брак.

Секунда, другая — дайна Эннис рухнула назад, на подушки. Глазами словно ушла в себя, а затем Аня покачала головой, расслышав её бормотание:

— У них двухэтажный особняк, насколько я помню?.. И неплохой доход у отца.

Хозяйка дома даже почувствовала страх за родителей дина Лугуса: а не перенаправила ли она мрачные мысли дайны Эннис на новую цель? Поэтому осторожно вклинилась в едва слышное бормотание:

— Дайна Эннис, а вы сами не практикуете? — И промолчала, хотя с губ едва не слетели

слова: «Или только и умеете, что магическую отраву насылать?»

«Больная» молчала так долго, что Аня решила — ответа не будет.

— Я специализировалась на составлении отваров из магических и лекарственных трав с толикой оставленных на них магических заклинаний. Это не самая востребованная специальность, но деньги у меня были, как и клиенты.

Аня резко опустила голову, чтобы дайна Эннис не заметила вспыхнувшей улыбки. Да, старший брат дайны знал, что подарить младшей сестре на свадьбу.

— По-моему, замечательная специальность, — одобрительно сказала она и тут же, немного удивлённая, переспросила: — А дина Лугуса вы этому не учили?

— Чему? — вскинулась дайна Эннис.

— Узнавать травы в отварах. Дело в том, что у нашей семьи не настолько много денег, чтобы покупать настоящие чай, так что я завариваю травы. Однажды угостила дина Лугуса, и он узнал несколько трав из сбора.

— Он запомнил мои уроки? — с недоумением спросила дайна Эннис.

Но Аня больше не собиралась продолжать разговор.

— Дайна Эннис, вы выглядите утомлённой, — сказала она и подняла поднос с посудой. — Отдыхайте, пока есть возможность. Не забывайте, что в конце недели дайна Онора снимет с вас проклятие.

До приезда дайны Сарейд осталось всего ничего. Но посуда на кухне была вымыта, девочки переодеты, Лисса с собаками накормлена и отведена в её комнату, Онора препровождена в библиотеку. «Поэтому торжественное введение дайны учительницы можно считать объявленным!» — с высокопарной насмешкой подумала Аня.

Впрочем, встречали дайну Сарейд только её ученица и хозяйка дома. Последняя, едва только закрылась дверь в учебную комнату, немедленно кинулась на кухню. Уф... Тёплой воды достаточно. Аня взяла небольшое ведёрко, разыскала чистые тряпки и бросилась к окнам гостиной.

Что — что, а мыть окна она умела стремительно. Главное, чтобы тряпки были — одна мокрая, остальные сухие. И счастье, что дом стоит вне дороги, на которой хоть и редко, но время от времени появляются автомобили. Так что на стёкла их дома попадает обычная грязь, без жирных примесей от всяких проявлений цивилизации.

Когда она домывала шестое окно, пришлось замереть, прислушиваясь: почудилось, она слышала далёкий... крик? Зов? Вроде тихо. Но на всякий случай Аня спрыгнула с широкого подоконника, не обращая внимания на стул, с помощью которого залезала на те же подоконники, и прошла в центр гостиной.

И крик повторился. И лай тоже. Со второго этажа.

Мгновенно представив себе все самые жуткие ужасы, Аня помчалась по лестнице, чуть не споткнувшись пару раз от страха за Лиссу — она одна оставалась на втором этаже. Кроме дайны Эннис, разумеется.

Лиссу она увидела сразу, несмотря на то что малышка сидела на коленях. Собаки прыгали вокруг неё и лаяли так, что Аня оглянулась: за ней бежала Онора.

Когда Аня добегала до Лиссы, придумывая на ходу тысячи ужасов, она начала видеть общую картину: малышка сидела неподалёку от комнаты дайны Эннис, пытаясь поднять «больную», каким-то образом сумевшую выйти в коридор и тут же свалиться.

— Агни, не надо! — раздался крик Оноры, когда хозяйка дома остановилась возле дайны Эннис и, ухватившись за подмышки, попыталась приподнять её.

— Вдвоём! — скомандовала Аня. — Так нагрузки будет меньше.

Добежав, Онора суматошно покивала, и они схватились с обеих сторон за дайну Эннис. На Лиссу, которая твёрдо решила помочь им, пришлось прикрикнуть, чтобы отошла. Затем, быстро переговорив, пришли к выводу, что дайну лучше не поднимать, а волоком протащить из коридора в комнату и уже там потратить «дамские» силы на то, чтобы втащить дайну на постель. Тощая, тощая, а весила уже немало — для их рук.

С самого начала Аня ожидала, что дайна Эннис начнёт ругаться и злиться, но, судя по всему, сил на злость не осталось. И дайна Эннис лишь повисала на их руках, беспомощно кривясь. Наверное, осознала, что была излишне самонадеянна.

Когда она оказалась на кровати, Аня отдышалась и спросила, вытирая пот с лица:

— Ну и зачем?..

— Я устала лежать! — огрызнулась дайна Эннис. — Я уже прочитала все ваши журналы. Я пересчитала все ветки деревьев за окном. Поэтому!

— А вы хотите заниматься чем-то полезным? — обозлилась и Аня. — Хотите помочь мне — в мытье окон? В мытье посуды после завтраков-обедов? В шитье и вязании? Чем вас занять — скажите мне! Я, например, не представляю!

Дайна Эннис метнула в неё уничтожающий взгляд и отвернулась к стене.

Постояв над ней до собственного успокоенного дыхания и усмирённого дыхания Оноры, Аня обернулась к девушке и кивнула на выход.

В коридоре их ждала испуганная Лисса.

— Агни, Агни! — затеребила она хозяйку за край её жилета. — Эта дайна сильно ушиблась?

Про себя Аня хмыкнула: она настолько разозлилась на дайну Эннис, что даже не спросила, нет ли у неё ушибов, не болит ли где на местах падения. Но, если судить по настрою «больной», ничего страшного не произошло. Так что Аня присела перед Лиссой на корточки и вздохнула:

— Ты же падаешь иногда, Лисса. И не всегда получается больно. Так ведь? Пойдём со мной. Будешь играть с собачками в гостиной. — И вдруг сообразила, взглянула на Онору. — Лисса, ты пока спускайся, а я поговорю с Онорой.

Девушка, показалось, сжалась в ожидании попраёков. Но Аня улыбнулась, и от неожиданности Онора улыбнулась ответно и вся вскинулась ей навстречу.

— Онора, у меня к тебе два дела. Первое — принеси из библиотеки своей тёте книги о магических отварах. Если они там есть.

— Есть, — торопливо покивала девушка.

— Твоя тётя, как я недавно выяснила, специализируется на этих отварах. Если ей так скучно, пусть восстанавливает свои навыки.

— В библиотеке есть такие книги, что их не жалко, если она захочет их забрать, — с явным облегчением проговорила Онора.

— Замечательно. Теперь второе. Сегодня вечером говорим с дином Лугусом. Если он даст положительный ответ на вопрос, можно ли уже сейчас перевезти дайну Эннис к нему, то есть ли возможность провести ритуал снятия проклятия раньше? Ты говоришь, что строишь пентаграмму постепенно. Что будет, если её выполнить быстро?

— Ничего, — нахмурившись, ответила Онора и тут же спохватилась. — В том смысле, что да, я могу ускорить её магические проявления и в любой момент провести ритуал. Но... немного сомневаюсь, потому что дайна Эннис слишком слаба.

И вопросительно посмотрела на Аню, которая сразу поняла, чего ждёт от неё девушка... Подумав немного, она подняла глаза.

— Да, мы сделаем это. Кристал и двойняшек задействовать не будем. Никас и я — этого достаточно, чтобы к ритуалу поставить дайну Эннис на ноги.

— Я приношу ей книги по специализации, затем проверяю пентаграмму, — уточнила Онора, словно солдат, получивший секретное задание — настолько она выглядела не просто серьёзной, но жёстко сосредоточенной.

— Именно, — сказала Аня. — А я пригляжу за Лиссой. Кажется, своим падением дайна здорово напугала её.

— Она и меня напугала, — пробормотала Онора и заторопилась впереди Ани к лестнице. А потом внезапно остановилась и спросила: — А что ты говорила про мытьё окон? — И опустила глаза на её руки, чтобы укоризненно покачать головой: — Агни, ты опять что-то делаешь, чего тебе нельзя?

— Пока можно, — ровно ответила хозяйка дома, собираясь разозлиться. Но неожиданная тёплая волна прошла по сердцу: как о ней беспокоятся!.. Приятно же!

Малышка сидела на одном из диванов. Сидела непривычно для глаза — сложив руки на коленях, как слишком примерная девочка. Даже собаки сидели близко к её ногам, притихшие... При виде спускавшихся дайн она соскочила с дивана и побежала к ним — к Ане, которая немедленно опустилась на корточки. И добежавшая Лисса чуть не сбила её в этом неудобном и шатком положении. Но крепко обняла за шею, прижалась...

— Агни, почему она меня напугала?!

— Не плачь, маленькая, — погладила её по голове Аня и сама прижала её к себе. — Взрослые дайны иногда делают глупости, которые всех могут расстроить. Не плачь, Лисса. Эта дайна у нас только гостит. Скоро её в нашем доме не будет, и всё пойдёт... как летом, — не могла она придумать лучшего для сравнения.

Лисса отстранилась от неё, не отнимая сжатых рук.

— Правда? И к озеру пойдём? И гулять по саду будем? И кукол новых пошьём?

— Всё будет, маленькая...

Лисса неожиданно резко подняла голову — взглянуть поверх головы Ани. И восторженно завизжала, разомкнула руки и бросилась к мужчине, который только что вошёл в гостиную. Он успел отставить в сторону саквояж и подхватить малышку, чтобы подбросить её чуть не к потолку. Аня и Онора стояли в оцепенении, не веря глазам, пока мужчина, смеясь, подбрасывал кверху визжащую Лиссу, забывшую обо всех своих страхах и жалобах.

— Таеган? — ошеломлённо пробормотала Аня. И медленно пошла к нему, сжимая руки на груди. — Таеган?..

Нейнси оказалась страшно трусливой. Пока щенок азартно тьякал на Таегана, явно требуя вернуть Лиссу на пол, собака подкралась к нему, хамкнула челюстями и уволокла чадю куда подальше. И, только проследив бегство Нейнси с щенком от незнакомого собаке высокого широкоплечего мужчины, Аня опомнилась и чуть не побежала к Таегану. Точно такая же растерянная Онора — за ней. Таеган успел поставить на ноги Лиссу, которая от неожиданности продолжала визжать, подпрыгивая на месте, и Аня даже испугалась, что вот сейчас из учебной комнаты вылетит авиабомба по имени дайна Сарейд и учинит скандал.

Но едва Аня очутилась в руках Таегана, малышка замолкла и отбежала к Оноре, чтобы взять её за руку и, всё так же подпрыгивая, попискивать от наплыва чувств.

При них Таеган поцеловал Аню лишь разок: как муж, только что пришедший с работы, — подумалось суматошно. А дальше... Дальше Аня поняла, что резко стала косноязычной:

— Ты приехал так рано... — взволнованно забормотала она. — Ты же уехал — еле-еле неделя прошла! А ты сказал — на две или три!

— Неделя только, может, и прошла, — согласился он. И не выдержал, ласково провёл носом по её голове, по её волосам, как делал всегда, когда оставался с нею наедине. Потом будто опомнился и, смеясь, кивнул мимо — Оноре, сообразила Аня. И уж после добавил совсем другим, низким голосом, будто проговаривая заклинание: — Агни... Агни-и...

Зажмурился, снова вдруг засмеялся и уже деловито сказал:

— У нас гости? Или прибавление в жильцах?.. Уезжал-то я на довольно долгое время — это да, но вернулся, как будто... И эти шторы. Не побеги ко мне эта малышка, я бы решил уж, что попал в чужой дом.

Каким-то чудом она догадалась, что он говорит о собаках, упомянув гостей. И слабым от счастья, ломким голосом ответила:

— Собаки — это долгая история. Как и шторы. Но, Таеган, какое счастье, что ты приехал именно сейчас! Ой, ты с дороги! Наверное, голоден?

— Если в столовой зале найдётся что-то сделанное твоими руками, то очень! — признался он.

Она отвела его на второй этаж, в их семейные апартаменты. Точней, не отвела, а повисла довеском к тому тяжёлому саквоюжу, который он легко нёс. Но так сладостно было виснуть на крепкой, почти каменной руке, которую обнимала и на которую можно было опираться без боязни, что она не удержит!

Поднимаясь по лестнице, краем глаза Аня заметила: Онора вместе с Лиссой идёт в коридор, ведущий в кухню. Волна благодарности к девушке плеснула горячо, но Аня тут же забыла о том, что видела мельком.

Пока Таеган переодевался с дороги, довольно бурча, как в доме тепло, она бродила за ним тенью — в двух шагах от него, чтобы, разворачиваясь идти в другую сторону, он непременно натыкался на неё и тут же целовал.

Пока, наконец, он не рассмеялся:

— Я не вполне понимаю, Агни! Ты хочешь накормить меня с дороги — или хочешь... — Он, всё ещё смеясь, посмотрел в сторону спальни.

— И то, и другое, — призналась Аня, после чего медленно отошла от него на пять-

шесть шагов и подняла руки. — Но есть и третье. И это первая новость, которую я собиралась тебе сообщить.

Задорная улыбка Таегана мягко растаяла в забытую на губах, когда он лишь раз внимательно взглянул на Аню. Его замешательство длилось недолго. Он быстро пошёл к ней, с каждым шагом расцветая уже другой улыбкой, какой-то азартной и радостной. Будто много лет напрасно играл в лотерею — и вдруг, наконец-то, выиграл. Да ещё сразу такую сумму!..

Вышли они из апартаментов не сразу. И Аня смущённо подумала: Онора, разогрев завтрак, наверное, беспокоится, что он остынет, а их двоих всё нет...

— И всё же... — Таеган вновь с любопытством присматривался к окнам, обрамлённым шторами, и стенам, которые те же шторы украшали. — Неужели ты решила повесить их, как давно хотела? Вроде мы таких не покупали? Цвет другой, мне кажется, да и узоры... Купила новые?

— Бесплатно досталось, — радостно вздохнула Аня и пообещала: — Потом расскажу. Таеган, ты не представляешь, как я счастлива, что ты приехал раньше обещанного срока! Одна неделя, пока тебя не было, — и столько событий навалилось! Никас и семья мне помогают, но тебя нам всем очень не хватало! А почему ты приехал рано?

— Благодаря тебе, — неожиданно ответил Таеган и улыбнулся изумлённой Ане. — Да, на границе снова нашли магическую ловушку, из-за чего меня и вызвали. Только ведь ловушка становится гораздо проще и даже примитивней, если ты смотришь на её структуру более... вооружённым взглядом. Магический ритуал образов дал мне в руки самое настоящее оружие против любой ловушки.

— Поэтому тебя быстро отпустили? — обрадовалась Аня.

— Поэтому. Но с условием.

— Каким?

— Я привёз коллегу — офицера, который тоже весьма талантлив по части разбора магических ловушек. Ему понравилось, что я не только быстро увидел основу этой ловушки, но и назвал те тончайшие линии её структуры, которые обычно недоступны для взгляда обычного мага.

— А где он сейчас? — растерялась Аня.

— Я оставил его в городской гостинице.

— То есть ты нам ещё и работу привёз, — заключила Аня. — Это хорошо.

— Но не для тебя, — заметил Таеган, остановившись у дверей в столовую залу. — Я не хочу, чтобы ты занималась магией образов в этом положении. Есть же Никас. Ему тоже пора начать практиковать, чтобы получить потом разрешение властей на использование магии образов в работе.

— Но почему? Ребёнку это не повредит, — расстроилась Аня. — И нам нужны деньги.

— Агни, любимая... Это наш первый ребёнок, и я не хочу рисковать. Я знаю, что занятия магией тебе и ребёнку ничем не грозят, но... Возможно, ты скажешь — я суверен. Пусть будет так. Но не хочу.

Помолчав, Аня пожала плечами.

— Ладно. Ничего. Если что, Никасу помогут младшие.

— Что? — поразился Таеган. — У вас тут и впрямь новостей — море!

И пришлось войти-таки в столовую залу, хотя Ане хотелось утащить Таегана в их комнаты и сидеть там в одном кресле, потому что кресло тесное и потому что Таеган всегда

обнимал её в этом кресле — ведь так удобней сидеть вдвоём, а поскольку сидели обычно, слегка вмявшись друг в дружку и в обнимку, ему ещё было очень удобно то и дело целовать её... Вздохнув и посмеявшись над собой, Аня первой вошла в столовую залу, дверь которой открыл перед ней Таеган.

Здесь и в самом деле их ждали Онора и Лисса. Впрочем, Лисса ждала весьма деятельно, бегая в догонялки с собаками и в основном дразня щенка. А Онора стояла рядом с накрытым столом и тревожно смотрела на подходивших, причём Аня сразу сообразила, в чём дело: как чуть раньше и подумала — девушка боялась, как бы завтрак для Таегана не остыл. Для домашних же Онора, умница, сообразила приготовить чаепитие, чтобы не смущать недавнего путешественника.

Сев на предложенное место, Таеган огляделся и начал с комплимента:

— Как замечательно преобразились окна!

Дайны немедленно расцвели улыбками.

Едва Таеган съел основное блюдо и Аня подозвала Лиссу, чтобы напоить её чаем, тогда и начался главный разговор о тех новостях, которые произошли за неделю его отсутствия. Таеган только головой качал, изумляясь и уточняя.

Наконец он кивнул, когда обе дайны замолчали.

— Итак, вы страшитесь, что после ритуала снятия проклятия дайна Эннис может остаться в доме под предлогом, что ей надо вернуться в прежнюю форму?

— Да. Именно это самое страшное для нас, — подтвердила Аня. — Мы не хотим, чтобы эта дайна беспрепятственно ходила по нашему дому. Мало ли что взбрѣдет ей в голову, пока она на нас злится.

— Но дин Лугус договорился с родителями, чтобы они приняли дайну Эннис, потому что он намерен на ней жениться.

— Да.

— Может, предложить ему вариант, когда после ритуала снятия проклятия он перевозит её в дом родителей, а вы, то есть Никас и Кристал, будут ездить к ним, проводя с нею сеансы магии образов?

Аня и Онора переглянулись. И уставились на Таегана.

— А если она не захочет уехать из нашего дома?

— Не знаю насчёт дина Лугуса, но Никас, насколько я знаю, достаточно силѣн, чтобы взять её на руки и отнести в карету, — заметил тот.

Аня рассмеялась первой, представив себе Никаса и бессильно ругающуюся дайну Эннис на его руках — бессильно, потому как, будучи слабой, вряд ли она сумела бы даже брыкаться со злости. За ней мелко затряслась в приглушѣнном смехе Онора, и Лисса, сидевшая рядом с ней, воспользовалась моментом, чтобы спрыгнуть со стула, прихватив из вазы пару печенек, и помчаться снова играть с собаками.

— Так, значит, делаем следующим образом, — подытожил Таеган. — Если у вас всё готово и дайна Онора может быстро закончить пентаграмму для снятия проклятия, можно провести ритуал уже завтра, но перед тем уже сегодня поговорить с дином Лугусом, сможет ли он забрать дайну Эннис сразу после ритуала домой. Значит, когда он сегодня вечером приедет, мы беседуем с ним о завтрашнем вечере.

Дайны переглянулись. Неплохой план!

— Помнится, мы вообще хотели усыпить дайну Эннис с помощью травного отвара и положить её в пентаграмму крепко спящей, чтобы дин Лугус смог потом забрать её без

всяких... трудностей, — смеясь, напомнила Оноре Аня. — Но твоё предложение, Таеган, звучит более... солидно. Тем более... Дин Лугус в какой-то степени довольно романтичен, и ему, возможно, это предложение даже понравится. Особенно если вспомнить, что он прекрасно знает характер своей избранницы. Не так ли, Онора?

— Так, — уверила девушка, в мечтательных глазах которой Аня уловила великое облегчение: быстро убрать из дома дайну Эннис — это счастье! Можно снова будет посвящать свободное время Никасу!

И вообще, Онора буквально просветлела лицом, как только Таеган предположил, что можно провести ритуал гораздо раньше намеченного и таким образом пораньше избавиться от дайны Эннис. Она даже не стала далее разговаривать с парочкой и упорхнула (наконец-то она стала легче даже в движениях!) к Лиссе, чтобы снова — о чудо! — побегать с ней и с собаками.

Глядя на них и улыбаясь, Таеган, негромко сказал:

— Мне кажется, ты не всё рассказала. Что с этой девочкой? Почему я вижу на ней знак присвоения этим домом?

— С Лиссой тоже целая история, — вздохнула Аня и вкратце объяснила не только появление в доме собак, но и пока слабый магический знак дома в пространстве Лиссы. И под конец тревожно посмотрела на Таегана, нерешительно спросила: — Ты считаешь... Я неправильно сделала?

— Если нам придётся переезжать в другой дом, думаю, ты возьмёшь её с собой? — тоже как-то неуверенно спросил Таеган.

Аня помолчала, всматриваясь в его задумчивые глаза.

— А ты был бы против?

— Нет, конечно. Я уже привык к этой малышке. Ещё с лета, — усмехнулся он.

Аня прикусила губу, вперив взгляд уже в стол, но не замечая его.

— Таеган, — решила она. — Мне кажется, нам надо серьёзно поговорить.

— Начинай, — предложил он.

— Тебе очень сильно хочется переехать из этого дома в собственный?

— Очень сильно — это не про моё желание, — покачал головой тот. — Было бы лучше, если бы мы... — он скептически, видимо — по отношению к самому себе и своим желаниям, скривил губы. — Если бы мы остались здесь жить. Не потому что денег не хватает на новый дом. А потому, что мне это нравится — жить такой семьёй, знать, что у меня есть младшие братья и сестра. Но ведь всё зависит только от тебя.

— Если это так, то, Таеган, я бы хотела жить в этом доме, — спокойно сказала Аня и встала из-за стола. — Извини, мне надо проводить дайну Сарейд. Я быстро. Скоро вернусь, а ты пей чай — в заварнике его ещё очень много. А если что — попроси Онору. Она принесёт горячего чаю.

И она вышла, проводила учительницу Кристал и вернулась в столовую залу уже с Кристал. Девочка при виде Таегана ахнула от радости и кинулась к нему, тоже вставшему из-за стола, чтобы встретить её. Шагая следом за Кристал, Аня насмешливо покачала головой: сколько Кристал ни учи светским манерам, дома она наотрез отказывается подчиняться им. Хотя... Таегану это очень нравится — когда его встречают так, словно он и сам старший брат в этой семье.

Наскоро попив чаю и быстро протараторив историю о том, как у неё открылась способность к магии образов, Кристал побежала к Оноре и Лиссе — играть вместе с ними.

Когда они снова оказались вдвоём за столом, Аня сказала:

— Таеган, ты знал, что есть такой закон: родственники умершего мужа, в основном его дети, могут оспорить наследство вдовы?

— Знаю. Среди наших родственников был такой случай. Правда, именно на практике я знаю ещё и то, что на это у них есть срок — один год. Если в течение года никто не будет претендовать на наследство, оно полностью переходит к вдове.

— Странно. Никас мне об этом не говорил, — растерялась Аня, но тут же сообразила: брат ведь тоже чисто практически знает многое из судебных дел, будучи всего лишь переписчиком. Так что он мог знать о самом законе, но не о его частностях. А если так, то ни Онора, ни дайна Эннис претендовать на дом уже не могут: с момента смерти дина Хармона прошло гораздо больше года. Глупо, но ощутила облегчение. Правда, про себя решила: «Оноре не скажу. Всё равно не претендует, а знать, что есть возможность — это для неё как поток воздуха».

— Ты теперь полноценная хозяйка этого дома, — сказал Таеган. — А потому тебе решать, стоит ли переезжать в другой дом, чтобы жить отдельной семьёй.

— Но и ты мой муж, — возразила Аня, немного испуганная, что приходится решать за двоих. — Как я могу думать без тебя? То есть... А ты точно хочешь здесь остаться?

— Тебе нужно моё твёрдое слово? — спросил Таеган и улыбнулся. — Вот оно: я хочу остаться в этом доме, полном людей, которые мне нравятся и которым нравлюсь я.

Она вспомнила, в какой семье он жил до недавних пор, и засмеялась.

— Мы остаёмся здесь! Таеган, как я рада, что тебе нравится этот дом!

Они посидели, придвинув стулья ближе друг к другу и наблюдая, как бегают Онора, Кристал и Лисса по просторной зале, после чего Аня вспомнила:

— Ой, мы ещё не всё тебе рассказали! Мы ремонтируем дом, а после ремонта твой дядя обещал нам устроить небольшой бал — с настоящими танцами!

— Мой дядя? А как он узнал?..

— Наши ворота не только тебя пропускают без звука, — усмехнулась Аня. — Он появился в нашей гостиной, когда мы заканчивали укреплять окна — замазывали трещины под ними. Он даже с нами немного поработал!

— Надо же! — восхитился Таеган и тут же загорелся: — Я тоже хочу принять участие в ремонте дома! Вы сделали всё — или что-то осталось, что и я могу сделать?

— Разве что на пару с Никасом! — засмеялась его энтузиазму Аня.

— И что это?

— Наша с тобой любимая тайная дверца в сад и к озеру совсем хлипкая. Надо бы тоже укрепить её.

— А пойдём — посмотрим, что можно сделать! — загорелся Таеган.

— Прямо сейчас?!

— Конечно! Когда ж ещё? Если вы рассчитываете на бал!..

И они пошли смотреть на дверь и на плохо утеплённый коридор, ведущий к ней. А по дороге к ним присоединилась вся девичья компания вместе с собаками. Потайную дверцу рассматривали дотошно, обсуждая, что именно можно сделать: заменить её или «обшить» тонкими досками — последнее предложила Аня, и всем очень понравилась эта идея. Может, это и глупо, но вся оживлённая и болтливая компания немедленно отправилась на конюшню, где Таеган поздоровался со Смородинкой, которая его вмиг узнала и тут же потянулась к нему, за прихваченной им со стола булочкой. А Лисса так обрадовалась, что

можно покормить ещё и лошадку, что вынула из кармана печеньку.

Из-за этого жеста малышки Аня спохватилась, что выбежали в конюшню не одетыми, пусть конюшня и защищена от студёного ноябрьского ветра. И погнала всех домой, в тепло. А потом младшие дайны, хихикая от возбуждения, умчались в гостиную. И Аня, пока шли к крыльцу, сама не выдержав, быстренько показала мужу замазанные раствором трещины под окнами и так же быстро рассказала о найденном подарке дина Хармона его младшей сестре на свадьбу.

— Таеган, Никас сказал, что магическая вещь, предназначенная для другого мага, может притягивать его, как притягивал подарок дайну Эннис в этот дом. Это правда?

— Да, правда. Значит, вот почему дайна Эннис постоянно рвалась сюда, сама о том не догадываясь... — задумчиво проговорил Таеган, качая головой. — И когда ты собираешься отдать ей подарок брата? На свадьбу же? Но ведь вряд ли тебя на неё пригласят... Тем более, как ты говоришь — характер у неё тот ещё...

— Я хочу отдать ей эти вещи в день отъезда из нашего дома, — объяснила Аня. — Чтобы она больше не думала к нам... (она хотела сказать — соваться, но удержалась от грубости) приходите, — выкрутилась она.

— Неплохо, — ободрил Таеган. — Ты проведёшь меня к ней поздороваться? С определённой целью — чтобы она знала, что я дома.

— Не хочу, — насупилась Аня, и они наконец вошли в гостиную. — Ты только что приехал, и я уже сейчас должна делить наше время с этой... дайной? Мне хочется побыть с тобой дольше, пока ты первые часы в доме. Кстати, — спохватилась она. — Ты, наверное, после дороги хочешь отдохнуть?

— Совсем нет. События, которыми меня встретили и ты, и дом, словно поднимают на какую-то странную высоту. Хочется что-то делать и быть полезным! — засмеялся он.

— А как же твой... коллега? — встревожилась Аня. — Когда он должен приехать для сеанса магии образов?

— Сеанс необязательно проводить сразу сегодня, — утешил Таеган. — Он приедет вечером — по времени, ближе к тому часу, когда дома будут твои братья.

— И дин Лугус, — вздохнула Аня и внезапно вспомнила: — Таеган, у меня для тебя ещё одна... новость. Только я хочу о ней не рассказывать. Я хочу показать тебе её.

— Весело вы тут жили без меня, — чуть не рассмеялся Таеган. — Сколько же событий за всю неделю! Между прочим, за то, что мы быстро справились с заданием на границе, нам выдали премию — и уже завтра-послезавтра мы с Никасом можем купить новую лошадь. Ты рада?

— Э... ой... Боюсь, я испорчу тебе твою задумку. С лошадью придётся выждать некоторое время, — виновато посмотрела на него Аня. — Когда мы ехали от дома, который снимали дин Лугус и дайна Эннис, дорога там была ужасной. Наше ландо, увы, этой дороги не выдержало. Нет, денег и на новое ландо, и на лошадь хватит. Но после этой покупки нам придётся ужаться в покупках.

И тут же подумала: «Ха, а почему — ужаться? Появились деньги за кукол. У Оноры есть деньги за проведённый с той парочкой, точнее — с тем молодым лавочником ритуал. Она не откажет в деньгах для своего жениха, которому надо ездить на работу. Плюс будущие деньги за того офицера, которого привёз Таеган! Нет, ужиматься не придётся. А там — посмотрим...» И добавила, глядя на слегка разочарованного мужа:

— Думаю, я зря так сказала. Попробуйте с Никасом съездить на рынок в выходные. Но!

Одно условие! Когда поедете на рынок, возьмёте с собой одного из конюхов из конюшен твоего дяди. Без него я вас на рынок не пушу!

Таеган оглянулся на разыгравшихся девочек, бегающих по всей гостиной, и поцеловал жену, кивнул ей:

— На это условие я согласен. Думаю — и Никас тоже согласится. Да, Агни, так что ты хотела мне показать?

Она ввела его в кабинет, а потом они поднялись по узкой лестнице. Встав на пороге мансарды, Таеган ошеломлённо всмотрелся вдаль, до конечной стены анфилады.

— Поразительно! Почему мы никогда не думали, что у дома есть мансарда? — чуть не прошептал он, изумлённый.

— Напряги магическое зрение, — посоветовала Аня. — И тогда поймёшь — почему. Взгляни налево. Здесь мы нашли шторы и гардины. В следующей комнате — одежда. Справа — мебель. Так что ты приехал вовремя. Вам с Никасом придётся поработать, стаскивая вниз эту мебель — или пока хотя бы самое необходимое для гостиной, для столовой залы и в комнаты. Ведь многое из того, что есть на первом и втором этажах, давно скрипит от старости.

Она опять промолчала — о потайном кабинете дина Хармона. Из любопытства — увидит ли он помещение, будучи уже предупреждённым о магической защите мансарды.

Увидел. Постоял на пороге, приглядываясь к рядам стеллажей, к столу.

— Именно здесь я нашла подарок дина Хармона для дайны Эннис, — негромко сказала Аня. — А ещё раньше я нашла припрятанную здесь призрачную душу той девочки — Конгали, дочери дина Валентайна. Помнишь эту девочку? А ещё я нашла дневник, в котором дин Хармон записал, как снять с человека самое страшное проклятие — родовое. Так что эта мансарда словно лавка чудес, которые всё ещё скрыты от наших глаз.

— Мы ещё побродим по этой лавке, не так ли, Агни? — обернулся к ней Таеган.

Она прислонилась к нему, обняв его за плечо и вздыхая от слишком полного впечатления счастья...

... Вечером, перед тем как приехать братьям, как и обещал Таеган, приехал его коллега — совсем юный офицер. Насколько сумела определить его возраст удивлённая Аня, было ему где-то около двадцати, хотя по рассказу Таегана она думала, что приедет его ровесник. Но этому строгому высокому, темноволосому и весьма учтивому мальчику точно не дашь Таегановых тридцати. Таеган представил его присутствующим в доме дайнам и после предложенного Аней чаепития повёл дина Кивина осмотреть как дом снаружи, так и его окрестности, дожидаясь, когда приедут братья.

И всё бы ничего, но после этого в высшей степени светского знакомства (как выяснилось, дин Кивин происходит из родовитой семьи) Аня хоть и не сразу, но внезапно заметила, что Кристал почему-то притихла и то и дело пытается разглядеть... Нет, сначала Аня решила, что девочка просто снова и снова подходит к своим любимым шторам — полюбоваться на них поблизости. Пока не догадалась, что Кристал старается разглядеть Таегана и дина Кивина, которые прогуливались вокруг дома и даже успели сходить на берег озера... Более того — ахнула про себя Аня: когда это Кристал успела переодеться?! Избавившись от привычных домашних штанов и грубоватой блузки, в которой так удобно заниматься домашними делами, девочка оказалась в любимом нарядном платье, которое хранила и до сих пор берегла для мероприятий, связанных с «выходом в свет»... Более того, когда мужчины вернулись, всё ещё разговаривая и, кажется, всё так же светски делаясь

впечатлениями о погоде, мальчик этот ещё с порога по-охотничьи стремительно обшарил глазами гостиную и, по ощущениям, расслабился, остановив взгляд на Кристал, которая немедленно опустила глаза и... покраснела от явного удовольствия... Мда, юный дин Кивин времени зря не терял.

«Ой... — мысленно сказала Аня. — Ой... Не рано ли ей? Или я... Ой...»

Ещё полчаса — и Кристал повела дина Кивина на экскурсию по гостиной, вдоль окон, рассказывая, как вешали эти прекрасные шторы, а ещё о том, что братья-двойняшки успели сделать несколько живописных портретных набросков дайн этого дома на фоне тех же штор. И она готова показать их дину Кивину, если тот будет заинтересован полюбоваться этими рисунками. Насколько слышала насторожившаяся Аня, дин Кивин ответил, что он и сам увлекается живописью, так что ему и в самом деле любопытно будет взглянуть...

— Думаю, уже сегодня Кристал будет готова провести сеанс магии образов, — не совсем уверенно сказала Таегану Аня, несколько обалдевши и наблюдая за этой парочкой.

Муж, наверное, не понял, что же такого необыкновенного происходит на его глазах, и спокойно подтвердил, что дин Кивин будет весьма благодарен, если затягивать дело с сеансом магии образов не будут...

Потом приехали братья и дин Лугус, который как-то смешался при виде новых гостей в доме дайны Агни. Его познакомили с офицерами, после чего Таеган и Никас с Аней увели его в столовую залу чуть раньше ужина, чтобы поговорить о завтрашнем вечернем ритуале для дайны Эннис.

Уходя в столовую залу, Аня оглянулась: двойняшки несколько настороже общались с дином Кивином, который разговаривал с ними чуть свысока, держа руку Кристал зажатой своим локтем, словно забывшись после проведённой ею экскурсии, причём Кристал не возражала, сияя и в то же время... чуть растерянная.

А когда Аня перешагнула порог столовой залы, ей почудилось: не этот ли именно жест и заставил Кегана и Греди немного напряжённо беседовать со странным для них гостем? Судя по всему, братья уловили, что сестрёнка... неровно дышит к юному дину Кивину? «Или я всё придумала, — решила совершенно выбитая из колеи Аня. — Но с Таеганом я поговорю! Если он здесь, пусть и он принимает участие во всех делах семьи! А то — ишь! Привёз гостя... на нашу голову, а девочке ведь только-только шестнадцать стукнуло...»

Думали: узнав о возможно завтрашнем ритуале, дин Лугус начнёт мямлить, отбрыкиваться от него. Найдёт аргументы, вроде того что дайна Эннис пока слишком слаба для такого сложного магического действия, как снятие проклятия. Что его родители могут пойти на попятную и отказаться принять парочку в их доме, воочию рассмотрев его драгоценную невесту и ужаснувшись её виду.

И Аня поняла бы потенциальные отговорки потенциально перепугавшегося дина Лугуса. Если учесть одну из главных особенностей характера дайны Эннис — её взрывную раздражительность, можно легко предположить, во что эта особенность перешла, когда она узнала о проклятии, переходящем от одного члена семьи к другому. Дин Лугус мучился с ней почти год, лишь раз освободившись от неё на некоторое время, когда дайна Эннис в порыве уничтожения закрылась в своём доме ото всех и велела бывшим тогда ещё у неё слугам не впускать в дом жениха, до сих пор влюблённого в неё. А уж что было с ним, бедолагой, когда дайна Эннис начала стремительный и необратимый процесс старения! Страшно представить!

Вспомнив, какой внешне в последний раз оказалась дайна Эннис, исступленно трясущая ворота, Аня содрогнулась. А ведь она тогда ещё на неё накричала. Нет, понятно, что ей, Ане, было тогда не до разбирательств со всякими психованными дайнами и с тем, что с ними происходило. Да и сама дайна Эннис промолчала о главном...

Так что сейчас, усаживаясь за «стол переговоров», Аня пожалела дина Лугуса и уже сама была готова идти на уступки, оставив дайну Эннис в своём доме на какой-то срок, если он вдруг пустит слезу и взмолится об отсрочке.

Дин Лугус удивил. Узнав, что есть возможность пораньше провести ритуал снятия проклятия, да ещё при участии магов образов силы, он чуть не подпрыгнул на стуле от откровенной радости. Он даже чуть не хлопнул в ладоши, едва сумев остановиться на движении и не соединив ладони со звонким шлепком!..

Даже Таеган, почти не знавший его, изумился его, дина Лугуса, какой-то детской непосредственности, всматриваясь в него с недоверчивой снисходительностью.

— Это же просто превосходно! — восклицал дин Лугус, явно с трудом удерживаясь, чтобы не вскочить и не пуститься по столовой зале чуть ли не в пляс. — Это просто превосходно, что я уже завтра, до обеда, смогу забрать в дом родителей мою дорогую невесту!

Таеган и Аня переглянулись.

Если муж об этой парочке мало что знал, кроме главного для себя, чтобы считать дайну Эннис...э-э... мегерой, то Аня... Аня внезапно вспомнила, как волновалась (да что там — волновалась! Будем конкретны — психовала изо всех сил!), когда Партхланы забирали свою «любимую дочурку» из её дома. Они — родители. Но каждый час без Лиссы давался Ане с огромным напряжением. И лишь при виде малышки, спрыгивающей с верхней ступеньки откидывающейся лестнички кареты, доставившей Лиссу в её, если строго судить, настоящий дом, сердце Ани успокаивалось.

Так и дин Лугус? Привыкший ухаживать за дайной Эннис, он просто-напросто боялся оставлять её надолго без своего внимания?

Пока она размышляла, дин Лугус разливался соловьём, рассказывая, какие апартаменты — скромные по размерам, но комфортные и уютные, по его словам, — ждут его обожаемую

невесту. Аня же смотрела на него, кивая: «Да-да, всё это просто замечательно!» А сама снова вспоминала, как он преданно ухаживал за дайной Эннис, вплоть до того что сам помогал ей в санитарно-гигиенических делах, что далеко не каждый мужчина сумеет вынести. А ведь процесс проклятия в его «обожаемой невесте» уже дошёл до степени, когда дайна Эннис не могла обиходить себя, а он поддерживал, любил её, несмотря ни на что. Потому и постепенно стал сиделкой при дайне Эннис... И лишь раз пришёл в отчаяние. Когда невеста больше уже не могла ни говорить, ни открыть глаз, ни пошевелиться... Неужели бывает такая любовь на белом свете? Неужели можно так влюбиться в человека, чтобы видеть в его жутких поступках нечто более мягкое, чем видят остальные? И оправдывать дикие выходки, находя довольно убедительные аргументы, которые заставляют даже других, более реалистов по жизни, видеть данную личность в совершенно ином свете?..

— Что ж, — сказала Аня, — подытожим? Вы приезжаете завтра утром, как ездили к нам всю эту неделю, завтракаете вместе со всеми, а затем сидите в гостиной, дожидаясь окончания ритуала? Или предпочитаете приехать ближе к обеду? К концу ритуала?

— Нет-нет! — заторопился дин Лугус. — Конечно, я приеду с утра и останусь с нетерпением дожидаться, когда смогу прижать к своему сердцу бедняжку Эннис! Мою великолепную Эннис! А сейчас... — Дин Лугус вдруг насупился, будто вспомнив что-то важное, а потом опять радостно разулыбался. — Сегодня я должен буду принести вам свои искренние извинения, дайна Агни, но оставаться на ужин у вас, к сожалению, не могу — и не уговаривайте! Мне необходимо немедленно вернуться в дом моих родителей и приготовить всё, что нужно, для встречи моей драгоценной дайны Эннис! Дайна Агни, вы не представляете, настолько горяча моя благодарность вам за участие и за бескорыстную помощь в спасении моей невесты!

«Вообще-то, помощь моя отнюдь не бескорыстна», — думала Аня, провожая восторженного дина Лугуса, который только не приплясывал от радости, на крыльцо.

А потом она прижималась к плечу Таегана, глядя на опустевшую площадку перед домом — на пейзаж из серебристо-чёрных деревьев и кустов под голубым светом не совсем ещё полной луны. «Небескорыстна, ведь я избавлюсь от головной боли в лице дайны Эннис и перестану думать о тех её жутких воплях, которые слышала в последнюю встречу с ней у ворот. И больше не буду тревожиться, что она может наслать на нас проклятие. Ведь как ни крути, а её крик, что все в этом доме умрут, меня страшил все эти месяцы... Я же не знала тогда, что эти вопли — пустышка, потому что уже тогда она была совсем бессильна. И от этого незнания сердце точило... Так что это я благодарна вам, дин Лугус, что вы вовремя пришли ко мне и спасли не только свою невесту, но и нашу Онору, а с ней и Никаса... Да и вообще...»

Закрылась входная дверь... В лицо пахло теплом гостиной и запахом пока ещё не отвисевшихся штор, обдало уютной волной негромкого говора сидящих...

Аня ахнула и быстро развернулась к двери — тут же уткнувшись носом в грудь Таегана. Муж схватил её за плечи, обеспокоенный.

— Что? Что случилось?

Из-за странно глупой ситуации: «Ну ты и деловая!» спохватившаяся Аня даже рассмеялась смущённо.

— Ох, Таеган! Он приедет завтра, в выходной! А в понедельник-то не приедет! А я рассчитывала, что он отвезёт братьев на работу и на учёбу! А на обратном пути Никас мог бы тогда заехать на рынок — хотя бы посмотреть, какие можно будет купить ландо и

лошадь! А теперь...

Обнимая её, Таеган тоже рассмеялся:

— Хозяйственная ты моя! Ты не забыла, что у нас завтра занята лишь первая половина дня? А во вторую, сразу после ритуала, и, надеюсь, после обеда, мы с Никасом пешком отправимся к моему дяде — за советчиком для наших покупок на рынке, а также за каретой, чтобы поехать туда же! Есть и второй вариант: пока вы проводите ритуал, я сам схожу к дяде!

— О, как я выгодно вышла замуж! — сделала насмешливый вывод Аня — и Таеган уже не рассмеялся, а расхохотался.

Успокоившись, они подошли к дивану, на котором сидела дин Кивин и Кристал с братьями-двойняшками. Кажется, дин Кивин перестал смотреть на братьев дайны Кристал с некоторым небрежением, после того как ознакомился с их рисунками. Когда Таеган и Аня подошли ближе, они услышали, как Кристал рассказывает дину Кивину о Конгали, одновременно показывая два портрета призрака девочки, на одном из которых изображён настоящий призрак, а на другом — спящая в магическом сне девочка. Заворожённый историей, дин Кивин начал смотреть на двойняшек уже с уважением.

— Познакомились ближе? — улыбнулся Таеган. — Это хорошо, потому как, дин Кивин, именно эти молодые люди и будут проводить с вами сеанс магии образов.

Двойняшки сразу выпрямили спины, чтобы выглядеть солидней, над чем Аня хмыкнула, зато Кристал гордо посмотрела на братьев.

— А где Лисса и Никас с Онорой? — спросила Аня. — Дин Кивин, приглашаем вас поужинать с нами.

Оказалось, Онора командовала на кухне и успела с помощью Бридин и Сайл не только накрыть на стол, но и перенести в столовую залу новый прибор для дина Кивина, сообразив, что вместо дина Лугуса на ужин остаётся коллега Таегана.

За столом, так получилось, молодёжь, только что сидевшая на диване, расположилась своим кружком по интересам, забрав к себе малышку Лиссу, в то время как остальные принялись не только за планирование завтрашнего утра, но и второй половины завтрашнего же дня. Стол не ломился от разнообразных блюд, но всё же был достаточным, чтобы накормить всех и основным блюдом, и десертами. Правда — улыбнулась Аня — выглядел он довольно богатым из-за сияния на нём нескольких канделябров. Если учесть, что за окнами, которые сегодня закрывали шторы, опустился поздний вечер, то свет в столовой зале был... почти роскошным.

— Завтра едем на рынок? — обрадовался Никас, услышав Таегана.

— Едем, — подтвердил Таеган и обратился к Ане: — Думаю, дина Кивина мы снова пригласим завтра? В городе ему неинтересно, как я понял (и кивнул на молодого офицера, увлечённо болтавшего с младшими представителями семьи), а у нас можно будет и погулять по озёрному берегу, и поговорить с теми, кто будет проводить с ним сеанс магии. Ты согласна?

— Согласна. Но мне нужно кое-что взамен от тебя, — усмехнулась Аня.

— Что именно?

Удивился не только Таеган. Даже Никас и Онора уставились на хозяйку дома, которая приняла загадочный вид. Но недолго. Пожала плечами и со вздохом сказала:

— Сегодня мне нужен охранник на то время, когда я поднимусь к дайне Эннис, чтобы сообщить ей о завтрашнем ритуале.

— Охранник? — поразился Никас.

— Ну, не совсем охранник, — вздохнула Аня. — Мне нужен за спиной человек, чтобы я не волновалась, уговаривая её, что ритуал не поспешен. Что его можно провести безо всяких последствий для её состояния. И что дину Лугусу позволено завтра же перевезти её в дом его родителей. Честно говоря, я немного побаиваюсь её реакции на эту новость. Поэтому и хочется войти к ней не одной.

— Я постараюсь защитить тебя! — шутливо откликнулся Таеган, и все четверо засмеялись его готовности помочь.

А через полчаса, после того как съеден был десерт и выпит любимый семейный чай на травах, почти все снова переместились в гостиную. Почти — это перешли туда только мужчины, а прекрасная половина устроила скоростную уборку со столов, мытьё посуды и высушивание её. Помогала даже Лисса, в сопровождении собак бегая с тарелками из столовой залы наперегонки с Кристал, чем страшно пугала Аню, как бы малышка не споткнулась.

А когда освободившиеся дайны вышли в гостиную, где на столах стояли свечи, давая тепло вдобавок к печной системе, когда Онора, оглянувшись на Никаса, на минутку вошла в библиотеку, Аня заметила довольно привычную глазу картинку: разговаривая с вернувшейся Кристал, дин Кивин то и дело жадно вглядывался в полуоткрытую дверь библиотеки, восхищённо рассматривая высокие стеллажи с книгами. «Ещё один книгочей? — насмешливо подумала Аня. — Или ещё один вечный студент?.. — Вспомнив, по какой причине Таеган привёз к ней своего коллегу, она кивнула собственным мыслям. — Да, он похож на Онору. Есть желание совершенствоваться. Значит, в этом доме... — она поправилась: — В моём доме он придётся ко двору... Господи, я опять о своём! Хотя... подумать о будущем тоже неплохо, если оно такое... многообещающее».

— Агни, мы поднимемся к дайне Эннис сейчас? — подошёл Таеган.

— Нет. Сначала я принесу ей поужинать. Потом мы с тобой снова сбегает в конюшню, чтобы забрать оттуда один свёрток, и уже после этого поднимемся к ней.

И они выполнили то, что запланировали.

После ужина «больной» Аня сразу предупредила её:

— Дайна Эннис, я к вам вернусь через несколько минут поговорить.

— Это обязательно? — хмуро спросила та, отдёргнув руку, которую тянула за новым журналом, принесённым Аней.

— Да. Возникли некоторые обстоятельства, — несколько туманно выразилась Аня.

— Ладно, — пробурчала дайна Эннис.

Аня вышла, едва сдерживая хихиканье: ну и особа! Ведёт себя так, как будто не предупредили её, а умоляли о возможности снова посетить её!

А спускаясь по лестнице с подносом, подумала: «Надо же... Может, и необязательно было звать Таегана, чтобы он был в качестве моей поддержки? Дайна Эннис всё ещё злится, но я-то её уже не боюсь. Мне даже смешны её потуги злиться на меня. Да и разговоры с ней — чем дальше, тем... больше вызывают смех!»

Затем она переглянулась с Таеганом, а поскольку молодёжь была занята активным разговором, то, наверное, никто и не заметил, как они вышли на крыльцо. Впрочем — подумалось, если и заметили, то, вероятно, решили, что они захотели немного прогуляться вокруг дома.

В конюшне Аня показала, куда именно спрятала свёрток, предназначенный дином

Хармоном для сестры. Таеган взял его, и оба вернулись в домашнее тепло.

Здесь пришлось немного задержаться и не сразу подняться к даине Эннис.

Дин Кивин нехотя прощался с приветливыми и общительными хозяевами дома, в котором ему явно понравилось. Увы... Он заказал наёмную карету к определённом сроку, чтобы до ночи вернуться в гостиницу. И вот эта карета зазвенела у ворот.

Когда дина Кивина спросили, хочет ли он, чтобы кучер подогнал карету к крыльцу, молодой офицер отказался. И Ане пришлось довольно жёстко запретить всем желающим провожать его к воротам. Так что благодарная ей Кристал быстро оделась в тёплый плащ, обулась в нарядные, на выход в город ботиночки и, снова прихваченная дином Кивином под руку, в единственном числе побежала провожать своего нового знакомого и наверняка уже приятеля.

Когда двойняшки поняли, в чём дело, они немного пофыркали, но смеяться над сестрой не стали и занялись обсуждением того, как провести завтрашний сеанс с дином Кивином. Тема оказалась любопытной, и к ним присоединились Никас с Онорой.

Так что Таеган и Аня спокойно поднялись на второй этаж, но не в свои апартаменты, а к даине Эннис. Первой к ней вошла Аня.

— Дайна Эннис, вернулся мой муж — дин Таеган. Он хочет присутствовать при том сообщении, которое я намереваюсь вам рассказать! — в один дух выпалила Аня, удивляясь собственной велеречивости. «С перепугу, наверное», — мысленно решила она.

Поскольку ответа от растерянной дайны Эннис она не ждала (не могла же «больная» хозяйке дома что-то запретить!), то тут же повернулась к двери и открыла её.

— Добрый вечер, — учтиво поздоровался с дайной Эннис Таеган, державший в руках две коробки, и отошёл чуть в сторону.

Дайна только и успела, что поднять ворот платья, чтобы скрыть морщинистую шею (хм, кокетка — оценила её порыв Аня), да бросить колючий взгляд на Аню. Хозяйка же дома, не обращая внимания на недовольство своей невольной гостьи, поставила стул рядом с её кроватью и села.

— Дайна Эннис, как мы уже говорили, мы нашли тот ритуал, с помощью которого дин Хармон старался снять с себя семейное проклятие. И у него получилось.

— Почему же он... умер? — подозрительно спросила дайна Эннис.

— Он не учёл одной особенности, а я только недавно узнала о ней. Итак, я пришла сообщить вам, что ритуал снятия вашего проклятия мы проведём уже завтра.

Наступила тишина.

По лицу дайны Эннис нельзя было понять, довольна ли она новостью, или вот-вот взорвётся злостью. Она смотрела на Аню, словно напрочь забыв о Таегане.

— И... что дальше? — наконец разомкнула она сухие губы.

— С утра здесь будет дин Лугус, — сказала Аня. — Сразу после ритуала он увезёт вас в дом своих родителей, где вы вскоре поженитесь и будете жить счастливо и так долго, насколько вам этого захочется.

Дайна Эннис неотрывно смотрела на Аню, и рот её постепенно изгибался в скептической ухмылке.

— Вы так надеетесь, что... — начала она и тут же оборвала предложение. Помолчала, не сводя глаз с Ани. Хмыкнула. — И с чего вы решили, что я всё ещё собираюсь выйти замуж за дина Лугуса? Может, он мне надоел? Может, выздоровев после ритуала, я собиралась уехать далеко? Подальше от этого города?

«Опа! — обрадовалась Аня. — Она уже молчит о доме!»

— Дайна Эннис, — помолчав и выждав, не скажет ли она ещё чего, проговорила Аня. — Я бы очень хотела, чтобы вы стали женой дина Лугуса. Он очень преданный вам человек. Он не бросил вас... в определённой ситуации. Он ухаживал за вами, когда вы совсем ослабели. Он потрясающий мужчина!

Теперь дайна Эннис так склонила голову, словно собиралась вычислить то потаённое, что возможно, скрывала хозяйка дома.

— Я не понимаю, — проскрипела она.

— А что тут понимать? — пожалала плечами Аня. — Дин Лугус так долго ждал вас, что его любовь видна всем, не только вам.

— Но почему вы настаиваете? — добивалась дайна Эннис. Она добавила в голос злости, начиная вопрос, но, метнув взгляд на Таегана, тут же приутишила её.

— Потому что мне очень хочется вручить вам подарок, который для вас оставил перед смертью дин Хармон, — спокойно ответила Аня. — Я нашла его совсем недавно, разбирая старые вещи в библиотеке (усмехнувшись: не совсем правда, но близко к ней). А дин Хармон определённо хотел, чтобы вашим мужем стал именно дин Лугус... Таеган?

Она встала со стула, но не убрала его. Подошёл Таеган и выложил на сиденье стула сначала большую коробку из свёртка, а затем поставил перед ней ту самую странную открытку с посвящением дина Хармона сестре.

Дайна Эннис, забывшись так, что ворот платья упал вперёд, обнажив её куриную шейку, осторожно взяла открытку и, открыв рот от изумления, прочитала надпись. Открытка выпала из её рук, а сама она бессильно откинулась на подушки, заплакав.

Взглядом Аня указала Таегану на дверь, и он поспешно вышел.

— Не плачьте, дайна Эннис, — присела на корточки она у изголовья «больной». — Ваш брат очень любил вас и знал, что подарить вам.

И она вскрыла большую коробку, а потом помогла дайне присесть, чтобы заглянуть в неё. Слезы высохли не сразу, «больной» пришлось промокнуть их поданной Аней салфеткой. Медные кувшинчики, миниатюрные серебряные чаши и другие махонькие посудины для магических опытов с травами привели дайну Эннис в восторг. Как и несколько спиртовок (мал, мала, меньше) для разогрева небольшого количества отваров. Затем Аня убрала первую коробку, оставив её неподалёку — так, чтобы дайна Эннис видела их. А потом хозяйка дома открыла вторую коробку, пусть меньше, но намного тяжелее первой, крупной.

При виде её содержимого дайна Эннис быстро взглянула на Аню. Облизала губы и учащённо задышала, не отводя взгляда уже от плотно сложенных старинных рукописных книг — раритетов даже в этом мире, уже знала Аня. Около десятка экземпляров. Каждая обернута в вощёную бумагу для сохранности.

— Вы... отдадите их мне... все?

— Все, — подтвердила Аня и, добавив шутливых интонаций, улыбнулась: — В нашей семье нет магов, использующих в своей практике травы. Разве что ваша племянница. Но и то — довольно редко. Да и её книги полны объяснениями, какие именно травы нужны в её умении проводить ритуалы со снятием проклятий. Так что ваши вещи и книги нам не нужны. Будем обращаться, если только понадобятся. И если вы по-родственному согласитесь отдать их на время, дайна Эннис.

— Смеётесь? — подозрительно скосилась на неё «больная».

— Почему бы и нет? — усмехнулась Аня. — Подумайте о близком будущем, дайна

Эннис. Вы скоро вернётесь в привычную вам форму симпатичной молодой женщины, которая, надеюсь, станет уважаемой дайной Лугус и у которой впереди прекрасное будущее. И вот тут подарок вашего брата будет весьма кстати, не правда ли?

— Дайна Лугус... — ворча, повторила та.

— Подарок-то от старшего брата предназначался именно ей, — снова пошутила Аня и тут же добавила: — Не беспокойтесь, дайна Эннис. Я не настаиваю. Это ваш выбор. Просто с моей точки зрения, дин Лугус подтвердил свою любовь, когда перестал вероломно подкрадываться к нам и напрямую объяснил, чего добивается, подсылая к нам странных типов, которые уговаривали меня отпустить с ними дайну Онору, чтобы она попыталась снять с вас проклятие на вашей территории.

Аня выдохнула, на одном дыхании произведя на свет столь громоздкую фразу.

— Он это сделал?! — оживилась дайна Эннис.

— Сделал, — кивнула Аня.

И, как ни странно, после этого сообщения «больная» успокоилась и даже снисходительно сказала:

— Хорошо. Я не буду возражать против завтрашнего ритуала. — И велела: — Оставьте книги здесь же. Мне хочется вспоминать о брате.

После такого странного заявления Ане оставалось лишь подняться с корточек и выйти из комнаты, опять посмеиваясь: раскомандовалась! Как будто её разрешения могли дожидаться. «Ладно, пусть тешится этой мыслью, — решила Аня, сбегая по лестнице в гостиную. — А я пока побуду с Таеганом!»

В гостиной было тихо: двойняшки увлечённо работали карандашами и красками, поглядывая на заснувшую Лиссу, под рукой которой дрых щенок; Кристал увлечённо вязала второй свитер — с забытой на губах улыбкой, время от времени поглядывая сразу в несколько открытых дамских журналов. Аня тихонько подошла сбоку и спрятала улыбку: судя по всему, Кристал искала, какой свитер подойдёт дину Кивину. Ничего себе, как быстро они сдружились...

Почувствовав на себе взгляд, оглянулась в поисках смотревшего и засияла: Таеган сидел возле Никаса и Оноры, что-то обсуждавших. Когда Аня «нашла» его, он немедленно встал и подошёл к ней, кивая на ходу:

— Что там?

— Кажется, я сумела защитить дина Лугуса от положения жениха, от которого может сбежать невеста, — фыркнула Аня и пересказала беседу в комнате дайны Эннис.

Они присели на один из диванов. Таеган внимательно выслушал её и покачал головой. Аня спросила:

— Что?

— Стоило вас оставить на неделю, как случилось столько событий... Я до сих пор удивляюсь этому.

— Ты удивляешься, — заметила Аня, — а я вот очень счастлива, что ты приехал. Ведь события наваливались постепенно, и я решала их постепенно же. Но только сейчас, оглядываясь на начало этой недели, я поражаюсь, какой насыщенной жизнью может быть для всех нас. Но как это замечательно, когда рядом есть человек, который может вместе со мной разделить все невзгоды!..

— Ну, не так уж много я тебе сегодня помог, — смущённо ответил Таеган.

— Мне порой не хватало одного твоего присутствия, — объяснила Аня и засмеялась. —

Интересно, кто теперь получит моё письмо, недавно отосланное тебе!

Как-то так получилось, что они оба оглянулись на младших и на Никаса с Онорой, а потом переглянулись меж собой.

— Завтра выходной, и Никас с братьями не едет в город, — прошептала Аня.

— Намёки я не разучился понимать. Да, они ещё долго будут сидеть здесь, — прошептал в ответ Таеган и посмотрел на лестницу. — Идём?

— Идём...

И они украдкой, словно школьники, сбегающие с уроков, приблизились к лестнице, чтобы мягким шагом вознестись по ней в свои апартаменты, а потом на цыпочках пройти по коридору и запереться в своих комнатах. А потом, словно и впрямь настоящие беглецы, какое-то время они стояли у двери, чутко прислушиваясь к ней. А потом два заговорщика снова переглянулись и засмеялись. И одежда полетела в стороны, и они, после долгой разлуки (целая неделя!) вкусно целуясь на ходу, медленно приблизились к кровати...

И в спешке небрежно закрытые шторы давали прореху, в которую заглядывала любопытная белая луна. И незажжённые свечи таились в темноте, скрывая личную тайну двоих... И в доме было тихо и спокойно...

Снятие проклятия прошло в каком-то деловом ключе. Место в центре пентаграммы, отвечающее за фазу полной луны, Онора осторожно очистила от ингредиентов. Поскольку пентаграмма была довольно огромной, то в этот центр, на две подушки, чтобы не застудить, и положили дайну Эннис.

Между главными лучами пентаграммы, чуть подальше от них, а не внутри, поставили стулья, куда и сели Никас с двойняшками и Аня с Кристал — все пятеро детей большой семьи. Аня ещё смущённо спрятала улыбку, вспомнив, что, вообще-то, вместе с нею в ритуале участвует ещё и шестой член семьи. Но промолчала, ведь ей и так с огромной неохотой разрешили участвовать в ритуале.

Особенно бушевал, когда они оставались наедине, Таеган.

— Зачем тебе это участие?! — ругался он, бережно обнимая её и время от времени отстраняя от себя, чтобы заглянуть в её глаза. — Зачем? Достаточно, что братья и сестра в нём заняты. Онора же сказала, что после твоего сеанса Никас стал сильнее во много раз!

— Я чувствую, что должна, — не менее решительно отвечала Аня. — Моё состояние удовлетворительно. Ритуал не скажется на нашем ребёнке.

— Но поясни мне всё же — почему?!

— Не знаю. Если вдуматься, я немного должна дайне Эннис, потому что с самого начала должна была поинтересоваться её болезненным желанием завладеть нашим домом. Мне надо было не огрызаться («Будем называть вещи своими именами!») — «Странные ты иногда говоришь фразы, — проворчал Таеган. — Не слишком ли много ты читаешь дамских журналов?»), а спросить напрямую, что стоит за этим её неистовым желанием попасть в наш дом. И я должна дайне Эннис ещё вот в чём: я вдова её брата, который открыл мою магию, который сумел её разработать.

— И что? Ему просто повезло!

— Нет, Таеган. Повезло тебе, что он помог мне. Не забыл? Не будь его помощи, я бы на всю жизнь осталась прозябать в трущобах, в наёмных домишках-развалюхах. А благодаря ему, мы с тобой встретились, я сумела помочь тебе. А ты — мне. Поэтому я должна участвовать в этом ритуале. В память о её брате, который разглядел во мне редкую среди других магию образов.

Продолжая ворчать, Таеган отступился. Он не стал настаивать, но промолчал, когда Аня принялась искать листы картона, чтобы порезать их на карточки, и свою коробку с цветными карандашами.

Дин Кивин тоже напросился на ритуал снятия проклятия, но, естественно, только в качестве зрителя. Аня правильно угадала в нём исследовательскую жилку и даже азарт, близкие к желанию совершенствоваться, а может, и прямо указывающие на это желание. Поскольку дайну Эннис никто ни о каком разрешении не спрашивал, то дина Кивина поместили в такое «зрительское место», что она его не увидела бы. Как не увидел бы молодого офицера и дин Лугус. Впрочем, последний и в самом деле оказался романтиком. Он отказался присутствовать на ритуале — к громаднейшему облегчению дайны Эннис, которая сначала заявила, что ей всё равно, но потом всё же сникла.

Причём, как потом выяснилось, — зрителем дин Кивин был только в начале ритуала. А затем стал почти полноценным участником его.

Что Аню поразило на ритуале, так это действие магии образов.

Она ничем не проявила себя, хотя все пятеро магов побаивались, как бы её воздействие не началось произвольно — чуть только они сядут вокруг пентаграммы. Ведь хотелось, чтобы магическое действие началось у всех пятерых одновременно, а ведь могло быть иначе... Но магическая способность братьев и сестёр словно специально выжидала последнего жеста Оноры, которая должна была положить последние ингредиенты — полудрагоценные камни — в пентаграмму, чтобы запустить её.

Когда маги образов сели на стулья, стараясь, чтобы это произошло чуть ли не в одну секунду, они встревоженно поглядывали друг на друга — точнее, на руки друг друга.

Но действие и впрямь началось, едва Онора выпрямилась с пустыми руками и чуть не шёпотом произнесла:

— У меня всё.

И вполголоса начала читать заклинания, соответствующие ритуалу снятия, переводя беспокойный взгляд с рук одного мага образов на руки другого. Когда первое заклинание было прочитано, маги задвигались.

И вот тут-то и Таеган, и дин Кивин были вынуждены принять участие в этом ритуале: пришлось обоим побегать вокруг пентаграммы, подавая работающим магам сиреневые карандаши: все забыли, что чёрные-то карандаши оказались у магов образов наготове, а сиреневый остался в стороне. Таеган шёпотом даже предложил включить в эту беготню дина Лугуса, в одиночестве сидевшего в гостиной. Но всё обошлось — в том смысле, что ритуал Онора приготовила мощный, настройка пентаграммы на дайну Эннис была сильнейшей, а вместо одного мага образов, над «больной» работали аж пятеро. И помощники сумели приноровиться к необходимости подавать магам образов карандаши нужного цвета.

Зрелище дайны, заключённой в пять сиреневых «стаканов», было потрясающим.

После первой попытки-сеанса Аня тщательно и вьедливо проверила использованные карточки всех пятерых магов. Отметив, что они все абсолютно пусты, ритуал повторили — и повторяли далее, до победного.

Спустя два часа счастливый дин Лугус чуть не уволок дайну Эннис к себе домой.

Несмотря на усталость, его даже проводили с крыльца, а вернувшись в гостиную — внезапно расхохотались, вспоминая, как потешно дин Лугус, несмотря на помогающих ему динов, тащил дайну Эннис, заранее слегка усыпленную-таки отваром «сонных» трав... Первой рассмеялась Аня: дин Лугус ярко напомнил ей Нейнси, которая утаскивает щенка в тёплый угол. Собаку, кстати, дин Лугус пока оставил в доме дайны Агни — к радости Лиссы. Ведь Нейнси всё ещё выкармливала щенка.

— А ты ещё хотел ехать на рынок сразу после ритуала. Смотри, как все устали, — напомнила Аня Таегану, когда все успокоились.

И была поражена, когда тот самодовольно усмехнулся и окликнул дина Кивина. Тут-то Аня и узнала, что, встретив утром коллегу, Таеган рассказал ему о проблеме с транспортом в доме. И тот, ничтоже сумняшеся, немедленно велел кучеру наёмной кареты приехать сюда же через определённое время, за что заранее и заплатил. Так что офицеры, прихватив Никаса, съездили в поместье дяди Таегана и, по рекомендации дина Вилея, взяли оттуда с собой на рынок самого умелого конюха. Вернулись к вечеру на двух средствах передвижения: в той же наёмной карете и в новёхоньком ландо, которое легко везла молодая вороная лошадка, принятая Смородинкой в конюшне весьма благосклонно.

Едва только получив приглашение вновь посетить гостеприимный дом назавтра, дин

Кивин поехал сразу же в гостиницу, по пути отвезя конюха дина Вилея домой.

Следующий магический ритуал состоялся вечером следующего же дня, и дин Кивин получил вожделенную силу, которую видел в Таегане.

А уже вечером третьего дня совместно с дином Кивином Таеган успешно расплёл заклинание дина Хармона, не пускавшее жильцов дома в мансарду и навевавшее забвение на тех, кто сумел-таки туда проникнуть. И вот тут Аня ещё больше обрадовалась ускоренному по времени ритуалу с дайной Эннис. Ведь во все остальные вечера (а Таеган ещё и днём, и утром!) все мужчины в доме с удовольствием приняли участие в перетаскивании мебели с мансарды и установку её по дому.

Мысленно Аня шутливо пожалела лишь об одном: клавесина в мансарде не нашли!

После отъезда дина Кивина в первый же день, после его работы грузчиком и поздно вечером, в гостиницу Аня с тревогой спросила у мужа, не слишком ли он загружает дина Кивина физическим трудом. Таеган с усмешкой объяснил ей, что физическая работа на границе включает в себя лишь переходы от одного объекта наблюдений к другому. Так что та силовая разминка, которую сейчас получают офицеры, — это замечательно!

— Не забудь, — добавил Таеган. — Ему очень нравится наша Кристал, и в основном дин Кивин всегда предпочитает работать с нею в паре, пусть она всего лишь протирает на мебели пыль.

От этого «наша» на сердце Ани потеплело, и она перестала настаивать, что нехорошо использовать гостя в физическом труде на благо чужому ему дому. Тем более она всё больше замечала, как двойняшки, поначалу сдержанно относившиеся к дину Кивину — в ответ на его снисходительный взгляд на них, постепенно тоже начинали видеть в нём близкого друга.

Как только покончили с мансардой и вещами в ней, занялись потайной дверцей в сад и на берег озера. Дин Вилей прислал своих плотников — помочь с основными работами. Те решительно отстранили динов, которые, будучи откровенными неумехами, лишь мешали работам. Но неожиданные замечания хозяйки дома плотники выслушивали с неизменным уважением, хотя сначала были несколько ошарашены её практической осведомлённостью в ремонте жилых помещений.

Наутро, после работы своих плотников, заявился в дом Ани и дин Вилей. Он тщательно осмотрел всё, что необходимо было отремонтировать и что отремонтировали, а затем торжественно напомнил, что обещал устроить небольшой бал. Что и сделал через день — в воскресенье. Бал был грандиозный — с точки зрения не только дайн дома, но и с точки зрения гостей, которых разрешил пригласить дин Вилей.

Небольшой оркестрик играл в гостиной, стол накрыли в столовой зале.

И как же радовалась Аня, что в начале недели успела свозить всех дайн своего дома в любимый пассаж! Денег на красивые платья не хватило, но купили нужные ткани. Дома Онора своей твёрдой рукой раскроила их уже по привычным бумажным выкройкам. Пока мужчины собирали мебель, вынесенную из мансарды, Аня уселась за свой любимый «зингер» и успела-таки сшить праздничные платья по моделям, выбранным младшими дайнами из дамских журналов.

И сейчас, глядя на блестящую не только из-за свечей, но и нарядных платьев и костюмов гостиную, она чувствовала необыкновенное счастье.

Танцы превзошли все её предвкушения!

Приехало семейство дайны Мадэйлеин. Прибыли дин Валентайн с Конгали. Приехали даже приглашённая дайна Сарейд, которая просто ахнула, увидев свою ученицу Кристал: так

сияла сила вокруг девочки после двух проведённых ритуалов!..

Бал оказался почти настоящим!

Ане довелось увидеть, как старательно танцует бережно придерживаемая руками дина Кивина Кристал, которая всю неделю истово изучала танцевальные па с помощью Оноры. Как Греди чуть не бежит пригласить на танец смутившуюся Конгали. Как Кеган пожимает плечами и подходит к старшей девочке дайны Мадэйлеин, благо она ростом оказалась достаточно высока для него. Как, забывшись и склонившись только друг к другу, медленно, чуть подальше от остальных, танцуют Никас и Онора, а дин Вилей весело смеётся, потому что за руки его решительно тянут танцевать Лисса и её младшая кузина. Как мягко танцуют дайна Мадэйлеин и её муж, с улыбкой глядясь друг в друга... И всё это Аня видит, ведомая Таеганом, который склонился к ней так низко, что она чувствует его дыхание над головой.

А потом оркестрик грянул что-то задорное, похожее на мазурку, и Лисса первой закричала — а следом и её кузины:

— «Ручеёк»! Играем в «ручеёк»!

И сами побежали расставлять пары, чтобы все присутствующие приняли участие в этой азартной игре. И даже Никас с Онорой не пожалели, что для такой игры пришлось разомкнуть руки и временно разделиться. И даже высоченный Таеган удивлённо, но с интересом принялся играть в этот смешной «ручеёк»! Что уж говорить о его дяде! И даже музыканты оркестрика так вдохновились этой игрой, что исполняли «мазурку» так долго, как могли!..

А когда бал закончился, когда родители начали разбирать детей не только уставших, но засыпающих на ходу от программы, очень тщательно продуманной Аней, она вдруг чуть не расхохоталась: «А ведь аниматор из меня получился бы неплохой!»

Но, помогая одеться старшей кузине Лиссы, засыпающей на подставленном стуле, она видела ласковую улыбку Кегана, который терпеливо держал пальтишко своей недавней пары, ожидая, когда его возьмёт старшая сестра. А когда дайна Мадэйлеин одела свою младшую и обернулась к хозяйке дома, та кивнула и за руку повела старшую на крыльцо, пока муж дайны Мадэйлеин на руках выносил туда же спящую младшую.

Дин Вилей собрал музыкантов оркестрика во вторую карету и отправил их в город, в то время как сам сел в личную, но долго не мог отъехать, изливая свои восторги хозяевам дома...

Дин Валентайн вежливо пригласил дайну Сарейд в свою карету, чтобы подвезти её по дороге. И Конгали выглядывала из каретного окошка, всё ещё никак не в силах закончить разговор с Греди.

Никас с Онорой, попрощавшись с гостями ещё в гостиной, сразу принялись за уборку в столовой зале, пока, забывшись, Кристал сидела на дальнем диване с дином Кивиним, делясь с ним впечатлениями о бале и гостях...

И не хотел уезжать дин Кивин, хоть и видел, что это невежливо по отношению к гостеприимным, но уставшим хозяевам дома...

... А потом офицеры уехали. И к дому Ани зачастил почтальон. Не потому, что Таеган принялся писать письма. Он-то не писал, зная, что вскоре вернётся. А потому, что письма сплошной рекой полились от дина Кивина — для дайны Кристал, которая поразила его воображение своей практичностью и мечтательностью. Нет, дин Кивин теперь точно знал, куда ему захочется поехать в свои выходные дни, но сдержать своих чувств не мог.

Кристал читала его письма, открыв рот: себя она такой не видела. Но с первыми же письмами напугалась так, что окунулась с головой в изучение светского этикета, к которому до сих пор относилась с пренебрежением. Ведь образ, созданный воображением дина Кивина, мало совпадал с тем, который видела Кристал в самой себе.

... Аня тяжело спустилась по лестнице с крыльца.

Май. Всё вокруг зеленело чуть ли не агрессивной зеленью, ведь недавно прошёл довольно сильный ливень, и сейчас едва вылупившиеся из почек листья сверкали под ярким солнцем драгоценными камнями, порой даже слепя глаза.

Она медленно обошла угол дома. Могла ходить и быстро, несмотря на сроки. Но ей нравилось чувствовать себя тяжёлой и в то же время плавной.

Дорожки уже высохли, и по ним идти было легко.

Она свернула за дом. Сегодня не хотелось идти в сад потайной дверцей из дома.

Кристал занималась с дайной Сарейд, которая теперь приходила во второй половине дня, потому что девочка с поздней осени начала заниматься в общеобразовательной школе с дальним прицелом поступления в магическую академию.

Онора привычно заседала в библиотеке, пополненной магическими книгами из потайного кабинета дина Хармона.

Поэтому сейчас есть свободное время, чтобы дойти до маленького уголка в саду.

Дошла. Розы Агни здесь растут в искусственной руине словно бы разрушенного забора. Сейчас пока это только светло-коричневые плети, но на них, будто любопытные глазки, уже открываются почки. Ещё в апреле Аня здесь сумела прибраться, выдрав все старые и засохшие сорняки, а также избавившись от сухих розовых плетей. Здесь чисто и тихо, не считая птичьего звона из сада... Аня присмотрелась: скамья на двоих тоже успела высохнуть, но садиться на неё не хотелось просто так. Ничего. Подушка-то с собой. И подушка (не простая — плоская, одна из тех, что нашили для Лиссы) легла на скамью, после чего на неё присела и Аня. И замерла, впитывая свежий весенний воздух, насыщенный терпкими запахами пробуждающихся листьев и влажной после ливня земли.

— Вот так, Агни... — тихонько сказала она. — Я всё со своим... Трудным и не всегда понимаемым... Кто же знал, что может так случиться... Мне было страшно, но твои братья и сестра здорово помогли мне освоиться в этом мире. И даже маленькая Лисса помогала, за что тебе большое спасибо.

Она замолчала. В последнее время, как только немного потеплело, она часто приходила сюда, к любимым розам Агни, и почему-то именно здесь ей казалось, что она разговаривает с душой Агни.

— К дайне Эннис Никас с двойняшками больше не ездит. Мы вернули ей её силу, хотя иногда мне кажется, что... зря. — Она пожала плечами. — Но что сделано — того не воротить. Пусть... живёт. Дин Лугус говорит, что они с женой хотят переехать в другой город. Не знаю, чья это идея. Думаю, что дайны Эннис. Она уже не злится на нас, но всё же... спокойней как-то, когда думаешь, что её не будет в городе... Помнишь, я говорила, что Лисса скоро пойдёт в школу? Оказывается, наврала я тебе. Первый год обучения будет с приходившей учительницей. Эту учительницу нам порекомендовала дайна Мадэйлеин, потому что та обучала её девочек. Партхланы с прошлого года пару раз появлялись в городе, но даже не просились заехать посмотреть на Лиссу. Впрочем, об этом я тебе уже рассказывала.

Посидев немного, она протянула руку, чтобы дотронуться до ближайшей розовой веточки и ласково скользнуть по ней пальцами, будто глядя...

— Греди и Кеган из-за своих способностей переведены в середине учебного года из магической школы в магическую академию. С ними теперь тоже занимаются отдельные учителя, но уже в самой академии, домой не приходят... Скоро в очередной отпуск придет Таеган, привезёт с собой дина Кивина, которому очень нравится твоя младшая сестра... Мы все ждём лета, когда снова сможем бегать на берег нашего озера...

— Агни! — зазвенел голосишко Лиссы, и эхом взвился тоненький лай подростшего Бимки (Аня подсказала, как назвать щенка). — Ты где, Агни! Я тебя потеряла-а! А время — уже! Пора провожать дайну Сарейд!

Вопить в ответ Аня не стала. Неудержимо улыбаясь, она встала со скамьи и быстро оглянулась на розовые плети.

— Я ещё приду сюда, Агни.

Конец истории.

Больше книг на сайте - Knigoed.net